

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 4

Грамматические процессы и системы в синхронии

Памяти Андрея Анатольевича Зализняка

МОСКВА

2019

Издание основано в 2013 г.
Издание выпуска осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований грант № 19–012–20004

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы выпуска

Г. И. Кустова, доктор филол. наук (Москва, Россия);

А. А. Пичхадзе, член-корреспондент РАН (Москва, Россия)

Редакционный совет

А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

Яннис Какридис, Dr. habil., профессор (Берн, Швейцария),

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, доктор филол. наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь

Канд. филол. наук А. Е. Сомова

Редколлегия благодарит Уолкера Томпсона (Walker Riggs Thompson)
и Ричарда Дина (Richard Andrew William Dean) за помощь в подготовке издания.

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 4

Grammatical processes and systems in synchrony
In Memoriam of Andrey Anatolyevich Zaliznyak

MOSCOW
2019

The Journal was founded in 2013
The Issue is published with financial support of the Russian Foundation for Basic Research
Project N 19-012-20004

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Editors of the Issue

Galina I. Kustova, D.Sc. (Moscow, Russia);
Anna A. Pichkhadze, D.Sc., Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia).

Editorial board

Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Yury D. Apresyan, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph.D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Yannis Kakridis, D. Sc., Professor (Bern, Switzerland);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D.Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph.D, Professor em. (Calgary, Canada);
Tore Nasset, D.Sc., Professor, (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph.D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph.D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary

Alexandra E. Somova

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-76037.

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Я. Э. Ахапкина (Москва)	
Эрратологическая разметка Корпуса русских учебных текстов: тактические решения	9
М. Д. Воейкова (Санкт-Петербург)	
К вопросу о маркированности русских видовых форм в сослагательном наклонении.	21
О. И. Глазунова (Санкт-Петербург)	
Алгоритмические модели как принцип описания языка и построения речи	38
П. В. Гращенков (Москва)	
Прилагательные в русской именной предикации	51
М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург)	
Распад подчинения и лексикализация предикативной структуры	66
Анна А. Зализняк (Москва)	
Загадка полисемии слова КРОМЕ	77
О. Ю. Инькова (Женева, Швейцария)	
Система связующих средств русского языка: состав и методы описания	89
И. Б. Иткин (Москва)	
Новатор Жуковский и архаист Пушкин (два этюда из истории русского поэтического языка)	102
В. В. Казаковская (Санкт-Петербург), Н. К. Онипенко (Москва)	
Функциональные возможности русских вводно-модальных слов в речи взрослых и детей	121
И. М. Кобозева (Москва)	
Калейдоскоп составных союзов непосредственного предшествования в русском языке: пока не признанные, но уже функционирующие союзы	134
С. А. Крылов (Москва)	
Опыт сопоставления подходов к выделению грамматических классов слов и грамматических категорий русского языка. Часть I. (§ 0. Вводные замечания. § 1. Попытка непосредственного сопоставления неоструктуралистского подхода с предшествующими ему традиционными подходами)	146
Г. И. Кустова (Москва)	
Об одной стратегии кодирования неагентивного субъекта	186
Е. М. Лазуткина (Москва)	
Синтагматический класс глаголов: определение и исчисление	201
И. Б. Левонтина (Москва)	
Об экспансии винительного падежа в количественных оборотах.	216
А. Б. Летучий (Москва)	
Падеж ниоткуда (неструктурное копирование падежа)	230
Е. А. Лютикова (Москва)	
Островные ограничения в свете экспериментальных данных.	251
И. Мендоза (Зальцбург, Австрия)	
Маркирование объектов относительных придаточных предложений в славянских языках.	272
Н. М. Стойнова (Москва)	
Вариативность в глагольной префиксации: дериваты на ДО- и ПЕРЕ-	284
Тискин Д. Б. (Санкт-Петербург)	
Ни- и ни... ни: дистрибуция и условия лицензирования	300
Е. В. Урысон (Москва)	
К определению видовой пары: глаголы НСВ в сценических ремарках	311
И. А. Шаронов (Москва)	
ВОТ ВЕДЬ И НАДО ЖЕ! Путь от конструкции ко вторичному междометию	325
А. Д. Шмелев (Москва)	
Когда и как можно исправлять ошибки в грамматических описаниях.	334

CONTENT

Yana E. Akhapkina (Moscow)	
Erratorical marking of the textbook corpora: tactical solutions	9
Maria D. Voeikova (Saint Petersburg)	
On the markedness of Russian aspectual forms in subjunctive	21
Olga I. Glazunova (Saint Petersburg)	
Algorithmic models as a principle of the language description and the speech formation	38
Pavel V. Grashchenkov (Moscow)	
Adjectives in Russian nominal predications.	51
Mikhail Ja. Dymarskij (Saint Petersburg)	
Subordination decay and lexicalization of a predicative structure.	66
Anna A. Zalizniak (Moscow)	
The enigmatic polysemy of Russian KROME.	77
Olga Yu. Inkova (Geneva, Switzerland; Moscow)	
System of conjunctive tools in Russian: structure and description	89
Il'ya B. Itkin (Moscow)	
Zhukovsky the innovator and Pushkin the archaist (two studies from the history of the language of Russian poetry)	102
Viktoriya V. Kazakovskaya (Saint Petersburg), Nadezhda K. Onipenko (Moscow)	
Functionality of parenthetical modal words in the speech of adults and children	121
Irina M. Kobozeva (Moscow)	
The kaleidoscope of compound conjunctions of immediate anteriority in Russian: as yet unrecognized but already functioning conjunctions.	134
Sergey A. Krylov (Moscow)	
Experience of comparison of approaches to the distinguishing of grammatical classes of words and grammatical categories of the Russian language. Part I. (§ 0. Introductory remarks. § 1. An attempt to directly compare the neostructuralist approach with the traditional approaches preceding it)	146
Galina I. Kustova (Moscow)	
A coding strategy for non-agentive subjects	186
Elena M. Lazutkina (Moscow)	
Syntagmatic class of verbs: definition and calculation.	201
Irina B. Levontina (Moscow)	
On the expansion of the accusative in quantitative expressions.	216
Alexander B. Letuchiy (Moscow)	
Non-structural case copying.	230
Ekaterina A. Lyutikova (Moscow)	
Experimental perspective on island constraints	251
Imke Mendoza (Salzburg, Austria)	
On the relativization of objects in the Slavic languages.	272
Natalia M. Stoynova (Moscow)	
Variation in verbal prefixation: Russian DO- and PERE-	284
Daniel Tiskin (Saint Petersburg)	
<i>Ni-</i> and <i>ni... ni</i> in Russian: distribution and licensing condition	300
Elena V. Uryson (Moscow)	
Towards a definition of the verbal aspectual pair: imperfective verbs in stage directions.	311
Igor A. Sharonov (Moscow)	
Vot VED' and NADO ZHE! The transition path from syntactic construction to secondary interjection	325
Alexey D. Shmelev (Moscow)	
Inaccurate grammatical descriptions: can one correct them?	334

Я. Э. Ахапкина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
yakhapkina@hse.ru*

ЭРРАТОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗМЕТКА КОРПУСА РУССКИХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ: ТАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Созданный школой лингвистики ФГН НИУ ВШЭ Корпус русских учебных текстов включает спонтанные (выполненные в аудитории) и подготовленные (домашние) работы студентов бакалавриата в жанрах ответа на вопрос, аргументированного суждения, эссе, курсовой работы. Студенты, осваивая академический регистр, проходят разные стадии формирования представлений об организации учебно-научного текста. На каждом этапе интерференция стилей и жанров, разнородный характер получаемых речевых образцов и слабая редакторская рефлексия приводят к возникновению неизбежных системных ошибок в сфере грамматики и грамматической стилистики, семантики и прагматики текста. Отклонения от речевого стандарта отражают как стадиальность формирования навыка исследовательского письма, так и процессы, характерные для динамики речевой системы в целом, становления новых узуальных норм на осколках норм устаревающих, демонстрируют границы вариативности слово- и формоупотребления. Эти отклонения маркируются системой тэгов, разработанной и оптимизированной командой Корпуса (Н. А. Зевахиной, С. С. Джакуповой, Ю. М. Кувшинской, С. Ю. Пужаевой при активном участии коллег и студентов). Эрратологическая разметка включает лексические, грамматические, дискурсивные пометы. Грамматический блок отражает частотные отклонения от морфологических и синтаксических канонов, связанные с расшатыванием ряда конструкций. Так, отдельную проблему представляет расширение круга легких глаголов (десемантизованных единиц, обслуживающих синтаксические потребности высказывания и делегирующих лексическое значение управляемому слову), выбор падежа управляемого имени, компаративные и интенсифицирующие конструкции, анафорические употребления. В статье рассмотрены конкретные примеры, снабженных тэгом «нарушение в согласовании»

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

(agr). Обсуждается мотивировка разметки при выборе маркера для фрагмента высказывания.

Ключевые слова: лингвистический корпус, корпус нестандартной речи, русские учебные тексты, согласование, вариативность, рекомендательная норма

Разметка коллекции Корпуса русских учебных текстов (http://web-corpora.net/learner_corpus/) включает маркирование речевых сбоев относительно рекомендательной нормы. Нарушением согласования считается не только отступление от норм соотношения по роду, числу и падежу зависимого слова с главным, но и отступление от правил координации, тяготения, аппликации [Валгина 2003: 55–58; Грамматика 1970: 548, 633; Булаховский 1952, 1: 287; Распопов 1970: 40]. В эту же рубрику попадает нарушение анафорической связи (семантическое согласование, согласование по смыслу) [Розенталь и др. 1999; Лаптева 2003; Голуб 2010]. Маркируется как грубое нарушение нормы, так и вариативное грамматическое оформление.

Анализ нестандартной речевой продукции, неизбежно содержащей как осознанные, так и не отрефлексированные пишущим отклонения от рекомендательной нормы, позволяет выявить тенденции развития современной речи [Пужаева и др. 2015; Dzhakupova et al. 2014; Zevakhina et al. 2015a, b]. Кроме того, анализ рефлексии разметчика позволяет увидеть, какие нормы в большей или меньшей степени осознаны современным носителем языка.

В Корпусе русских учебных текстов объемом 3115 188 слов нарушения в согласовании отмечаются в 587 документах и 971 контексте. В ряде случаев эрратологическое маркирование (выделение ошибок) опирается на многофакторный анализ высказывания.

- (1) *<В-пятых, с развитием новых технологий человеческие знания заменяются компьютерными, поэтому с каждым днем люди все меньше нуждаются в использовании своих навыков.> Использование известной информации становится недостаточным, поэтому их (ref, проп; нарушение кореференции) нужно подкреплять другими знаниями, которые обеспечивают (infl; именное и глагольное словоизменение) **технологий** (agr; согласование) каждый день. <Например, с появлением новых цифровых фотоаппаратов людям приходится запоминать новые методы их использования, потому что знание об использовании фотоаппаратов прошлого поколения не позволяет пользоваться продуктом правильно.>*

В примере (1) из эссе социолога-первокурсника можно усмотреть нарушение согласования-координации при инвертированном прочтении субъектно-объектной пары (*технологии обеспечивают что? знания*), ошибку управления и падежную конкуренцию родительного / винительного / именительного при неинвертированном прочтении: *знания обеспечивают что? технологии* (в этом случае возможна описка, связанная с диакритикой: мена и/й), избыточный эллипсис в случае опущения управляющего слова: *<развитие> технологий*).

Дистантная координация при однородных зависимых в форме мн. ч. в разрывающем контексте приводит к тому, что прайминг плюральных форм заставляет разметчика игнорировать корректное согласования рамки, опирающееся на генерализованное прочтение формы ед. ч. подлежащего:

- (2) *Запоминание картинки, набора слов или звуков, напротив, **уязвимо** к любым изменениям.*

Множественность объектов в этом случае имплицитно для разметчика и множественность процессов, словно речь идет о разных видах запоминаний. В этой связи показательны рассуждения И. Н. Смирнова о влиянии множественного объекта на аспектуальную характеристику действия как повторяющегося и, соответственно, не локализованного во времени, в отличие от локализованного во времени единичного конкретного действия, совершаемого над единичным конкретным объектом [Смирнов 2008], ср. в примере (2а) аналогичную примеру (2) интерпретацию имени *вопрос* при конкретизирующих распространителях, включающую признание пишущим генерализованного употребления имени и отрицание такого прочтения разметчиком:

- (2а) *В данном тексте Ричард Фейнман ставит **вопрос** (agr) узкости мышления, доминирования зубрежки над пониманием, неспособности мозга самостоятельно работать, придумывать новое, а только лишь воспроизводить заученное.*

Избыточное согласование по числу в коннекторе сентенциального атрибута в примере (3) вызвано доминированием влияния левого контекста над правым, стремлением уподобить определение определяемому в ущерб структуре основы определительного придаточного. Дополнительным фактором, вызывающим этот сбой, становится разрыв основы придаточного вводной конструкцией.

- (3) *Здесь можно выделить несколько факторов, **которых** как нам кажется, влияют на наш выбор в какой-либо ситуации.*

В этом случае нарушения нормативной координации можно говорить о широко понимаемом прайминге [Русакова 2013: 371–410], то есть избыточном влиянии предшествующего образца (формы род. пад. мн. ч. *факторов*) на конструирование последующей формы *которых*, ср. пример (4) из аннотации первокурсника:

- (4) *Книга посвящена анализу событий, **которых** автор текста называет черными лебедями, это события, происходящие спонтанно и непредсказуемо.*

В этом случае коннектор выступает не подлежащим, а прямым дополнением, и грамматически актуализуется проблема выбора одушевленного или неодушевленного варианта маркирования винительного падежа. Корректная форма *которые*, омонимичная именительному, игнорируется в пользу формы, омонимичной родительному, поскольку левый контактный контекст задает генитивную форму определяемым словом *событий*.

Зоной особого риска становятся существительные со значением символической собирательности (*народ, аудитория, электорат, власть, профессура* и под.). При необходимости местоименной замены таких имен, как и в случае присоединения определительных оборотов, уточняющих конструкций или сентенциальных атрибутов, повышается вероятность смыслового согласования по числу в ущерб грамматическому. Множественная референциальная соотнесенность таких имен превалирует в сознании пишущего над сингулярностью грамматической формы, см. в примере (5) анафорическую замену *раса* — *их*:

- (5) *Так, например, основываясь на неприятном случае с афро-американцем (ограбление, избиение и т. д.), простой человек может стать расистом, обвиняя во всём чернокожую расу и их (agr ref pron) дикость.*

К широкой сфере семантического согласования можно отнести и выбор плюральной формы глагола при наличии зависимых у подлежащего, как в примере (6):

- (6) *Здесь ты найдешь ответы на эти и многие другие вопросы, узнаешь, какую роль играет экономическая свобода и каким образом в умах людей могут одновременно присутствовать вера в две совершенно разные и несочетаемые вещи.*

Невозможность формы мн. ч. у существительного *pluralia tantum* осознана пишущим, однако идея двойственности распространителя диктует форму мн. ч. глаголу как бы сквозь имя *вера*. В определенном смысле эта стратегия пишущего корреспондирует со стратегией разметчика в примере (2), стремящегося увидеть разные виды запоминаний в соответствии с указанием на объекты действия. Можно предположить, что генерализованное употребление имени функционирует по тем же законам, что и семантически (но не грамматически) собирательное имя, и формальная множественность предиката обусловлена референциальной множественностью существительного в таком употреблении.

При постпозиции однородных подлежащих допустимо как ед., так и мн. ч. сказуемого [Розенталь и др. 1999]. Однако однородность может ослабляться контекстом. Так, в примере (7) появление иерархического указателя *как следствие*, устанавливающего семантическую обусловленность второго подлежащего первым, заставляет разметчика склоняться к предпочтению сингулярной формы предиката, несмотря на кодифицированную вариативность:

- (7) *<Во-вторых, знания, полученные тщательным и фундаментальным разбором, дают толчок к появлению новых идей, к исследованию более глубоких и сложных проблем.> Сам Ричард Фейнман убеждает нас в том, что не только оробевшим новичкам но и известным ученым свойственны (agr) механическое запоминание информации и, как следствие, непрочные знания. <На примере того, как физик, ассистент Эйнштейна, не узнал в задаче элементарного физического закона из-за немного переделанных условий,*

мы лишний раз убеждаемся в том, что понимание темы позволяет применять знания в любых ситуациях.>

Однако противоположная стратегия пишущего, координирующего сказуемое с первым членом однородного ряда постпозитивных подлежащих, также не вызывает понимания у разметчика:

- (8) *Во-вторых, для того, чтобы дать ученикам импульс к стремлению понять материал, учителю **необходима** грамотно выстроенная методика преподавания и великолепное владение своим предметом, а так бывает далеко не всегда.*

Семантика предикативного комплекса *сложное пошаговое действие* в примере (9), включающая референциальную множественность, представляется разметчику недостаточным условием соотнесенности с однородными подлежащими при прямом порядке слов даже в случае контекстной иерархизации перечня, выраженной в предпочтении союза *а также* (маркирующего дополнительный статус второго подлежащего по отношению к первому):

- (9) *Я думаю, что так происходит, потому что осмысление полученных знаний, а также их практическое применение — это гораздо более **сложное многошаговое действие** чем заучивание наизусть.*

Неинвертированность высказывания и семантическая стадийность первичного *осмысления* и последующего *применения* побуждают разметчика ожидать форму мн. ч. у сказуемого, следующего за двумя подлежащими. Здесь можно усмотреть отказ интерпретировать имя *действие* в форме ед. ч. как генерализованное, с множественной референтной соотнесенностью.

В примере (10) разметчик предполагает взаимнооднозначное соотнесение *задачи* и ее *условия*, отрицая возможность выбора формы мн. ч. для терминологического имени в специализированном контексте при описании одной *задачи*:

- (10) *Во-вторых, если не понимать смысл выученного, то при изменении условий задачи, становится не ясно, как её решать.*

Между тем употребление имен в контексте примера (9) — анализа этюда Ричарда Фейнмана о запоминании и понимании — не строго терминологично, речь может идти о расширенном и в определенном смысле метафорическом понимании *задачи* как проблемы и *условий* как новых вопросов в проблемной области.

Квалификация ошибки как нарушения согласования может конкурировать с нарушением управления в тех случаях, когда гипотетическая форма мн. ч. омонимична родительному падежу ед. ч., как в случае конкуренции номинатива и генитива при отрицании (притом, что имя *суть* в норме не имеет формы мн. ч.):

- (11) *Как люди воспринимают науку, и способен ли человек принять знание и найти грамотный выход из ситуации, не осознавая суть (agr) явлений и законов природы?*

В примере (12), с одной стороны, можно усмотреть аналогию с примером (11), поскольку конструкция с негацией допускает возможность конкуренции падежей (гипотетический вариант правки *подключения* можно трактовать как форму им. мн. ч. и как род. ед. ч.), с другой — с примером (2) по признаку наличия серии зависимых (и тогда предполагается возможный вариант корректировки не *подключения*, а *подключений* — с вытекающей из такой правки проблемой отнесения имени к классу обладающих парадигмой мн. ч.):

- (12) *Механическое зазубривание не подразумевает подключение (agr) воображения, зрительной, слуховой памяти или любых других инструментов мышления.*

Согласование по числу может провоцировать сбой, связанный с полисемией определяемого, как в примере (14). Отвлеченное значение существительного *материал* ('учебные разработки, сведения') может восприниматься как принадлежащее имени *singularia tantum* и требующее согласования по ед.ч. Тем не менее, в этом значении форма мн. ч. имени употребительна, в НКРЯ находится 52 вхождения по запросу «учебный + материал (мн.ч.)», наиболее раннее датируется 1963 годом:

- (13) *Учебные материалы иного рода в книге не затрагивались, если не считать двух-трех беглых упоминаний.* [Григорий Коган. Работа пианиста (1963)]

При этом для ед. ч. этого сочетания обнаруживается 204 вхождения, начиная с 1862 года (первый пример принадлежит К. Д. Ушинскому).

- (14) *Также принудительное изучение материалов, который преподают в школах, не позволяет развиваться ученикам в отдельных областях, ведь учебная программа идет дальше темы сменяются и изученный материал остается позади.*

Возможно, форма *который* стала результатом своеобразной коррекции замысла пишущего, не удовлетворенного выражением *изучение материалов, которые преподают в школе* по причине механического двойного прочтения субъектно-объектной пары в этой конструкции (вариант исправления с пассивным оборотом *которые преподаются* оказался при этом не востребованным).

При дистантном расположении определяемого и определения разметчика смущает форма последнего имени, предшествующего определительному обороту. Строго говоря, контактность расположения определяемого и определения, действительно, предпочтительна, и обретает силу правила в отношении придаточных определительных. Однако для определений другой синтаксической природы аналогичной жесткости не предусмотрено, и в этом смысле пример (15) может рассматриваться как корректный:

- (15) *<В конце хотелось бы сказать, что лучший способ запоминания информации — понимание и осознание полученных знаний.> Такой подход имеет*

массу преимуществ перед зазубриванием, рассмотренных выше. <Поэтому я считаю, что проблема, которую поднял Ричард Фейнман в книге «Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман» актуальная и должна быть освещена.>

Не предполагается, вопреки решению разметчика, фиксация сбоя и при контактном расположении придаточного определительного к номинативно-генитивному сочетанию:

- (16) *Каждый день человек, от самого маленького и до самого взрослого, получает огромный поток информации, **который** он должен запомнить.*

«В некоторых случаях между подлежащим и сказуемым усматривается еще одна разновидность синтаксической связи — тяготение: в предложениях типа *Сестра лежала больная; Отец вернулся веселый (веселым)*. Тяготением связь называется потому, что именная часть сказуемого соотносится с подлежащим через посредство третьего компонента. Такая связь обнаруживается при двойном отношении: прилагательное связано и с глаголом и с именем (или местоимением)» [Валгина 2003: 57]. В примере (17) игнорируется допустимость именительного и творительного падежей прилагательного при тяготении. Действительно, не любое лексическое наполнение современной конструкции допускает творительный, ср. архаичное **Сестра лежала больной*, но разметчик усомнился в правомерности творительного при глаголе *становиться*:

- (17) *Но пример с ассистентом Эйнштейна показывает, что помимо постоянного просто использования, знание необходимо подставлять и в нестандартные ситуации, чтобы оно становилось более **гибким** (агг) в плане приращения.*

При глаголе *становиться*, по данным НКРЯ, творительный падеж доминирует (14642 против 1212 вхождений с именительным). Именительный не редкость и сохраняется до современности (правда, в отсутствие сравнительной степени в контексте), ср. в НКРЯ:

- (17а) *Он выскочил из хаты. Дни **становились теплые**. Из-за Авдулиных бугров, из-за Пугачева горба заметно тянуло весной. [Г.П. Данилевский. Воля (1863)]*
- (17б) *Кременецкий тоже говорил, что возможны очень серьезные осложнения, и вид у него при этом **становился озабоченный**. [М.А. Алданов. Бегство (1930)]*
- (17в) *Раз с человека держава взять ничего не может, он **становится бесполезный**. [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989]*
- (17г) *Матвей с Костином быстренько «взлетали» на шкаф. Обстановка **становилась напряженная**. Один лишь Сверчок радовался, затевал с Лари игру в догонялки. [Н.Ф. Королева. Другая собака // «Наука и жизнь», 2007]*
- (17д) *Когда актеры играли хоть чуть-чуть интересно, режиссер залиvisto хохотал. И лица у актеров **становились довольные**. На меня актеры уже*

не смотрели. [Саша Денисова. Театральный роман // «Русский репортер», № 15 (143), 22–29 апреля 2010, 2010]

- (17е) *Стекло холодное, и лоб от него тоже становится холодный.* [Дина Сабитова. Где нет зимы (2011)]
- (17ж) *Траектория развития такого брака... Его психика не выдерживает такого давления, и он регулярно уходит из дома «в отпуск» (живет у родителей). Жена после такого «отпуска» становится шелковая. На какое-то время.* [Алексей Фролов. Очередной случай из практики... (2014.10.20)]

Несколько архаичным воспринимается пример (17в), возможно из-за одушевленности субъекта состояния. Но в (17ж) при определяемом женского рода и разговорном регистре архаизации уже не усматривается, хотя субъект состояния одушевленный.

Несмотря на сохранность именительного предикативного в таких предложениях, примат творительного, вопреки мнению разметчика, в описываемой конструкции очевиден как по данным НКРЯ, так и по данным интернет-узуса, ср. запрос в Google *становится гибкий* — 126 результатов, *становится гибким* — 225 результатов.

Конкуренция родительного и творительного субъекта или дательного адресата (в примере (18) — *понимание кого и кем, понятен кому*) наблюдается в современном узусе, демонстрирующем постепенную экспансию генитива в сферу других косвенных падежей (у этой тенденции есть и встречная компенсирующая, в частности, связанная с захватом дательным падежом некоторых функций родительного, см. [Ахапкина 214]). В примере (18) разметчик счел выбор родительного падежа ошибочным (вероятно, тэг нарушения управления в этом случае в большей степени отвечал бы замыслу).

- (18) *Текст в большинстве своём чётко и понятен для понимания практически любого читателя.*

Падежная конкуренция может быть вызвана разными сопутствующими факторами, среди которых фиксируют порядок слов (ср. *понимание текста читателем / читателем текста; поддакивание секретаря начальнику / поддакивание начальнику секретарем*, о стратегии выбора падежа в последнем случае см. [Герасимова 2017]).

НКРЯ демонстрирует вариативность в этой зоне. Генитивные примеры встречаются в разные периоды и не зависят от падежа управляющего.

- (18а) *Но далее отрезки расходятся, и нос двоится не только в стиле автора и в глазах Ковалева, но и в понимании читателя.* [В. В. Виноградов. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский (1920–1929)]
- (18б) *Они приспособлены ко вкусу и пониманию читателя ниже чем среднего.* [В. Ф. Ходасевич. О Чехове (1929)]
- (18в) *Почти все они доступны пониманию читателей, обладающих подготовкой в объеме неполной средней школы.* [С. А. Шорыгин. Что читать об Арктике // «Наука и жизнь», 1936]

- (18г) *Мы полностью полагались на эзопов язык и на понимание читателя, умевшего читать между строк.* [Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976–1999)]
- (18д) *Наверно, надо начать с того, что каждый стихотворец ... имеет свое понимание читателя.* [Алексей Биргер. Страстный пилигрим (1998) // «Профессионал», 1998.07.01]

В случае реализации ролей субъекта и объекта в форме косвенных падежей (*понимание чего / кого кем // понимание кем чего / кого*) субъект закономерно маркирован творительным, объект — винительным.

- (18е) *И насчет невозможности понимания обыкновенными людьми великих, читателями — писателей, Марк загнул по обыкновению.* [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)]
- (18ж) *Привычное и внутренне присущее христианскому мировоззрению разделение мира на полюсы: небо и земля, рай и ад, бог и диавол, добро и зло, праведники и грешники, последовательно проводимое через весь «Элucidарий», несомненно, в высшей степени благоприятствовало пониманию и усвоению читателями и слушателями преподносимых им истин.* [А. Я. Гуревич. Популярное богословие и народная религиозность средних веков (1976)]
- (18з) *Вместе с тем воздействие литературы на жизнь общества, ее понимание и осмысление читателями (иначе говоря — литература в меняющихся социально-культурных контекстах ее восприятия) является предметом одной из литературоведческих дисциплин — историко-функционального изучения литературы (термин предложен М. Б. Храпченко в конце 1960-х годов).* [В. Е. Хализев. Теория литературы (1999)]

Собственно эффект прайминга (уподобления образцу) на формальном уровне наблюдается в примерах (19–20):

- (19) *Задумывались вы о причинах появления тоталитарных режимов.*
- (20) *У вас есть шанс раз и навсегда изменить свое отношение к миру и происходящих в нем событий и по-новому посмотреть на все глобальные процессы в нашей жизни.*

М. В. Русакова отмечает, что замена родительного мн.ч. предложным у существительных вызвана ориентацией на флексию предшествующего прилагательного [Русакова 2008].

В сфере согласования наиболее болезненной оказывается семантико-грамматическая зона числа, вызывающая сложность как у пишущих, так и у разметчиков. Это связано как с семантической и референциальной характеристикой определяемого (несовпадением плюрального содержания с сингулярной формой), так и синтаксическими особенностями фразы, включающей зависимые от существительного компоненты, часто в плюральных формах, а также разрывающие элементы согласованного сочетания вставные структуры. В сфере падежного маркирования размываются границы согласования и управления (в частности, в случае

предпочтения творительного именительному при так называемом тяготении). Одним из факторов, влияющих на сбой в согласовании, становится эффект копирования предшествующего образца.

Описанные наблюдения позволяют предложить три дополнительные процедуры для разметки коллекции корпуса. Во-первых, выстроить субкатегоризацию внутри сбоя «нарушение в согласовании» (в частности, выделив подтип нарушенного согласования — в роде, числе, падеже или нескольких категориях одновременно — и указав возможную причину рассогласования, такую как референциальная множественность определяемого или влияние разрывающего контекста, плюральная форма зависимых от определяемого имен). Во-вторых, снабдить маркированные фрагменты вариантом правки в окне комментария, чтобы сравнение корректного варианта с ошибочным позволяло анализировать ошибку. В-третьих, противопоставить собственно нарушение нормы (речевой сбой) вариативности и шкалировать вариативность от равноправных, предпочтительных и допустимых вариантов до маргинальных и тяготеющих к сбою.

Литература

Ахапкина Я. Э. Причина пожара: приименной дательный в позиции родительного // Слово. Словарь. Словесность: Русский язык в научном, культурном и образовательном пространстве (к 190-летию со дня рождения К. Д. Ушинского). СПб., 2014. С. 38–42.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. 1. Киев, 1952.

Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник. 4-е изд., испр. М., 2003.

Герасимова А. А. Дифференциальное падежное маркирование и линейная позиция аргументов в русских событийных номинализациях // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 265–281.

Голуб И. Б. Литературное редактирование: учебное пособие. М.: Логос, 2010.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. 5-е изд. М., 2003.

Пужаева С. Ю., Зевахина Н. А., Джакупова С. С. Контаминация конструкций в речи нестандартных русскоговорящих на материале корпуса русских учебных текстов // Труды Международной научной конференции «Корпусная лингвистика-2015». СПб., 2015. С. 390–397.

Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., 2013.

Смирнов И. Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. СПб., 2008.

Dzhakupova S., Zevakhina N. Case (non-)coincidence in elliptical coordinated constructions: Learner texts of Russian native speakers // *Slavica Helsingiensia* 45 *Instrumentarium of Linguistics: Language errors and multilingualism*. Helsinki, 2014. С. 35–49.

Zevakhina N., Dzhakupova S. Corpus of Russian student texts: design and prospects // Труды 21-й Международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог». М., 2015а.

Zevakhina N., Dzhakupova S. Russian metalinguistic comparatives: a functional perspective. Working papers by NRU HSE. Series WP BRP «Linguistics». 2015b. No. 39.

Yana E. Akhapkina

National Research University Higher School of Economics (HSE)

(Moscow, Russia)

yana.akhapkina@gmail.com

ERRATORICAL MARKING OF THE TEXTBOOK CORPORA: TACTICAL SOLUTIONS

Created by the School of Linguistics of the Faculty of Humanities at the National Research University Higher School of Economics, the Corpus of Russian Student Texts (CoRST) includes texts belonging to such genres as answers to various questions, argumentative statements, essays, course papers etc., which were written either spontaneously (in the classroom) or as prepared texts (at home) by students in Bachelor's degree programs.

In the process of studying academic writing, students pass through different stages of understanding how to structure academic texts.

At each stage, the interference of different styles and genres, the heterogeneous nature of received speech patterns as well as low levels of self-correction lead to inevitable systemic errors in grammar and grammatical stylistics, semantics and text pragmatics.

The deviations from standard speech reflect both the stadial nature of academic writing skills and the processes characteristic of speech system dynamics in general; the formation of new customary (usual) norms on the remains of obsolete (conservative) norms demonstrates the limits of variability in the usage of words and word forms.

These deviations are marked by a system of tags developed and optimized by the Corpus team (N. A. Zevakhina, S. S. Dzhakupova, Yu. M. Kuvshinskaya, S. Yu. Puzhaeva, with active assistance from colleagues and students).

The error markup contains lexical, morphological, and discursive information.

The grammatical section shows the frequency of deviations from morphological and syntactical patterns are connected with the slackening of a number of constructions.

For example, there are such challenges as the broadening of a number of 'light' verbs (units devoid of semantic value and satisfying the syntactic needs of a statement, whose lexical meaning is delegated to a governed word); the choice of case for governed nouns; comparative and intensifying constructions; and anaphoric usage.

The article considers specific examples marked with the tag “agreement error” (*agr*). The motivation for markup when choosing a marker for a speech fragment is discussed.

Keywords: linguistic corpus, corpus of non-standard speech, Russian learners' texts, agreement, variability, recommended norms

References

Ахапкина Я. Е. Причина пожара: приименной дател'nyj в позиции родител'nogo. *Slovo. Slovar`. Slovesnost`*: *Russkij yazyk v nauchnom, kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve (k 190-letiyu so dnya rozhdeniya K. D. Ushinskogo)*. St. Petersburg, 2014, pp. 38–42. (In Russ.)

Bulaxovskij L. A. *Kurs russkogo literaturnogo yazyka*. T. 1. Kiev, 1952. (In Russ.)

Dzhakupova S., Zevakhina N. Case (non-)coincidence in elliptical coordinated constructions: Learner texts of Russian native speakers. *Slavica Helsingiensia 45 Instrumentarium of Linguistics: Language errors and multilingualism*. Helsinki, 2014, pp. 35–49.

Gerasimova A. A. Differential'noe padezhnoe markirovanie i linejnaya poziciya argumentov v russkix sobytijnyx nominalizacijax. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskix issledovanij*. 2017. T. XIII. Ch. 3, pp. 265–281. (In Russ.)

Golub I. B. *Literaturnoe redaktirovanie: uchebnoe posobie*. Moscow: Logos, 2010. (In Russ.)

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Moscow, 1970. (In Russ.)

Lapteva O. A. *Zhivaya russkaya rech s teleekrana. Razgovornyj plast televizionnoj rechi v normativnom aspekte*. 5-e izd. Moscow, 2003. (In Russ.)

Puzhaeva S. Yu., Zevaxina N. A., Dzhakupova S. S. Kontaminaciya konstrukcij v rechi nestandardny'x russkogovoryashhix na materiale korpusa russkix uchebny'x tekstov. *Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Korpusnaya lingvistika-2015»*. St. Petersburg, 2015, pp. 390–397. (In Russ.)

Raspopov I. P. *Stroenie prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke*. Moscow, 1970. (In Russ.)

Rozental' D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu*. Moscow, 1999. (In Russ.)

Rusakova M. V. *Elementy antropocentricheskoj grammatiki russkogo yazyka*. Moscow, 2013. (In Russ.)

Smirnov I. N. *Vyrazhenie povtoryaemosti i obobshhennosti dejstviya v sovremennom russkom yazyke*. St. Petersburg, 2008. (In Russ.)

Valgina N. S. *Sovremennyj russkij yazyk: Sintaksis: uchebnik*. 4-e izd., ispr. Moscow, 2003. (In Russ.)

Zevakhina N., Dzhakupova S. Corpus of Russian student texts: design and prospects. *Trudy 21-j Mezhdunarodnoj konferencii po komp'yuternoj lingvistike «Dialog»*. Moscow, 2015a.

Zevakhina N., Dzhakupova S. *Russian metalinguistic comparatives: a functional perspective*. Working papers by NRU HSE. Series WP BRP «Linguistics». 2015b. no. 39.

М. Д. Воейкова
ИЛИ РАН — СПбГУ
(Санкт-Петербург, Россия)
maria.voeikova@gmail.com

К ВОПРОСУ О МАРКИРОВАННОСТИ РУССКИХ ВИДОВЫХ ФОРМ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ*

Семантическая нагруженность видовых форм глагола в изъявительном наклонении и в косвенных наклонениях распределяется по-разному: так, в императиве обычно немаркированный НСВ обростаёт новыми семантическими оттенками (безотлагательность, близкое начало действия, категоричность и т. д.). Видовые характеристики глагола в сослагательном наклонении оказываются в сложной зависимости от других глагольных категорий. В статье рассматривается фактор акционального класса: характер действия, обозначенного глаголом, влияет на представление о его целостности в гипотетическом мире. Так, глаголы движения обычно встречаются в СВ в сослагательном наклонении, в то время как для местоположения характерно употребление обеих видовых форм, глаголы бытия и состояния естественно употребляются в форме НСВ, а для изменения состояния характерна форма СВ. Эти предпочтения отражаются на количественном соотношении форм СВ и НСВ, а также на доле употреблений с семантическими сдвигами и проценте форм наиболее частотных глаголов в выборке. Употребление в несвойственной данному семантическому классу форме проявляется в многочисленных сдвигах значения, «непрототипических» употреблениях, неестественных контекстах. Эти предпочтения могут в разной степени проявляться в семантических группах, отличающихся по частотности и объёму семантического класса.

Ключевые слова: морфология русского языка, вид глагола, сослагательное наклонение, маркированность, единичность/множественность, предельность, кратность, семантический класс глагола.

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 17-04-00517-ОГН «Развитие морфологического и семантико-синтаксического компонентов корпусного описания грамматики современного русского языка») в ИЛИ РАН.

1. Полисистемный подход к вопросу выбора видовых форм

В этой статье рассматривается взаимодействие категорий вида и наклонения с точки зрения «полисистемного подхода» к описанию русской грамматики. Описывая некоторый элемент этой грамматической системы, автор предполагает, что он связан с другими элементами и имеет сходное с ними строение, а результирующее описание способно представить систему в целом. В работах А.В. Бондарко этот подход, в частности, представлен как «полисистемный», ср. «... полисистемный анализ в сфере грамматики, в отличие от моносистемного, направлен на изучение единств, охватывающих как однородные, так и разнородные, разноуровневые (морфологические, словообразовательные, синтаксические, лексические) элементы в их многообразных сочетаниях. Цель такого анализа заключается прежде всего в изучении взаимосвязей элементов, которые не могут быть сведены к единому структурному основанию» [Бондарко 2011: 29]. В соответствии с этим подходом, мы будем рассматривать видовые соотношения в сослагательном наклонении на фоне аналогичных соотношений в изъявительном и повелительном наклонениях, предполагая, что такое целостное рассмотрение позволит в дальнейшем всесторонне представить взаимодействие категорий вида и наклонения в целом, а также прольет свет на особенности лексического и грамматического выбора видовых форм в речепорождении.

Нас интересуют прежде всего случаи «ненулевого» взаимодействия [Храковский 2012: 542], при котором реализация элементов одной грамматической категории оказывается хотя бы в какой-то степени ограниченной в контексте элементов другой грамматической категории, а также те примеры, когда содержание форм меняется в результате употребления в сочетании с другой категорией. Ненулевое взаимодействие вида и сослагательного наклонения зависит от синтаксической структуры, в которой появляются формы, и от внеязыковых условий — в данном случае от того, насколько говорящий склонен или способен представить себе гипотетическое действие в развертывании или повторе (формы НСВ), либо в форме, отражающей единичность и результативность (формы СВ). Н.Р. Добрушина перечисляет целый ряд независимых и зависимых структур, в которых встречается сослагательное наклонение [Добрушина 2016: 16–17]. Нас интересуют в первую очередь независимые структуры в двух основных функциях: сложные предложения, включающие формы сослагательного наклонения, могут передавать отношения условия (1), в простых предложениях сослагательное наклонение обычно выражает пожелание (2):

- (1) Тебя бы подкормить, **ты бы поздоровел**. [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996]
- (2) — **Ты бы посидел** ещё полчаса на всякий случай. [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)]

Интерес представляют все случаи, когда семантическое соотношение компонентов одной категории меняется вслед за изменением элементов другой категории.

Для системного описания категории вида важен следующий факт: для форм изъявительного наклонения формы НСВ рассматриваются как немаркированный член привативной оппозиции, а формы СВ — как маркированный член, обладающий дополнительным значением целостности и ограниченности действия пределом, ср. «В видовых формах заключено отношение к признакам ограниченности действия пределом и целостности: совершенный вид (СВ) — семантически маркированная форма, являющаяся носителем этих признаков, несовершенный вид (НСВ) — немаркированный член оппозиции (в последующем изложении речь будет идти также о семантическом признаке «возникновение новой ситуации», связанном с большинством типов функционирования форм СВ» [Бондарко 2011: 30]. Неоднократно указывая на это соотношение видовых форм, А. В. Бондарко ссылается на мнение Ю. С. Маслова [1984: 15–16]. А. В. Бондарко далее отмечает, что «формы СВ, рассматриваемые со стороны их системного значения, характеризуются активным поведением по отношению к среде, тогда как формы НСВ демонстрируют поведение реактивное. Рассматриваемое различие связано со статусом маркированного и немаркированного членов оппозиции. Маркированность СВ определяет «сильное» (активное) воздействие грамматической системы на элементы среды, в то время как немаркированность НСВ создает разнообразные возможности для активного воздействия «сильной среды» на исходную систему. Немаркированность НСВ в отношении признаков «целостность» и «ограниченность действия пределом» играет роль своего рода пассивного фона, на который накладываются признаки внутрилексемной и внелексемной среды. Форма СВ выражает инвариантное значение, которое лишь конкретизируется и модифицируется контекстом (и шире — средой). Иной характер имеет семантический потенциал формы НСВ. Эта форма не имеет инвариантного положительного значения. Мы можем сказать лишь, что она обладает в грамматической системе некоторой значимостью, компетенцией, способностью выражать определенный спектр семантических признаков в составе частных видовых значений. Глагольная форма НСВ задает общие контуры и пределы этого спектра — от значений, контрастирующих с семантикой СВ, до значений, контактирующих с этой семантикой, хотя и не совпадающих с нею» [Бондарко 2011: 113–114].

2. Вид в ирреальных наклонениях: история изучения

Если принять употребление вида в индикативе за нулевое взаимодействие, то бесспорным случаем взаимодействия ненулевого следует считать многократно описанные дополнительные оттенки значения, которые формы НСВ приобретают в повелительном наклонении. Д. Н. Шмелев отмечал у форм НСВ в императиве, с одной стороны, черты, присущие НСВ в целом, например, употребление «для обозначения постоянного или повторного действия (мой руки перед едой = всегда)», а с другой стороны, добавочные значения: может значить не «вообще делай», а делай сейчас, скорее», т. е. обозначает побуждение к **немедленному** совершению действия; действие предельно приближено к моменту высказывания, как бы совпадает с ним; действие **само по себе**

так или иначе уже предполагается (ожидается или естественно в данной ситуации); побуждение является только знаком для его начала, или условным вежливым приглашением [Шмелев 1959: 15–16]. Кроме этого, он выделяет спорный контекст, в котором «побуждение определяет, **КАК** должно исполняться действие» [Там же], по нашим данным, реализованный как в формах НСВ, так и в формах СВ.

В дальнейшем эти наблюдения были многократно уточнены и конкретизированы с разных точек зрения [Падучева 1996; Шатуновский 2004; Храковский 1988, Бенаккио 2010, см. обзор Воейкова 2015]. В результате сложилось представление о том, что НСВ в императиве обладает рядом дополнительных семантических функций, а его использование оказывается «нагруженным», отличающимся от нейтрального. Иными словами, при взаимодействии вида и наклонения в данном случае возникает «асимметрия» употреблений (термин Ю. А. Пупынина [Poupynin 2002: 18]).

Общая постановка задачи состоит в том, чтобы определить, относится ли взаимодействие вида и сослагательного наклонения к нулевому или ненулевому типу, то есть, реализуется ли при этом взаимодействии сценарий индикатива (нулевой тип, тривиальные соотношения видовых форм), или ненулевой тип (асимметричные отношения).

До сих пор этот вопрос во всей полноте не ставился, хотя отдельные ценные наблюдения делались во многих работах [Парменова 1975; Кулькова 1986; Подлесская 1999; Добрушина 2016; Храковский 2012; Шелякин 1983]. Так, В. С. Храковский указывает на деформацию в ирреалисе актуально-длительного значения, «от которого остается только его основная процессная составляющая. Кроме того, сокращается число неосновных частных значений обоих видов, которые могут выражаться в повелительном и сослагательном наклонении» [Храковский 2012: 561]. Тем самым подчеркивается асимметрия во взаимодействии вида и наклонения.

Помимо косвенных наклонений, для исследования данного вида взаимодействия оказываются релевантными правила употребления вида в инфинитиве при запретах или констатации невозможности (см. об этом [Шмелев А. Д. 2012: 610, Дымарский 2015]), в которых также обнаруживается асимметрия: «Если слову *нельзя* подчинен инфинитив СВ, высказывание понимается алетически, а если инфинитив НСВ, — деонтически (ср. [Рассудова 1968: 82; Зализняк, Шмелев 2000: 41–42]). Так, предложение *К окну нельзя подойти* скорее всего будет понято как указывающее на объективную невозможность (например, все подходы чем-то заставлены), а предложение *К окну нельзя подходить* — как сообщение о существующем запрете» [Шмелев А. Д. 2012: 610]. Иными словами, контекст ирреалиса во многих случаях оказывает решающее влияние на интерпретацию видовых форм. Подробно влияние видовой характеристики на семантику высказывания рассматривалось также М. Я. Дымарским [2015] в контексте двух инфинитивных моделей с семантикой нежелательности: модели А (*не опоздать бы к поезду*) и модели Б (*как бы нам не опоздать*). Поскольку эти конструкции, несомненно, представляют собой периферию сослагательного наклонения, их учет представляется вполне оправданным. М. Я. Дымарский указывает на целый ряд факторов, влияющих на выбор вида

инфинитива в данных конструкциях. Существенно, что видовая характеристика влияет на семантику конструкции А, но оказывается нерелевантной для истолкования модели Б: во многих случаях в ней можно заменить глагол СВ на глагол НСВ, ср. пример Дымарского: *Как бы нам не зимовать/зазимовать здесь*. Заметим, однако, что НСВ в этом случае вообще малоупотребителен и во многих случаях, кажется, невозможен, ср. модификацию исходного примера (?) *Как бы нам не опаздывать на поезд*. При том, что многие примеры с НСВ явно аграмматичны, вряд ли можно говорить о свободной конкуренции видов в этом случае. Как представляется, ирреалис в целом способствует выбору форм СВ, а для употребления НСВ требуются специальные условия. В модели А никакая замена невозможна; высказывания с НСВ выполняют функцию пожелания (ср. *Не ссориться бы тебе с мужиками*), а соответствующие высказывания с доминирующим в этом случае СВ — функцию опасения, предостережения, ср. *Не поссориться бы тебе с мужиками*. Оставив в стороне детали истолкования и интерпретации видовой конкуренции, обратим внимание на то, что вид глагола влияет на семантику и на прагматику данной модели, причем СВ оказывается и здесь более употребительным и ожидаемым, чем НСВ, который в данном случае приобретает дополнительные оттенки значения. По-видимому, семантика совета или предостережения, характерная для этой конструкции, приближает ее в видовом отношении к императиву.

М. Я. Дымарский обращает внимание также на то, что на интерпретацию «контроплативных» моделей влияет их темпоральная направленность и персональная сфера. Он замечает, что при проспективно-консеквентной направленности высказывания и 1-м лице субъекта в модели А используется только СВ, а модель Б допускает оба вида инфинитива с семантикой опасения или даже предостережения [2015: 41–42] ср. его примеры: ... *не убить бы чуткий интерес к писательским судьбам...* (В. Кардин). При 2-м лице субъекта и проспективной направленности модель А допускает оба вида, но НСВ употребляется как совет, а СВ — как предостережение, ср. *Не уходите бы вам...* и *Не обжечься бы тебе* [Дымарский 2015: 43]. На роль персональности в видовой интерпретации сослагательного наклонения обращал внимание еще М. А. Шелякин. Он отмечал, что «функции видов при желательном значении зависят от синтаксической отнесенности действия ко 2-ому лицу или к 1-ому / 3-ему лицам ед. и мн. ч. При первой отнесенности видовые формы употребляются по правилам императивного употребления. При второй отнесенности выбор видов определяется в основном разовым / неразовым проявлением действия, а также характером выражения его отрицания. Если речь идет о разовом проявлении желательного действия или об опасении возможного осуществления разового действия, то употребляется форма сов. вида: *Я бы в летчики пошел, пусть меня научат!* (Маяковский). *Пассажиры опасались, чтобы их самолет не задержался в пути*. Если речь идет о неограниченно-продолжительных действиях (кратных и длительных) или об отрицании желательности разового действия, то употребляется форма несов. вида: — *До чего же голосок у тебя хорош, бабка Игнатъевна! Век бы слушал и не наслушался! Не ел, не пил бы, а только заставлял бы тебя с утра до вечера покрикивать* (Шолохов). *Он не хотел, чтобы*

она уходила. [Шелякин 1983: 204–205]. Иными словами, по мнению М. А. Шелякина, выбор вида зависит не от наклонения, а от формы лица (естественно, что выбор наклонения отчасти и определяет отнесенность действия к определенному лицу). М. Я. Дымарский вслед за М. А. Шелякиным предлагает также рассматривать семантику контропативных моделей отдельно в рамках каждой из возможных темпорально-персональных моделей. Такую практику можно назвать «расщеплением»: поскольку пока что не удастся сформулировать общих закономерностей употребления форм во всех контропативных конструкциях, можно попробовать рассмотреть отдельные выборки для каждой формы лица и времени и описать закономерности функционирования этих «расщепленных» выборок. Принимая во внимание предложенную М. А. Шелякиным гипотезу, мы в данной статье рассмотрим другой вариант ограничения материала: примеры будут разграничены по семантическим классам глаголов. При этом мы опираемся на семантическую разметку НКРЯ, отдавая себе отчет в том, что она во многих случаях не отличается высокой точностью. Мы будем во всех случаях вычитать из выборки часть примеров, попавшую в данный семантический класс по ошибке. Семантические группы глаголов были выбраны с таким расчетом, чтобы противопоставить предикаты, передающие максимальную активность субъекта (глаголы движения и активного воздействия) и его максимальную пассивность (глаголы существования и состояния). Остальные семантические классы привлекаются только для предварительной количественной оценки.

3. Глаголы движения

Контексты с глаголами движения рассматривались на примерах с двумя основными порядками компонентов: в первом случае *бы* предшествует глаголу (10 181 вхождение), а во втором следует за ним (более 34 000 вхождений). Позиция субъекта специально не задавалась, но в подавляющем большинстве случаев он оказался перед глагольной группой. Препозиция частицы *бы* характерна для опативных высказываний (3), в постпозиции *бы* чаще употребляется для выражения условных отношений (4).

- (3) Да, пожалуй, в 60-е я **бы переехал**. [Юлия Пешкова. Пиковый козырь // «Домовой», 2002.01.04]
- (4) Большой или меньший путь **прошёл бы** брусок, если бы этот опыт был поставлен на Луне? [Владимир Лукашик, Елена Иванова. Сборник задач по физике. 7–9 кл. (2003)]

Разумеется, это не правило, а некоторая статистическая тенденция, причем подтвердить ее или опровергнуть на материале полученных десятков тысяч примеров пока не представляется возможным из-за их неоднородности. В том, что касается выбора видовых форм, большинство опативных контекстов с глаголами движения типа (3) естественно включает форму СВ, которая несет информацию об однократном завершённом действии. Употребление НСВ в опативе встречается редко

и связано с семантикой временного отрезка, заполненного однотипными действиями, ср. (5):

- (5) Лучше **бы ходил** всё Кино в настоящем обличии. [Коллективный форум: Блэйд (трилогия) Blade (2008–2010)]

Предпочтение СВ может быть связано с трудностями образования видовых пар у приставочных глаголов движения: как известно, часть этих глаголов при образовании имперфективов меняет однонаправленную основу на разнонаправленную (ср. *прийти — приходит*). Возможно, эта дополнительная сложность лежит в основе «избегания» форм НСВ от глаголов движения, обусловленном внеязыковыми причинами. В целом, в результате поиска глагола движения в претерите, стоящего после частицы *бы*, на 8289 примеров с СВ приходится 2559 с НСВ. Можно заметить, что значительная часть примеров с НСВ по разным причинам не относится к каноническим случаям употребления сослагательного наклонения, подобным (3–4). Так, они могут быть на грани литературной нормы (ср. 6):

- (6) Зарплата ничтожная, никого не привлекает. Берём кого попало, лишь **бы шла**. [И. Грекова. Перелом (1987)]

В примере (6) НСВ находится в отношениях свободного варьирования с СВ (ср.: *лишь бы пошла*); не назван контроллер для согласования в ж. р.. Часть примеров с НСВ включает дополнительные частицы, указывающие на гипотетическое сходство, ср. (7):

- (7) Рассказывая о них, он как **бы приступал** к главному: рассказу о себе. [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989]

Примеры с *как бы*, *словно бы*, *будто бы* естественным образом включают формы НСВ, но не относятся к основному массиву оптативных высказываний. Некоторая часть примеров содержит омонимичные формы, ошибочно истолкованные как НСВ, ср. (8):

- (8) «Только **бы слетал** и вернулся живым!» сказал Королев после старта ракеты-носителя. [Обобщенный календарь — апрель (2013.03.29) // «Новгородские ведомости»].

В других случаях глагол выступает в переносном значении, отличном от исходного значения перемещения. Это, в первую очередь, характерно для многочисленных контекстов с выражением *следовало бы*, но есть и другие примеры, ср. (9):

- (9) Будь правительство политическим органом, отражающим интересы граждан, оно **бы вело** себя иначе. [Борис Вишневский. Квартрасплата // «Новая газета», 2003.01.16]

Учет этих факторов заставляет как минимум в три раза снизить количество употреблений сослагательного наклонения с НСВ у глаголов движения. Иными словами, глаголы движения в сослагательном наклонении примерно в 10 раз чаще встречаются в форме СВ, чем НСВ.

4. Глаголы активного воздействия

Ситуация с глаголами физического воздействия в количественном соотношении сходна с рассмотренными глаголами движения: на 2546 вхождений *бы* с глаголами СВ в постпозиции приходится 562 НСВ. Просмотрев все эти примеры, мы нашли среди НСВ 201 случай употребления перед *бы* частиц *как, словно, будто*, которые представляют собой отдельную частотную разновидность. Иными словами, и в этой группе примеров СВ примерно в 10 раз больше, чем «чистых» вхождений НСВ. С учетом обратного порядка компонентов в общей сложности мы получили общую выборку из 6360 вхождений. Собственно «тривиальное» значение НСВ (повторяющееся или длящееся действие) выступает лишь в незначительной части примеров с препозицией *бы*, ср. (10):

- (10) — И хорошо, что эта Жанна увезла дочку. Тетя Регина ее **бы била**. [Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)]

В два раза чаще и вполне в тривиальном значении НСВ встречается в контекстах, где частица *бы* следует за глаголом, как в (11):

- (11) Мы **вытирали бы** ноги о список «Форбс», будь у нас хоть капля тщеславия. Но его нет — у нас другие потребности. [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)]

Можно предположить, что препозиция по отношению к *бы* является существенным условием для употребления НСВ в сослагательном наклонении. Между тем, при таком порядке компонентов СВ все равно заметно чаще встречается (3774 СВ / 1080 НСВ). Это предпочтение можно объяснить внеязыковыми мотивами: говорящему более свойственно представлять себе завершенное и однократное следствие каких-либо воображаемых обстоятельств, чем выводить более сложную многократную закономерность. Потребность в таких далеко идущих предположениях в бытовой и художественной речи также ниже по сравнению с единичными следствиями или пожеланиями, ср. типичное высказывание с СВ (12):

- (12) Был бы ты постарше, я **бы ударил** тебя тогда. [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]

Пример (12) отличается еще и выраженной ретроспективной направленностью: речь идет о событии, которое уже состоялось и комментируется говорящим. Это проливает свет на специфику семантики СВ: часто речь идет не собственно о событии, а о его интерпретации, об оценке события, его изображении с помощью понятных носителю языка штампов, как в (13):

- (13) В последний раз посмотрел бы футбол, выпил бы пару кружек «Жигулевского» пива с сорожкой, обязательно **поцеловал бы** напоследок жену, накормил бы до отвала кошек их любимой килькой. [Эльвира Савкина. Если впрягаюсь, то основательно // «Дело» (Самара), 2002.05.03]

Особая изобразительность СВ, характерная в изъявительном наклонении для наглядно-примерного значения будущего времени, вероятно, проявляется наиболее ярко в отрыве от обозначения реальных событий. Этой изобразительностью объясняется и утрированный выбор глаголов: 516 из 3774 вхождений глаголов СВ в претерите в препозиции к *бы* составляет глагол *убить*, как в примере (14):

- (14) Если бы тогда увидел их, конечно, **убил бы** обоих. [А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)]

На первый план в таких высказываниях часто выходит не информация о воображаемом событии, а анализ ментального или эмоционального состояния героя. Именно этим объясняется частотность формы *убил бы*, которая передает не истинные намерения говорящего, а его эмоциональный настрой или отношение к некоторым событиям. Как противоположность глаголам движения и физического воздействия рассматривались глаголы бытия и состояния, которым в целом свойственен НСВ.

5. Бытийные глаголы

Ожидаемое среди бытийных глаголов предпочтение НСВ (5336 НСВ/2470 СВ в позиции после *бы*; 71 962 НСВ/5813 СВ в препозиции к *бы*) оказывается на проверку объяснимо их огромным функциональным многообразием: в выборку попадают глаголы в бытийной (15а) и связочной (15б) функциях, так же как и временные показатели при модальных словах (15в):

- (15а) — Если **бы существовала** маленькая вероятность кого-то спасти, я сделал бы всё, чтобы хотя бы кто-нибудь из моих детей остался в живых... [Эльвира Савкина. Если впряжусь, то основательно // «Дело» (Самара), 2002.05.03]
- (15б) И я бы тебе этого не простил, если **бы был** твоим мужем. Моряки такого не прощают. Моряки знают, как поступать с такими девчонками. [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]
- (15в) И к Дарвину надо **бы было** по крайней мере отнестись повнимательней. [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996]

При всем этом функциональном многообразии между бытийными глаголами в разных функциях сохраняется семантическая преемственность и — что более важно — инерция их воспроизводства в определенной форме. Наибольшую частотность имеет среди них глагол *быть* (4563 вхождения из всех 5336 после *бы*). При такой частотности можно предположить, что формы этого глагола воспроизводятся в готовом виде, являются частью конструкции, а не избираются говорящим из парадигмы по каким-либо правилам. В этой группе мы имеем дело с ограниченным количеством глаголов в различных функциях.

Формы СВ от бытийных глаголов отличаются значительным лексическим разнообразием: в выборку разных бытийных глаголов в прош. вр. перед частицей *бы*

вошли и глаголы исчезновения-появления, и частично — глаголы физического воздействия (типа того же *убить*, являющегося каузатором прекращения существования). Собственно бытийных контекстов среди них выделено 1557, включая различные приставочные корреляты глагола *жить* (типа *прожить, дожить, выжить*), но и группа глаголов, относящихся к событиям типа *состояться, сложиться, случиться, произойти*. Таким образом, СВ бытийных глаголов представлен в двух разновидностях — длительно-ограничительной (16а) или событийной (16б):

- (16а) Если бы не Николас, она, по уверениям врачей, не **прожила бы** и 2 дней. [Анна Маева. Дар на всю жизнь // «Здоровье», 1999.03.15]
- (16б) — Да не переживай ты, Даня, не казись, поздно или рано это неизбежно **произошло бы**. [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)]

И в том, и в другом случае речь идет о перифразе бытийного предложения: *прожила 2 дня* в (16а) означает ‘существовала еще 2 дня’, *произошло* в (16б) означает ‘было’, однако можно ли такие перифразы считать каноническим выражением семантики существования, остается дискуссионным вопросом. Если да, то следует признать, что мы понимаем бытийные предикаты предельно широко в соответствии с точкой зрения Н. Ю. Шведовой [1989: 5–12], которая включала в предикаты существования все глаголы, обозначающие привычный способ проявления объектов. При такой трактовке не соблюдается правило мены им. падежа на родительный при отрицании, характерное для бытийных предикатов, ср. (16а) и каноническое отрицательное бытийно-локативное предложение: *её не было два дня*. Следовательно, в ситуации с бытийными глаголами СВ встречается обычно не у центральных, а у периферийных бытийных глаголов, которые только в определенной форме (а именно в прош. времени) выражают семантику существования попутно с ядерной семантикой, а большинство канонических бытийных глаголов в сослагательном наклонении (так же как и в изъявительном) чаще используются в НСВ.

6. Глаголы состояния и изменения состояния

Анализ группы глаголов с семантикой изменения состояния — это единственная возможность в корпусе «подобраться» к глаголам состояния, которые почему-то не попали в отдельную строку семантической разметки. Можно только предположить, что канонические глаголы состояния (такие как *спать, сидеть, лежать* и т. д.) склонны к преимущественному употреблению в НСВ во всех наклонениях. Об этом свидетельствуют результаты поиска по отдельным глаголам: так, для формы *спал бы* зафиксировано 123 вхождения, в то время как *поспал бы* встречается 13 раз, *проспал бы* 29 раз, а *переспал бы* всего 2 раза. Существенно при этом, что все приставочные глаголы СВ имеют специфические оттенки значения (ср. *переспал*) и закрепляются, «специализируются» на них. Так, у глагола *проспать/проспать* выделяют три основных значения: «1) спать в течение какого-то времени....»

2) встать после сна позже, чем обычно, чем нужно... и 3) находясь в состоянии сна, уснув, пропустить что-либо...» [ССРЛЯ 1961: 1423]. Второе значение выделено исключительно на основе непереходности. Если бы не нужно было ее учитывать, оно вполне соответствовало бы третьему. Среди 29 вхождений глагола *проспать* в нашей выборке 17 соответствуют первому значению и 12 — третьему, т. е. содержат отрицательную коннотацию ('проспать больше, чем нужно, иногда пропуская нечто важное'). Диахронически третье значение кажется более современным, т. к. его доля растет с течением времени. Разумеется, небольшое количество примеров не позволяет сделать однозначный вывод, однако тенденция очевидна: СВ от канонических глаголов состояния встречается заметно реже НСВ и стремится закрепиться в специальных, производных от основного значениях. Добавив глаголы состояния к разметке НКРЯ, мы сможем получить более исчерпывающие данные об этом процессе.

По имеющимся данным можно заметить, что для глаголов изменения состояния, которые в разметке НКРЯ все же присутствуют, хотя не отделены от собственно состояния, ожидаемо предпочтительным оказывается СВ: это неудивительно, так как изменение состояния — один из категориальных признаков СВ. На 2331 вхождение глаголов СВ в сослагательном наклонении в препозиции к частице *бы* приходится 289 глаголов НСВ. При этом глаголы СВ практически во всех примерах выступают в прямом основном значении, ср. (17):

- (17) Пусть на 10 минут, но дольше. Значит, и **замерз бы** раньше. [Андрей Митков. Юрий Кудинов, чемпион Европы-2002 // «Известия», 2002.07.26]

Как и у глаголов физического воздействия, в этой семантической группе повествование о возможном единичном событии значительно более естественно и вероятно, чем рассказ о гипотетической цепочке событий или о гипотетическом разветвлении действия во времени, ср. (18):

- (18) — В те часы, когда ты **бы спал**, ты не сомкнешь глаз. В те минуты, когда пот **высыхал бы** у тебя на висках, твоя спина покроется кровью от напряжения. [Ирина Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть (2007)]

В примере (18) НСВ сочетается с СВ в изъявительном наклонении (*не сомкнешь, покроется*), что следует отнести к авторским особенностям речи, отчего все высказывание производит неестественное впечатление. 2% в выборке составляют омонимы других частей речи или омонимичные глаголы типа *кисло бы, спело бы, добрела бы*, ошибочно попавшие в глаголы состояния вне своего контекста. Это, на первый взгляд, случайное обстоятельство, на самом деле, является характерной чертой «непредпочтительных» видовых форм: в выборке без снятия омонимии обычно именно среди таких форм встречаются многочисленные нарушения и большой процент «мусора» и ошибочных примеров. Соотношение верных и случайных примеров в разных семантических группах рассматривается в следующем разделе.

7. Количественные показатели остальных групп

В каждой из семантических групп глаголов один вид соответствует лексическому значению группы и встречается значительно (иногда в 10 раз) чаще другого. Таблица 1 показывает соотношение форм СВ/НСВ у глаголов различных семантических групп и другие количественные особенности выборки.

Таблица 1

Доля СВ, процент «мусора» и доля частотных глаголов в выборке
(предварительный анализ)

Семантический класс	Количество вхождений	% СВ	% ошибок в СВ	% частотных глаголов в СВ
Активное действие	7962	79	20	13
Движение	44 192	76	33	0
Существование	77 298	18	38	84
Изменение сост.	4216	89	12	5
Поведение	143	32	8	2
Местоположение	9701	66	48	15
Речь	12 924	88	9	56
Физиолог. Реакции	1643	48	9	12
Ментальное действие	17 935	22	26	11

Разумеется, подсчеты, вошедшие в таблицу 1, имеют предварительный характер. В многочисленных группах глаголов доля СВ и процент ошибочных и частотных глаголов подсчитывались как среднее по нескольким образцам по 100 примеров из рандомной выборки. Однако даже такой предварительный анализ показывает некоторые тенденции. Предсказуемо у глаголов активного действия, движения, изменения состояния наблюдается предпочтение форм СВ в сослагательном наклонении, в то время как у глаголов существования, поведения или ментального действия преобладают формы НСВ. Высокий процент СВ среди глаголов речи объясняется тем, что половину из них составляют разные формы глагола *сказать*. Для некоторых групп оказался очень высоким процент ошибочных форм и употреблений. Так, в группу глаголов местонахождения попали многочисленные употребления глаголов, с местонахождением никак не связанные, типа *оставили в покое, остался в стороне* и т. д. В результате этого количественное соотношение СВ/НСВ в этой группе почти равное, СВ даже преобладает, однако в НСВ фактически все примеры соответствуют базовому значению, при том что почти половина из всей выборки СВ оказалась ошибочной. Это указывает на то, что СВ оказывается менее естественной формой для глаголов местонахождения. В целом, эти предварительные подсчеты нуждаются в усовершенствовании и уточнении, однако уже по первичному анализу можно судить о том, что говорящий, скорее всего, не производит серьезного выбора форм, а следует неким образцам, клишированным употреблением, представление о которых содержится в его языковой памяти.

8. Заключение

Анализ соотношения видовых форм у глаголов разных семантических групп показывает, что употребление вида в сослагательном наклонении в тривиальных случаях семантически соотносится с изъявительным: формы НСВ представляют действие в процессе развертывания или как повторяющееся. Однако назвать формы НСВ немаркированными в сослагательном наклонении довольно трудно — нельзя сказать, чтобы они употреблялись чаще или «по умолчанию», напротив, во многих семантических классах для выбора форм НСВ необходимы существенные контекстуальные условия.

Процентное соотношение и интерпретация видовых форм сослагательного наклонения зависит от акционального класса глагола. В большинстве акциональных классов наблюдается предрасположенность к употреблению в форме СВ или НСВ в соответствии с характером действия — его активностью/пассивностью, особенностями протекания, способностью говорящего гипотетически представить это действие как однократное и завершенное или как многократное или захваченное в срединной стадии своего осуществления. Эта предрасположенность выражается в том, что преферентная видовая форма менее зависит от контекста, значительно (иногда в 10 раз) чаще встречается, в выборке примеров с этой формой наблюдается мало ошибок и отклонений от основного значения глагольной группы. Важно также обращать внимание на то, насколько многочисленна сама семантическая группа глаголов: некоторые группы (такие как экзистенциальные глаголы) немногочисленны и их свойства определяются поведением самых частотных лексем.

Перспективным представляется дальнейший учет взаимодействия категорий вида и наклонения с категорией лица глагола: можно предположить, что формы 1-го л. будут отличаться от форм 2-го и 3-го л. с точки зрения интерпретации самого гипотетического действия.

Литература

Бенаккио Р. Вид и категория вежливости в славянском императиве. Мюнхен-Берлин: Отто Загнер, 2010.

Бирюлин Л. А. Семантика и прагматика русского императива. Хельсинки: Изд-во Хельсинского ун-та, 1994.

Бондарко А. В. Категоризация семантики. М.: ЯСК, 2011.

Воейкова М. Д. Варьирование форм СВ/НСВ в императиве: анализ факторов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2015. Т. XI. № 1. С. 539–565. https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XI_1.pdf

Добрушина Н. Р. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования семантики. Прага: Animedia company, 2016.

Дымарский М. Я. Инфинитивные высказывания с семантикой нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения. Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 26–48.

Кулькова Р. А. Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. М.: МГУ, 1986.

Падучева Е. В. Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 66–83.

Парменова Т. В. Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975.

Подлесская В. И. Условные конструкции: стратегии кодирования и функциональная мотивация // Тестелец Я. Г., Рахилина Е. В. (ред.) Типология и теория языка: от описания к объяснению (к 60-летию А. Е. Кибрика). М.: ЯРК, 1999. С. 255–273

Пушнин Ю. А. Системные связи грамматических категорий глагольного предиката в современном русском языке. Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1992.

Пушнин Ю. А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях // Бондарко А. В. (ред.) Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 11. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Храковский В. С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // Russian Linguistics. 1988. 12, 3. P. 269–292.

Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий глагола. Опыт анализа // Вопросы языкознания. 1990. №5. С. 18–36.

Храковский В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // А. В. Бондарко (ред.) Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 22–42.

Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий: вид, время, наклонение // М. Д. Воейкова (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 539–561.

Шатуновский И. Б. Императив и вид // М. Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 4. М.: Макс Пресс, 2004. С. 253–280.

Шведова Н. Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты // Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (ред.) Слово и грамматические законы языка: глагол. М.: Наука, 1989. С. 5–171.

Шмелев Д. Н. О значении вида в повелительном наклонении // Русский язык в школе. 1959. 20, 4. С. 13–17.

Шмелев А. Д. Модальность, контроль и вид: точки взаимодействия (русское слово *нельзя* в сочетании с инфинитивом) // М. Д. Воейкова (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012.

Poupynin Yu.A. The category of voice in connection with other grammatical categories in Russian» GUSLI Working Papers of the Department of Slavic Languages, University of Goeteborg. 2002. No. 12.

Poupynin Yu.A. Interaction between Aspect and Voice in Russian. München-Newcastle: LINCOS Studies, 1999.

Maria D. Voeikova
ILS RAS — SPbSU
(Saint Petersburg, Russia)
maria.voeikova@gmail.com

ON THE MARKEDNESS OF RUSSIAN ASPECTUAL FORMS IN SUBJUNCTIVE

The semantic load of Russian aspectual forms in the indicative and in the imperative mood is distributed differently: while in the indicative the imperfective is considered to be an unmarked default form, in the imperative it acquires a range of extra semantic nuances, being more categorical, expressing that the action required should happen soon and may not be postponed, and signaling that the action is expected in a given situation or was discussed before. The aspectual characteristics of Russian verbs in the subjunctive depend on several factors and other verb categories. The article discusses one of those categories, namely, the *Aktionsart* of verbs. The nature of the hypothetical action has an impact on its verbal presentation in terms of its telicity. Thus, verbs of motion or change of state tend to be used in the perfective form, verbs of localization do not show any preference, whereas verbs of existence or state prefer the imperfective forms. These preferences are manifested not only in the percentage of certain forms but also by their semantic homogeneity and by the percentage of the most frequent verbs in the resulting sample. Numerous semantic shifts, and their use in non-prototypical meanings and in unnatural contexts are also characteristics of the non-preferred use of aspectual forms. The grade of aspectual preferences differs for semantic classes depending on their frequency and on the number of verbs in each class.

Keywords: Russian morphology, verbal aspect, subjunctive mood, markedness, singularity/plurality of action, telicity, limitativity, semantic class.

References

Benakkio R. *Vid i kategoriya vezhlivosti v slavyanskom imperative* [Aspect and the category of politeness in the Slavic imperative]. München-Berlin: Verlag Otto Sagner, 2010. (In Russ.)

Biryulin L. A. *Semantika i pragmatika russkogo imperativa* [Semantics and pragmatics of the Russian imperative]. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1994. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Kategorizaciya semantiki* [Categorisation of semantics]. Moscow, «YaSK» Publ., 2011. (In Russ.)

Dobrushina N. R. *Soslagatel'noe naklonenie v russkom yazyke: opyt issledovaniya semantiki* [Subjunctive mood in Russian: the study of semantics]. Praga, «Animedia company», 2016. (In Russ.)

Dymarskij M. Ya. Infinitivnye vyskazyvaniya s semantikoj nezhelatel'nosti: vid, vremya, lico, tipovye znacheniya [Infinitive sentences with the counteroptative semantics: aspect, tense, mood and typical meanings]. *Voprosy jazykoznanija*, 2015, no. 5, pp. 26–48. (In Russ.)

Khrakovskij V. S. Imperativnye formy NSV i SV v russkom yazyke i ih upotreblenie [Imperative forms of imperfective and perfective aspect in Russian and their use] // *Russian Linguistics*. 1988, 12, 3, pp. 269–292. (In Russ.)

Khrakovskij V. S. Vzaimodejstvie grammaticheskikh kategorij glagola. Opyt analiza [Interaction of grammatical categories of Russian verb: an attempt of analysis] // *Voprosy jazykoznanija*. 1990, no. 5, pp. 18–36. (In Russ.)

Khrakovskij V. S. Grammaticheskie kategorii glagola (opyt teorii vzaimodejstviya) // A. V. Bondarko (ed.). *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike* [Intercategorical connections in grammar]. St. Petersburg, 1996, pp. 22–42. (In Russ.)

Khrakovskij V. S. Vzaimodejstvie grammaticheskikh kategorij: vid, vremya, naklonenie // M. D. Voejkova (ed.). *Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu. Sbornik statej v chest' 80- letiya chlena-korrespondenta RAN A. V. Bondarko*. Moscow, «Yazyki slavyanskoj kul'tury» Publ., 2012, pp. 539–561. (In Russ.)

Kul'kova R. A. *Funkcionirovanie soslagatel'nogo nakloneniya v sovremennom russkom yazyke* [Functioning of the subjunctive mood in modern Russian. Referat of the dissertation]. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Moscow, MGU, 1986. (In Russ.)

Paducheva E. V. Semantika i pragmatika nesovershennogo vida imperativa [Semantics and pragmatics of the imperfective imperative in Russian] // E. V. Paducheva. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic studies: semantics of aspect and tense in Russian. Semantics of narrative]. Moscow, «Yazyki russkoj kul'tury» Publ., 1996, pp. 66–83. (In Russ.)

Parmenova T. V. *Funkcionirovanie soslagatel'nogo nakloneniya v sovremennom russkom yazyke* [Functioning of the subjunctive in modern Russian. Referat of the dissertation]. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. L., LGPI im. A. I. Gercena, 1975. (In Russ.)

Podlesskaya V. I. Uslovnye konstrukcii: strategii kodirovaniya i funkcional'naya motivaciya [Causative constructions: strategies of the coding and functional motivation] // Testeleys Ya. G., Rakhilina E. V. (eds.) *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k ob'yasneniyu (k 60-letiyu A. E. Kibrika)* [Language typology and language theory: from description to explanation. For the 60th anniversary of A. E. Kibrik]. Moscow, «YaRK» Publ., 1999, pp. 255–273. (In Russ.)

Pupynin Yu. A. *Sistemnye svyazi grammaticheskikh kategorij glagol'nogo predikata v sovremennom russkom yazyke* [Systemic relations of grammatical categories of the verb predicate in modern Russian]. Unpublished doctoral dissertation. Dis. ... d.f.n. St. Petersburg, 1992. (In Russ.)

Pupynin Yu.A. Grammaticheskie kategorii russkogo glagola v ih sistemno-paradigmaticheskikh i funkcional'nyh svyazyah [Grammatical categories of Russian verb in its systemic paradigmatic and functional relations] // Bondarko A. V. (ed.) *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike* [Intercategorical connections in grammar]. St. Petersburg, 1996. (In Russ.)

Poupynin Yu. A. The category of voice in connection with other grammatical categories in Russian». *GUSLI Working Papers of the Department of Slavic Languages*, University of Goeteborg, 2002, no. 12.

Poupynin Yu. A. *Interaction between Aspect and Voice in Russian*. München-Newcastle: LINCOM Studies, 1999.

SSRLJa — Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. V. 11. M.-L., AN SSSR, 1961. (In Russ.)

Shatunovskij I. B. Imperativ i vid [Imperative and aspect] // M. Yu. Chertkova (red.). *Trudy aspektologicheskogo seminara filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova*. V. 4. Moscow, «Maks Press» Publ., 2004, pp. 253–280. (In Russ.)

Shmelev D. N. O znachenii vida v povelitel'nom naklonenii [On semantics of aspect in the imperative] // *Russkij yazyk v shkole*. 1959, 20, 4, pp. 13–17. (In Russ.)

Shmelev A. D. Modal'nost', kontrol' i vid: tochki vzaimodejstviya (russkoe slovo nel'zya v sochetanii s infinitivom) [Modality control and aspect: points of interconnections] // M. D. Voejkova (red.). *Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu. Sbornik statej v chest' 80- letiya chlena-korrespondenta RAN A. V. Bondarko* [From meaning to form and from form to meaning] Moscow, «Yazyki slavyanskoj kul'tury» Publ., 2012. (In Russ.)

Shvedova N. Ju. Russkie bytiynye glagoly i ix subjekty [Russian existential verbs and their subjects] // Shvedova N. Ju., Lopatin V. V. (eds.) *Slovo i grammaticheskie zakony jazyka: Glagol*. Moscow, «Nauka» Publ., 1989, pp. 5–171. (In Russ.)

Voejkova M. D. Var'irovanie form SV/NSV v imperative: analiz faktorov [Variation of the perfective / imperfective forms in the imperative: the analysis of factors] // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichestkih issledovanij*, 2015. V. XI, no. 1, pp. 539–565. https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XI_1.pdf (In Russ.)

О. И. Глазунова

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

o.i.glazunova@mail.ru

АЛГОРИТМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАК ПРИНЦИП ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА И ПОСТРОЕНИЯ РЕЧИ

Язык относится к сфере познания внутреннего мира человека: его изучение традиционно проходило в изоляции от естественно-научных дисциплин, описывающих законы строения и развития мира внешнего. Однако язык обладает и материальной формой, которая должна подчиняться единым для природных систем правилам: включать динамику развития событий, существовать на основе образующих цикл алгоритмов и создаваться для выполнения определенных задач.

Алгоритмический принцип осуществления структурно-системных преобразований присутствует на всех языковых уровнях как система решающих правил, которые в случае их выявления помогают понять закономерности и природу языковых процессов. (Например, разницу в употреблении предлогов *от* и *из* при выражении причины (остановиться *от* страха (*из вежливости*)), противительных союзов *а* и *но*, форм именительного и родительного падежей определительного слова при существительном после числительных *два*, *три*, *четыре* (три *моих двоюродных* брата — три *мои двоюродные* сестры); необходимость использования союза *чтобы* в конструкциях со значением цели и т. д.)

Статья посвящена поискам факторов внутреннего развития языка и объективным показателям, которые обуславливают принципы сочетаемости языковых единиц в речи. В настоящее время лингвистика не может ограничиваться описательными методами исследований; необходимо переходить к поиску закономерностей, которые определяют функционирование языка как системного образования, состоящего из элементов разных уровней, пребывающих в постоянном взаимодействии не только друг с другом, но и с окружающей действительностью.

Ключевые слова: алгоритмические модели, продуктивная грамматика, системность языка, сочетаемость языковых единиц в речи.

1. Введение

Способность к отображению мыслей, чувств, эмоций делает язык одним из основных инструментов познания окружающей человека действительности. И хотя внутренний мир относится к нематериальным сущностям, он базируется на обладающих формой графических знаках, фонетических, морфологических, лексических и синтаксических единицах, которые, как любая другая материя, должны подчиняться законам природы.

Именно это мы наблюдаем в языке. Расширение звукового, лексического и синтаксического состава языка приводит к качественному усложнению выражаемой с их помощью информации, предопределяя поступательное ее развитие в рамках *закона перехода количественных изменений в качественные*. Базирующиеся на противопоставлении принципы сочетаемости в языке (тоновая основа гласного дополняется шумовой природой согласных звуков, субъект с предметным значением образует связь с предикатом со значением признака) подчиняются *закону единства и борьбы противоположностей*. Принципы организации языковых единиц разных уровней, когда «ядерный» компонент (гласный звук, ударный слог, корневая морфема, главное слово в составе словосочетания, субъект и предикат) уравнивается периферией, подчиняются *закону иерархической упорядоченности систем* и т. д. Как любая «живая» система язык переживает определенные стадии развития, в ходе которых его структура проходит многочисленные преобразования (мутации), ее формирование происходит в том виде, который лучше всего отвечает целевому назначению — выражению содержания и выполнению коммуникативной функции.

Процессы, которые происходят в языке, ничем не отличаются от любых других природных процессов, где все взаимообусловлено и алгоритмически выверено таким образом, чтобы обеспечить поступательное развитие системы. Естественный отбор как основной механизм эволюции в природной среде основан на функции приспособленности; его смысл состоит в достижении результата, обеспечивающего организму оптимальное взаимодействие частей в составе целого. То же самое происходит в языке: позиционные изменения согласных и гласных звуков на письме и в речи, использование различных грамматических форм и лексических средств в одних и тех же структурах с частичным или полным изменением содержания обусловлено переходом от структурных языковых компонентов к их системной организации в соответствии с едиными, обусловленными природой, алгоритмами преобразования и развития.

В РКИ данное направление изучения языковых структур получило название функционально-коммуникативной грамматики. Цель его состояла в том, чтобы «представить закономерности и алгоритмы построения речи в условиях конкретного дискурса, для чего нужно, с одной стороны, понять динамику языка в синхронии, то есть понять, как работает язык в процессе пользования им; что происходит с единицами языка (и каковы они — эти единицы) при речепостроении, какие факторы и как действуют на построение речи, а с другой — знать все нюансы словоизменения и словообразования» [Всеволодова 2003: 60].

Алгоритм подразумевает функционально-обусловленное действие, в нашем случае — выбор из имеющихся вариантов, который говорящий делает на основе объективных, поддающихся проверке критериев в процессе построения речи. Заложенные в языке принципы преобразования материи в информационное сообщение способствуют тому, что языковые структуры, предназначенные для описания положения дел в действительности, выполняют ещё одну функцию — предоставляют в распоряжение человека методологическую базу, которая, с одной стороны, предопределяет стратегию познания окружающей среды, а с другой — развивает его мыслительные и познавательные способности. Вместе с тем, в отличие от природной среды, язык представляет собой результат работы сознания, в котором цель не только изначально заложена, но и обладает специальными средствами выражения на лексическом и синтаксическом уровне.

Алгоритмический принцип осуществления структурно-системных преобразований присутствует на всех языковых уровнях как система решающих правил, которые в случае их выявления помогают понять закономерности и природу языковых процессов. В основе выбора нормативного варианта могут лежать формальные показатели. Например, с частицей *давай* глаголы несовершенного вида употребляются в форме инфинитива (давай *читать*), а глаголы совершенного вида — в форме 1-го лица мн. числа (давай *почитаем*); при наличии определяемого слова родительный партиципный не употребляется: кусок *сыра/сыру* — кусок российского *сыра*; при обозначении количества определяемое слово стоит в форме родительного падежа при существительных мужского рода и в форме именительного падежа при существительных женского рода (три *моих двоюродных* (Р.п.) брата — три *мои двоюродные* (Им.п.) сестры); союз *чтобы* употребляется в обязательном порядке при наличии дополнительного объекта (*Взял книгу почитать. — Взял книгу, чтобы почитать её сыну*) и т. д.

Гораздо сложнее делать выбор, который определяется смысловыми показателями. Например, употребление краткой или полной формы прилагательного (Он *болен. — Он больной*) обусловлено заложенным в содержании временным или постоянным значением признака; сложная превосходная степень прилагательного передает абсолютное значение (*самый великий* поэт), простая превосходная степень — значение относительное (*величайший* поэт — один из самых великих). В целевых конструкциях с глаголами движения *везти, вести, нести* в сочетании с прямыми объектами использование союза *чтобы* указывает на то, что действие инфинитива относится к субъекту: *Родители отвезли детей к бабушке, чтобы отдохнуть* (чтобы родители отдохнули); при его отсутствии действие инфинитива относится к объекту: *Родители отвезли детей к бабушке отдохнуть* (чтобы дети отдохнули) [Глазунова 2017б: 87]. Во всех этих случаях выбор нужной конструкции определяется отправителем речи и соотносится с закрепленным за ней содержанием. Если носители языка делают выбор автоматически, то для иностранцев и компьютерных программ должна быть разработана система специальных алгоритмических правил.

Стоит отметить, что традиционная лингвистика недостаточно внимания обращает на такого рода проблемы. Например, большое количество работ отечественных

исследователей посвящено средствам выражения причины в простом предложении. Авторы подробно разбирают особенности употребления предложно-падежных форм со значением причины, исходя из их рецептивных особенностей, в то время как вопросы, связанные с правилами использования близких по значению предлогов в рамках продуктивной грамматики, не получают должного освещения.

2. Предлоги *от* и *из* со значением причины в простом предложении

Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук описывают семантику предлога *от* следующим образом: предлог служит 1) «для выражения непосредственной причины, которая своим воздействием вызывает некоторую реакцию (*У Петра от страха лоб покрылся испариной*)»; 2) «для выражения первоначальной причины (*Все комплексы Петра — от страха*)» [Иорданская, Мельчук 1996: 199]. Предлог *из*, согласно авторам статьи, служит «для выражения мотива или побудительной силы (психическое состояние или свойство) контролируемого действия (*Петр не критикует начальство из каких-то тайных соображений*)» [Иорданская, Мельчук 1996: 200].

К сожалению, указанные авторами критерии непосредственности, первоначальности и побудительности, которые следует учитывать при употреблении предлогов *от* и *из* с причинным значением, не всегда позволяют выбрать правильный вариант, особенно в сочетании с существительными, обозначающими чувства.

Например, в предложении *Все комплексы Петра — от страха*, приведенном авторами в качестве примера «первоначальной причины», страх в равной степени может рассматриваться и как побудительная сила, которая, согласно их определению, должна сопровождаться употреблением предлога *из*; однако использование *из* в данном предложении не является нормативным. Опираясь на предложенные авторами принципы разграничения, невозможно объяснить причину употребления предлога *от* или *из* и в таких словосочетаниях, как *остановился от страха — остановился из вежливости*; *потерял голову от любви — работал из любви к искусству*. А ведь в каждом из этих примеров предлог эксплицирует значение, которое не может быть выражено другим способом. Отсюда следует, что без установления четких критериев разграничения синонимичных средств выражения в контекстах, где они не могут заменять друг друга, невозможно выявить разницу между ними.

Действия, которые соотносятся с существительными с предлогами *от* и *из*, можно разделить на две группы в соответствии с тем, какой причиной они обусловлены: внешним воздействием на субъекта или исключительно его внутренним состоянием [Глазунова 2017а: 22]. Предлог *от* употребляется с существительными, которые выражают ответную реакцию на воздействие извне (*От страха он не мог говорить — что-то в его окружении сильно напугало его*); *из* — с существительными, которые обозначают чувство, заложенное или зародившееся в субъекте и направленное вовне (*Он не ответил из страха быть наказанным*).

В первом примере (с предлогом *от*) страх возник в результате внешнего воздействия на субъекта некой силы (причины), которая и вызвала состояние онемения. Во втором примере (с предлогом *из*) страх обусловлен внутренними

причинами — личностными характеристиками субъекта (его трусостью); он исходит изнутри и направлен вовне. Непосредственного воздействия на субъекта во втором случае не было; состояние, которое привело к решению промолчать, — результат свойственной человеку душевной слабости.

Критерий неконтролируемости/контролируемости действия, который Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук кладут в основу употребления предлогов *от* и *из* [Иорданская, Мельчук 1996: 184], в данном случае работает лишь частично, потому что, например, в словосочетаниях *помог из жалости*, *убил из ревности*, *зашел из любопытства* предложные лексемы нельзя отнести к «побудительной силе (психическому состоянию или свойству) контролируемого действия», как нам предлагают сделать авторы статьи. Если человек бросается на помощь, рискуя жизнью, совершает что-то под воздействием ревности или любопытства, его действия носят спонтанный характер и их вряд ли можно рассматривать как контролируемые. Следовательно, нужен другой подход и другой принцип разграничения.

С нашей точки зрения, значения форм *помог из жалости*, *убил из ревности*, *зашел из любопытства* соответствуют критерию «направленности причины изнутри вовне» (от субъекта — во внешний мир). *Склонность к жалости или ревности*, *любопытство* — это внутренние причины, которые вызвали определенные действия: *помог*, *убил*, *зашел*. В то время как примеры с предлогом *от*: *страдал от комплексов*, *мучился от ревности*, *покраснел от стыда*, *вздрыгнул от неожиданности*, соответствуют другому критерию — «направленности причины извне», из внешнего мира (возможно, из оценки себя или своего поведения во внешнем мире) на субъекта или на объект.

Сравните: *страдал от комплексов* (комплексы — причина, воздействующая на субъекта состояния) — *страдал из вредности* (вредность — причина, которая оказывает воздействие на окружающий мир). Неслучайно в словосочетаниях, выражающих физические изменения под влиянием окружающей среды: *побелел от холода*, *ослаб от голода*, *оглох от крика*, *потемнел от времени*, употребить предлог *из* невозможно. Подход, при котором причина рассматривается как фактор направленного воздействия, полностью соответствует семантике предлогов *от* и *из*.

Любое действие причинно-обусловлено, но эти причины имеют разную природу: они могут быть внутренними, исходящими от человека (т. е. определяющимися его личностными особенностями) и направленными вовне, или внешними — представляющими собой следствие воздействия на человека внешних факторов.

Значения глаголов в словосочетаниях с предлогами *от* и *из* лишь в некоторых случаях определяют выбор предлога (Ср.: *остановился от страха* — *остановился из вежливости*). основополагающим в приведенных выше примерах является направленность обуславливающего причину фактора — от субъекта или на субъекта (на объект). Вежливость (*остановился из вежливости*) — это то, что было заложено в человека; она направлена вовне, в отличие от чувства страха (*остановился от страха*), возникшего под воздействием внешних факторов.

Неслучайно существительные, семантика которых ограничивается внутренним миром человека (например, *счастье*, *радость*, *печаль*, *грусть*), с предлогом *из* со

значением причины не употребляются. Другие существительные (*обида, досада, беспечность*), значение которых может соотноситься с побудительными намерениями, используются с предлогом *из* крайне редко; носителями языка такие формы обычно воспринимаются как разговорные: «Утверждают, что *из обиды* и мести они расстреляли своих военных советников»; «Посему недопустимо совершать сей шаг необдуманно, *из беспечности* либо ради забавы, но лишь по зрелому размышлению» (примеры из Интернета).

Как любое системное образование язык подчиняется логике развития окружающего мира, следовательно, все в нем должно быть предопределено и логически выверено. Задача лингвистов заключается не столько в описании того, что мы имеем, сколько в выявлении причинно-следственной обусловленности существования и использования тех или иных языковых единиц в языке и речи.

3.1. Союзы *а* и *но* в сложносочиненных конструкциях

Отношения противопоставления, определяющие варианты сосуществования ситуаций в пространстве и времени, лежат в основе использования в языке противительных союзов *а* и *но*, которые «наряду с союзом *и*, формируют ядро системы русских сочинительных союзов» [Урысон 2004: 65]. В отличие от *и*, союзы *а* и *но* употребляются для выражения противопоставления событий, которые в целом или по ряду признаков соотносятся друг с другом. При этом, несмотря на общность выражаемого ими значения, союзы *а* и *но* не всегда могут заменять друг друга в предложении.

Самую большую сложность для иностранцев, которые изучают русский язык, а также для переводчиков, работающих с русскими текстами, представляет союз *а*. Он не имеет аналогов во многих других языках и, по мнению исследователей, «с большим трудом поддается семантической экспликации» [Урысон 2004: 64]. Действительно, стоит отметить, что значения, которые союз *а* выражает в составе предложения, в отечественной лингвистической литературе описываются по-разному и с самых разных позиций.

Анна А. Зализняк и И.Микаэлян вслед за А.Вежбицкой [Wierzbicka 1992] отмечают, что «союз *а* заключает в себе одну из ключевых идей русской языковой картины мира, а именно, идею непредсказуемости мира» [Зализняк, Микаэлян 2005]. Вслед за В.З. Санниковым, назвавшим *но* союзом «ненормального следствия» [Санников 1989], Е.В. Урысон предложила использовать то же самое наименование по отношению к союзу *а* — «*а* ненормального следствия» [Урысон 2005].

По мнению Е.В. Падучевой, семантика союза *а* определяется «эгоцентричностью (ориентированностью на субъекта сознания)» [Падучева 1997: 37], при этом «в роли субъекта сознания, предполагаемого семантикой этого союза, выступает говорящий — или, в повествовательном тексте, его обычные заместители» [Падучева 1997: 47]. Исходя из этого, отличие союза *но* (вторичного эгоцентрика, по определению Падучевой) от союза *а* (первичного эгоцентрика) состоит в том, что выражаемое им значение отражает точку зрения не субъекта сознания, а лица, упомянутого в предложении.

Если данный принцип работает, то лишь частично. Например, и в предложении *Зарплату повысили, а денег по-прежнему не хватает*, и в предложении *Зарплату повысили, но денег по-прежнему не хватает* определить, кто является субъектом оценки: отправитель речи (субъект сознания) или лицо, которому эту зарплату повысили (т. е. объект речи), крайне сложно. Во многих предложениях с противительными союзами не содержится никаких объективных показателей, позволяющих сделать на этот счет однозначный вывод.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и при других толкованиях данных союзов. Мало что дают и существующие на сегодняшний момент классификации.

В. В. Виноградов выявляет четыре значения союза *а*: противительное (*Мужчина, а плачет; Они проснулись, а мы спать собираемся*), присоединительное (*Встала перед глазами изба голодная, а в избе голодной мать хворающая лежит*), противительно-перечислительное (*А где же другие товарищи? А Данилов?*), присоединительно-усилительное (*А дура-то врет, врет, да и правду соврет*) [Виноградов 2001: 583–584].

В более распространенной классификации союзов, приведенной в работе Г. Е. Крейдлина и Е. В. Падучевой, выделяется три значения союза *а*: сопоставление (*Отец был летчик, а сын избрал ученую карьеру*), несоответствие (*Дело к весне, а мороз все жестче*), присоединительное (*За деревней было поле, а за полем начинался лес*) [Крейдлин, Падучева 1974].

Очевидно, что, за исключением присоединительного, остальные значения, которые приписываются союзу *а* в работах Г. Е. Крейдлина, Е. В. Падучевой и В. В. Виноградова, не совпадают, а потому заключение, к которому приходят В. Ю. Апресян и О. Е. Пекелис на сайте «Проекта корпусного описания русской грамматики», вполне оправданно: «По поводу семантики союза *А* существует множество работ, однако до сих пор не сформулировано однозначных правил его употребления» [Апресян, Пекелис 2012].

Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к определению прилагательного «противительный», обозначающего разряд, в который входят союзы *а* и *но*. «ПРОТИВИТЕЛЬНЫЙ, -ая, -ое. В грамматике: выражающий отношения противопоставления» [Ожегов, Шведова 1999: 624] (подчеркнуто мной — О. Г.). Существительное «противопоставление», в свою очередь, образуется от глагола «противопоставлять», значение которого выражается следующим образом: «ПРОТИВОПОСТАВЛЯТЬ, несов. (сов. *противопоставить*), *кого-что кому-чему*. Сопоставлять (сопоставить) кого-, что-л. с кем-, чем-л., указывать (указать) несходство, противоположность признаков одного и другого, давая рядом что-л. несходное» [Толковый словарь русских глаголов 1999: 324] (подчеркнуто мной — О. Г.).

В определении глагола «противопоставлять» указываются два значения, которые определяют действие: 1) несходство и 2) противоположность. Именно они соответствуют значениям союзов *а* и *но*. Очевидно, что между этими понятиями существует принципиальная разница: *несходство* соотносится с существительными «непохожесть, неодинаковость» [Александрова 2001: 261], а *противоположный* трактуется как «совершенно несходный, противоречащий другому» [Ожегов, Шведова 1999: 624].

3.2. Несоответствие Vs Противоречие: принцип разграничения союзов *а* и *но* в русском языке

Итак, противопоставление в русском языке подразумевает два варианта взаимодействия ситуаций в рамках сложного предложения: 1) на основе *несходства* входящих в их состав и соотносящихся между собой однотипных элементов (субъектов, объектов, действий, признаков, обстоятельств); 2) на основе *противоречия* между ними. Эти два отличных друг от друга варианта восприятия окружающей действительности находят отражение в языковых структурах, в частности в правилах употребления союзов *а* и *но* в составе сложносочиненного предложения.

Чтобы понять разницу в употреблении союзов, из примеров, представленных в работах В.В. Виноградова, В.З. Санникова, Г.Е. Крейдлина, Е.В. Падучевой, Е.В. Урысон, мы выбрали те, в которых союз *а* не может быть заменен союзом *но*. При этом предложения с присоединительным и противительно-перечислительным значениями типа *За деревней было поле, а за полем начинался лес; А где же другие товарищи? А Данилов?* нами не рассматривались на том основании, что вопросов по употреблению в них союза не возникает.

Все выбранные примеры указали на то, что союз *а* в нейтральном стиле речи употребляется при наличии *несходства* между двумя описываемыми ситуациями: *Они проснулись, а мы спать собираемся; Он сидел в тюрьме, а годы шли; Вы аристократ, а я демократка; Он днем спит, а ночью работает; Петров болен, а Сидоров в командировке*. При этом несходство может проявляться при описании нескольких субъектов (*Он шел пешком, а его брат ехал на велосипеде*) или одного и того же (*Он днем спит, а ночью работает*).

В отличие от союза *а*, союз *но* в сложном предложении используется для выражения *противоречия* между описываемыми ситуациями или входящими в их состав частями: *День был дождливый, но Коля не взял зонт; Его фамилия Вернер, но он русский; Он звал, но я не поехала; Дико и странно может показаться все это, но я пишу одну правду; Иван развелся с Лидией, но на Кате так и не женился*. В такого рода конструкциях союз *но* объединяет две части, в которых одна исключает другую или оценивается как несовместимая с ней в силу антонимичности входящих в их состав компонентов. Информация, представленная во второй части сложного предложения: *не взял зонт, он русский, я не поехала, я пишу одну правду, на Кате так и не женился*, не соответствует тому, что изложено в первой части, — так не должно было произойти, потому что случившееся противоречит традиционным взглядам и нормам поведения в обществе¹.

Различия в употреблении союзов *а* и *но* имеют системный характер. С помощью языка человек структурирует и оценивает окружающую его действительность. Чтобы обозначить заложенные в природе или возникающие в процессе развития событий противоречия, необходимо использовать инструмент, который позволяет описать систему в виде причинно-следственных связей. Для этого можно использовать

¹ О разнице в употреблении союзов *а* и *но* см. [Глазунова 2017: 2706].

не только конструкции с союзом *но*, но и с союзом *хотя* со значением уступки²: *День был дождливый (солнечный), но Коля не взял зонт (взял зонт) — Хотя день был дождливый (солнечный), Коля не взял зонт (взял зонт)*. При этом трансформировать таким же образом предложения, в которых используется только союз *а*, невозможно, потому что союз *а* соединяет ситуации, не связанные друг с другом причинно-следственными отношениями (*Он шел пешком, а его брат ехал на велосипеде*).

Вместе с тем в большинстве сложносочиненных конструкций союз *но* может быть заменен союзом *а*, на что неоднократно указывали исследователи: *День был дождливый, но (а) Коля не взял зонт; Выиграл Чемпионат Европы, но (а) на Олимпиаде не вошел в шестерку сильнейших*. В.З. Санников разграничивает значение союзов в этом случае следующим образом: «Союз *но* указывает на зависимость компонентов Р и Q (Коля знал, что погода дождливая, и все-таки не взял зонт); союз *а* описывает события как независимые (возможно, когда Коля собирался, дожда еще не было)» [Санников 1989: 170–171].

И хотя Е.В. Урысон считает, что «В.З. Санников дал точную экспликацию различий между этими фразами» [Урысон 2005], с этим вряд ли можно согласиться, потому что событие, описываемое конструкцией с союзом *а* (*а Коля не взял зонт*), могло попасть в поле зрения отправителя речи только при условии дождливого дня. Эти две ситуации причинно-обусловлены, а потому рассматривать их как независимые невозможно.

С нашей точки зрения, варианты с союзом *а* (при возможном употреблении *но* в данной позиции) указывают на экспрессивный характер высказывания [Глазунова 2017б: 270]. Ср.: *Молодой, а опытный* (Удивительно!); *Мужчина, а плачет; Он шел пешком, а добрался быстрее нас* (Надо же!); *Его имя Вернер, а он русский* (Бывает же такое!).

Таким образом, союз *а* в русском языке предназначен для выражения несходства при сопоставлении ситуаций, параллельно или последовательно развивающихся в пространстве и времени, союз *но* служит для констатации заложенного в них противоречия, т. е. имеет причинно-следственную основу. Замена союза *но* союзом *а* в такого рода конструкциях приводит в действие стилистические механизмы, добавляя значение экспрессивности в оценке и передаче отправителем речи сложившихся противоречий.

4. Выводы

Системный подход к решению задач позволил многое понять в теории эволюции, в исследовании генетического кода, в синергетике, а также сформулировать методологические алгоритмы объяснения принципов формирования, развития

² В ряде случаев даже сложносочиненное предложение с союзом *и* может указывать на противоречие. Как остроумно заметил американский математик Стивен Клини, «хотя в исчислении высказываний А&В равносильно В&А, фразы “У Джейн родился ребёнок, и она вышла замуж” и “Джейн вышла замуж, и у неё родился ребёнок” будут пониматься знакомыми Джейн по-разному» [Клини 1973: 82].

и взаимодействия объектов и процессов, составляющих функционально обусловленное целое.

Тот же самый подход «работает» и в языке, который является системным образованием, выполняющим не только семиотическую, но и коммуникативную, когнитивную, номинативную и аккумулятивную функции. Все в языке предопределено и основано на объективных показателях, которые могут быть выявлены через систему решающих правил (алгоритмов), направленных на поиск закономерностей в формировании и развитии языковых структур, а также в характере их взаимодействия в рамках выполнения свойственных языку функций.

Данное направление в лингвистике является весьма перспективным и в теоретическом, и в практическом отношении. Очевидно, что сегодня от описания разного рода лексических, грамматических, синтаксических форм и конструкций надо переходить к объяснению того, в силу чего они возникли и на основе каких принципов взаимодействуют друг с другом, — т. е. к поискам факторов внутреннего развития языка.

Литература

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. Изд. 11-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001. 568 с.

Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Сочинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://test.rusgram.ru/Сочинительные_союзы (дата обращения: 02.10.2019).

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. Изд. 4-ое. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

Всеволодова М. В. Функциональная прикладная грамматика русского языка как основа для создания учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному // Сопоставительная филология и полилингвизм: Сборник научных трудов / под ред. А. А. Аминовой, Н. А. Андрамоновой. Казань, 2003. С. 59–66.

Глазунова О. И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. В 2 ч. Ч. 1. Морфология. 9-ое изд. СПб.: Златоуст, 2017а. 424 с.

Глазунова О. И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. В 2 ч. Ч. 2. Синтаксис. 5-ое изд. СПб.: Златоуст, 2017б. 416 с.

Зализняк Анна А., Микаэлян И. Русский союз *a* как лингвоспецифичное слово // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Наука, 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dialog-21.ru/media/2439/zalizniak_mikaelian.pdf (дата обращения: 02.10.2019).

Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви ~ ОТ любви ~ ИЗ любви ~ *С любви ~ ПО любви) // Московский лингвистический журнал. Том 2. М.: РГГУ, 1996. С. 162–211.

Клини С. К. Математическая логика / пер. с англ. Ю. А. Гастева, под ред. Г. Е. Минца. М.: Мир, 1973. 480 с.

Крейдли Г. Е., Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства союза *a* // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 1974. №9. С. 31–37.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-ое, доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Падучева Е. В. Эгоцентрическая семантика союзов *A* и *HO* // Славянские сочинительные союзы. М., 1997. С. 36–45.

Санников В. З. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М.: Наука, 1989. 266 с.

Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 1999. 698 с.

Урысон Е. В. Союзы *a* и *но* и фигура говорящего // Вопросы языкознания. 2004. №6. С. 64–83.

Урысон Е. В. Союз *но*, или что такое «обманутое ожидание» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Наука, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2430/urysone.pdf> (дата обращения: 02.10.2019).

Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. 328 p.

Olga I. Glazunova
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
o.i.glazunova@mail.ru

ALGORITHMIC MODELS AS A PRINCIPLE OF THE LANGUAGE DESCRIPTION AND THE SPEECH FORMATION

Language is part of a person's inner life: its study has traditionally taken place in isolation from the natural sciences, which describe the laws of the structure and development of the outer world. However, language also has a material form that should be subject to the same rules, contain within itself event dynamics, exist on the basis of cyclical algorithms, and perform certain tasks.

The algorithmic principle of structural and systemic transformations is present at all levels of language as a system of decision-influencing rules, which, if identified, can help us to understand the existing laws and the nature of language processes, for example: the difference in Russian between the prepositions *от* and *из* expressing reason or cause (остановиться *от* страха versus *из* вежливости), the contrasting conjunctions *a* and *но*, the nominative or genitive case of determiners in expressions of quantity with the numbers two, three, four (три моих двоюродных брата — три

мои двоюродные сестры); the requirement to use the conjunction *чтобы* in subordinate clauses, etc.

This paper studies factors influencing the internal development of language and objective indicators that determine the principles of compatibility of language units in speech. At present, linguistics cannot be limited to descriptive methods of research. It is necessary to move on to the search for patterns that determine the functioning of language as a system whose elements are in constant interaction not only with each other, but also with the surrounding reality.

Keywords: algorithmic models, productive grammar, systematic language, compatibility of language units in speech.

References

Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Prakticheskij spravochnik*. [Dictionary of synonyms of the Russian language. A practical guide]. Izd. 11-e, pererab. i dop. Moscow, «Russkij yazyk/Russian language» Publ., 2001. 568 p. (In Russ.)

Apresyan V. Yu., Pekelis O. E. *Sochinitel'nye soyuzy. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Composition unions. Materials for the project of corpus description of Russian grammar] (<http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi. Moscow, 2012 URL: http://test.rusgram.ru/Сочинительные_союзы (accessed 02.10.2019). (In Russ.)

Glazunova O. I. *Grammatika russkogo yazyka v uprazhneniyakh i kommentariyakh* [Russian Grammar in Exercises and Comments]. V 2 ch. Ch. 1. *Morfologiya* [Morphology]. 9-oe izd. St. Petersburg, «Zlatoust» Publ., 2017a. 424 p. (In Russ.)

Glazunova O. I. *Grammatika russkogo yazyka v uprazhneniyakh i kommentariyakh* [Russian Grammar in Exercises and Comments]. V 2 ch. Ch. 2. *Sintaksis* [Syntax]. 5-oe izd. St. Petersburg, «Zlatoust» Publ., 2017b. 416 p. (In Russ.)

Iordanskaya L. N., Mel'chuk I. A. *K semantike russkikh prichinnyh predlogov (IZ-ZA lyubvi ~ OT lyubvi ~ IZ lyubvi ~ *S lyubvi ~ PO lyubvi)* [On the semantics of Russian causal prepositions (IZ-ZA lyubvi ~ OT lyubvi ~ IZ lyubvi ~ *S lyubvi ~ PO lyubvi)] // *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal. Tom 2/Vol.2*. M.: RGGU/Russian State University for the Humanities Publ., 1996, pp. 162–211. (In Russ.)

Kleene S. C. *Mathematical Logic*. John Wiley and Sons, Inc., New York, London, Sydney, 1967. 398 p. (Russ. ed.: Klini S. K. *Matematicheskaya logika* / per. s angl. Yu. A. Gasteva, pod red. G. E. Mintsy. Moscow, «Mir/World» Publ., 1973. 480 p.).

Krejdlin G. E., Paducheva E. V. *Znachenie i sintaksicheskie svoystva soyuza a* [Meaning and synthetic properties of the union *a*] // *Nauchno-tehnicheskaya informaciya* [Scientific and technical information]. Seriya 2. *Informacionnye processy i sistemy* [Information Processes and Systems]. 1974, no. 9, pp. 31–37. (In Russ.)

Ozhegov S. I., Shvedova N. YU. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Izd. 4-oe, dop. Moscow, «Azbukovnik» Publ., 1999. 944 p. (In Russ.)

Paducheva E. V. Egocentricheskaya semantika soyuzov A i NO [Egocentric semantics of the unions A and NO]. *Slavyanskije sochinitel'nye soyuzy* [Slavic compositional unions]. Moscow, 1997, pp. 36–45. (In Russ.)

Sannikov V. Z. *Russkie sochinitel'nye konstrukcii: semantika, pragmatika, sintaksis* [Russian compositional constructions: semantics, pragmatics, syntax]. Moscow, «Nauka/Science» Publ., 1989. 266 p. (In Russ.)

Tolkovyyj slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalent. Synonyms. Antonyms] / pod red. L. G. Babenko. Moscow, «AST–PRESS KNIGA» Publ., 1999. 698 p. (In Russ.)

Uryson E. V. *Soyuzy a i no i figura govoryashchego* [Russian unions *a* and *no*, and the figure of the speaker]. *Voprosy jazykoznanija*, 2004, no. 6, pp. 64–83. (In Russ.)

Uryson E. V. *Soyuz no, ili chto takoe «obmanutoe ozhidanie»* [Russian unions *a* and *no*, or what is «misguided expectations»] // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual International conference «Dialogue»]. Moscow, «Nauka / Science» Publ., 2005. (In Russ.) Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2430/uryson.pdf> (accessed 02.10.2019).

Vinogradov V. V. *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical doctrine of the word)] / pod red. G. A. Zolotovoj. Izd. 4-oe. Moscow, «Russkij yazyk / Russian language» Publ., 2001. 720 p. (In Russ.)

Vsevolodova M. V. *Funkcional'naya prikladnaya grammatika russkogo yazyka kak osnova dlya sozdaniya uchebnikov i uchebnyh posobij po russkomu yazyku kak inostrannomu* [Functional Russian applied grammar as a basis for the creation of textbooks and manuals on Russian as a foreign language]. *Sopostavitel'naya filologiya i polilingvizm: Sbornik nauchnyh trudov* [Comparative Philology and multilingualism: Collection of scientific works] / pod red. A. A. Aminovoj, N. A. Andramonovoj. Kazan', 2003, pp. 59–66. (In Russ.)

Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. 328 p.

Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. *Russkij soyuz a kak lingvospecifichnoe slovo* [Russian union *a* as a specific linguistic word] // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual International conference «Dialogue»]. Moscow, «Nauka/Science» Publ., 2005. (In Russ.) Available at: http://www.dialog-21.ru/media/2439/zalizniak_mikaelian.pdf (accessed 02.10.2019).

П. В. Гращенков

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия)
pavel.gra@gmail.com*

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В РУССКОЙ ИМЕННОЙ ПРЕДИКАЦИИ*

В статье исследуется вопрос о синтаксической организации русской именной предикации с прилагательным в функции именной части сказуемого. Вопрос о том, какая синтаксическая структура стоит за предикативным прилагательным, актуален для любого языка, где прилагательные представляют собой отдельную лексико-грамматическую категорию. В статье предпринимается попытка ответа на этот вопрос на основе данных русского языка. Подробно исследуется так называемая «атрибутивная гипотеза», в соответствии с которой предикативные прилагательные восходят к употреблению в составе именной группы. Рассматриваются основные аргументы в пользу такого анализа и против него. В конечном счете атрибутивный анализ отвергается.

Другим вопросом является сравнение предикаций с полной и краткой формой русских прилагательных. Результатом предложенного исследования является вывод о том, что русские полные формы (как и прилагательные языков типа английского) образуются в предикативной позиции как проекция (независимой) группы прилагательного. Предикативные полные формы не составляют часть именной группы, однако похожи на них благодаря наличию признака падежа. Краткие формы имеют больше сходства с глагольными проекциями, прежде всего потому, что могут присваивать семантические роли своим участникам.

Ключевые слова: Русский язык, прилагательные, именная предикация, синтаксическая структура простого предложения, именная группа

1. Подходы к анализу предикации с прилагательными

Вопрос о синтаксическом статусе прилагательных в именной предикации актуален для любого языка, в котором прилагательные представлены как отдельная лексико-грамматическая категория. Действительно, предикативное прилагательное

* Исследование поддержано грантом РНФ 18–18–00462, исполняемым в ГИРЯ им. А. С. Пушкина.

может быть, например, частью именной группы с опущенной именной вершиной, может рассматриваться как пример субстантивации или же, с другой стороны, быть самостоятельной проекцией группы прилагательного (в этом последнем случае, как мы увидим, также возможны варианты).

Для русского языка проблему синтаксического статуса прилагательных в именной предикации одним из первых поднял А. В. Исаченко, см. [Исаченко 1963]. А. В. Исаченко поставил под сомнение существовавшие прежде объяснения возможности организовать такие структуры одним из двух путей: с краткой или полной формой (далее — КФ и ПФ соответственно). Эти объяснения базировались в основном на семантических различиях и формулировались в терминах большей или меньшей соотносительности со временем. Исаченко поставил задачу найти синтаксическое, обоснование тем или иным свойствам прилагательных и в результате своего исследования пришел к выводу о том, что полные формы получаются в результате трансформации структур с краткими: «... мы считаем форму *здоровый* в схеме *Этот здоровый мальчик* и форму *здоров* в схеме *Этот мальчик здоров* формами имен прилагательных. Обе формы эквивалентны друг другу, одна является трансформом другой», [Там же: 80].

(1) [Исаченко 1963: 83]

a. <i>здоровый мальчик</i>	c. * <i>здоров мальчик</i>
b. <i>Мальчик (был) здоровый.</i>	d. <i>Мальчик (был) здоров.</i>

Известно — см. также пример (1), что КФ специализируется лишь на предикативной функции и недопустима в функции атрибута. В то же время, для ПФ доступны, на первый взгляд, обе возможности: она может употребляться как атрибутивно, так и предикативно. Исаченко резонно задается вопросом о том, не сводится ли предикативное употребление ПФ к атрибутивному. По его мнению именные предикации типа *Этот мальчик здоровый* действительно восходят к последовательным трансформациям структур *Этот мальчик здоров* и *Мальчик COP¹ мальчик*. Разницу между предложениями *Китайский язык очень труден* и *Китайский язык очень трудный* Исаченко видит в том, что полная форма прилагательного всегда соответствует «именному» употреблению: «Таким образом, *Китайский язык очень трудный* фактически восходит к структуре *Китайский язык очень трудный (язык)*», см. [Там же: 80–85].

Тот факт, что у КФ отсутствует атрибутивное употребление, наводит на мысль, что асимметрия в (1) является не более чем поверхностным выражением глубинной симметрии. Согласно такому анализу, ПФ прилагательных в русском языке всегда являются атрибутивными и в предикативном употреблении связаны с присутствием именной проекции, [Исаченко 1963; Babby 1973; Siegel 1976; Babby 1994] и др.

Такой подход к предикации с прилагательным получил ярлык «атрибутивного анализа». Рассмотрим сначала аргументы в пользу атрибутивного анализа.

¹ Copula.

Одним из наиболее часто приводимых аргументов является различие в интерпретациях краткой и полной формы, см. [Siegel 1976; Matushansky 2006; Bailyn 2012]:

- (2) [Siegel 1976: 297]
 а. *Студентка умна.* КФ, абсолютная интерпретация
 б. *Студентка умная.* ПФ, относительная интерпретация

Пример (2.а) соответствует так называемой «абсолютной» интерпретации — в нем просто утверждается, что студентка является умной. В (2.б) перед нами «относительная» интерпретация. Значение предикации здесь можно представить как ‘Студентка умная Δ’, где Δ синтаксически может соответствовать некоторой нулевой вершине, а семантически — некоторому оператору, который связывается подлежащим. Область изменения Δ — множество нарицательных существительных.

Другим хорошо известным аргументом является согласование в числе в вежливых формах второго лица:

- (3)
 а. *Вы красивы / *красива.*
 б. *Вы красивая / *красивые.*
 в. *Вы пришли / *пришла.*

Как мы видим из примера (3), КФ объединяется с глагольными формами, см. [Babby 1975; Geist 2010], в том, что согласуется лишь по множественному числу второго лица. С другой стороны, такие примеры дают основания предполагать, что за ПФ стоит нулевая именная вершина (*Вы красивая* \emptyset_{sg}).

Многочисленны также и контраргументы к атрибутивному анализу, приведем лишь некоторые. Как утверждается в [Geist 2010; Borik 2014], восстановить синтаксически невыраженную вершину невозможно — неясно, какое именно существительное стоит за ней:

- (4) [Geist 2010: 246]
После экзамена Иван был усталый. (усталый: человек? / студент? / Иван?)

Подобная ситуация приводит к неопределенности (недоспецификации) в грамматических признаках рода, (5) и числа, (6):

- (5) [Geist 2010:246]
 а. *Сергей хорошая няня.*
 б. **Сергей хорошая.*
- (6) [Borik 2014: 146]
 а. *Овощи были полезным продуктом.*
 б. **Овощи были полезным.*

Можно привести и другие аргументы против атрибутивного анализа. Во-первых, если имеется идиома, синтаксически равная именной группе, ПФ прилагательных

в предикативной позиции не сохраняют идиоматическую интерпретацию, наблюдаемую в атрибутивной позиции:

- (7) [Grashchenkov, Grashchenkova 2007]
 а. *золотая рыбка* (внешний признак vs. персонаж сказки)
 б. *Рыбка (была) золотая.* (только про цвет)
- (8) [Grashchenkov, Grashchenkova 2007]
 а. *медные трубы* (испытание славой vs. материал)
 б. *Трубы (были) медные.* (только в значении материала)
- (9) [Grashchenkov, Grashchenkova 2007]
 а. *китайская грамота* (нечто сложное, непонятное vs. национальность)
 б. *Грамота (была) китайская.* (только в значении прилагательного национальности)

Следующий аргумент актуален не только для русского, но и для других языков. Атрибутивное употребление прилагательного предполагает возможность множественных атрибутов, примеры а. В то же время, предикативное использование более чем одного прилагательного неграмматично:

- (10)
 а. *широкое синее море*
 б. **Море (было) широкое синее.*
- (11)
 а. *высокий каменный дом*
 б. **Дом (был) высокий каменный.*

Теоретически возможен следующий подход к образованию предикативных прилагательных. Сначала появляется предикация [_{VP} был [_{DP} каменный дом]], после чего вся именная группа кроме прилагательного передвигается в позицию субъекта:

- (12)
 а. *Дом был каменный.*
 б. [_{VP} был [_{DP} каменный дом]]
 с. [_{TP} дом_i [_{VP} был [_{DP} каменный t_i]]]

Действительно, для следующих примеров такой анализ вполне допустим:

- (13) (интернет)
 а. *Учительница она была строгая.*
 б. *Человек он был добрый.*
 с. *Женщина она была злая.*

Приведенные в (13) русские конструкции можно свести к предложенному выше способу деривации: [*она [была [строгая учительница]]*] → [*учительница [она [была [строгая]]]*].

Такой сценарий выглядит весьма вероятным по следующим причинам. Во-первых, замена в данных предложениях полной формы на краткую невозможна:

(14)

- a. *Учительница она была строга.
- b. *Человек он был добр.
- c. *Женщина она была зла.

Это заставляет нас предполагать, что исходная позиция ПФ — атрибутивная, т. к. именно КФ неспособны употребляться атрибутивно.

Во-вторых, за пределами именной предикации такие употребления также становятся неграмматичными:

(15)

- a. *Учительница она все знала.
- b. *Человек он со всеми дружил.
- c. *Женщина она постоянно ругалась.

Однако против сценария, приведенного в (12), есть контраргумент достаточно универсального характера, применимый к любым языкам. Приведенный сценарий деривации не предусматривает возможности образования предложений с предикативными прилагательными и местоимениями / собственными именами в роли подлежащего. Для подобных типов именных групп невозможны стадии образования [был [строгий Петя / он]]. Поскольку тип подлежащего не влияет на семантику всего предложения, мы не можем принять такой гипотезы:

(16)

Петя / Он был веселый \equiv *Дом был каменный*.

Как мы полагаем, сказанного выше достаточно, чтобы отвергнуть атрибутивную гипотезу для ПФ предикативных прилагательных. Далее мы обсудим процесс деривации предикативных кратких форм, а затем вернемся к предикативным ПФ.

2. КФ как аналог глагольной формы

Примем некоторые договоренности относительно терминологии. Мы будем говорить о проекции Atr, которая, с некоторой долей условности, соответствует ПФ русских прилагательных. В то же время, вершина Adj в нашей терминологии будет соответствовать КФ.

Рассмотрим следующие примеры:

(17)

Она хотела быть красива.
Ты можешь быть успешен во время кризиса.

(интернет)

Как мы видим, в случае, когда КФ находится в составе инфинитивной именной связки, подчинённой главной предикации с глаголами желания, модальными глаголами и т. д., предложения грамматичны. В то же время, если КФ в контексте инфинитивного комплемента заменить согласуемой (номинативной) ПФ — будет наблюдаться неграмматичность:

(18)

**Она хотела быть красивая.*

**Ты можешь быть успешный во время кризиса.*

Данный контраст демонстрирует критическую зависимость согласуемой ПФ от наличия в предикации означенного падежного признака. Известно, что инфинитив не способен приписывать признак номинатива, что проявляется, в частности, в отсутствии выраженного подлежащего в инфинитивных оборотах. Как следствие — падежному признаку, необходимому словоформе ПФ прилагательного, оказывается просто «неоткуда взяться».

Контраст между полной и краткой формой в контексте инфинитивного комплемента ‘быть’ показывает, что КФ, в отличие от ПФ, не нуждается в означивании падежного признака. Действительно, морфологическая категория падежа у КФ отсутствует. Из этого можно сделать следующие заключения, касающиеся деривации именных предикаций с каждой из форм. ПФ, подобно предикативным именным группам, образуется как именная проекция. Предикации с КФ образуются несколько иначе. Попробуем ответить на вопрос о том, как именно.

Важным для нас фактом является то, что именно КФ связаны с синтаксически зависимыми (=аргументной структурой) русских прилагательных. Онтологическую связь между адъективной категорией Adj и аргументной структурой подтверждает следующее наблюдение.

Как известно, лишь часть русских прилагательных имеет КФ, ср.: **китайск*, **подмосковен*, **рабоч*, ... Интересное обобщение состоит в следующем: кажется, в русском языке не существует прилагательных, способных принимать комплемент и лишенных при этом краткой формы. Синтаксическая способность выражать собственных участников ограничена, таким образом, теми прилагательными, которые имеют КФ.

Рассмотрим следующий пример. У прилагательных *равный*, *похожий*, *одинаковый*, *идентичный*, *параллельный*, *симметричный*, ... с одной стороны и *другой*, *разный*, *иной* — с другой есть семантическая валентность на участников, с которыми они схожи либо различны. Набор семантических участников, таким образом, должен был бы совпадать у двух групп прилагательных. Однако синтаксически они ведут себя по-разному: прилагательные первой группы могут присоединять комплементы и обладают КФ:

(19)

(интернет)

a. *Докажите, что при движении угол отображается на равный ему угол.*

b. *...похожая на заключенную женщина ходит по больничной палате...*

с. ...женщинам предоставлена одинаковая с мужчинами гражданская правоспособность...

(20)

равен, похож, одинаков, идентичен, параллелен, симметричен, ...

Для ситуаций ‘быть другим / разным / иным’ также необходимо как минимум два участника. В то же время, данные прилагательные способны выражать обоих участников лишь формой множественного числа или при помощи комитативной конструкции (*Петя и Маша / они / Петя с Машей разные*). Такие прилагательные не имеют лексических зависимостей и не образуют КФ:

(21)

**разный с Машей / чем Маша человек*

(22)

**друг, *разен, *ин*

Итак, мы можем сделать следующее заключение: именно КФ связана с аргументной структурой прилагательных. Можно сделать еще один шаг и предположить, что и носитель качества, задаваемого прилагательным, также появляется в синтаксической структуре, связанной с КФ.

Подход к КФ прилагательных как аналогу глагольной формы был предлагался в [Babby 1973; Babby 1994; Geist 2010; Borik 2014]. Одно из следствий такого подхода заключается в том, что русские КФ, как и глаголы, могут проецировать собственные аргументы.

Можно предположить, что и V, и Adj (проекция, связанная с КФ) могут проецировать подлежащее. В случае атрибутивного употребления над глагольными и адъективными проекциями надстраиваются функциональные проекции, имеющие признак падежа, — вершины полных форм. Для прилагательных мы получаем ПФ, а в случае глаголов — полные причастия. Причастия соответствуют более сложным ситуациям и имеют более развернутую внутреннюю структуру. Главное свойство, отличающее причастия от прилагательных — способность первых и неспособность вторых приписывать аккузатив своим комплементарам, ср. *решивший задачу ученик* и т. д.

Обратимся к вопросу о том, как организована предикация с прилагательными и краткими пассивными причастиями.

Из морфологических свойств кратких форм очевидно, что они неспособны выражать видовременные значения. По этой причине в предикациях с прилагательными обязательно использование глагола-связки (в нулевой или выраженной форме). Глагол-связка снабжает предикацию с КФ необходимыми признаками финитности.

Еще к [Babby 1973] восходит анализ, в соответствии с которым КФ прилагательных можно представить как глаголы с «дефектными» парадигмами. Л. Бэбби предлагает считать, что КФ представляют собой аналоги пассивных причастий, а остальные элементы глагольной парадигмы у таких образований отсутствуют.

Подобный подход развивался в ряде последующих работ, см, например, [Babby 1975; Geist 2010, Гращенков 2018], и в некотором его варианте

принимается и в настоящей работе. Какова синтаксическая структура проекций КФ? Согласно [Borik 2014], можно обнаружить различия между КФ и пассивными причастиями в употреблении бытийной связки:

(23)

[Borik 2014: 152]

- a. Дом (был) построен в прошлом году.
- b. Ребенок * (был) болен в прошлом году.

Однако различие в дистрибутивных свойствах здесь, скорее всего, следует из наличия у причастий аспектуальной вершины, ответственной за грамматическое значение совершенного вида. Совершенный вид в примерах, подобных (23.a), предписывает ситуации прочтение как уже имевшей место. Если же взять ситуацию, потенциально относящуюся к будущему, без связки окажутся равно неграмматичны и форма причастия, и форма прилагательного, ср.:

(24)

- a. Дом * (будет) построен в следующем месяце.
- b. Ребенок * (будет) болен всю следующую неделю.

Можно заключить, таким образом, что дистрибуция кратких прилагательных и причастий не различается, различны лишь количество событийной и аргументной структуры, содержащееся в каждой из форм.

Подытожим. Прилагательные, как и глаголы, могут проецировать собственные падежные аргументы. За проекцию аргументов, в том числе, — субъектных, ответственна вершина КФ, во многом похожая на глагольную вершину. Отличие КФ от глаголов — в неспособности КФ прилагательных возглавлять финитную клаузу и выражать видовременные значения в отсутствие глагола *быть*.

Выше мы установили, что предикативные ПФ нельзя свести к атрибутивному употреблению. В то же время, ПФ, в отличие от КФ, является именной проекцией. Прежде чем перейти к результату нашей работы — некоторым заключениям относительно синтаксической структуры предикаций с ПФ — затронем вкратце вопрос о структуре именной предикации.

3. Подходы к структуре именной предикации

Как мы установили выше, КФ прилагательных не несет падежного признака. В то же время, ПФ являются именной проекцией, аналогичной именным группам, т. е. должны лицензироваться вершиной, предполагающей, что у ее комплемента есть падежный признак.

В работе [Bowers 1993] была впервые предложена, а впоследствии развита, см. [Bailyn 2012; Strigin, Demjjanow 2001] и др., идея о наличии в структуре именной предикации функциональной вершины Pred. Вершина Pred была востребована сразу по нескольким причинам. Во-первых, проекции именной предикации становились симметричны проекциям глагольной предикации: над лексическим ядром (NP/DP или VP) надстраивалась функциональная оболочка (PredP или vP).

Во-вторых, Pred была необходима как источник семантической роли для подлежащего. Действительно, именная группа (за редким исключением) не способна присваивать иной семантической роли, кроме роли посессора. При этом очевидно, что в предикациях [*Петя — мой школьный товарищ*] *Петя* не является посессором в именной группе *мой школьный товарищ*. Наконец, вершина Pred оказывается ответственной за приписывание падежа именной части предикации в языках типа русского (инструменталис) или финского (эссив, транслатив).

В русском языке предикативный инструменталис наблюдается как в независимой клаузе в именной (*Мальчик был больным*), так и при вторичной (*Я проснулся больным*) предикации.

Гипотеза о существовании Pred помогает решить проблему приписывания инструменталиса. Если источник присвязочного инструменталиса еще может быть как-то локализован — можно предполагать его собственно в бытийной связке, то инструменталис при вторичной предикации выглядит вовсе «возникающим из воздуха». Поскольку каждое значение падежного признака должно иметь свой источник, необходимо было локализовать его и в случае предикативного инструменталиса.

В разных работах предлагались различные варианты реализации вершины Pred в русском языке. В [Strigin, Demjjanow 2001] считалось, что номинатив как согласовательный падеж на прилагательном возникает в связи с механизмом «просачивания» падежа от Pred. Стригин и Демьянов предполагают существование двух вершин Pred: с именными ф-признаками и без. Различие в оформлении именных предикатов (согласование vs. инструменталис) связано с типом используемой вершины Pred.

В [Bailyn 2012] инструменталис всегда имеет своим источником Pred, как в первичной, так и во вторичной предикации. Согласуемый падеж вторичной предикации («sameness case») является результатом множественного согласования (multiple agree). В этом случае единственный источник падежного признака обслуживает как аргументную именную группу, так и вторичный предикат, являющийся адьюнктом. Случай согласуемой именной предикации анализируется как результат действия «выраженных предикаторов» («overt predicators»). Образуемые при этом структуры также, как и в случае инструменталиса, связаны с PredP, однако позицию вершины заполняет не нулевая функциональная вершина, а различные формы глагола *быть*, которые и являются источником номинативного признака.

Выше мы установили, что КФ лишена падежного признака и может сама проецировать синтаксическую структуру, снабжая участников семантическими ролями. Таким образом, русская КФ прилагательных не нуждается в вершине Pred, см. здесь [Grashchenkov, Grashchenkova 2007; Geist 2010; Borik 2014]. КФ и ПФ по-разному организуют именную предикацию. КФ ведут себя подобно глаголам, используя вершину T «напрямую», а ПФ необходима «поддержка» Pred.

PredP отсутствует в предикациях с КФ, т. к. КФ может самостоятельно присваивать семантическую роль. Аргумент в пользу такой способности кратких форм приводится в [Geist 2010]:

(25)

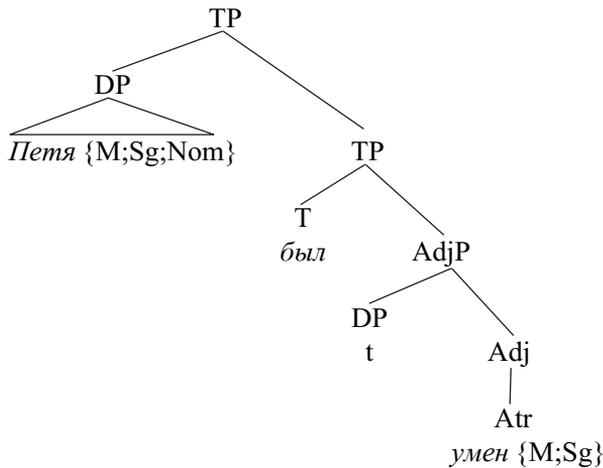
a. Ребенок больной.	c. Голос у него больной.
b. Ребенок болен.	d. *Голос у него болен.
e. Ребенок болеет.	d. *Голос у него болеет.

[Geist 2010: 249–250]

Как мы видим, КФ объединяется с глаголом в своей неспособности принимать в качестве субъекта участника, который по семантическим причинам не может быть аргументом с определенной ролью. Одновременно с этим ПФ оказывается нечувствительна к подобной метонимизации участника. Как мы можем заключить, способность присваивать семантическую роль действительно присутствует у КФ в той же степени, что и у глаголов. Это еще раз подтверждает верность нашего предположения об отсутствии PredP в структурах с КФ.

Структуру именной предикации с КФ можно представить следующим образом:

(26)

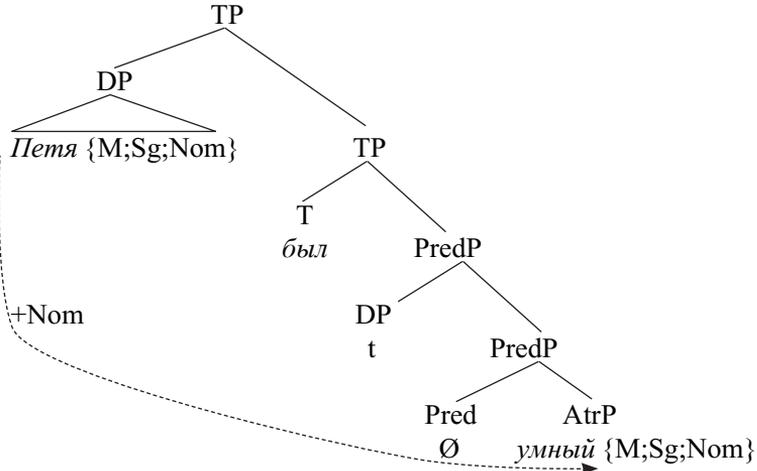
4. Предикативная ПФ

Краткая форма прилагательного может образовывать развернутые составляющие, в рамках которых доступна проекция Adj и связанные с ней субъектные и прочие участники. В то же время, предикативная ПФ не может иметь внутреннюю структуру. Предикативные ПФ образуются как «плоские» составляющие, которые лишены собственных аргументов и не могут присваивать семантическую роль.

Будучи именной проекцией, ПФ в процессе деривации «выбираются» вершиной Pred, ответственной за проекцию подлежащего и назначение ему семантической роли. Этим объясняется различие в интерпретации *Мальчик (был) здоров* и *Мальчик (был) здоровый*. В случае КФ перед нами ситуация, задаваемая стативным предикатом и актуальная на протяжении определенной временной дистанции. Предикативная ПФ имеет классифицирующее значение, такое же, как при атрибутивном употреблении ('мальчик — из числа здоровых').

Мы готовы теперь представить структуру предикативных полных форм. Как мы помним, для ПФ критично наличие падежного признака на прилагательном на некотором этапе синтаксической деривации. В соответствии со стандартными допущениями, мы полагаем, что признак номинатива на подлежащем означает в результате подъема в позицию Spec, TP. В результате этого ПФ прилагательного получает необходимые ей признаки: прежде всего — падежа, а также числа и рода:

(27)

Именная предикация с ПФ характеризуется тем, что образование субъектной DP не связано с внутренней структурой группы прилагательного: она порождается в Spec, PredP, как и это происходит и в других случаях именных предикаций. Такой порядок деривации объясняет невозможность рассогласования субъекта и (части) предиката в роде или числе: **Сергей хорошая {няня}*; **Овощи были полезным {продуктом}*. Предикативная ПФ не имеет собственных значений признаков и зависит от значений таких признаков на субъекте.

Далее, грамматичность предложений *Вы красивая* и т. п. связана с тем, что местоимения (DP) и ПФ прилагательных порождаются как две различные проекции: именная группа и группа прилагательного. Согласование по единственному числу имеет место всегда, когда *Вы* не образует с группой прилагательного проекции с начала деривации:

(28)

- a. *Вы придете одна.* (интернет)
- b. *В том, что вы можете сам с собой разговаривать нет ничего страшного.*

(29)

- a. *Вы выглядите одинокой.* (интернет)
- b. *Но Вы выросли озлобленным и вечно обделенным человеком.*

Подобный анализ свободен также от проблем атрибутивного подхода. Деидиоматизация следует из предлагаемой нами структуры автоматически: части именных групп *золотая рыбка, медные трубы, китайская грамота* более не образуют единого элемента, а представляют фактически две различные составляющие. Для идиом, которые хранятся в словаре как цельная лексическая единица, такое употребление недопустимо.

Столь же автоматически решается и проблема запрета двух и более атрибутивных прилагательных (**Море было широкое синее* и т. п.). Поскольку частью именного предиката является группа прилагательного, «наслоение» нескольких прилагательных невозможно — это допустимо только в рамках именной группы (или сочиненной составляющей).

Проблемы «количества» вынесенной в субъектную позицию именной структуры (DP vs. NP; *Петя был веселый* vs. *Мальчик был веселый*) также не возникает: субъектная именная группа и проекция прилагательного образуются независимо.

Заключение

Мы проанализировали проблемы, связанные с атрибутивным подходом к предикативным прилагательным. К таким проблемам прежде всего относятся: затрудненность в установлении элиминированной именной вершины, потеря идиоматического значения, невозможность употребления более чем одного предикативного прилагательного. Мы предложили считать, что структуры предикаций с краткой и полной формой прилагательного различны. Краткая форма, как и глагол, порождает подлежащее внутри своей проекции и является компонентом Т. Полная форма требует предикативной вершины Pred, ответственной за присваивание семантической роли, а в случае инструменталиса — приписывание падежа.

Релевантные грамматические признаки (прежде всего — именительный падеж) приобретаются согласовательной полной формой прилагательного в процессе деривации. Согласно нашему подходу, в предикациях с полной формой отсутствует именная структура, а сходство с именной группой объясняется употреблением атрибутивной (=полной, имеющей падеж) формы прилагательного. Поскольку предложенная структура не восходит к именной группе, она не страдает теми недостатками, которые связаны с «традиционным» атрибутивным подходом.

Литература

Гращенков П. В. Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности. М.: ЯСК, 2018. 432 с.

Исаченко А. В. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 61–93.

Babby L. H. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian, Language, 49. 1973. P. 349–360.

Babby L.H. A Theta-theoretic analysis of Adversity Impersonal Sentences in Russian. // Avrutin S. et al. (eds.) Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics. The MIT meeting 1993. Ann Arbor, Michigan Slavic Publications, 1994. P. 25–67.

Bailyn J.F. The syntax of Russian. Cambridge: CUP, 2012. 392 p.

Baker M.C. Lexical categories: Verbs, nouns, and adjectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 368 p.

Borik O. The argument structure of long and short form adjectives and participles in Russian // *Lingua*. 2014. Vol. 149. P. 139–165.

Bowers J. The syntax of predication // *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24. P. 591–656.

Filip H. The semantics of case in Russian secondary predication // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9* / ed. by R. Hastings, B. Jackson, Z. Zvolenszky. Ithaca, NY: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell University, 2001. P. 192–211.

Geist L. The argument structure of predicate adjectives in Russian // *Russian Linguistics*. 2010. Vol. 34. P. 239–260.

Grashchenkov P., Grashchenkova A. Argument structure of Russian adjectives. Talk given at the Workshop on argument structure and syntactic relations. Vitoria-Gasteiz. 23–25 May, 2007.

Madariaga N. Why Russian semi-predicative items always agree // *Journal of Slavic Linguistics*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2006. 14/2. P. 45–78.

Markman V. The case of predicates (revisited): Predicate instrumental in Russian and its restrictions // *Journal of Slavic Linguistics*. 2008. Vol. 16 (2). P. 187–246.

Matushansky O. How to be short: some remarks on the syntax of Russian adjectives. Ms., CNRS, Universite Paris 8. 2006. 18 p.

Matushansky O. A case study of predication // *Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from formal description of Slavic languages 6.5* / ed. by F. Marušič, R. Žaucer. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 213–239.

Pereltsvaig A. The universality of DP: A view from Russian // *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61 (1). P. 59–94.

Richardson K. Case and aspect in Slavic. Oxford: Oxford University Press, 2007. 271 p.

Siegel M. Capturing the Russian adjective // *Montague grammar* / ed. by B. H. Partee. New York: Academic Press, 1976. P. 293–309.

Strigin A., Dem'yanov A. Secondary predication in Russian // *ZAS Papers in Linguistics*. 2001. Vol. 25. P. 1–79.

Pavel V. Grashchenkov

*Lomonosov Moscow State University (MSU, Faculty of Philology, Russia, 119991,
Moscow, GSP-1, 1–51 Leninskie Gory, 1 Humanities Building)*

Pushkin State Russian Language Institute

(Ac. Volgin str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia)

(Moscow, Russia)

pavel.gra@gmail.com

ADJECTIVES IN RUSSIAN NOMINAL PREDICATIONS

The article examines the syntactic structure of Russian nominal predicates with adjectives functioning as the nominal part of the predicate. The question of the exact structures behind predicative adjectives is relevant for any language where adjectives represent a distinct lexical and grammatical category. The article attempts to answer this question on the basis of Russian data. The so-called «attributive hypothesis» is studied in detail. This hypothesis claims that adjectives in predicative position are a result of the transformation of attributive adjectives into a noun phrase. The main arguments in favor of and against such an analysis are considered. Finally, we conclude that this attributive analysis is wrong.

Another topic covered by the article is the comparison of predicates with long and short forms of Russian adjectives. The study concludes that predicative long-form adjectives in Russian (as well as adjectives in languages such as English) are formed as a projection of the adjectival phrase. Predicative long forms are not part of a noun phrase; rather, they are similar to one due to the presence of case features. Short forms are much more similar to verbal projections, above all due to their ability to assign semantic roles to their participants.

Keywords: Russian, adjectives, nominal predication, syntactic structure clauses, noun phrase.

References

Grashchenkov P. V. *Grammatika prilagatel'nogo. Tipologija ad»ektivnosti i atributivnosti* [The Grammar of Adjectives. Typology of Adjectives and Attributives]. Moscow, «Jazyki Slav'anskoj Kul'tury», 2018. 432 p. (in Russ.)

Babby L. H. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian. *Language*, 1973, 49, pp. 349–360.

Babby L. H. A Theta-theoretic analysis of Adversity Impersonal Sentences in Russian. // Avrutin S. et al. (eds.) *Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics. The MIT meeting 1993*. Ann Arbor, Michigan Slavic Publications, 1994, pp. 25–67.

Bailyn J. F. *The syntax of Russian*. Cambridge: CUP, 2012. 392 p.

Baker M. C. *Lexical categories: Verbs, nouns, and adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 368 p.

Borik O. The argument structure of long and short form adjectives and participles in Russian. *Lingua*, 2014, vol. 149, pp. 139–165.

Bowers J. The syntax of predication. *Linguistic Inquiry*, 1993, vol. 24, pp. 591–656.

Filip H. 2001. The semantics of case in Russian secondary predication. *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9* / ed. by R. Hastings, B. Jackson, Z. Zvolenszky. Ithaca, NY: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell University, 2001, pp. 192–211.

Geist L. The argument structure of predicate adjectives in Russian. *Russian Linguistics*, 2010, vol. 34, pp. 239–260.

Grashchenkov P., Grashchenkova A. Argument structure of Russian adjectives. *Talk given at the Workshop on argument structure and syntactic relations*. Vitoria-Gasteiz, 23–25 May, 2007.

Isachenko A. V. [Transformational analysis of short and long adjectives]. *Issledovaniya po strukturnoi tipologii*. M., 1963, pp. 61–93. (in Russ.)

Madariaga N. Why Russian semi-predicative items always agree. *Journal of Slavic Linguistics*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2006, 14/2, pp. 45–78.

Markman V. The case of predicates (revisited): Predicate instrumental in Russian and its restrictions. *Journal of Slavic Linguistics*, 2008, vol. 16 (2), pp. 187–246.

Matushansky O. *How to be short: some remarks on the syntax of Russian adjectives*. Ms., CNRS, Universite Paris 8, 2006. 18 p.

Matushansky O. A case study of predication. *Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from formal description of Slavic languages 6.5* / ed. by F. Marušič, R. Žaucer. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008, pp. 213–239.

Pereltsvaig A. The universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*, 2007, vol. 61 (1), pp. 59–94.

Richardson K. *Case and aspect in Slavic*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 271 p.

Siegel M. Capturing the Russian adjective. *Montague grammar* / ed. by B. H. Partee. New York: Academic Press, 1976. pp. 293–309.

Strigin A., Demjanow A. Secondary predication in Russian. *ZAS Papers in Linguistics*, 2001, vol. 25, pp. 1–79.

М. Я. Дымарский

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена /
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
dym2005@list.ru*

РАСПАД ПОДЧИНЕНИЯ И ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ПРЕДИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ*

Рассматриваются конструкции типа (1) *Он занимается черт знает чем*, по отношению к которым Л. Л. Иомдиным ранее была выдвинута «гипотеза о двух синтаксических началах» (вершинах) (см. одноименный раздел в [Апресян и др. 2010]). Показано, что подобная гипотеза могла появиться только на базе постулатов, применяемых при исчислении синтаксических отношений и моделировании предложения в Синтаксически размеченном подкорпусе Национального корпуса русского языка (СинТагРус), но этим же постулатам данная гипотеза противоречит. Рассматриваемая конструкция анализируется как результат распада подчинения в исходной конструкции *Черт знает, чем он занимается*. Двойной зависимости формы творительного падежа *чем* (от *знает* и от *занимается*) нет не только в производной, но и в исходной конструкции, где глаголу *знает* подчинено не местоимение, а придаточное целиком. В производной же конструкции (1) наблюдается результат лексикализации бывшей главной части сложноподчиненного предложения, которая превращается в единицу, аналогичную другим бывшим главным частям со значением неопределенности (*неизвестно, неведомо*) и так же, как эти показатели, подчиняющую не всю придаточную часть, а лишь то, что осталось от нее после вынесения предикативного центра последней левее бывшей главной части. Подчинением эту вырожденную связь назвать нельзя: это лишь рефлекс подчинения. Основание для лексикализации заключается в том, что структура *черт знает*, примыкая, как в (1), к вопросительно-относительному местоимению, выражает уникальный семантико-прагматический комплекс значений,

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты №№ 18–012–00 650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка», 17–29–09 158 «Создание корпуса официально-деловых текстов русского языка (ОДКРЯ)», 18–012–00 778 «Теоретические основания кодификации русской пунктуации».

недоступный стандартным неопределенным местоимениям: максимальная степень неопределенности + неодобрение говорящего. При этом значение неизвестности, свойственное исходной конструкции, может быть редуцировано до нуля. Лексикализованная структура *черт знает* обогащает репертуар средств выражения семантической категории неопределенности.

Ключевые слова: синтаксис, сложноподчиненное предложение, синтаксические связи, распад подчинения, рефлекс подчинения, лексикализация, семантическая категория неопределенности.

0. В одной из своих работ Л. Л. Иомдин, рассматривая конструкции типа:

(1) *Он занимается черт знает чем,*

— выдвинул «гипотезу о двух синтаксических началах» [Апресян и др. 2010: 129–141]. Идея в том, что форма Тв. п. в этой конструкции одновременно объясняется как связью *занимается чем*, так и связью [*черт*] *знает, чем [он занимается]*, и получается, что она является дуплексивом, одновременно подчиненным двум вершинам.

Существование дуплексивов не новость для отечественной грамматической традиции, хотя чаще понятие дуплексива используют для характеристики случаев типа

(2) *Красавица и умница, она всегда пользовалась успехом у мужчин,*

— где приложение обнаруживает как аппозитивную связь с подлежащим (свернутое до атрибутивного предикативное отношение), так и смысловую связь со сказуемым (причинное отношение). Однако занимательность ситуации в том, что «гипотеза о двух синтаксических началах» выдвинута в рамках одной из тех синтаксических теорий, которые отличаются приверженностью к жесткому детерминизму, исключая самоё возможность существования двух вершин в пределах одного предложения.

«В период становления и развития опытной науки в качестве базовых выступали модели, олицетворением которых являлась классическая механика. Основной особенностью этих моделей является строго однозначный характер всех связей и зависимостей, характеризующих исследуемые явления, системы и процессы. Эти модели получили название моделей **жесткой детерминации**», — так характеризуется жесткий детерминизм в [Сачков 2010: 631]. Этой характеристике вполне отвечают последовательно вербоцентрическая концепция предложения и типология синтаксических отношений, которая предусматривает существование в синтаксисе связей исключительно типа «хозяин — слуга», что ведет к интерпретации в качестве зависимости (причем трудно понять, чем зависимость отличается от подчинения) в том числе и связей между сказуемым («хозяин») и подлежащим («слуга»), предлогом («хозяин») и именем («слуга»), союзом («хозяин») и сказуемым придаточного предложения («слуга») и т. п., подробнее см. раздел «1.2. Синтаксические отношения» в [Апресян и др. 2010] (автор раздела Л. Л. Иомдин),

с незначительными изменениями повторенный в «Синтаксически размеченном подкорпусе Национального корпуса русского языка» [СинТагРус]; полемику см. в [Дымарский 2013; 2014].

Между тем, если «гипотеза о двух синтаксических началах» может быть с успехом применена для объяснения таких конструкций, как приведенная выше (2), которая с успехом подтверждает, мягко говоря, условность строго вербоцентрической концепции предложения, то для случая (1) возможны как раз менее радикальные интерпретации.

1. Первая из них заключается в признании производности (1) от стандартного сложноподчиненного предложения

(3) *Черт знает, чем он занимается.*

Л. Л. Иомдин справедливо подчеркивает различие между (1) и (3), но видит его в том, что (3) представляет собой стандартное сложноподчиненное предложение, а (1) — сложное предложение с наложением частей: первая начинается подлежащим *он*, вторая — подлежащим *черт* (то есть левые границы у них не совпадают), но обе заканчиваются относительным местоимением (правые границы частей совпадают) [Указ. соч.: 133–134]. Однако представляется осмысленным и иной взгляд: (1) не является сложноподчиненным; это простое предложение, образовавшееся из (3) путем «втягивания» главной части внутрь придаточной. Причину, обусловившую этот процесс, можно видеть в том, что при этом происходит смещение смысловых акцентов и, соответственно, изменение прагматических функций предложения. Если (3) вряд ли может быть инициальной репликой диалога и, скорее всего, призвана служить ответом на вопрос «Чем он занимается?» — правда, не слишком содержательным, так как смысл такого ответа приблизительно передается как ‘я не знаю [чем он занимается]’, — то (1) может быть не только реактивной, но также инициальной репликой или фрагментом характеристики лица, и смысл (1) передается иначе (см. ниже 2.2).

Подобное «втягивание» главной части внутрь придаточной — характерная черта разговорного синтаксиса, нередко встречающаяся в различных вариантах, например, у Л. Н. Толстого:

(4) *...что он (Ростов. — М.Д.) так и уедет, не продав графу Голуховскому тройку саврасых, которых польский граф торговал у него и **которых Ростов на пари бил**, что продаст за 2 тысячи...* («Война и мир». Т. II, ч. 4).

Коммуникативные и смысловые различия между (3) и (1) отражаются в их линейно-акцентной структуре: только в (3) *черт* является акцентоносителем выдвинутой влево ремы = носителем фразового ударения; в (1), если исключить эмфазу на словоформе *черт*, акцентоносителем ремы является относительное местоимение.

Однако, при всех этих различиях, конструктивно (1) наследует конфигурацию связей в (3), где форма Тв. п. прямо зависит от глагола-сказуемого придаточной части, а зависимости ее от глагола-сказуемого главной части (*знает*) как раз нет:

от *знает* зависит вся изъяснительная придаточная часть, являясь таким же деликатом контактного глагола, как, скажем, именная группа в словосочетании *знает род его занятий*. *Чем* — в качестве союзного слова — оказывается в фокусе этой связи, в результате чего и возникает иллюзия его зависимости от *знает*, которая поддерживается устойчивостью контактных рамок типа *знать, что...*, *знать, куда...*, *спросить, почему...*, *ведь, что...* и т. д. (см., в частности, [Ильенко, Лёвина 2007]). Однако полагать, что имеет место прямая зависимость между *знает* и *чем* — примерно то же, что считать, будто в словосочетании *рубит топором* от глагола зависит окончание *-ом*, а от последнего, в свою очередь, — «остальное» имя. Форма *чем* всецело определяется зависимостью местоимения от *занимается*: это очевидно хотя бы из того, что точно так же выглядит и омонимичное вопросительное предложение (*Чем он занимается?*), являющееся исходной формой для изъяснительного придаточного вопросительной разновидности. Глаголу *знать*, как и любому контактному слову, подчиняющему изъяснительное придаточное, безразлично, чем «управлять»: в качестве подобных «зависимых» могут выступать любые местоимения в любых формах, в том числе местоименные наречия; это означает, что в реальности никакого управления, никакой зависимости союзного слова от контактного слова главной части нет.

Тем не менее, отвергаемая нами интерпретация возможна, если образ синтаксиса опирается на следующие постулаты: «Каждое слово предложения, кроме одного (называемого вершиной предложения), зависит от какого-то слова по одному из синтаксических отношений. Отношения связывают только отдельные слова, а не словосочетания. В случае так называемых синтаксических групп один из членов группы выступает в качестве представителя группы во внешних связях (локальной вершины группы) и **подчиняет остальные члены группы**» [СинТагРус; полужирный шрифт мой. — М. Д.]. Именно эти постулаты ведут к признанию союзного слова, с одной стороны, вершиной придаточного предложения (и тогда непонятно, каким образом эта вершина может зависеть от сказуемого этого же придаточного), с другой стороны — прямым зависимым контактного слова *знает*. Сложное предложение предстает как однолинейная непрерывная цепочка зависимостей; целостность (пусть и относительная) его предикативных компонентов исчезает; ведущий компонент его смысла — логико-смысловое отношение между предикативными частями — становится просто одним из синтаксических отношений в непрерывной цепочке; вершиной второй части (любой: подчиненной, сочиненной) становится служебный элемент, который подчиняет себе сказуемое этой части... Это не попытка дискредитировать положения оппонента путем доведения их до абсурда: это реальность синтаксической разметки в [СинТагРус]: см., в частности, примеры, в которых вершиной предложения оказывается служебное слово: http://ruscorpora.ru/syntax/uppsala/74_30.pdf, http://ruscorpora.ru/syntax/2009/81_65.pdf, http://ruscorpora.ru/syntax/2009/81_64.pdf.

Таким образом, интерпретация связей в (3), не противоречащая цитированным постулатам, создает неразрешимые противоречия; интерпретация же, опирающаяся на более традиционные синтаксические представления, во всяком случае

от противоречий избавлена. Если опереться на вторую и исходить, напомним, из преемственности конфигурации связей между (3) и (1), то двойная зависимость формы Тв. п. исключается как для (3), так и для (1).

2. Вторая из менее радикальных, чем «гипотеза о двух синтаксических началах», интерпретаций определяется вниманием к тому, во что превращается в (1) *черт знает* — бывшая главная часть (3).

2.1. Хотя внешне это предикативная структура, у нее, в отличие от функционирования в составе (3), отсутствует парадигма (отмечено Л.Л. Иомдиным [Указ. соч.: 138]). Неприемлемо:

(5а) *Он занимался *черт знал* чем;

(5б) *Он будет заниматься *черт будет знать* чем;

(5б) *Он занимался бы *черт бы знал* чем

— и т. д. (см. также ниже примеры 7–9, 12). При функционировании в составе (3) варьирование предикативной формы тоже ограничено. Скорее, мы скажем:

(6) *Черт знает, чем он занимался,*

— но в более широком контексте возможен и вариант:

(6а) *Один только черт знал, чем он там занимался.*

Невозможность (5а–в) при возможности (6а) — важная особенность функционирования *черт знает* в составе (1). В свою очередь, утрата предикативной структурой способности к свободному изменению в рамках предписанного набора грамматических значений — первый признак лексикализации.

2.2. В семантическом плане устойчивая структура *черт знает* (будем пока называть ее так) различна в конструкциях (3) и (1). В (3) на первом плане — значение неизвестности, причем употребление структуры *черт знает* обусловлено стремлением выразить значение ‘неизвестно никому, в том числе говорящему’, ср. типичные примеры:

(7) *Далее стоять тут было небезопасно — чёрт знает, что могла выкинуть там эта женщина* [Василь Быков. Болото (2001)]¹;

(8) *Возвращаюсь часа через три — черт знает, о чем писать!* [Владимир Арро. Дом прибежища // «Звезда», 2002];

(9) *Черт знает, где я до этого обитал, в тумане собственного испарения, что ли?..* [Владимир Арро. Там же].

Между тем в конструкции (1) значение неизвестности хотя и может сохраняться, но приглушается, говорящему не сообщаемая им информация на самом деле может быть известна. На первый же план выходит семантика неодобрения (отмечено Л.Л. Иомдиным [Указ. соч.: 140], причем в (10–11) неодобрение имитируется с целью

¹ Примеры с атрибуцией в квадратных скобках извлечены из Национального корпуса русского языка.

втереться в доверие к собеседнику. Говорящий рассчитывает на то, что собеседник адекватно воспримет эту коннотацию, а тождество вкладываемых и считываемых коннотаций является важным фактором сближения позиций говорящего и слушающего. Использование Коровьевым с этой целью именно данного средства свидетельствует о полной узуальности структуры *черт знает* в рассматриваемой функции:

- (10) *Да он уж уехал, уехал! — закричал переводчик. — Он, знаете ли, уж ка-тит! Уж он черт знает где!* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита);
 (11) *Говорю вам, капризен как черт знает что! — зашептал Коровьев* (Там же);

Более того, из (12) следует, что не сообщаемая говорящим информация может быть известна не только ему, но и адресату:

- (12) *Я вот, сам знаешь, жил почти всю жизнь черт знает где черт знает с кем, — мимолетно оболгал Валера первую жену и свое в действительности теплое отношение к ней* [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010].

3. Отмеченная прагматико-семантическая специализация структуры *черт знает* в модели (1) отличает ее от частиц-постфиксов *-то*, *-нибудь* и *-либо*, формирующих соответствующие серии неопределенных местоимений. Неопределенные местоимения неспособны выразить ту максимальную степень неопределенности (семантическая специфика), помноженную на неодобрение говорящего (прагматическая специфика), которые столь ясно выражаются комбинацией *черт знает + отн. мест.* В самом деле, замена *черт знает где черт знает с кем* в (12) на любое из неопределенных местоимений дает неприемлемый результат:

- (12а) **Я вот, сам знаешь, жил почти всю жизнь где-то с кем-то / где-нибудь с кем-нибудь / где-либо с кем-либо.*

В противном случае можно было бы объявить *черт знает* фразеологическим функциональным эквивалентом частицы-постфикса — но тогда неясно было бы, для чего в языке возник такой эквивалент. Такое решение обсуждается и в указ. раб. Л. Л. Иомдина (с. 131) и тоже отвергается — на том основании, что «инвентарь вложенных конструкций, обнаруживающих сходное синтаксическое поведение, <...> может включать в себя вполне свободные словосочетания, образованные довольно широким кругом глаголов» [Там же]. Однако в приводимых при этом примерах фигурирует не столь уж много глаголов (4, из них 3 однокоренных), а главное — круг этих лексических единиц очерчен вполне ясно: это глаголы или слова других частей речи, имеющие делиберативную валентность и поэтому способные присоединять соответствующее дополнение или изъяснительное придаточное. Речь, таким образом, идет о процессе, затрагивающем главные части сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными вопросительной разновидности, в которых связь обеспечивается, как известно, или местоимениями, или другими средствами, оформляющими исходный вопрос: союзом *или* (при альтернативном вопросе) и частицей *ли* (при общем модальном вопросе).

Справедливости ради нужно отметить, что в разговорной речи функционирует вариант местоимения *что-то* (иногда с продолжением *с чем-то*), заметно отличающийся от стандартных неопределенных местоимений выраженным акцентным выделением и значением высшей степени положительной оценки при нуле квалификативного значения:

(13) *Ты видела Машино новое платье? Это что-то!*

Можно предполагать, что неопределенно-положительно-оценочное *что-то* возникло в результате опущения последующего оценочного прилагательного (*необыкновенное, удивительное, потрясающее* и т. п.). Но ясно, что к выражению того семантико-прагматического значения, на котором специализируется *черт знает + отн. мест.*, этот вариант местоимения неспособен.

Мнимая эквивалентность комплекса *черт знает + отн. мест.* стандартным неопределенным местоимениям делает избыточной постановку вопроса о грамматикализации структуры *черт знает* в качестве строевого средства, аналогичного постфиксу неопределенности: речь может идти только о ее **лексикализации**. Сходный процесс коснулся и таких лексических средств выражения неопределенности, как *неизвестно, неведомо, невесть*, которые также исходно являются главными частями изъяснительных сложноподчиненных предложений. При этом, однако, структура *черт знает* обладает намного более яркой семантико-прагматической спецификой, хотя значение неодобрительности, как кажется, развивается и у названных единиц. Л.Л. Йомдин видит лексикализацию только в процессе, происходящем с выражениями этого последнего типа (кроме названных — *непонятно + отн. мест., черт-те + отн. мест., не пойми + отн. мест., жаргонное ХЗ + отн. мест.*), причем, говоря, что они «превращаются в отдельные слова», но добавляя, что они приближаются, «каждое со своей скоростью, к неопределенным частицам типа *-либо, -то* и пр.», автор фактически признаёт их находящимися в стадии грамматикализации [Указ. соч.: 140]. С нашей точки зрения, можно говорить о лексикализации всего круга названных средств (восходящих к главной части изъяснительного сложноподчиненного предложения), если они обладают семантико-прагматической спецификой, отличающей их от суффиксальных показателей неопределенности, и только если доказано отсутствие такой специфики — о грамматикализации.

4. Вернемся к связи внутри комплекса *черт знает + отн. мест.* Механизм «втягивания» главной части изъяснительного сложноподчиненного предложения в придаточную часть состоит в линейно-акцентном преобразовании — перемещении фрагмента придаточного, включающего как минимум один из компонентов предикативного центра, левее главной части. Что при этом происходит?

Известно со времен А.М. Пешковского, что сложноподчиненное предложение, в отличие от сложносочиненного, не обладает признаком непроницаемости структуры. Это означает, что придаточная часть может пересекать границы главной, оказываясь в интерпозиции:

(14) *Маши, если ее отпустят после обеда, придет вовремя.*

Однако такие преобразования сомнительны, во всяком случае в рамках литературной нормы, для предложений с изъяснительными придаточными:

(15) ³*Я, что вы очень заняты, знаю.*

Главное же в том, что проницаемой может быть главная часть по отношению к придаточной, но не наоборот. Придаточная часть для главной непроницаема (явления ненормативной спонтанной устной речи здесь во внимание не принимаем):

(14а) **Если ее, Маша придет вовремя, отпустят после обеда;*

(14б) **Если Машу, она придет вовремя, отпустят после обеда;*

(15а) **Что вы, я знаю, очень заняты.*

Причина непроницаемости придаточной части для главной представляется очевидной: только в случае целостности придаточного его подчиненность главному прочитывается без затруднений. Из (15а) видно, что нарушение этой нормы ведет к переосмыслению интерпронированной главной части в качестве вводного предложения, а союз «повисает в воздухе» и может быть осмыслен только как средство связи (15а) с каким-то другим главным предложением. Таким образом, **нарушение требования целостности придаточного ведет к выходу его части, смещенной влево от главного предложения, из скопуса² подчинения**. В сфере действия подчинения в (1) остается только союзное слово. Тем самым содержание связи — делиберативное синтаксическое отношение — выхолащивается, фактически происходит **распад подчинения**, потому что можно знать, *чем X занимается*, но нельзя знать только *чем*: оставленное в одиночестве местоимение не может служить содержательным ответом на вопрос, что знает X, и, следовательно, не реализует делиберативное отношение. Последнее лишь реконструируется путем ретроспекции к фрагменту придаточного, вынесенному влево, но это относится уже к мыслительным операциям, необходимым для понимания конструкции, а не к устройству конструкции. В грамматиках составляющих в подобных случаях используется понятие *следа (trace)*, оставшегося от перемещенного компонента, что можно обозначить применительно к (1) так:

(16) [*Он занимается*]_i (*черт знает*) [*чем* t_i].

Во что же вырождается содержательно выхолащенная подчинительная связь, на которой базировалась полипредикативная структура? Нельзя сказать, что она утрачивается полностью, иначе было бы невозможным сохранение в аналогичных конструкциях — с «втягиванием» главной части — чисто формального, не относительного подчинения:

(17) *Его судят за преступление, которое он неизвестно совершил или нет* (пример Л. Л. Иомдина).

Эту вырожденную связь можно было бы уподобить примыканию, поскольку местоимение сохраняет в застывшем виде ту форму (если это не местоименное

² Англ. *scope* — границы, рамки, пределы, сфера действия; восходит к лат. *scopus*.

наречие), которую оно имело в исходной конструкции (3), и в этом смысле, как и союз *или* и частица *ли*, ничем не проявляет свою зависимость от (бывшего) контактного слова *знает*. Но речь может идти только о подобии в формальном смысле, так как в данном случае связь семантически выхолощена, а в случае примыкания это невозможно. Стандартное примыкание, с характерной для него определительно-обстоятельственной семантикой, представляет собой, кроме того, первичную синтаксическую связь — в том смысле, что оно не является вырожденным подчинением, оставшимся после распада полипредикативной структуры.

Важно иметь в виду, что применительно к (1) речь идет о том, что осталось на поверхностно-синтаксическом уровне от подчинительной связи между контактным словом главной части и придаточной частью, — а это, в сущности, связь (?) между бывшим контактным словом и показателем связи. Если исходить из постулатов, цитированных в п. 1, такая связь может быть. С нашей же точки зрения, это то же, что «связь» между глаголом и окончанием управляемого существительного, то есть то, чего нет и не может быть. Поэтому подобие связи, оставшееся после распада подчинения, представляется целесообразным квалифицировать как **рефлекс подчинения**. Учитываться в системе связей конструкции (1) этот рефлекс подчинения не должен.

Лексикализация бывших предикативных структур типа *черт знает* выразительно подчеркивается пунктуацией: запятая, обязательная в (3), в (1) исчезает. Результатом лексикализации оказывается обогащение репертуара средств выражения семантической категории неопределенности в русском языке. (Можно заметить, что в английском есть аналогичная конструкция *God knows what*. Существование близких соответствий в других славянских, а также романских и германских языках отмечено в указ. раб. Л. Л. Иомдина.) Что же касается «гипотезы о двух синтаксических началах», то ее избыточность представляется в свете изложенного очевидной.

Литература

Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2010. 408 с.

Дымарский М. Я. К типологии синтаксических связей (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. ИЛИ РАН. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 57–91.

Дымарский М. Я. Моноцентризм в синтаксисе: эпизоды истории и современность // Structures & functions: Studies in Russian linguistics (Структуры и функции: Исследования по русистике). Vol. II. Issue 1. Tallinn, 2015. С. 5–15.

Ильенко С. Г., Лёвина И. Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: Модели сложноподчиненного предложения. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.

Сачков Ю. В. Детерминизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН. М.: Мысль, 2010. Т. I. С. 631–632.

СинТагРус = Синтаксически размеченный подкорпус Национального корпуса русского языка. Электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru/instruction-syntax.html>.

Mikhail Ja. Dymarskij

*Herzen State Pedagogical University of Russia /
Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences)
(Saint Petersburg, Russia)
dym2005@list.ru*

SUBORDINATION DECAY AND LEXICALIZATION OF A PREDICATIVE STRUCTURE

Constructions of the type (1) *On zanimaetsya chert znaet chem*, lit. ‘He is engaged in the devil knows what’ are considered in light of the “hypothesis of two syntactic beginnings” (or “heads”) previously put forward by L. L. Iomdin. It is shown that such a hypothesis could appear only on the basis of the postulates used to calculate syntactic relations and model sentences in the Syntactically Marked Sub-Corpus of the National Corpus of the Russian Language (SynTagRus), but that this hypothesis contradicts these same postulates. The structure under consideration is analyzed as a result of the disintegration of subordination in the initial structure *Chert znaet, chem on zanimaetsya* (‘The devil knows what he is engaged in’). There is no double dependence of the form of the instrumental case (from *znaet* ‘knows’ and from *zanimaetsya* ‘engaged in’) not only in the derivative, but also in the original construction, where the verb *znaet* subordinates not the pronoun, but the whole subordinate clause. In the derivative construction (1), we observe the result of the lexicalization of the former main part of a complex sentence, which turns into a unit similar to other former main parts with an uncertainty value (*neizvestno, nevedomo* ‘unknown’) and, just like these indicators, subordinates not the subordinate part in whole, but only what remains of it after its predicative center is moved to the left from the former main part. This degenerated link cannot be called subordination; it is only a reflex of subordination. The basis for lexicalization is that the structure *chert znaet*, adjoining, as in (1), the interrogative relative pronoun, expresses a unique semantic and pragmatic complex of meanings that is not available for standard indefinite pronouns: the maximum degree of uncertainty + the disapproval of the speaker. In this case, the meaning of the uncertainty, which is characteristic of the original construction, can be reduced to zero. The lexicalized structure *chert znaet* significantly enriches the repertoire of means of expressing the semantic category of uncertainty.

Keywords: syntax, complex subordinate sentences, syntactic links, disintegration of subordination, reflex of subordination, lexicalization, semantic category of uncertainty.

References

Apresjan Ju. D. (ed.), Boguslavskij I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodejstvie grammatiki i slovarja* [Theoretical problems of Russian syntax: The interaction of grammar and vocabulary]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2010. 408 p. (in Russ.)

Dymarskij M. Ja. [Towards the typology of syntactic links (on the material of the Russian language)]. *Problemy funkcional'noj grammatiki: Princip estestvennoj klasifikacii* [Problems of Functional Grammar. The Natural Classification principle] Ed. by A. V. Bondarko, V. V. Kazakovskaja. Moscow, «Jazyki slavjanskoj kul'tury» Publ., 2013, pp. 57–91. (in Russ.)

Dymarskij M. Ja. [Monocentrism in syntax: episodes of history and modernity]. *Structures & functions: Studies in Russian linguistics*. Vol. II. Issue 1. Tallinn, 2015, pp. 5–15. (in Russ.)

Il'enko S. G., Ljovina I. N. *Leksiko-sintaksicheskij slovar' russkogo jazyka: Modeli slozhnopodchinennogo predlozhenija* [Lexico-syntactic dictionary of the Russian language: Models of complex subordinate sentences]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical Univ. Publ., 2007. (in Russ.)

Sachkov Ju. V. [Determinism]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* [The New Encyclopedia of Philosophy]. Moscow: Mysl' Publ., 2010, v. I, pp. 631–632. (in Russ.)

SinTagRus = *Sintaksicheski razmechennyj podkorpus Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka* [Syntactically Marked Sub-Corpus of the National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru/instruction-syntax.html>. (in Russ.)

Анна А.Зализняк
Институт языкознания РАН, ФИЦ ИУ РАН
(Москва, Россия)
anna.zalizniak@gmail.com

ЗАГАДКА ПОЛИСЕМИИ СЛОВА *КРОМЕ**

В статье рассматривается ход семантической деривации, связывающий два значения русского предлога *кроме*: *кроме 1* ‘за исключением’ (*Кроме Пети, все ученики решили эту задачу*) и *кроме 2* ‘в добавление’ (*Кроме Пети, задачу решили Вася и Коля*). Если в *кроме 1* Петя исключается из множества объектов, обладающих предсказуемым признаком (*решить задачу*), то в *кроме 2* он, наоборот, включается в множество объектов, обладающих этим признаком. В обоих случаях *кроме X-а* вводит границу, отделяющую объект X от других объектов. При этом *кроме 1* проводит границу между объектами, обладающими и не обладающими обсуждаемым признаком, а *кроме 2* проводит границу между объектами, про которые уже известно, что они им обладают, и теми, о которых это сообщается. Таким образом, содержание семантического сдвига состоит в том, что граница переносится из дескриптивной области в коммуникативную.

В статье демонстрируется, что конструкция с отрицательным местоимением (*никто кроме X не P*), имея логическую структуру, идентичную конструкции без отрицания (*все кроме X P*), семантически принципиальным образом от нее отличается, и она представляет собой первую ступеньку «семантического моста», соединяющего значения *кроме 1* и *кроме 2*. Последующие ступени семантической деривации представлены вопросительными и гипотетическими контекстами. Во всех этих типах употребления, имеется один общий компонент (‘существует один объект, обладающий признаком P’) и второй компонент, представляющий собой различные значения параметра ‘существование других объектов, обладающих признаком P’, расположенные в разных точках вероятностной шкалы от нуля до единицы. Результирующая энантиосемия слова *кроме* представляет собой, таким образом, отложенный эффект отрицания.

Ключевые слова: русский язык, семантика, полисемия, семантическая деривация, энантиосемия, прагматикализация.

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-012-00505.

Семантика русского предлога *кроме* достаточно основательно исследована; ему посвящен ряд статей [Баранов 1998, Оскольская, Холодилова 2009, Оскольская 2011, 2014], а также лексикографическое описание [Апресян 2004а,б]. Тем не менее, путь семантической деривации, связывающий его два в некотором смысле противоположных значения, остается непроясненным.

Предлог *кроме* восходит к форме местного падежа от существительного *крома* ‘край’; в др.-русском основное значение предлога *кромѣ* было ‘вне, за пределами’ — как в собственно пространственном (ср. (1)), так и в отвлеченном смысле (ср. (2), (3)):

- (1) не добро есть лежати. ꙗко нашему федосьеви. **кромѣ монастырѣ** цркѣи своя. (Повесть временных лет [Срезневский 1989: 1328])
- (2) ты бо еди́нь **кромѣ грѣха**, правда твоѧ, правда во вѣки, и слово твоѧ истина. [Следованная Псалтирь. Последование по исходе души от тела] (www.ruscorgora.ru)
- (3) а праздниество **кромѣ ѡбѣдъ** ѡбѣдъ. [Пчела] (www.ruscorgora.ru)

Итак, изначально предлог *кроме* указывал на нахождение объекта за пределами пространства (реального или метафизического), обозначенного именной группой, подчиненной слову *кроме*. В современном языке это значение полностью утрачено: нельзя сказать ни *кроме монастыря*, ни *кроме греха* в значении ‘вне, за пределами’. (Единственное, что о него осталось — фразеологизм *кроме шуток*.) Сохранилась лишь идея нахождения объекта за пределами некоторого выделенного метафизического пространства, которая может реализоваться по-разному.

В современном русском языке для слова *кроме* общепринятым является выделение следующих двух значений ([БАС, МАС, Апресян 2004а,б, Оскольская 2014] и др.):

кроме 1: ‘за исключением’:

- (4) **Кроме Пети**, все ученики решили эту задачу

кроме 2: ‘в добавление’:

- (5) **Кроме Пети**, задачу решили Вася и Коля

В первом случае Петя, **в отличие** от остальных, задачу не решил, во втором — **так же**, как и остальные, задачу решил. Иными словами, если в *кроме 1* Петя **исключается** из множества объектов, обладающих предципируемым признаком (в данном случае ‘решить задачу’), то в *кроме 2* он, наоборот, **включается** в множество объектов, обладающих этим признаком — т. е. эти значения являются в некотором смысле противоположными.

Тот факт, что соотношение двух значений слова *кроме* (иллюстрируемых примерами (4) и (5)) представляет собой своего рода энантиосемию, подтверждается тем, что здесь возможна реальная неоднозначность. Так, в словаре Даля [Даль 1994, т. 2, с. 507] для слова *кромѣ* предлагаются перифразы:

- (i) *внѣ, извнѣ, снаружи, не внутри*
- (ii) *опричь, не считая, окромѣ, исключая, за исключением*

Значение, соответствующее первой группе перифраз и иллюстрируемое примером *Покинь его кромѣ ограды* (т.е. ‘брось его за ограду’), в современном языке утрачено. Пример для второй группы значений, приводимый Далем (в неявной форме объединяющей наши *кроме 1* и *кроме 2*): *Есть много охотников, кромѣ насъ*. Эта фраза неоднозначна. С точки зрения современного русского языка фраза *Есть много охотников, кроме нас* означает то же, что *Есть много охотников помимо нас* — т.е. здесь реализуется значение *кроме 2* («мы», наряду с «многими» принадлежим к числу «охотников»). Между тем, поскольку этот пример несомненно интертекстуально связан с крылатой фразой из «Горя от ума» *А смешивать два эти ремесла / Есть тьма охотников [вариант — искусников] — я не из их числа*, где использован оборот, эксплицитно выражающий значение *кроме 1*, скорее всего Даль также вкладывал в него значение ‘за исключением’ (хотя вопрос, какое значение имел в виду Даль, все же остается открытым).

Другой пример реальной неоднозначности (из некоторой лингвистической статьи; речь идет о классах русских неопределенных местоимений):

- (б) В серию на «угодно» входят, **кроме** «какой», все вопросительно-относительные местоимения¹

Эта фраза допускает оба понимания: при одном слово «какой» входит в «серию на угодно» (в этом случае *кроме* синонимично *помимо* и имеет значение *кроме 2*: ‘в добавление’), при другом — наоборот, находится за ее пределами (значение *кроме 1*: ‘за исключением’); ср. ту же фразу с другим порядком слов: *В серию на «угодно» входят все вопросительно-относительные местоимения, кроме «какой»*, которая может быть понята только в значении *кроме 1*. Однако неоднозначность возникает только если рассматривать эту фразу изолированно. Поскольку в предшествующем тексте уже было сказано, что слово «какой» входит в обсуждаемый класс (в серию на «угодно»), *кроме* понимается здесь однозначно в нужном смысле ‘в добавление’. Другими словами, значение *кроме 2* реализуется в том случае, когда тот факт, что референт имени, подчиненного *кроме*, обладает предцизируемым признаком, по тем или иным причинам уже известен слушающему².

Замечу, что те же два противоположных значения были у слова *помимо*. Так, МАС в качестве первого значения указывает (на сегодняшний день устаревшее и сохранившееся лишь в сочетании *помимо воли*) значение ‘кроме, за исключением’ (...*графы ни к кому помимо меня заезжать не хотели*. А.Островский) — и, в качестве второго, значение ‘сверх чего-л.’ (...*помимо своей работы, я тружусь еще и в Радиокomitee*). Английское слово *besides* в функции наречия означает ‘в добавление’, а в функции предлога — ‘за исключением’. Французские *à part* и *en dehors de*, наряду с отмечаемым словарями значением ‘за исключением’,

¹ Курсив, маркирующий обсуждаемые языковые единицы, здесь во избежание неоднозначности заменен на кавычки.

² В статье [Апресян 2004б] эта информация названа «фоновой».

может выражать также значение ‘в добавление’, ср. (примеры из французского параллельного подкорпуса НКРЯ):

- (7) *Кроме Ясиного чулана*, было при школе еще одно жилое помещение, которое занимала преподавательница русского языка и литературы, военная вдова Таисия Сергеевна. [Людмила Улицкая. Сонечка (1992)] — *À part le réduit de Jasia*, il y avait encore dans l'école une autre pièce habitée, occupée par le professeur de langue et de littérature russes Taïssia Sergueïevna, une veuve de guerre. [Ludmila Oulitskaya. Sonietchka (Sophie Benech, 1998)]
- (8) Живут же там многие и *кроме нас...* [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] — Il y en a beaucoup d'autres *en dehors de nous* qui habitent chez elle. [Fédor Dostoïevski. Crime et châtiment (Élisabeth Guertik, 1947)]

Та же полисемия имеется у немецкого *aufßer*, ср.: *Ich habe alle meine Klassenkameraden zu der Feier eingeladen, außer Peter* — ‘Я пригласил на праздник всех своих одноклассников, кроме Петера’ и *Ich habe außer Peter noch Franz und Michael zu der Feier eingeladen* — ‘Кроме Петра, я пригласил на праздник также Микаэля и Франца’.

Поэтому естественно предположить, что энантиосемия, наблюдаемая в слове *кроме*, имеет определенные когнитивные основания. Задача в том, чтобы их выявить — поскольку энантиосемия как механизм семантической деривации существует только в области оценки (смена знака оценки на противоположный, а именно — с положительного на отрицательный, ср. речевую формулу *Хорошенькое дело!*, слова *угораздило*, *умудриться*³ и т.п.). В прочих случаях наличие у слова двух противоположных значений требует объяснения, т.е. восстановления пути семантической деривации, связывающего противоположные значения между собой или каждого из них с некоторым «исходным».

В статье [Оскольская, Холодилова 2009] предлагается следующее логическое построение, позволяющее объединить два значения слова *кроме* в одно:

Ситуацию, которую описывает конструкция с предлогом *кроме*, можно представить следующим образом: есть некоторое множество [А], которое вычитается из другого множества [В], а оставшееся множество [С] входит в множество [В]. Так, ситуацию в примерах (α) и (β) можно описать с помощью установленных обозначений следующим образом:

(α) Я пригласил *весь класс*[В], *кроме Пети и Маши*[А] — *кроме 1*

В примере (α) множество [А] *Петя и Маши* вычитается из множества [В] *весь класс*. Все, что остается (т.е. весь класс без Пети и Маши), представляет собой множество [С] — множество приглашенных.

(β) *Кроме Пети и Маши*[А], я пригласил еще *свой класс*[С] — *кроме 2*

³ В этих глаголах смена знака оценки имела место в ходе семантической эволюции: *угораздить* и *умудрить* исходно означали «научить, надумать» [Даль 1994, IV, 944, 1019]. О принципиальном единстве процессов синхронной и диахронической семантической деривации см. в частности [Зализняк 2001].

В примере (β) множество [А] *Петя и Маша* вычитается из множества [В] *все приглашенные*, и остается множество [С] — весь класс. Именная группа с предлогом *кроме* в обоих случаях представляет вычитаемое множество [А].

Общая схема ситуации для конструкции с предлогом *кроме*: $V \setminus A = C$. Но в зависимости от намерения говорящего эксплицируется множество [В] (для *кроме 1*) либо множество [С] (для *кроме 2*), а значение другого множества ([С] либо [В]) можно определить с помощью предиката.

Эта схема обладает рядом недостатков.

Прежде всего, вызывает недоумение формулировка «В примере (β) множество [А] *Петя и Маша* вычитается из множества [В] *все приглашенные*», которая очевидно означает, что множество *Петя и Маша* исключается из множества *все приглашенные*, — что неверно. Либо под множеством *все приглашенные* авторы понимают приглашенных при помощи того речевого акта, который описан данным предложением (поскольку Петя и Маша тоже были приглашены, но ранее), либо слово *вычитается* следует понимать в каком-то особом смысле.

Во-вторых, представляется весьма дискуссионным сам принцип, что существование неоднозначных примеров типа *Я позвал еще своих одноклассников, кроме Пети*, которые могут быть поняты как содержащие *кроме 1* и *кроме 2*, свидетельствует о том, что это ОДНО значение. Как мне представляется, ровно наоборот: возможность такого рода неоднозначности говорит о том, что это именно два РАЗНЫХ значения: реализация одного или другого обусловлена не контекстом (контекст один и тот же), а непосредственно смысловым заданием. (В частности, нельзя согласиться с используемой авторами формулой «оттенок значения» по отношению к двум значениям *кроме*.)

В-третьих, остается неясен механизм, связывающий между собой две реализации данной схемы: почему вдруг «меняются местами» множества [В] и [С]?

Я предлагаю альтернативный способ решения проблемы, каким образом связаны между собой два значения слова *кроме*.

Рассмотрим следующий пример:

(9) **Кроме** Пети, на день рождения пришли все мои одноклассники

Эта фраза неоднозначна. Если слушающий знает, что Петя — мой одноклассник, *кроме Пети* указывает на исключение Пети из числа пришедших (*кроме 1*). Если слушающий знает, что Петя пришел на день рождения, то *кроме* понимается в значении *кроме 2*, т. е. выступает в роли разграничителя уже известной и новой информации — как в примере (6), где слушающему уже известно, что местоимение «какой» входит в «серию на угодно». Если слушающий не знает ни того, ни другого, неоднозначность сохраняется. (Точнее, сохраняется в письменной форме; в устной этим двум пониманиям соответствует различная интонация: акцент на *все* для *кроме 1* и на *одноклассники* — для *кроме 2*.)

Итак, в обоих типах употребления *кроме X-а* слово *кроме* вводит границу, отделяющую объект X от других объектов по некоторому признаку. Различие

определяется тем, по какому признаку X оказывается выделен и противопоставлен остальным. А именно, *кроме 1* (*Кроме Пети все решили эту задачу*) проводит границу между объектами, обладающими и не обладающими обсуждаемым свойством, а в случае *кроме 2* (*Кроме Пети, задачу решили еще Вася и Коля*) слово *кроме* проводит границу между объектами, про которые **уже известно**, что они обладают упомянутым признаком (*Петя*), и теми, о которых это **сообщается** (*Вася и Коля*)⁴. Таким образом, содержание семантического сдвига состоит в том, что граница переносится из дескриптивной области в коммуникативную, т. е. это частный случай прагматикализации. В исходном значении *кроме* исключает объект из зоны обладающих неким признаком (Петя исключается из множества решивших задачу), а в производном *кроме* исключает объект из зоны обсуждения-внимания-рассмотрения: Петю (про которого мы знаем, что он задачу решил и это не обсуждаем), мы исключаем из рассмотрения и сообщаем, новую, значимую информацию — что задачу решили Вася и Коля⁵. Обратим внимание на то, что похожая формулировка использована в МАС по отношению к (на сегодня устаревшему) значению слова *помимо*: «минуя, не принимая во внимание что-л.». При этом иллюстрирующий это значение пример *Граф написал завещание, по которому он все имение, помимо прямых наследников и нас, отдавал Пьеру* говорит о том, что речь идет об «игнорировании» в дескриптивном, а не в коммуникативном отношении.

Итак, содержание семантического перехода от *кроме 1* к *кроме 2* — сдвиг из дескриптивной сферы в коммуникативную. Посмотрим теперь, каков механизм этого сдвига.

Для этого согласно принципу, сформулированному в известной статье [Бенвенист 1974], следует найти контексты, в которых эти значения совмещены. Как оказывается, таким контекстом в данном случае является отрицание.

Обязательным условием реализации диахронически исходного значения *кроме 1* является употребление кванторного слова *все/все* (которое может находиться как перед, так и после предложной группы с *кроме*) или других способов обозначения класса⁶: Наличие кванторного слова *все/все* (или другого обозначения класса) имеет принципиальное значение для реализации семантики *кроме 1*, поскольку оно задает то множество, из которого оператор *кроме* исключает подчиненный ему объект. Субъектом при предикате оказывается построенное таким образом

⁴ «Известность» при этом может быть мнимой и использоваться в рамках приема «лингвистической демагогии» (по [Николаева 1988]), т. е. риторической фигуры подачи новой информации в форме известной.

⁵ Ср. термин «исключение из рассмотрения», который используется в работе [Инькова, Манзотти 2019: 163] для обозначения логико-семантического отношения, выражаемого словом *кроме* во втором значении.

⁶ Ср.: *Полицейские ушли, кроме одного, который оставался на время и старался выгнать публику, набравшуюся с лестницы, опять обратно на лестницу.* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]. Полный список контекстов реализации значения *кроме 1* приводится в [Оскольская 2011].

множество «все минус X», т. е. предложение с *кроме* I имеет логическую структуру: $S(= \text{все за исключением } X) P$. Для предложения (4) это будет (4а):

- (4) **Кроме** Пети, все ученики решили эту задачу
 (4а) $S(= \text{все за исключением Пети}) P(= \text{решили эту задачу})$

Формула (4а) может быть эксплицирована следующим образом:

- (4а') 'из множества объектов, обладающих признаком P (= множество учеников, РЕШИВШИХ задачу) исключен объект Петя'

Предложение с отрицательным кванторным словом *никто/ничто* (или любым другим отрицательным местоимением, наречием или прилагательным), например (10), может трактоваться как имеющее ту же логическую структуру, только с отрицанием при предикате — поскольку *никто/ничто* появляется вместо *все/всеё* в силу действия в русском языке правила двойного отрицания:

- (10) **Кроме** Пети, никто не решил эту задачу
 (10а) $S(= \text{все за исключением Пети}) P(= \text{не решили эту задачу})$

Или, иначе:

- (10а') 'из множества объектов, обладающих признаком P (= множества учеников, НЕ РЕШИВШИХ задачу) исключен объект Петя'

Т. е. логическая структура предложения с отрицанием — та же, что и для предложения без отрицания. Однако семантически различие между конструкцией *никто кроме X не P* и *все кроме X P* не сводится к наличию/отсутствию отрицания при глаголе: кванторное слово *никто* со значением 'не существует такого X (который P)' принципиальным образом меняет семантическую структуру предложения. А именно, если формула (4а') адекватно отражает значение предложения (4), то относительно формулы (10а') это неверно. Семантически конструкция *никто кроме X не P* устроена иначе: она указывает не на исключение объекта из множества не обладающих свойством P — содержание формулы (10а'), а на единственность объекта, свойством P обладающего. Причем делает она это **косвенным образом**. Тем самым, по сравнению с прямым утверждением единственности со словом *только* или *один только* (ср. *Задачу решил (один) только Петя*), конструкция *никто кроме X не P* содержит дополнительный смысловой акцент на этой единственности, возникающий за счет косвенного выражения смысла. Можно сказать, что конструкция *никто кроме X не P* представляет собой риторическую фигуру эмфатического выделения идеи единственности названного объекта.

Схема толкования предложения (10) может быть представлена следующим образом (разделим ее на две части — компоненты (i) и (ii)):

- (10а'') (i) 'существует объект, обладающий признаком P' (=Петя)
 (ii) 'других объектов, обладающих этим признаком, не существует'

Обратим внимание на то, что компонент (i) присутствует также в толковании *кроме 2*, ср., для примера (5):

(5) **Кроме** *Пети, задачу решили Вася и Коля*

(5а") (i) 'существует объект, обладающий признаком Р' (=Петя)

(ii) 'существуют другие объекты, обладающие этим признаком' (=Вася и Коля)

Сравним теперь следующие предложения:

(11) **Кроме** матери *никто* не будет его навещать (*кроме 1*)

(12) *Вряд ли кто-нибудь* **кроме** матери будет его навещать

(13) *Кто* **кроме** матери будет его навещать?

(14) **Кроме** матери, его будут навещать жена и дочь (*кроме 2*)

В предложении (11) представлено значение *кроме 1*, в (14) — значение *кроме 2*. Между тем все предложения (11)–(14) имеют общий компонент (i) 'существует объект X, обладающий признаком Р' (мать, которая будет навещать сына) — и различаются лишь за счет вариантов компонента (ii). А именно, относительно других объектов того же класса в (11) утверждается, что их *нет*, в (14) — что они *есть* (жена и дочь), в гипотетическом высказывании (12) и в вопросительном (13) — что их существование под вопросом. В случае риторического вопроса (т.е. вопроса, эквивалентного отрицательному утверждению, ср. пример (15)) вопросительное предложение, также как и предложение с отрицательным местоимением, включает компонент (ii) в том варианте, который фигурирует в толковании *кроме 1*: 'других объектов, обладающих этим признаком, не существует'⁷.

(15) Никто не пробует даже объяснить, в какой стране мы живем. Какая у нас идея, **кроме** колбасы? [Светлана Алексиевич. *Время секонд хэнд* (ч. 1) (2013)]

Очевидно, что перечисленные три варианта реализации компонента (ii) представляют собой разные значения одного параметра: шкалы вероятности от нуля до единицы существования других объектов, обладающих признаком Р. На одном конце находится конструкция с отрицательным местоимением (ср. (11)), которую принято считать реализующей значение *кроме 1*, на другом — примеры типа (14), реализующие значение *кроме 2*. Таким образом оказывается, что граница между двумя значениями *кроме* проходит между конструкцией с квантором всеобщности *все/всё* или именем класса — и всеми остальными типами конструкций, в том числе — с *никто/ничто*. Т.е. конструкция *никто кроме X не Р* представляет собой первую ступеньку «семантического моста» (термин из [Mel'čuk 1988]),

⁷ Риторический вопрос со словом *кроме* сближается с конструкцией *Кто как не...? Куда как не...?* и т.п., которая в грамматической традиции квалифицируется как частно-вопросительная конструкция со значением утверждения о единственности /выделенности элемента из релевантного множества (см. [Инькова, Кобозева 2018: 178]).

соединяющего значения *кроме1* и *кроме2*. Последующие ступени этого пути представлены гипотетическими и вопросительными контекстами.

Механизм этого сдвига состоит в следующем. Отрицательное местоимение *никто* появляется вместо *все* в силу действия в русском языке автоматического правила двойного отрицания в контексте отрицания при предикате: вместо *все кроме X не Р* надо сказать *никто кроме X не Р*. Однако если слово *все* задает некоторое реальное множество, то слово *никто* никакого множества не задает: семантически, пустое множество — это вообще не множество. А если множество объектов не задано, то слово *кроме* не может работать оператором исключения из этого множества, т. е. оно утрачивает дескриптивную функцию, и остается только дискурсивная.

Итак, множество употреблений слова *кроме* делится на область противопоставления и область нейтрализации.

Область противопоставления составляют конструкции с кванторным словом *все/всеё*.

В этом случае *кроме* может иметь значение как *кроме 1*, так и *кроме 2* — в зависимости от того, включает ли смысл предложения отсылку к идее принадлежности объекта *X* некоторому классу. Если включает, то реализуется значение *кроме 1*, если нет — *кроме 2*. Это обстоятельство — не словарное, оно определяется экстралингвистической реальностью (как в случае с Петей, который может быть или не быть одноклассником говорящего). Еще один аналогичный пример — (16): его понимание как содержащего *кроме 1* или *кроме 2* (и, соответственно, вопрос о том, был ли куплен сыр), зависит от того, входит ли сыр в множество ингредиентов салата:

- (16) **Кроме** сыра, я купила всё что нужно для салата =
 (16a) ‘сыр не купила; все остальные необходимые для салата продукты купила’ — *кроме 1* (сыр входит в множество ингредиентов салата)
 (16b) ‘купила сыр, а также все необходимые для салата продукты’ — *кроме 2* (сыр не входит в множество ингредиентов салата)

Все остальные контексты — гипотетические, вопросительные, а также отрицательные — образуют область нейтрализации. При этом предложения с отрицательным кванторным местоимением *никто/ничто* представляют собой ключевой контекст, демонстрирующий ход семантической деривации от *кроме 1* к *кроме 2*.

Литература

Апресян В. Ю. КРОМЕ 1, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ, ЗА ВЫЧЕТОМ, ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ, НЕ СЧИТАЯ 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю. Д. Апресяна, издание второе, дополненное и исправленное. М., 2004а. С.484–490.

Апресян В. Ю. КРОМЕ 2, ПОМИМО 1, НЕ СЧИТАЯ 1, НЕ ГОВОРЯ (УЖЕ <УЖ>) О // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю. Д. Апресяна, издание второе, дополненное и исправленное. М., 2004б. С. 490–496.

Апресян В. Ю. Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Монография. М., 2015. 285 с.

Баранов А. Н. Внутренняя форма как фактор организации значения дискурсивных слов // Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998. С.150–158.

Бенвенист Э. Семантические проблемы реконструкции // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 331–349.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. М., 1994.

Инькова О. Ю., Кобозева И. М. Как и его двухместные варианты. // Семантика коннекторов: контрастивное исследование. Ред. О. Ю. Инькова. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. С. 168–239.

Инькова О., Манзотти Э. Связность текста: мерологические логико-семантические отношения. М.: Языки славянских культур, 2019. 372 с.

Николаева Т. М. «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 154–165.

Оскольская С. А. Прагматические свойства конструкций с *кроме* // Русская филология. 22. Тарту, 2011. С. 178–182.

Оскольская С. А. Конструкции с союзом *кроме как* и с предлогом *кроме* в русском языке // Труды Института лингвистических исследований РАН. Acta Linguistica Petropolitana. СПб, 2014. С. 363–398.

Оскольская С. А., Холодилова М. А. Некоторые особенности употребления предлога *кроме* // Русская филология. №20. Тарту, 2009. С. 192–196.

Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка. В 3-х тт. М., 1989.

Mel'čuk I. Semantic description of lexical units in an Explanatory Combinatorial Dictionary: Basic principles and heuristic criteria // International Journal of Lexicography. 1988, vol. 1, №3. P.165–188.

Anna A. Zalizniak

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Institute of Informatics Problems of the Federal Research Center «Computer Science and Control» of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

anna.zalizniak@gmail.com

THE ENIGMATIC POLYSEMY OF RUSSIAN *KROME*

The article discusses the course of semantic derivation which links together the two meanings of the Russian preposition *krome*: *krome 1* ‘except for’ and *krome 2* ‘in addition to’. The paper demonstrates that in both cases, *krome X* introduces a boundary separating object X from other objects based on some criterion. *Krome 1* draws a boundary

between objects that have the property in question and those that do not have it, whereas *krome 2* draws a boundary between objects that are already known to have this property and those that are declared to have it. Thus, the semantic shift consists in the transferral of the boundary from the descriptive domain to the communicative one.

Keywords: Russian language, semantics, polysemy, enantiosemy, semantic derivation, pragmaticalization.

References

Apresyan V. Yu. [KROME 1, ZA ISKLYuChENIEM, ZA VYChETOM, ESLI NE SCHITAT', NE SCHITAYa 2] // *Novyi ob»yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka / Pod ruk. Yu. D. Apresyana, izdanie vtoroe, dopolnennoe i ispravlennoe*. [New explanatory dictionary of Russian synonyms. Ed. by Ju. D. Apresjan. 2-nd ed.]. Moscow, 2004a, pp.484–490. (In Russ.)

Apresyan V. Yu. KROME 2, POMIMO 1, NE SCHITAYa 1, NE GOVORYa (UZhE <UZh>) O. *Novyi ob»yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka / Pod ruk. Yu. D. Apresyana, izdanie vtoroe, dopolnennoe i ispravlennoe*. [New explanatory dictionary of Russian synonyms. Ed. by Ju. D. Apresjan. 2-nd ed.]. Moscow, 2004b, pp. 490–496. (In Russ.)

Apresjan V. Yu. *Ustupitel'nost'. Mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeistviya slozhnykh znachenii v yazyke* [Concessivity. Mechanisms of formation and interaction of complex linguistic meanings]. Moscow, 2015. 285 p. (In Russ.)

Baranov A. N. Inner form as a part of meaning of discursive words. *Dialogue'98. Computational Linguistics and its Applications. International workshop. Proceedings. V.1. Kazan', 1998*, pp. 150–158. (In Russ.)

Benvenist E. Semantic problems of reconstruction // Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress, 1974, pp. 331–349. (In Russ.)

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, 1994. (In Russ.)

In'kova O. Yu., Kobozeva I. M. The Russian *kak* and its two-argument variants. *Semantika konnektorov: kontrstivnoe issledovanie. Red. O. Yu. In'kova* [Semantics of connectives: a contrastive study. Ed. by O. Yu. In'kova]. Moscow: TORUS PRESS, 2018, pp.168–239. (In Russ.)

In'kova O., Manzotti E. *Svyaznost' teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnosheniya* [Coherence of the text: mereological relations]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2019. 372 p. (In Russ.)

Mel'čuk I. Semantic description of lexical units in an Explanatory Combinatorial Dictionary: Basic principles and heuristic criteria. *International Journal of Lexicography*, 1988, vol. 1, no. 3, pp. 165–188.

Nikolaeva T. M. «Linguistic demagoguery». *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and the problems of intensionality]. Moscow, 1988, pp.154–165. (In Russ.)

Oskol'skaya S. A. Pragmatic properties of the constructions with *krome*. *Russkaya filologiya*, no. 22, Tartu, 2011, pp. 178–182. (In Russ.)

Oskol'skaya S. A. Constructions with the conjunction *krome kak* and with the preposition *krome* in Russian. *Acta Linguistica Petropolitana*. St. Petersburg, 2014, pp. 363–398. (In Russ.)

Oskol'skaya S. A., Kholodilova M. A. Some peculiarities of the use of the preposition *krome*. *Russkaya filologiya*, no. 20, Tartu, 2009, pp. 192–196. (In Russ.)

Sreznevskiy I. I. *Materials for the dictionary of the Old Russian language*. Moscow, 1989.

О. Ю. Инькова

Женевский университет; ИПИ ФИЦ ИУ РАН

(Женева, Швейцария; Москва, Россия)

Olga.Inkova@unige.ch

СИСТЕМА СВЯЗУЮЩИХ СРЕДСТВ РУССКОГО ЯЗЫКА: СОСТАВ И МЕТОДЫ ОПИСАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы определения состава связующих средств русского языка (коннекторов), которые представляют собой динамическую систему как в количественном, так и в качественном аспекте. Автор рассматривает существующие подходы к решению данной проблемы, в частности, то, как решается проблема неоднословных коннекторов в аннотированных корпусах русского языка на примере ХАНКО и «Корпусного словаря неоднословных лексических единиц» НКРЯ. В новом информационном ресурсе — надкорпусной базе данных (НБД) коннекторов — единицей аннотирования и анализа является *речевая реализация* (РР), т. е. та форма, в которой коннектор употреблен в конкретном контексте. При фиксации РР в НБД входящие в состав неоднословных коннекторов элементы приписываются к перекрестным кластерам. Такой подход позволяет не только зафиксировать реально встречающиеся формы показателей связи, но и наглядно представить возможности сочетаемости того или иного элемента, входящего в их состав, т. е. системные связи, существующие между элементами неоднословных показателей. Эти данные могут быть использованы для описания потенциала языковых средств, которым располагает говорящий, предсказывая возможность того или иного сочетания элементов в одной РР. Статистические возможности НБД позволяют, в свою очередь, составить представление о количестве и частоте употребления того или иного показателя связи в тексте.

Ключевые слова: коннекторы, надкорпусные базы данных, формальное варьирование, русский язык, корпусная лингвистика, количественные методы анализа.

Связующие средства русского языка, как бы их ни называли: союзы, аналоги союзов, скрепы, коннекторы, ... — представляют собой динамическую систему, как в количественном, так и в качественном аспектах. Что касается количественного аспекта, то эта система постоянно пополняется за счет новых языковых единиц, тогда как некоторые единицы, наоборот, исчезают. Так, в последнее время широкое распространение получили коннекторы с формантом *при*, особенно *при этом*

и *притом что*; они входят в словари только в XX веке [Инькова 2015, 2018а]. Другие единицы выходят из употребления или приобретают стилистическую окраску, ограничивающую их использование; ср. *коли, доколи, диви бы, зане* и др.

Что касается качественного аспекта, то динамичность системы обусловлена во многом тем, что связующие средства русского языка характеризуются высокой степенью формальной вариативности. Многие из них состоят более чем из одного графического слова или представляют собой 'разрывные' языковые единицы (*хотя... но, не только... а даже* и др.). Они строятся как бы из кирпичиков, которые могут вступать друг с другом в самые разнообразные сочетания¹; ср., например, *да и, да притом и, да вдобавок и, да притом еще и, да еще притом* и т. д. или группы коннекторов непосредственного следования, которые образуют как многоэлементные коннекторы (*только, лишь только, как только, едва лишь только* и др.), так и двухкомпонентные (*как только... так сразу, едва лишь только... тут же* и др.)².

Такая подвижность системы связующих средств вызывает немалые трудности для ее описания, в первую очередь, в том, что касается определения ее состава. В своей пионерской работе 1987 г. «Очерки по синтаксису сложного предложения» М. И. Черемисина и Т. А. Колосова отмечали, что «[д]о последнего времени не был зафиксирован даже грубо ориентировочный список показателей связи, оставалось неизвестным даже приблизительное их количество» [Черемисина, Колосова 2010: 123]. Эта проблема приобретает особую актуальность в связи с разработкой аннотированных корпусов русского языка и систем автоматической обработки и генерации текстов. В рамках корпусных подходов создаются списки связующих средств с целью облегчить их распознавание и разметку, а потому включающие, как правило, только неоднословные показатели.

Наиболее известные списки для русского языка: «Полный список служебных фразем» Хельсинского корпуса ХАНКО, к сожалению, удаленный со стартовой страницы корпуса [<http://h248.it.helsinki.fi/hanco/index.html>]³, и «Корпусной словарь неоднословных лексических единиц» НКРЯ [<http://www.ruscorpora.ru/old/obgrams.html>].

Список ХАНКО был составлен на основе «Толкового словаря служебных частей речи» Т. Ф. Ефремовой [2001], «Толкового словаря словосочетаний, эквивалентных слову» Р. П. Рогожниковой [2003] и сводных таблиц С. И. Богданова и Ю. В. Рыжовой «Русская служебная лексика. Сводные таблицы» [1997], в которых сравнивается наличие той или иной служебной лексемы в целом ряде словарей, в том числе и в БАС, а также в РГ-80. Раздел «Союзы» ХАНКО, включающий только неоднословные единицы, насчитывал 323 единицы.

¹ Т. М. Николаева [Николаева 1985; 2008], описывая структуру русских дискурсивных маркеров, использует метафору калейдоскопа, показывая, как многие русские дискурсивные маркеры, часто воспринимаемые как неразложимые в современном языке, строятся из одних и тех же элементов («блуждающих частиц»), но каждый раз в разных сочетаниях.

² Подробнее о коннекторах этого семантического класса и их формальных особенностях см. работы И. М. Кобозевой [Кобозева 2016, 2017].

³ Список был доступен в 2014 году по ссылке <http://www.helsinki.fi/venaja/russian/e-material/hanco/index.htm>.

Список «Корпусного словаря», как указано на его стартовой странице, составлен на основе базы данных частотных коллокаций НКРЯ с дополнениями из того же словаря Р. П. Рогожниковой и МАС. Раздел «Обороты в функции союза и союзного слова» включает 159 единиц.

Оба списка построены по частеречному принципу. Однако, как известно, определение частеречной принадлежности связующих средств связано с немалыми трудностями, и решения, к которым приходят исследователи, часто не совпадают. По-видимому, по этой причине часть показателей связи, квалифицируемых РГ-80 как «аналоги союзов», находится в «Корпусном словаре» в разделе «Вводные обороты» вместе с единицами, которые не имеют связующей функции; например, *таким образом, иными словами, одним словом*, которые считаются аналогами союзов в ряде своих употреблений, соседствуют с *черт возьми, сохрани боже и слава аллаху*, которые ни в одном из своих употреблений таковыми не являются. Исследователь должен в каждом конкретном случае сам принимать решение о функциональных возможностях той или иной языковой единицы. Поэтому, используя данный словарь, представить себе количество языковых единиц, способных выполнять связующую функцию, не представляется возможным.

Наиболее полный на сегодняшний день список связующих средств русского языка представлен в РГ-80. Он дан в «Предметном указателе» под рубрикой «Союзы и аналоги союзов» (поэтому, строго говоря, не может считаться полноценным списком связующих средств) и насчитывает 660 языковых единиц.

Даже самый поверхностный анализ этих трех списков позволяет увидеть, что они в значительной степени различны не только по количеству включенных в них единиц, но и по принципам их отбора. Результаты их сопоставительного анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Критерии отбора языковых единиц для включения в список связующих средств

Критерии	ХАНКО	НКРЯ	РГ-80
Неоднословность языковой единицы	+	+	–
Возможность выступать в функции показателя связи	+	+	–
Учет вариантов с запятой	+	–	–
Учет вариантов с усеченной гласной	+	+	–
Возможность дистантного расположения составляющих	–	–	(+)
Наличие двух- и многокомпонентных вариантов показателей связи	+	–	+

Как мы уже упоминали, в списки ХАНКО и НКРЯ включаются только неоднословные показатели связи, в отличие от списка РГ-80, который, в силу специфики его жанра — предметный указатель — отличает и тот факт, что он содержит языковые единицы, которые только упоминаются в разделах, посвященных союзам и их аналогам, как единицы, могущие входить в их состав, но которые не могут выполнять самостоятельно связующей функции. К ним, на наш взгляд, относятся *даже, еще, всё* и др. Однако граница между эти двумя видами употребления языковых единиц — употребление в составе связующего средства и возможность самостоятельного употребления

в связующей функции — проводится недостаточно четко. Вряд ли, например, можно считать, как это предлагает РГ-80 [П: § 2083], *даже* аналогом союза в таком примере:

- (1) Она с тоской ждала восклицаний, тягостных объятий, *даже* упреков [Леон.; пример РГ-80, § 2083].

Даже стоит здесь перед вторым членом создаваемого им градационным ряда. Следуя этой логике, придется считать аналогом союза *очень* в (2), где также представлен ряд с градационным значением:

- (2) А было ему здесь хорошо, *очень* хорошо. [Елена Мушкина. Ёлка из кондитерской // «Родина», 2007]

С другой стороны, *даже* и его устаревший и разговорный вариант *ажно* могут употребляться в структурах с причинными отношениями между пропозициями. Но их трактовка как «союзов» и «аналогов союза» следствия (обусловленность следствия чрезмерной степенью выявления признака) также вызывает сомнения:

- (3) Вдруг наверху, над моей головой, кто-то крикнул по все горло, я *ажно* при села [А. Остр.; пример РГ-80, § 3064]

Семантика следствия возникает здесь на основе смыслового соотношения частей: если убрать частицу *ажно* из (3), отношение следствия между двумя положениями вещей сохранится. Как в (2), так и в (3), *даже/ажно* придают отношению между частями высказывания градационную семантику, но само отношение выводится на основе смыслового соотношения между ними.

Во все три списка включены языковые единицы *что касается, что до* и др., для которых статус показателя связи и еще в большей степени статус коннектора требует теоретического обоснования.

Только список ХАНКО содержит варианты с запятой для составных союзов, которые могут иметь два написания, причем как с изменением условий употребления (для *потому что, оттого что* и др.), так и с одинаковыми условиями употребления (*вместо того чтобы* и др.).

Варианты с усеченной гласной (*если бы* и *если б* и др.) не представлены только в списке РГ-80, хотя в нем и фигурируют схожие по своей природе формы *или* и *иль, ли* и *ль*. И, наоборот, возможность дистантного расположения элементов неоднословного союза упоминается только в РГ-80, в частности для *да и*, но это скорее исключение, чем правило, и в списке для других единиц, которые допускают такую возможность, вариант с дистантным расположением не указан. Ср. возможность такого варианта для *хотя и* в (5), где *хотя* и *и* разделены словом *закон*, в отличие от (4), где они расположены контактно.

- (4) Понимание этого время от времени *хотя и* появляется в человеческой голове («хоть горшком назови...»), по природе своей является, вероятно, идеей «рецессивной». [Михаил Арапов. Когда текст обретает смысл // «Знание — сила», 2003]

- (5) И клирики, кстати, имеют на это право: *хотя* закон и запрещает им агитировать с амвона, он не может запретить этого в частных разговорах. [Александр Верховский. Между паствой и электоратом (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.04.08]

Наконец, двух- и многокомпонентные показатели связи отсутствуют в списке НКРЯ, хотя для многих логико-семантических отношений это единственно возможный показатель; ср. в этом отношении *если... то* сопоставления в (6) и *как... так* и аналогии (7):

- (6) *Если* авторы авантюрного романа, вводя трущобы, каторги и больницы, действительно подготовили путь социальному роману, *то* перед Достоевским были образцы подлинного социального романа <...> [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]
- (7) *Как* сел на стул, придя к Соне, *так* и сидел, не двигаясь, до нужной секунды: ни раньше, ни позже. [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)]

Заметим также, что в НКРЯ в неоднословные лексемы необоснованно попадают сочетания, где составляющие не являются единым показателем связи; ср. *и хотя*, которое дается в списке неоднословных союзов, с отсылкой к такому примеру:

- (8) Несмотря на то, что уже два года на бумаге существует федеральная программа по ликвидации ветхого и аварийного жилья, по оценке Владимира Яковлева, она реализуется слабо. *И хотя* Астрахань находится в тройке лидеров по объёмам «аварийки», в России есть ещё полтора десятка регионов, где нам придётся ломать голову над решением подобной проблемы. [Леонид Барков. Вице-премьера позвали в трущобы (2003) // «Время МН», 2003.08.06]

Эта структура должна анализироваться следующим образом: *р. И [хотя r, s]q*. Иначе говоря, *и* и *хотя* соединяют здесь разные фрагменты текста, и их соседство объясняется лишь линейной структурой текста.

Все три списка, несмотря на указанные различия, отличает, тем не менее, определенная субъективность при отборе языковых единиц и алфавитный порядок их представления. Это не позволяет увидеть ни механизма образования неоднословных показателей связи, в частности того, что один и тот же «конкретизатор» может сочетаться с разными союзами, ни реального состава связующих средств русского языка.

Иной подход к анализу состава связующих средств русского языка представлен в уже упоминаемой нами работе М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [Черемисина, Колосова 2010]. Для того чтобы дать наглядное представление о способности союзов сочетаться с конкретизаторами, авторы составили таблицу [Там же: 150–152], в левой части которой указаны союзы, как сочинительные, так и некоторые подчинительные (*если, когда, потому что, хотя* и др.), а в верхней части — конкретизаторы (*в особенности, в результате, в то же время, вдобавок* и др.). Несмотря на условность терминологии, такой способ представления позволяет увидеть продуктивность того или иного союза или конкретизатора в образовании

неоднословных показателей связи. Но, поскольку таблица создана в докорпусную эпоху (авторы работали с картотекой, содержащей 1000 примеров), то она, конечно, не может отразить реальную картину. Кроме того, в ней отсутствуют двух- и много компонентные союзы, которые также характеризуются высокой степенью формальной вариативности.

Надкорпусная база данных (НБД) коннекторов, созданная в ИПИ ФИЦ ИУ РАН именно с целью анализа их формальной вариативности, в значительной степени построена с учетом подхода, разработанного М. И. Черемисиной и И. А. Колосовой, и с учетом недостатков существующих списков показателей связи, а также с использованием возможностей современных информационных технологий. НБД коннекторов функционирует на основе текстов параллельных (французского и итальянского) подкорпусов НКРЯ, общий объем которых составляет 9,2 млн словоупотреблений, и позволяет лингвистам аннотировать употребления коннекторов по заданной ими системе параметров и хранить результаты этой работы в виде структурированных двуязычных аннотаций. Несмотря на ограниченный размер корпуса, НБД позволяет получить представительную статистику, характеризующую структуру коннекторов или тот или иной аспект их функционирования (подробнее о концепции НБД и ее статистических возможностях см. [Инькова 2018б]; [Inkova, Popkova 2017]).

В предлагаемом нами подходе единицей аннотирования и последующего анализа коннекторов становится речевая реализация (РР), т. е. та форма, в которой коннектор употребляется в конкретном контексте. При этом учитываются, т. е. фиксируются как разные РР, варианты с запятой (например, *потому что* и *потому, что*; *после того как* и *после того, как*), варианты с усеченной гласной (*если бы* и *если б*, *для того чтобы* и *для того чтоб*), варианты с дистантным расположением элементов (*да и* и *да|и*, *и в частности* и *и|в частности*), с разным порядком следования элементов (*лишь только* и *только лишь*). Таким образом, при аннотировании мы идем не от словаря к тексту, а от текста к списку связующих средств, максимально полно отражающему их состав в русском языке. На 12.05.2019 в НБД зафиксировано 1287 РР, т. е. уже в два раза больше, чем в наиболее полном списке РГ-80, и это притом, что наш список и список РГ-80 совпадают лишь частично, поскольку некоторые семантические классы коннекторов в НБД пока не аннотировались или аннотировались частично.

На первом этапе аннотирования, каждая регистрируемая РР приписывается к двум типам кластеров.

1. Кластеры, учитывающие состав РР

В четырех кластерах этого типа учитывается:

- а) количественный состав РР (один или более элементов, входящих в ее состав),
- б) наличие показателя ЛСО в одном или в каждом из соединяемых фрагментов текста.

По признаку а) все РР разделяются на однословные и неоднословные. По признаку б) все РР разделяются на те, что маркируют один из соединяемых фрагментов, и те, что маркируют каждый из соединяемых фрагментов, которых может быть два или более. Части РР, которые находятся в каждом из соединяемых

фрагментов текста, предлагается называть *компонентами РР*. Соответственно, все РР разделяются на *однокомпонентные* и *n-компонентные*, а *n-компонентные* — на *двух-* и *многокомпонентные*.

В предлагаемой терминологии — однокомпонентные, двухкомпонентные и многокомпонентные РР — можно увидеть параллель с традиционной классификацией, которая разделяет союзные образования на одноместные, двухместные и многоместные. Эти термины кажутся нам менее удачными, поскольку используются также в другой сфере лингвистических исследований — теории валентностей. Кроме того, в разряд многоместных, а в нашей терминологии, многокомпонентных, русская грамматическая традиция включает только симметричные союзные соединения (*и... и, или... или, не то... не то...* и др.), тогда как в НБД зафиксированы и асимметричные РР, т. е. такие, где повторяется либо первый, либо второй компонент, либо оба; ср. (9) с РР *не только||не только||не только||а еще и||и*⁴:

- (9) И *не только* потому, что размещался он в двух больших залах со сводчатыми потолками, расписанными лиловыми лошадьми с ассирийскими гривами, *не только* потому, что на каждом столике помещалась лампа, накрытая шалью, *не только* потому, что туда не мог проникнуть первый попавшийся человек с улицы, *а еще и* потому, что качеством своей провизии Грибоедов бил любой ресторан в Москве, как хотел, *и* что эту провизию отпускали по самой сходной, отнюдь не обременительной цене [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929–1940)]

Такие РР остаются, как правило, вне поля зрения исследователей, но именно такого рода образования показывают, что форму, в которой коннектор употребляется в тексте, его РР, следует рассматривать как единицу не языка, а речи. Эта форма создается каждый раз *ex novo* в зависимости от коммуникативного намерения говорящего, синтаксической и семантической структуры высказывания и целого ряда других факторов.

Показательно распределение РР по этим четырем структурным кластерам:

- одноэлементные РР (*и, а, но, так* и др.) — 4,62 %;
- многоэлементные РР (*и особенно, а|наоборот, да вот хоть|например* и др.) — 48,5 %;
- двухкомпонентные РР (*во-первых||а во-вторых, если бы даже||то и тогда бы, если бы даже||то|все-таки* и др.) — 30,65 %;
- многокомпонентные РР (*или||или||или, зато||зато||зато, в дальнейшем||а затем||и, наконец* и др.) — 4,62 %⁵.

⁴ Используемая при обозначении РР коннекторов двойная вертикальная черта «||» указывает на то, что коннектор состоит из двух или более расположенных дистантно компонентов, каждый из которых вводит фрагмент текста; одиночная вертикальная черта «|» говорит о том, что языковые единицы (элементы), составляющие коннектор или его компонент, разделены текстом, но находятся в пределах одного и того же фрагмента.

⁵ Совпадение количества одноэлементных и многокомпонентных РР в НБД является случайным. По мере наполнения НБД число этих РР может измениться.

Интересно, однако, не только число РР, но и число употреблений РР разных структурных типов, т. е. количество аннотаций, в которых были зарегистрированы эти РР. По этому критерию распределение РР следующее:

- одноэлементные РР — 46,58 %;
- многоэлементные РР — 37,38 %;
- двухкомпонентные РР — 15,32 %;
- многокомпонентные РР — 0,72 %.

Эти данные говорят о том, что наиболее частотными являются одно- и многоэлементные РР, тогда как многокомпонентные РР можно считать периферийным явлением в системе связующих средств русского языка. Кроме того, почти все они зафиксированы с единичными употреблениями, что вполне объяснимо.

2. Перекрестные кластеры

Четыре кластера первого типа, отражая важный классификационный признак коннекторов (их количественный состав), не учитывают тот факт, что одна и та же языковая единица может входить в различные сочетания. Поэтому описание состава многоэлементных, двух- и многокомпонентных РР, а также сочетаемости составляющих их компонентов или элементов решается в НБД через систему «перекрестных», или «пересекающихся», кластеров второго типа. Они позволяют разметчикам одновременно помещать аннотируемую РР в разные кластеры и пополняются в процессе аннотирования новых контекстов употребления РР. См. Таблицы 2 и 3.

Такой подход позволяет не только зафиксировать реально встречающиеся формы показателей связи, но и наглядно представить возможности сочетаемости того или иного элемента, входящего в их состав. В качестве примера приведу союз *или*. В списке НКРЯ для него не дано ни одной многоэлементной РР; в списке ХАНКО — только формы *будь то... или* и *или...*, *или (иль..., иль)*. В РГ-80 дано 14 форм: *будь то... или; или; или вернее; или иначе; или иначе говоря; или наоборот; или по крайней мере; или точнее; или... или; или... но; или/или... но; иль; ли... или; либо... или; может быть... или; может быть... или, может быть*.

Создается впечатление, что, по сравнению с другими сочинительными союзами, в частности союзами *и* и *а*, союз *или* в меньшей степени способен образовывать неоднословные РР. Однако в НБД кластер *или* содержит уже 64 РР, включающие элемент *или*: *а то||или; будь то||или; будь то||или же; или; или вернее; или во всяком случае; или вообще; или все же; или гораздо правильнее будет сказать; или даже; или даже еще лучше; или еще; или же; или же просто; или же, к примеру; или же, наконец; или же|просто; или лучше; или лучшие сказать; или по крайней мере; или по меньшей мере; или просто; или просто и; или скорее всего; или точнее; или уж; или хотя бы; или хотя бы просто; или, в крайнем случае; или, в противном случае; или, вернее; или, выражаясь точнее; или, говоря adv; или, еще лучше; или, иначе говоря; или, лучше; или, лучше сказать; или, может; или, может быть; или, наоборот; или, например; или, напротив; или, попросту; или, скажем иначе; или, скорее; или, так сказать; или, точнее; или||а не то; или||или;*

Таблица 2

Примеры РР с указанием кластеров первого и второго типов, в которые они входят

	Речевые реализации (РР)		
	<i>а впрочем</i>	<i>а, наоборот, скорее</i>	<i>или а не то</i>
Кластеры РР	«Многоэлементные»	«Многоэлементные»	«Двухкомпонентные»
	«а»	«а»	«а»
	«впрочем»	«наоборот»	«а не то»
		«скорее»	«или»
			«не»
		«то»	

Таблица 3

Примеры кластеров второго типа и входящих в них РР

	Кластеры РР		
	« <i>между тем</i> »	« <i>значит</i> »	« <i>зато</i> »
РР, входящие в указанные кластеры	<i>а между тем</i>	<i>а значит</i>	<i>зато</i>
	<i>а между тем</i>	<i>если значит</i>	<i>зато зато</i>
	<i>меж тем как</i>	<i>если то значит</i>	<i>зато зато зато</i>
	<i>между тем</i>	<i>если только значит</i>	<i>зато при этом</i>
	<i>между тем как</i>	<i>значит</i>	<i>конечно зато</i>
	<i>но между тем</i>	<i>значит коли</i>	<i>но зато</i>
	<i>но между тем</i>	<i>и, значит</i>	<i>хоть да зато</i>
	<i>хотя а между тем</i>	<i>коли то значит</i>	<i>хоть и зато</i>
	<i>хотя но между тем</i>		<i>хоть зато зато зато</i>
	<i>хотя и но между тем</i>		<i>хоть но зато</i>
			<i>хоть и зато</i>
			<i>хоть и но зато</i>

или||или||или; или||или же; или||или||или, наконец; или||или||но, во всяком случае; или же||или||или; или|все-таки; или|например; иль; иль, может быть; ли||или; ли||или, наоборот; ли|ли|ли|ли|ли||или; либо||или; например, или; то есть, или еще лучше сказать.

РР *или||но*, приводимая РГ-80, в НБД пока не зафиксирована, а *или||или||но* зафиксирована в форме *или||или||но, во всяком случае*.

Система перекрестных кластеров позволяет также увидеть, какие РР являются общими для двух или нескольких кластеров РР. На рисунке 1 мы приводим эту информацию для кластеров «да» и «еще», которые в НБД имеют 10 общих, т. е. включающих оба элемента, РР.

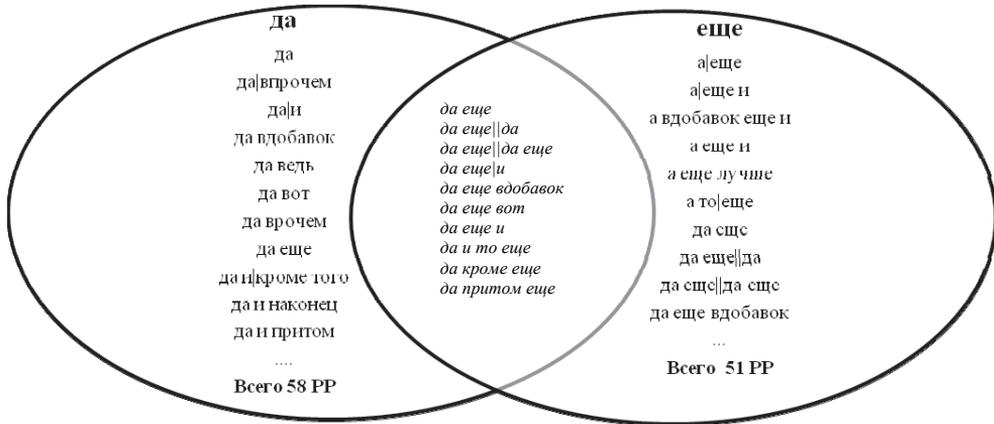

Рисунок 1. Общие элементы для кластеров «да» и «еще» в НБД.

Семантический анализ элементов, входящих в состав РР, позволяет, в свою очередь, установить, какие элементы сочетаются между собой. Так, в РР с союзом *или* присутствуют элементы с семантикой разделительности (*а то и, либо, ли*), предположительности (*будь то, может быть*), аддитивности (*еще*), градации (*даже, в крайнем случае, по крайней мере*), противопоставления (*наоборот*), спецификации (*например*) или генерализации (*вообще*), комментария выбора формулировки (*лучше сказать, иначе говоря, вернее, точнее, скорее*), но отсутствуют, например, показатели причинно-следственных или временных отношений. Эти данные могут быть использованы для описания потенциала языковых средств, которым располагает говорящий, предсказывая возможность того или иного сочетания элементов в одной РР.

Таким образом, предлагаемый подход позволяет фиксировать все реально встретившиеся формы, в которых употребляются связующие средства русского языка, а разработанный информационный лингвистический ресурс — НБД коннекторов — является достаточно эффективным инструментом, позволяющим это сделать. Кроме того, система перекрестных кластеров дает возможность увидеть системные связи между элементами, образующими неоднословные показатели, а статистические возможности НБД — составить представление об их количестве и частоте употребления в тексте. Разработанный метод описания структуры показателей связи приближает нас к цели, обозначенной в работе [Черемисина, Колосова 2010]: создание списка связующих средств русского языка во всем их многообразии. Представляется, однако, очевидным, что при такой динамичности системы показателей связи речь может идти только об открытом списке, состав которого будет меняться, с одной стороны, по мере регистрации новых РР, а с другой — по мере исчезновения из языка некоторых языковых единиц. Подчеркнем также, что РР являются не единицами языка, т. е. заслуживающими отдельной словарной статьи, а единицами речи, создающимися говорящим в соответствии с его коммуникативным заданием.

Литература

БАС — Чернышев В. И. (ред.). Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М./Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

Богданов С. И., Рыжова Ю. В. Русская служебная лексика. Сводные таблицы. СПб: СПбГУ, 1997. 168 с.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Астрель-Аст, 2004. 814 с.

Инькова О. Ю. *При том что*: от морфологии и синтаксиса к семантике // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2, М.: МПГУ, 2015. С. 124–149.

Инькова О. Ю. Коннекторы русского языка с формантом *при*: корпусное исследование // Russian Linguistics. 2018(a). № 2. С. 159–190.

Инькова О. Ю. Лингвоспецифичность коннекторов: методы и параметры описания // Семантика коннекторов: контрастивное исследование / О. Ю. Инькова (ред.). М.: Торус Пресс, 2018(б). С. 5–23.

Кобозева И. М. Когнитивно-семантический подход к описанию средства связи предложений (на примере коннекторов со значением непосредственного следования) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 10. С. 120–133.

Кобозева И. М. Коннекторы контактного предшествования во французском и русском языках по данным параллельного корпуса // Съпоставително езиковзнание. 2017. № 4. С. 48–62.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981.

Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М.: Наука, 1985. 170 с.

Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика (история «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур, 2008. 375 с.

РГ-80 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: Астрель-АСТ, 2003. 416 с.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Изд. 2-е. (1-е изд. Новосибирск: Наука, 1987). М.: УРСС, 2010. 226 с.

Inkova O., Popkova N. Statistical data as information source for linguistic analysis of Russian connectors // Информатика и ее применение. 2017. № 3. С. 123–131.

Olga Yu. Inkova

*University of Geneva / Institute of Informatics Problems FRC CSC RAS
(Geneva, Switzerland; Moscow, Russia)
Olga.Inkova@unige.ch*

SYSTEM OF CONJUNCTIVE TOOLS IN RUSSIAN: STRUCTURE AND DESCRIPTION

The paper analyses the formal structure of conjunctive tools (connectors) in Russian, units acting as elements of a dynamic system both quantitatively and qualitatively. The author examines how the problem of annotating multiword connectors is addressed in corpus projects, including two annotated corpora of Russian language: HANCO (the Helsinki Annotated Corpus), and “Corpus Dictionary of Multiword Lexical Units” of the Russian National Corpus. The new corpus tool called a supracorpora database (SCDB) of connectors considers discursive realization (DR), e.g. the form in which a connector has been used in a certain context, as an annotation unit. During the DR annotation process in the SDC, elements of the multiword connector’s structure are attributed to cross-clusters. This approach not only allows one to register the *ad hoc* form of a given conjunctive tool, but also gives an idea of the combinatorial capacity of multiword connectors’ components and therefore reveals systematic ties between them. These data can be used to describe the range of linguistic units available to the speaker, who is free to combine some of them to produce a DR. Diverse statistic data extractible from the SDC, on the other hand, help to ascertain the number of occurrences and the frequency of a given conjunctive tool in a text.

Keywords: connectives, supracorpora databases, formal diversity, Russian, corpus linguistics, quantitative methods.

References

BAS — Chernyshev V. I. (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. V 17 t. [Dictionary of Modern Russian literary language. In 17 t.]. Moscow / Leningrad, USSR Academy of Sciences publishing house, 1948–1965. (In Russ.)

Bogdanov S. I., Ryzhova Yu. V. *Russkaya sluzhebnyaya leksika. Svodnye tablitsy* [Russian grammatical words dictionary. Summary tables]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 1997. 168 p. (In Russ.)

Efremova T. F. *Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian auxiliary parts of speech]. Moscow, «Astrel'-Ast» Publ., 2004. 814 p. (In Russ.)

Inkova O. Yu. [Pri tom chto: from morphology and syntax to semantics]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2015»* [Typology of morphosyntactic parameters. Proc. of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2015”]. Moscow, Moscow State Pedagogical University. 2015, no. 2, pp. 124–149. (In Russ.)

Inkova O. Yu. [The connectors of Russian with the element *pri*: a corpus-based study], *Russian Linguistics*, 2018(a) no. 2, pp. 159–190. (In Russ.)

Inkova O. Yu. [Language-specificity of connectors: methods and description parameters]. *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Connective semantics: a contrastive study], O. Yu. Inkova ed. Moscow, «TORUS PRESS» Publ., 2018b, pp. 5–23. (In Russ.)

Inkova O., Popkova N. Statistical data as information source for linguistic analysis of Russian connectors. *Informatika i ee primeneniye*, 2017, no. 3, pp. 123–131.

Kobozeva I. M. [Cognitive-semantic approach to the description of the means of linking of sentences (on the example of connectives with the meaning of direct follow)], *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2016, no. 10, pp. 120–133. (In Russ.)

Kobozeva I. M. [Contact precedence connectives in French and Russian according to the parallel corpus]. *Sъpostavitelno ezikoznanie*, 2017, no. 4, pp. 48–62. (In Russ.)

MAS — *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: In 4 vol. Evgen'eva A. P. (ed.). Moscow, Russkii Yazyk, 1981. (In Russ.)

Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii* [Functions of particles in the utterance]. Moscow, «Nauka» Publ., 1985. (In Russ.)

Nikolaeva T. M. *Neparadigmaticheskaya lingvistika (istoriya «bluzhdayushchikh chastits»)* [Non-paradigmatic linguistics (history of the «wandering particles»)]. Moscow, «Yazyki Slavyanskikh Kul'tur» Publ., 2008. (In Russ.)

RG-80 — *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow, «Nauka» Publ., 1980. (In Russ.)

Rogozhnikova R. P. *Tolkovyiy slovar' sochetanii, ekvivalentnykh slovu* [Explanatory dictionary of constructions equivalent to the word]. Moscow, «Astrel'-AST» Publ., 2003. 416 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [An outline of the complex sentence theory]. Moscow, «URSS» Publ., 2010. (1st ed. Novosibirsk, «Nauka» Publ., 1987). 226 p. (In Russ.)

И. Б. Иткин

Институт востоковедения РАН /
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
(Москва, Россия)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

НОВАТОР ЖУКОВСКИЙ И АРХАИСТ ПУШКИН (два этюда из истории русского поэтического языка)

В статье рассматривается отражение в стихах поэтов XVIII — первой половины XIX в. вариативности, существовавшей в соответствующий период времени в двух точках грамматической системы русского языка: в образовании деепричастий от приставочных глаголов на *-йти* (по модели *вошед, пришед* или по модели *войдя, придя?*) и в выборе ударного гласного в форме родительного падежа множественного числа существительного *время* (*времен, времен* (через [’э]) или *времён?*). Формы на *-идя* вошли в русскую поэзию в конце 1780-х гг. благодаря Карамзину и поэтам его круга, в первую очередь И. И. Дмитриеву. В первые десятилетия XIX в. эти формы были уже достаточно распространены: они встречаются, в частности, в поздних произведениях Державина и Хвостова, а также в поэзии Жуковского «арзамасского» периода (1813–1818 гг.). На этом фоне удивительным выглядит полное отсутствие таких форм в поэзии Пушкина. Сопоставление с пушкинской прозой, в которой также абсолютно преобладают формы на *-шед*, позволяет заключить, что речь идет не о сознательной архаизации, а о реальном словопотреблении. Что касается формы родительного падежа слова *время*, до начала 1830-х гг. основной была форма *времен*. Первоначально конкурировавшая с ней форма *времен* уже в 1820-е гг. воспринималась как явно устаревшая (или даже просто как «неправильная»); использование Пушкиным этой формы в «Евгении Онегине» вызвало возражения критиков, не понявших пародийного пушкинского замысла. В 1830-е годы в стихах А. И. Полежаева и В. И. Соколовского появляется форма *времён*, очень быстро получающая широкое распространение. Самый ранний ныне известный пример употребления формы *времён*, однако, принадлежит В. А. Жуковскому (поэма «Пери и ангел», 1821); в стихах Пушкина эта форма отсутствует. Таким образом, по обоим рассматриваемым параметрам язык Жуковского оказывается более близким к современной норме, чем язык Пушкина. Эти примеры показывают, что представление о Пушкине как о новаторе в области русского языка, будучи вполне справедливо в целом, тем не менее требует уточнения во многих деталях.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, русская поэзия, эволюция русского языка, грамматическая вариативность, архаизм, новаторство.

Настоящая статья во многом обязана своим названием знаменитой книге Ю.Н. Тынянова «Архаисты и новаторы» [Тынянов 1929], центральное место в которой занимает большая статья «Архаисты и Пушкин».

Формулировка «новатор Жуковский» едва ли может вызвать удивление: карамзинист и признанный глава русского романтизма, Василий Андреевич Жуковский обычно воспринимается именно как умеренный новатор, ср. известную формулировку того же Тынянова: «И в вопросах стиля и в вопросах тем, и в большом вопросе о лирических жанрах он занимает половинчатое положение новатора реформиста» [Тынянов 1929: 109].

Напротив, формулировка «архаист Пушкин», особенно применительно к собственно-языковой стороне творчества поэта, выглядит парадоксальной, почти эпатажной. Согласно широко распространенному мнению, в области языка Пушкин был безусловным революционером, намного опередившим свое время. Ср., например, два высказанных практически одновременно и почти дословно совпадающих суждения на этот счет: «Особенно интересно, что грамматика у Пушкина воспринимается как более современная, чем у многих авторов, писавших в одно с ним время и даже после него» [Добровольский 2001: 161]; «Пушкинская речь по своей грамматике во многих отношениях ближе к нынешнему языку, чем современные Пушкину и даже более поздние авторы» [Падучева 2001: 107].

Мы ни в коем случае не хотим сказать, что такая оценка ошибочна. Пушкин, безусловно, является создателем современного русского литературного языка — не единственным, но, если можно так выразиться, «главным»; не будь в его поэзии и прозе множества новаторских черт, это было бы совершенно невозможно. Однако, как, наверное, всегда в подобных случаях, чем большее внимание исследователь уделяет отдельным деталям, тем более сложной предстает открывающаяся ему картина.

Наша работа посвящена двум чрезвычайно частным грамматическим сюжетам: образованию деепричастий от приставочных глаголов на *-йти* (далее — «и-деепричастия») и форме родительного падежа множественного числа существительного *время*. Оба они рассматриваются на материале русской поэзии XVIII — первой половины XIX в. Непосредственной связи между двумя этими сюжетами нет; объединяет их в первую очередь то, что в обоих случаях речь идет о процессе смены грамматической нормы, происходившем в том числе в период литературной деятельности Пушкина.

Можно сказать, что в плане тематики (но не в плане оценок, от которых мы старались полностью воздерживаться) наша работа следует рецензии на IV и V главы «Евгения Онегина», опубликованной в 1828 г. в московском журнале «Атеней», автор которой, скрывшийся за подписью «В.», коснулся обоих этих сюжетов. Замечания критика «Атеней», в свою очередь, рассмотрены в монографии

И. Б. Серебряной [Серебряная 2012]. Далее в работе мы придерживаемся общепринятой атрибуции статьи в «Атене» М. А. Дмитриеву (1796–1866); при этом, однако, кажется уместным привести справедливую оговорку Е. О. Ларионовой: «Прямых свидетельств авторства Дмитриева нет» [ППК 1828–1830: 349].

Основным источником данных для нас послужил Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка (далее — ПП НКРЯ). Разумеется, следует учитывать, что это собрание текстов содержит сведения далеко не обо всех поэтах, писавших и печатавшихся в тот или иной период времени, и не все стихотворения поэтов, в него включенных. Тем не менее, материал, представленный в Поэтическом подкорпусе, как кажется, можно считать в целом достаточно репрезентативным.

И-деепричастия

В современном русском языке деепричастия от глаголов на *-йти* образуются от основы настоящего времени (выступающей также в инфинитиве): *войдя, перейдя, придя* и т. д. Как известно, в ходе истории эти формы сменили формы совсем иного вида, образовывавшиеся бессуффиксальным способом от основы прошедшего времени: *вошед, перешед, пришел* и т. д. Процесс вытеснения форм на *-шед* (далее — «*ш*-формы») формами на *-(й)дя* (далее — «*й*-формы») рассматривается, в частности, в классических книгах Л. А. Булаховского [Булаховский 1948: 128] и С. П. Обнорского [Обнорский 1953: 218–219], в недавней диссертации Л. Р. Абдулхаковой [Абдулхакова 2007]. В работе Л. А. Булаховского имеется важное упоминание о том, что «Г р е ч указывал (§ 247, примечание 72)¹ как на неправильное образование — на форму деепричастия совершенного вида *войдя* [Булаховский 1948: 128]»². Однако следующее непосредственно за этим утверждение — «В языке писателей его времени, действительно, в употреблении почти исключительно **вошед** и под.» [там же], — как будет ясно из дальнейшего изложения, нуждается в существенной корректировке; см. также ниже о возможной причине такой aberrации. С. П. Обнорский приходит к выводу о том, что «их (*ш*-форм. — И. И.) полное изжитие литературным языком, как видно из данного материала, принадлежит половине XIX в.» [Обнорский 1953: 219], т. е. относится как раз к концу рассматриваемого нами хронологического периода. При этом, однако, все известные нам работы затрагивают данное грамматическое изменение очень кратко и общо, почти не касаясь стихотворных текстов и тем более не обращаясь к предпочтениям конкретных авторов; мы, напротив, в значительной степени сосредоточимся именно на этом вопросе.

Помимо *ш*-форм и *й*-форм, *и*-деепричастия могут образовываться также по модели с суффиксом *-ши*: *вошедши, пришедши* и т. д.; такие формы встречаются в русской поэзии (хотя и не очень часто) на всем протяжении XVIII–XIX вв. Однако

¹ [Греч 1827: 229–230]. Та же оценка («Сие образование не позволено, и противно правилу языка») повторена и во втором издании 1834 г. (§ 246, прим. 77) [Греч 1834: 214–215].

² Здесь и далее все шрифтовые выделения принадлежат авторам цитат, если не оговорено иное.

в поэзии, в отличие от прозы, формы на *-ии* не конкурируют напрямую с *и*-формами и *й*-формами, поскольку отличаются от них по числу слогов. Таким образом, в настоящей работе формы на *-ии* специально не рассматриваются, хотя и могут при необходимости привлекаться для сравнения.

Строго говоря, формы на *-(й)дя* и формы на *-шед* также взаимозаменяемы не всегда. Во-первых, они могут стоять в позиции рифмы. Во-вторых, у форм на *-шед*, содержащих беглое *о*, есть варианты без этого *о* (*вшед, обшед, подшед* и т. д.), тогда как для соответствующих им форм на *-йдя* подобное невозможно. Употребления, не допускающие взаимозамены, мы будем называть «вынужденными»; для поэтов, у которых общее число *и*-форм велико (Державина, Муравьева, Жуковского, Пушкина, также Гнедича как переводчика «Илиады»), наличие среди них вынужденных может специально не оговариваться. Тем не менее в существенном большинстве случаев выбор между *и*-формой и *й*-формой определяется исключительно личными предпочтениями поэта.

Несколько лет назад вопрос о соотношении *и*- и *й*-форм привлек внимание лингвистов в неожиданном ракурсе — в связи с дискуссией об авторстве сказки «Конек-Горбунук» [Касаткин, Касаткина 2012а, 2012б; Перцов 2015]³. Несмотря на то, что в настоящее время эту «дискуссию», хотелось бы надеяться, можно считать завершённой (собственно говоря, она и не должна была быть начата), мы останавливаемся в том числе и на этом вопросе.

Для каждого из поэтов, творчество которых мы рассматриваем индивидуально, сначала указывается количество встретившихся в его стихах *и*-форм, через двоеточие — количество *й*-форм. Обозначение «1²» используется в тех случаях, когда та или иная форма встретилась в стихотворении два раза, но в составе повторяющегося фрагмента, т. е. фактически речь идет об одном вхождении. Знак «х» означает «(столько-то) раз».

Изложение в целом ведется в порядке от более старших поэтов к более младшим, но без строгой упорядоченности по датам рождения, а скорее в соответствии с общей динамикой происходящих изменений.

Н. М. Карамзин (1766–1826): 0:1².

На протяжении почти всего XVIII в. в русской поэзии встречаются исключительно *и*-формы; так обстоит дело, в частности, у В. К. Тредиаковского, А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, И. С. Баркова, М. М. Хераскова, И. Ф. Богдановича.

В стихотворении «Анакреонтические стихи А. А. Петрову» (1788, опубл. 1789) в составе дважды повторенного (с небольшой вариацией) фрагмента встретилась форма *найдя*. В том, что первое употребление в стихах *й*-формы принадлежит

³ На это обстоятельство нам указала С. В. Дьяченко (устное сообщение), которой мы выражаем самую искреннюю благодарность.

Карамзину, нет ничего удивительного и даже ничего особенно примечательного. Едва ли не более важным представляется жанр «Анакреонтических стихов...» — их принадлежность к числу «легких» дружеских посланий.

И. И. Дмитриев (1760–1837): 2:5.

С 1789 по 1810 г. *й*-формы 5х (включая прозаическую ремарку в идиллии «Две гробницы») встречаются в произведениях И. И. Дмитриева — поэта, близкого по взглядам к Карамзину и при этом даже несколько более старшего. С учетом того, что среди этих произведений — знаменитая «Причудница» (1794) и одна из лучших басен Дмитриева «Старик и трое молодых» (1795), не будет преувеличением сказать, что полноценное вхождение *й*-форм в русскую поэзию состоялось именно благодаря Дмитриеву.

Что касается двух *ш*-форм, употребленных Дмитриевым, то одна из них (*превозмог*) встретила в рифме и является вынужденной, а другая (*пришел* в тех же «Двух гробницах») требует специального рассмотрения. Как показывают данные ПП НКРЯ, распространение формы *придя* происходит с существенным запозданием относительно других *й*-форм: первое ее вхождение относится к 1828 г. (у К. П. Масальского), второе — только к 1845 г. (у молодого Аполлона Майкова). Причиной этого может быть как высокая частотность глагола *прийти*, так и некоторая морфонологическая нестандартность формы *придя* по сравнению с другими *й*-формами (отсутствие *й*). Косвенным свидетельством того, что такое запоздание действительно имело место, могут служить «Записки» М. П. Загряжского (ок. 1770–1836; написаны не ранее 1826 г.): деепричастия от всех глаголов на *-йти*, кроме *прийти*, представлены в «Записках» только *й*-формами (11 раз), тогда как форма *придя* (встретилась 3х) конкурирует с формой *пришедши* (4х).

Вскоре после выхода стихотворений Карамзина и Дмитриева, во второй половине 1790-х — 1800-х гг., *й*-формы появляются в произведениях Ю. А. Нелединского-Мелецкого, Н. П. Николева, совсем юного П. А. Катенина и ряда других, менее известных поэтов. Отдельного упоминания заслуживает употребление формы *войдя* в выдержанной в весьма торжественном тоне «Оде Александру I» (1801) С. А. Москотильникова (1768–1852).

Г. Р. Державин (1743–1816): 12:1.

Державин был значительно старше и Карамзина, и даже Дмитриева: абсолютное преобладание в его поэзии *ш*-форм вполне соответствует языку его времени. Тем более интересно, что в позднем стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» (1807) поэт все же употребил форму *пройдя*. «Жизнь Званская» представляет собой послание, адресованное другу Державина епископу Евгению Болховитинову, т. е. написана в том же жанре, что и «Анакреонтические стихи...» Карамзина.

Отметим, что единственный пример *ш*-формы, имеющийся в стихах Державина, написанных позже «Жизни Званской», а именно в стихотворении «Обитель Доброды» (1808), является вынужденным (*сшед*).

Д. И. Хвостов (1757–1835): 2:2.

В стихах Хвостова *и*-формы встретились в 1820 и 1821 гг., *й*-формы — в 1824–1825 и 1834 гг.; возможно, в поздние годы граф сознательно старался следовать «новейшим тенденциям». Существенно также, что одно из стихотворений, где представлена *й*-форма, хотя и выдержано в несколько ином роде, чем та же «Жизнь Званская», тем не менее также относится к жанру посланий — это легендарное «Послание к N. N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября».

М. Н. Муравьев (1757–1807): 11:0.

М. Н. Муравьев был поэтом и прозаиком, близким к сентиментализму и предромантизму, учителем Батюшкова; некоторые источники даже именуют его «основоположником жанра легкой поэзии в России». Тем не менее, *й*-формы в его языке, судя по всему, не существовали вообще; отметим, правда, что все примеры *и*-деепричастий в его стихах относятся к 1770-м — 1780-м гг.

И. А. Крылов (1769–1844): 2:0.

Любопытно, что оба примера *и*-форм у Крылова встретились в одном и том же контексте: *вышел из терпенья*. По данным Основного подкорпуса НКРЯ, выражение *вышел из терпения* было достаточно употребительным вплоть до 20-х — 30-х гг. XIX в., тогда как вариант *выйдя из терпения* фиксируется значительно позже, с 1870-х — 1880-х гг.

А. Ф. Воейков (1778(1779?)–1839): 1:0.

Снилось мне, что в Петрограде,
Через Обухов мост пешком
Перешед, спешу к ограде —
И вступаю в Желтый Дом.
(«Дом сумасшедших», 1814–1839)

Разумеется, со статистической точки зрения единичный пример *и*-формы, встретившийся в стихах Воейкова, непоказателен. См., однако, ниже о возможном отражении этих строк в творчестве других поэтов.

Н. И. Гнедич (1784–1833): 1²:1 <без учета перевода «Илиады»>.

Деепричастие *взошел* употреблено Гнедичем в «высокой» поэме «Рождение Гомера» (1816), деепричастие *выйдя* — в пародийном стихотворении «Циклоп» (с подзаголовком «Феокритова идиллия, приноровленная к нашим нравам»; 1813), написанном в форме послания Батюшкову.

Н. И. Гнедич, перевод «Илиады» (1829): ≈20:2.

В переводе «Илиады» абсолютно преобладают *и*-формы; едва ли можно сомневаться в том, что такая картина представляет собой одно из проявлений общей установки Гнедича на архаизацию языка перевода.

В. А. Жуковский (1783–1852): 22:4 <без учета перевода «Одиссеи»>.

Если *и*-формы встречаются в стихах Жуковского на протяжении полувека — от юношеского «К Тибуллу» (1800) до последней неоконченной поэмы «Странствующий жид» (1851–1852), — то *й*-формы не только куда менее многочисленны, но и, что еще важнее, ограничены достаточно узкими хронологическими и жанровыми рамками.

С учетом сказанного выше едва ли стоит считать простым совпадением тот факт, что впервые *й*-форма (*пройдя*) появляется у Жуковского в послании «К Ив. Ив. Дмитриеву» (1813); скорее перед нами своего рода оммаж старшему другу и собрату. Еще две формы (*зайдя*, *войдя*) встретились в третьей части послания «К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой» (1818). Наконец, форма *дойдя* имеется в стихотворении «Ноябрь, зимы посол, подчас лихой старик...» (1814); хотя это стихотворение не имеет обозначенного адресата, фактически оно также представляет собой послание, обращенное, по-видимому, к кому-то из родных ([Жуковский 1999: 727]; комментарий принадлежит О. Б. Лебедевой).

Как видно, «*й*-период» в творчестве Жуковского находит себе достаточно четкое соответствие в его биографии. Это время наиболее тесного дружеского и даже «игрового» общения поэта с другими карамзинистами, время становления и расцвета «арзамасского братства». «Арзамасское братство возникло в начале 1810-х годов <...>. Апогеем существования арзамасского братства явилось образование «Арзамаса» (1815–1818). Распад «Арзамаса» совпал с расслоением арзамасского братства на оппозиционное и лояльное направления. Умеренное крыло арзамасского братства возглавили Карамзин, Жуковский и Блудов...» [Гиллельсон 1974: 143]⁴. И. И. Дмитриев в период существования «Арзамаса» жил в Москве и не принимал участия в его деятельности; тем не менее на одном из заседаний общества он был избран его почетным членом, наряду, в частности, с Карамзиным и Нелединским-Мелецким [там же: 104–105].

В. А. Жуковский, перевод «Одиссеи» (1849): ≈40:2.

В том, что касается употребления *и*-дееспричастий, Жуковский как переводчик Гомера следует Гнедичу с поистине удивительной точностью: в его переводе единичные формы на *-идя* также смотрятся случайными отклонениями на фоне абсолютно преобладающих (даже еще более многочисленных, чем у Гнедича) форм на *-шед*.

К. Н. Батюшков (1787–1855): 1:1.

В 1810 г. в стихах Батюшкова встретилась форма *пришед*, в 1816–1817 гг. — форма *пройдя*. Как отмечено выше, неупотребление поэтом формы *придя* может

⁴ Разумеется, в рамках настоящей статьи мы не имеем возможности обсуждать «литературно-политические» оценки М. И. Гиллельсона, да и не считаем себя достаточно компетентными в этой области. Что же касается приводимых исследователем датировок, они, как представляется, не вызывают сомнений.

и не быть случайным, однако надежных доказательств этому нет: в своих прозаических очерках Батюшков употребляет только *й*-формы, но деепричастие от глагола *прийти* в его прозе не представлено.

К. Ф. Рылеев (1795–1826): 2:2.

В стихах Рылеева представлены, с одной стороны, форма *вошед* (1822, 1825), с другой — формы *войдя* (1821–1822) и *подойдя* (1825). Последние две стоят в позиции рифмы и, соответственно, являются вынужденными; тем не менее, они показывают, что Рылеев, несмотря на склонность к архаике, *й*-форм полностью не избегал.

А. С. Пушкин (1799–1837): 12:0.

В поэзии Пушкина *и*-формы встречаются на протяжении почти 20 лет — от «Городка» (1814–1815) до «Медного всадника» (1833); *й*-формы отсутствуют вообще. Единственный пример формы на *-ии* (*взошедши*) обнаруживается в одном из самых ранних стихотворений — «Монах» (1813) — и может быть просто данью традиции; таких форм довольно много, в частности, у Державина. Для поэта, родившегося в самом конце XVIII века, эта картина поистине поразительна; отражает ли она реальное пушкинское словоупотребление, или же Пушкин в своих стихах сознательно отдавал предпочтение устаревающей модели?

Обращение к прозе однозначно свидетельствует в пользу первого варианта. Как и в поэзии, в прозе Пушкина *и*-формы встречаются начиная с Лицея и до последних лет жизни; их довольно много в том числе в дневниковых записях, едва ли предназначавшихся для печати. В общей сложности *и*-формы засвидетельствованы в пушкинской прозе более 50х. Напротив, формы на *-ии* и *й*-формы немногочисленны (3 и 5 примеров соответственно) и появляются в прозе лишь в 30-е годы, причем последние — только в нехудожественных текстах (черновик письма А. Х. Бенкендорфу, «История Пугачева», подготовительные материалы к «Истории Петра»).

Любопытным образом, в подтверждение своего тезиса о том, что во времена Греча в русской литературе употреблялись почти исключительно *и*-формы (см. выше), Л. А. Булаховский приводит один-единственный пример, взятый из пушкинского «Гробовщика» [Булаховский 1948: 128]. Возможно, ученый был подспудно убежден, что если уж у Пушкина в роли *и*-деепричастий выступают архаичные формы, то у его современников — и подавно.

Форму *нашед*, встретившуюся в монологе главного героя в IV главе «Евгения Онегина», автор критической статьи в журнале «Атеней» снабдил следующим замечанием: «*Нашед* в разговорном слоге неупотребительно». Комментируя это высказывание, И. Б. Серебряная пишет: «Критик не назвал форму, которая, на его взгляд, была бы более предпочтительной в данном контексте. Но можно с достаточной степенью уверенности предположить, что это форма на *-ии* (*нашедши*) <...> Формы на *-ии* в своих мемуарах «Мелочи из запаса моей памяти» употреблял и сам Дмитриев» [Серебряная 2012: 40–41]. Отсылка к прозаическим сочинениям

Дмитриева представляется вполне оправданной (что касается поэзии, в известных нам стихотворениях Дмитриева ни одного *и*-дееспричастия нет); при этом, однако, исследовательница странным образом не учитывает того обстоятельства, что замена *нашед* на *нашедши* была бы метрически невозможна. Соответственно, ход мысли критика гипотетически может быть реконструирован следующим образом: Дмитриев не привел никакого конкретного варианта исправления данной строки, поскольку видел, что форма *нашедши* не подходит по размеру, а форму *найдя* считал, наоборот, «слишком разговорной» (в ряде отношений Дмитриев-племянник был куда более консервативен, чем его карамзинист-дядя).

Начальная строка первого восьмистишия из цикла «На картинке к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе»» — *Вот перешед чрез мост Кокушкин...* — обнаруживает близкое сходство с процитированной выше строкой Воейкова. Знакомство Пушкина с «Домом сумасшедших» подтверждается свидетельствами современников ([Черейский 1988: 73] со ссылкой на П. И. Бартенева). Рассматриваемое восьмистишие представляет собой автоэпиграмму; перекличкой с Воейковым (если она действительно имеет место) Пушкин, возможно, хотел усилить обращенную на самого себя иронию этих строк.

Е. П. Ростопчина (1811–1858): 1:2.

В двух ранних (1830 и 1836 гг.) стихотворениях Ростопчиной представлены *й*-формы *войдя* и *пройдя*, тогда как в сатире «Дом сумасшедших в 1858 году» имеется следующая строфа:

Комитет, прошед с вниманьем
Умственных недугов дом,
Беспристрастным совещаьем
Тайно занялся потом...

Поскольку «Дом...» Ростопчиной отнюдь не написан в архаизирующем стиле, появление в его тексте формы *прошед* едва ли может объясняться иначе, нежели прямой отсылкой все к той же строфе Воейкова. При этом для Ростопчиной, в отличие от Пушкина, употребленная Воейковым *ш*-форма, по-видимому, была уже чужда.

А. И. Полежаев (1804–1838): 2:1.

Случай Полежаева примечателен тем, что формы *вышед*, *пришед* и *сойдя* встретились у него в одном и том же произведении — поэме «Эрпели» (1830), где, кроме того, представлены формы *пришедши* и *прошедши*. Как кажется, это дает нам основания с достаточной долей уверенности утверждать, что в языке Полежаева все три способа образования *и*-дееспричастий были более или менее равноправны.

М. Ю. Лермонтов (1814–1841): 1:9.

Единственная *ш*-форма (*нашед*) обнаруживается в поэзии Лермонтова в 1828 г. («Корсар»). В более поздних произведениях, начиная с «Джюлио» (1830), представлены только *й*-формы (в общий подсчет включены три ремарки к драме «Маскарад»).

Наиболее правдоподобное объяснение такого соотношения, на наш взгляд, состоит в следующем: для собственного идиолекта Лермонтова нормой были уже *й*-формы, а форма *нашед* была позаимствована начинающим поэтом «из книг», вероятнее всего — у Пушкина. Из сочинений Пушкина, опубликованных до написания «Корсара», эта форма встречается в IV главе «Евгения Онегина» (см. выше) и в таком важном для Лермонтова произведении, как «Кавказский пленник».

П. П. Ершов (1815–1869): 1:0 → 0:0.

В первом издании «Конька-Горбунка» (1834) встретилась форма *обшед*; в существенно переработанном пятом издании (1856) этой формы нет. Л. Л. и Р. Ф. Касаткины считают этот факт одним из свидетельств того, что «Конек-Горбунок» написан Пушкиным, поскольку сибиряк Ершов якобы «не мог знать» такой формы [Касаткин, Касаткина 2012а: 31, 2012б: 276]. Данный аргумент несостоятелен уже потому, что Ершов не заменил «чуждое» ему (*И*) *обшед*... на *Обойдя*..., а просто изменил соответствующее место текста настолько сильно, что в нем вообще не оказалось глагола *обойти*. Если же рассматривать все поэтическое творчество Ершова в целом, то, как совершенно справедливо отмечает Н. В. Перцов, «форма деепричастия *пришедши* есть в «Сибирском казаке», а для приставочных глаголов от *идти* форм деепричастий на *-я* у Ершова в известных нам текстах нет» [Перцов 2015: 597]. Однако дело, разумеется, не только в этом. Утверждение о том, что Ершов не мог знать форм на *-шед*, совершенно фантастично: с тем же успехом их «не мог знать», например, 14-летний Лермонтов или молодой Гончаров, как известно, родившийся в Симбирске: в его ранней повести «Лихая болезнь» (1838) встретилась форма *вышед*. Трактовка Л. Л. и Р. Ф. Касаткиными форм на *-шед* как специфической черты северо-западных говоров также не выдерживает никакой критики; показательно, что, ссылаясь на книгу С. П. Обнорского в связи с примерами из Пушкина, они «не дочитали» соответствующий раздел до следующего замечания: «Спорадические свидетельства об этом типе форм можно встретить и в диалектном распространении: *не дошедь дому. Колым.* (Богор. 46)...» [Обнорский 1953: 219] (выделено нами. — И. И.).

В. Г. Бенедиктов (1807–1873): 1:1.

В поэзии второй половины XIX в. *ш*-формы встречаются редко и почти исключительно как подчеркнутые церковнославянизмы. Показателен пример В. Г. Бенедиктова, у которого формы *прешед* и *отойдя* представлены почти одновременно, но первая из них употреблена в стихотворении на библейский сюжет («Исход», 1856), а вторая — в грустно-шутливой зарисовке с натуры («Елка», 1857).

А. К. Толстой (1817–1875): 2:0.

Поэзия А. К. Толстого на этом фоне выглядит исключением. Скорее всего, однако, дело здесь не в том, что Толстой был носителем какой-то особенно архаичной нормы, а в его жанровых предпочтениях: формы *взошед* и *вышед* встретились соответственно в балладе «Ругевит» (1870) и поэме «Дракон» (1875), действие

которых происходит в далеком прошлом, что и объясняет некоторую приподнятость слога. Такое предположение подтверждается тем, что в историческом романе «Князь Серебряный» (1861–1863), написанном по большей части обычным, не стилизованным языком, 4х представлены *й*-формы, 3х — формы на *-ши*, а *ш*-форм нет совсем.

М. И. Цветаева (1892–1941): 4:2.

Среди поэтов еще более позднего времени отчетливо выделяется Марина Цветаева, у которой *ш*-формы встречаются вдвое чаще, чем *й*-формы, и представлены в четырех разных произведениях. Три из шести форм — *сшед* («Автобус», 1934–1936), знаменитое *сшед* в рифме в «Попытке ревности» (1924) и *войдя* также в рифме («И если где прольются слезы...», 1919–1920) — вынужденные, но в целом речь, безусловно, идет о последовательной стилизации под грамматику «Золотого века», возможно, вдохновленной непосредственно Пушкиным.

Таким образом, можно утверждать, что формы на *-йдя* были введены в русскую поэзию Н. М. Карамзиным и его единомышленниками, в первую очередь И. И. Дмитриевым, в конце XVIII века. На протяжении примерно 40–50 лет *ш*-формы и *й*-формы сосуществовали как более или менее равноправные варианты. У тех поэтов, для которых модель на *-йдя* не была единственно возможной или преобладающей (Державин, Хвостов, Гнедич, Жуковский), обнаруживается несомненная склонность к ее использованию в дружеских посланиях — не столько под прямым влиянием «Анакреонтических стихов...» Карамзина, сколько в соответствии с общими представлениями об этом жанре как допускающем (и даже предполагающим) большую по сравнению с другими жанрами близость к разговорному языку.

Род. пад. мн. ч. слова *время*

В том же критическом разборе IV и V глав «Евгения Онегина», опубликованном в 1828 г. в журнале «Атеней», есть следующий пассаж:

«Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовых *времен* <...>.

Следственно, Державин ошибся, сказав:

Глагол *времен*».

И. Б. Серебряная комментирует эту эскападу следующим образом: «Ставшая объектом критики форма *времен* <...> сама по себе вовсе не была необычной. <...> В Национальном корпусе русского языка имеется свыше 40 случаев использования этой формы, как в стихотворных, так и в прозаических текстах XVIII — 1-й половины XIX вв. <...> Думается, что негативная реакция Дмитриева на форму *времен* была вызвана не столько непривычностью этой падежной формы, сколько её

нетипичным и даже не вполне приличным по тем временам употреблением. Нарушив устойчивую традицию, Пушкин включил книжную форму *времен* в стилистически сниженный контекст и, срифмовав со словом *обезьян*, лишил данное образование обычного ореола возвышенности» [Серебряная 2012: 36].

Приведенное объяснение спорно. И рифма *времен* — *обезьян*, и общая тональность пушкинских строк, безусловно, были намеренно шокирующими, однако если у Дмитриева имелись какие-то претензии именно на этот счет, совершенно непонятно, что мешало ему высказать их более или менее прямо. На наш взгляд, куда проще предположить, что Дмитриев написал именно то, что хотел написать: форма *времен* (независимо от рифмы и контекста) казалась критику даже не устаревшей, а просто неправильной, и вполне естественно, что в подтверждение своей точки зрения он привел цитату из хрестоматийного стихотворения такого авторитетного поэта, как Державин. Добавим, что у Державина форма *времен* действительно не встречается вовсе, а в написанном значительно позже стихотворении Дмитриева «Песнь правде» (1842) использована традиционная рифменная пара *времен* ~ *племен*.

Что касается «обычности» или «необычности» формы *времен*, приведенная И. Б. Серебряной статистика непоказательна, поскольку не учитывает хронологическую динамику ее употребления. Между тем, данные ПП НКРЯ свидетельствуют о том, что появление формы *времен* в «Евгении Онегине» было в русской поэзии той эпохи **последним**: в следующий раз она обнаруживается в 1897 (!) г. в пародийно-сатирическом стихотворении В. С. Соловьева «Уносит все река времен...». Таким образом, к середине 1820-х годов эта форма уже фактически «выбыла из игры», и обращение к ней Пушкина действительно не могло не казаться читателям и критикам несколько странным.

С. А. Бурлак и А. Б. Пеньковский независимо друг от друга пришли к выводу, что форма *времен* была использована Пушкиным не только иронически, но и иконически. Ср.: «Может быть, форма на *-ян* была выбрана поэтом именно для того, чтобы ещё сильнее подчеркнуть устарелость «любвонной науки», позволявшей «наслаждаться не любя?»» [Бурлак 2010: 74]; «В этом тексте заслуживает особого внимания <...> форма <...> **времен**, своей безусловной архаичностью материализующая мысль Онегина о холодном разврате как о постыдном явлении, ушедшем в дедовское прошлое. <...> Ср. морфологически стандартную форму *времен* в содержательно сходном с онегинским, но в полярном, оценочно положительном контексте: «Так своеволием пылая, / Роптала юность удалая, / Опасных алча перемен, / Забыв отчизны давний плен, / Богдана счастливые споры, / *Святые брани, договоры / И славу дедовских времен*» («Полтава», 1828–1829)» [Пеньковский 2012: 176, сн. 7].

Насколько нам известно, никто из исследователей (возможно, вследствие особенностей русской орфографии) не обращал внимания, что в годы творчества Пушкина в стихах сосуществовали не две, а три формы род. мн. от слова *время*: *времен*, *времен* (через [’э]) и *времён*. Надежно различить формы *времен* и *времён*, разумеется, можно лишь в позиции рифмы и лишь тогда, когда произношение второго

члена рифменной пары однозначно, т. е. в случае, например, рифмовки *стен ~ времен, времен ~ Карфаген, закон ~ времён, времён ~ Парфенон*, но не в случае рифмовки *име/ён ~ време/ён* или *време/ён ~ оживле/ён*. Ниже мы рассматриваем только абсолютно надежные примеры.

В XVIII — начале XIX в. в стихах встречается исключительно форма *времен* (отметим изысканную пару *времен ~ (природных) феномен* в философском стихотворении А. Х. Востокова «Бог в нравственном мире» (1807)). Рассмотрение истории формы *времён*, как кажется, целесообразно начать с уже упомянутой поэмы А. И. Полежаева «Эрпели» (1830, опубл. 1832).

В шестой главе поэмы описание кавказских событий прерывается своего рода лирическим отступлением («О Эрпели, о Эрпели! И ты уроком для земли!..»), посреди которого автор перебивает себя требованием возвратиться к реальности. Заканчивается глава так:

...Заняться вздумал я мечтою
Нелепой, странной и пустою —
О счастье будущих времен,
А настоящие оставил,
Тогда как первый батальон
Еще палаток не поставил.
Итак, моя галиматъя,
Adieu до будущего дня!

По силе стилистической какофонии (безусловно, намеренной) эти строки имеют себе мало равных в тогдашней поэзии. Можно думать, что невиданная рифма *времён ~ батальон* производила на современников (с поправкой на несопоставимость двух поэтических имен) не меньшее впечатление, чем рифма *времен ~ обезьян*. Обращает на себя внимание сходство между строкой «Полтавы» *И славу дедовских времен* и строкой *О счастье будущих времён* у Полежаева. При этом Пушкин, говоря о «дедовских временах», т. е. о прошлом, в «Евгении Онегине» употребил форму подчеркнуто архаичную, а в «Полтаве» — обычную для поэзии, но едва ли соответствовавшую реальной языковой практике. Напротив, Полежаев, говоря о будущем, употребил форму, за которой в лингвистическом смысле как раз и было будущее. С учетом того, что «Полтава» (как и «Эрпели», «поэма о войне») была опубликована в марте 1829 года, нельзя исключать, что Полежаев был с ней знаком и перед нами — его прямой полемический отклик.

В 1836 г. поэт еще раз использовал форму *времён*, причем, по-видимому, вновь не без некоторого вызова — как и впоследствии у В. С. Соловьева, переделке подверглась знаменитая державинская формула:

Всеми в природе есть закон:
Луна сменяется луной,
И годы мчит река времен
Невозвратимую волной!
(«Красное яйцо»)

Правда, напечатано это стихотворение было только в 1860 г.

Почти одновременно с «Эрпели», летом 1832 г., вышла поэма В. И. Соколовского (1808–1839) «Мироздание». В этой поэме трижды встречается рифма *времён ~ закон*; вот один из примеров:

Исполняя Твой закон,
Свет разрушится веками,
И последний вал времен
Расплеснется над гробами.

Как видно, содержание и стиль поэмы Соколовского полностью исключают вероятность того, что форма *времён* воспринималась им как сниженная. Очевидно, он просто писал так, как говорил, не зная, что в стихах «полагается» использовать вариант с [ʲ]. В следующем, 1833 году, была издана книга Соколовского «Рассказы сибиряка»; в одном из вошедших в нее стихотворений — «Кто важно в свет вступил при шпаге...» — присутствует рифма *времён ~ он*.

В истории русской литературы имена Полежаева и Соколовского тесно связаны. Поэты были знакомы и дружны; между ними «было много общего» [Поэты..., т. II: 345]. Приятель Соколовского художник А. В. Уткин — автор замечательного портрета Полежаева. Удивительно, однако, другое. В 1834 г. несколько молодых людей были арестованы по «Делу о лицах, певших в Москве пасквильные стихи». Едва ли не главным пунктом обвинения была остросатирическая песня «Русский император...»; Соколовскому и Уткину⁵ ее исполнение фактически стоило жизни⁶. Большинство исследователей приписывает сочинение «Русского императора» Соколовскому, однако существует и точка зрения, что ее автором был не кто иной, как Полежаев [Безъязычный, Гурьянов 1957].

В том же 1833 году будущий знаменитый религиозный философ В. С. Печерин (1807–1885) пишет поэму «Pot-pourri, или Чего хочешь, того просишь» (опубликованную 28 лет спустя Герценом и Огаревым), где есть такое двустишие:

Я знаю балладу из новых времен,
Как с войском Дон Педро вошел в Лиссабон.

Со второй половины 1830-х гг. форма *времён* становится обычной, а вскоре — и преобладающей; в частности, в поэмах М. Ю. Лермонтова «Сашка» (1839) и И. П. Мятлева (1796–1844) «Сенсации и замечания гостюжи Курдюковой...» (1840) использована невозможная ранее рифма *времён ~ умён*.

У Пушкина вариант *времён* не представлен; впрочем, и имеющийся материал совсем невелик: помимо приведенного отрывка из «Полтавы», можно отметить

⁵ В ряде работ среди арестованных по «Делу...» вместо Алексея Васильевича Уткина (1796–1838 (по другим сведениям, 1836)) упоминается «Н. И. Уткин». В действительности художник Николай Иванович Уткин (1780–1863), выдающийся гравер и, вероятно, побочный сын поэта М. Н. Муравьева, прожил долгую и благополучную жизнь. Источником путаницы, по-видимому, послужила дважды повторенная ошибка в [Поэты..., т. II: 363, 721].

⁶ См. об этом: А. И. Герцен, «Былое и думы», ч. II, гл. XII. Герцен, Огарев и некоторые другие обвиняемые были приговорены к ссылке в разные города.

еще только рифму *сogбен ~ времен* в юношеском стихотворении «Кольна» (1814). Не представлен этот вариант и у Ф. И. Тютчева (1803–1873) — при наличии рифм *времен ~ священ* («На новый 1816 год» (1815–1816)) и *плен ~ времен* («Теперь тебе не до стихов...», 1854).

Полежаев и Соколовский, однако, не были первыми поэтами, в стихах которых появилась форма *времён*. Еще за 11 лет до публикации «Эрпели» и «Мироздания», в поэме Жуковского «Пери и ангел» (1821), представляющей собой перевод второй части поэмы Томаса Мура «Лалла Рук», появляется следующий фрагмент:

И голову потупил он;
И все, что с давних тех времен
В душе ожесточенной спало,
<...>
Все вдруг пред ним возобновилось
И в душу, свежее, втеснилось...

Как и в «Мироздании», употребление формы *времён* не несет в «Пери и ангеле» никакой специальной стилистической нагрузки (в тексте длинной и, в общем, довольно «монотонной» поэмы это нововведение едва ли могло привлечь чье-то особенное внимание); и все же, по крайней мере до появления новых находок, именно Жуковский может с полным правом считаться ее «открывателем».

Заключение

Два рассмотренных нами сюжета не изоморфны. В случае с *и*-деепричастиями Жуковский следовал, причем в очень ограниченной степени, модели, введенной в поэтическую практику Карамзиным и его единомышленниками, тогда как словоупотребление Пушкина нельзя не признать архаичным в самом точном смысле этого слова. Напротив, в случае с род. пад. мн. ч. слова *время* Жуковский действительно выступает (пусть, скорее всего, достаточно случайно) в роли первопроходца, Пушкин же просто сохраняет верность традиции, которая к моменту завершения его творческого пути еще оставалась вполне живой. Тем не менее, несмотря на 16 лет разницы в возрасте, в обоих этих аспектах язык Жуковского оказывается более близким к нашему современному языку, чем язык Пушкина.

Предпочтения Пушкина в вопросе об образовании *и*-деепричастий выглядят настолько неожиданными, что заставляют задаться вопросом о том, имелись ли в его идиолекте другие столь же архаические черты. По-видимому, ответ на этот вопрос должен быть положительным. В остающейся, к сожалению, неопубликованной работе [Тихомиров 2015]⁷, посвященной анализу грамматических предпочтений русских писателей XIX в., рассматривается, в частности, употребление местоимений *сей* и *этой*. По данным Д. О. Тихомирова, в пушкинской прозе 20-х — 30-х гг.

⁷ Приносим глубокую благодарность С. С. Саю, предоставившему нам возможность ознакомиться с этой интересной работой.

доля местоимения *сей* составляет 56,9%. Эта цифра выглядит совершенно фантастической на фоне написанных в те же годы произведений таких старших современников Пушкина, как А. С. Грибоедов (1795–1829; 32,4%), Ф. В. Булгарин (1789–1859; 17,1%) и Н. А. Полевой (1796–1846; 11,7%), не говоря уж о М. Н. Загоскине (1789–1852; 3,1%) и И. И. Лажечникове (1792–1869; 1,9% (!)); разумеется, ничего подобного не наблюдается и у писателей, родившихся позже Пушкина, — В. Ф. Одоевского, Гоголя, Гончарова, Лермонтова и других: ни у кого из них доля местоимения *сей* не превышает 10–11% [Тихомиров 2015: 40].

Любой человек, говорящий и пишущий на родном языке, в десятках и сотнях точек грамматической системы вольно или невольно делает выбор между конкурирующими формами, конструкциями и т. п.; чаще всего один из возможных вариантов является более старым, другой — более новым. При этом, как справедливо отмечает Д. О. Тихомиров, один и тот же носитель языка «в один и тот же период может быть новатором в одной области и консерватором в другой, и оказываться как новатором, так и консерватором в одной и той же области в разные периоды своего творчества» [Тихомиров 2015: 26–27]; более того, «новатор в области стилистики вполне может быть консерватором в некоторых областях грамматики» [там же: 32]. Применительно к языку пушкинской эпохи даже сам список таких точек вариативности установлен еще далеко не полностью; что же касается предпочтений Пушкина и других поэтов и писателей его времени, они изучены более чем фрагментарно. Как кажется, большая и очень важная работа по описанию «языковых личностей» Пушкина и его современников только еще начинается.

Литература

Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке : дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2007.

Безъязычный В. И., Гурьянов В. П. Кто был автором песни «Русский император»? // Вестник МГУ, историко-филологическая серия. 1957. № 1. С. 179–184.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Т. II. Киев, 1948.

Бурлак С. А. [Решение задачи 10 для 10–11 классов] // «Русский медвежонок»-2009. Задачи, решения, информация, статистика / Сост. Е. В. Муравенко, И. С. Рубанов, И. Ф. Богдалов. Киров, 2010. С. 73–74.

Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.

Греч 1827 — Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1827.

Греч 1834 — Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Второе издание, исправленное. СПб., 1834.

Добровольский Д. О. К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1(1). С. 161–178.

Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 1. Стихотворения 1797–1814 годов / Ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 1999.

Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Язык — свидетель беспристрастный: Проблема авторства сказки «Конёк-Горбунок» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 5. С. 23–45.

Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Псковские диалектизмы в сказке «Конёк-Горбунок» как свидетельство авторства А. С. Пушкина // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., 2012. С. 273–287.

Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Падучева Е. В. Русский литературный язык до и после Пушкина // G. Ressel (ed.). A. S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands. Frankfurt/Main, 2001. С. 97–108.

Пеньковский А. Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи: филологические исследования. М., 2012.

Перцов Н. В. Сказка П. П. Ершова «Конек-Горбунок» в лингвистическом и историко-литературном освещении // Перцов Н. В. Лингвистика, поэтика, текстология: избранные статьи. М., 2015. С. 587–604.

Поэты... — Поэты 1820-х — 1830-х годов. В 2 тт. / Биогр. справки, сост., подгот. текста и примеч. В. С. Киселева-Сергенина. Под общей редакцией Л. Я. Гинзбург. Изд. 2-е. Л., 1972.

ППК 1828–1830 — Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830 / Под общей редакцией Е. О. Ларионовой. СПб., 2001.

Серебряная И. Б. Грамматические оценки в русской критической литературе 1-й половины XIX века (морфология). Казань, 2012.

Тихомиров Д. О. Отражение общезыковых изменений в индивидуальном языке писателей XIX века: корпусное исследование. Рукопись. 2015.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Издание 2-е, дополненное и переработанное. Л., 1988.

Ilya B. Itkin

Institute of Oriental Studies, RAS /

National Research University Higher School of Economics

(Moscow, Russia)

ilya.borisovich.itkin@gmail.com

ZHUKOVSKY THE INNOVATOR AND PUSHKIN THE ARCHAIST (two studies from the history of the language of Russian poetry)

The article considers the works of poets from the 18th and early 19th century in terms of the variability of two points in the grammatical system of the Russian language: (1) the formation of adverbial participles from prefixed verbs ending in *-йти* (the pattern *вошед, пришед* versus *войдя, придя*) and (2) the choice of the genitive plural of the noun *время* with a stressed or unstressed vowel (*время, времен* with [’э] versus or *времён*).

The forms ending in *-йдя* entered the Russian poetry in the late 1780s thanks to Karamzin and the poets of his circle, primarily Dmitriev. In the first decades of the 19th century, these forms were already quite common: in particular, they are found in the later works of Derzhavin and Khvostov, as well as in Zhukovsky's poetry of the «Arzamas» period (1813–1818). Against this background, the complete absence of such forms in Pushkin's poetry appears surprising. A comparison with Pushkin's prose, in which forms ending in *-шед* are also absolutely dominant, allows us to conclude that we are not dealing with a case of conscious archaization, but rather one of a real usage. As for the genitive case of the word *время*, until the beginning of the 1830s, the base form was *времен*. The initially competing form *времен* was perceived as clearly outdated (or even simply as “wrong”) as early as the 1820s; when he used this form in “Eugene Onegin”, Pushkin raised objections from critics who did not understand his notion of parody. In the 1830s, the form *времён* appears in the verses of A. I. Polezhaev and V. I. Sokolovsky, and it spread very quickly. The earliest known example of the use of the form *времён*, however, is found in the works of V. A. Zhukovsky (the poem «Peri and the Angel», 1821); in Pushkin's poems, this form is absent. Thus, according to both parameters considered here, Zhukovsky's language is closer to the modern standard than Pushkin's. These examples show that the idea of Pushkin as an innovator in the Russian language, while true on the whole, nonetheless requires clarification in many details.

Keywords: A. S. Pushkin, V. A. Zhukovsky, Russian poetry, evolution of the Russian language, grammatical variability, archaism, innovation.

References

- Abdulkhakova L. R. *Razvitie kategorii deeprichastiya v russkom yazyke*. Diss. ... dokt. filol. nauk [Development of the category of adverbial participle in the Russian language]. Kazan, 2007. (In Russ.)
- Bez'yazychnyy V. I., Gur'yanov V. P. [Who was the author of the song «Russian emperor»?]. *Vestnik MGU, istoriko-filologicheskaya seriya*, 1957, no 1, pp. 179–184. (In Russ.)
- Bulakhovskiy L. A. *Russkiy literaturnyy yazyk pervoy poloviny 19 veka. Fonetika. Morfologiya. Udarenie. Sintaksis*. T. II. [Russian Literary Language of the first half of the 19th century. Vol. 2]. Kiev, 1948. (In Russ.)
- Burlak S. A. [Solution of the puzzle no 10 for the students of grade 10–11]. «*Russkiy Medvezhonok*»-2009. *Zadachi, resheniya, informatsiya, statistika* [«Russian Bear Cub»-2009. Puzzles, solutions, information, statistics]. Kirov, 2010, pp. 73–74. (In Russ.)
- Chereyskiy L. A. *Pushkin i ego okruzhenie* [Pushkin and his surroundings]. Second edition, supplemented and revised. Leningrad, 1988. (In Russ.)
- Dobrovolskiy D. O. [Towards the dynamics of usage (the language of Pushkin and the modern word usage)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2001, no 1(1), pp. 161–178. (In Russ.)
- Gille'son M. I. *Molodoy Pushkin i arzamasskoe bratstvo* [Young Pushkin and the Arzamas brotherhood]. Leningrad, 1974. (In Russ.)

Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. [Language is an impartial witness: the problem of the authorship of the fairy-tale «The Little Humpbacked Horse»]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2012, vol. 71, no 5, pp. 23–45. (In Russ.)

Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. [Pskov dialecticisms in the fairy-tale «The Little Humpbacked Horse» as a witness of A. S. Pushkin's authorship]. *Smysly, teksty i drugie zahvatyvayushchie syuzhety. Sbornik statej v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka* [Meanings, texts and other thrilling plots. A collection of articles in honor of I. A. Melchuk's 80th anniversary]. Moscow, 2012, pp. 273–287. (In Russ.)

Obnorskij S. P. *Ocherki po morfologii russkogo glagola* [Essays on the morphology of the Russian verb]. Moscow, 1953. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Russian literary language before and after Pushkin]. *A. S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands* [A. S. Pushkin and the cultural identity of Russia]. Ed. by G. Ressel. Frankfurt/Main, 2001, pp. 97–108. (In Russ.)

Pen'kovskiy A. B. *Issledovaniya poeticheskogo yazyka pushkinskoy epokhi: filologicheskie issledovaniya* [Studies of the poetic language of the Pushkin's epoch: philological studies]. Moscow, 2012. (In Russ.)

Pertsov N. V. [P. P. Ershov's fairy-tale «The Little Humpbacked Horse» in linguistic and historical-literature interpretation]. *Pertsov N. V. Lingvistika, poetika, tekstologiya: izbrannye stat'i* [Pertsov N. V. Linguistics, poetics, text linguistics: selected articles]. Moscow, 2015, pp. 587–604. (In Russ.)

Poety 1820-h — 1830-h godov. V 2 tt. [Poets of 1820s — 1830s. In 2 volumes]. Ed. by L. Ya. Ginzburg. Second edition. Leningrad, 1972. (In Russ.)

Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem [Practical grammar of Russian, published by Nikolay Grech]. St-Petersburg, 1827. (In Russ.)

Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem. Vtoroe izdanie, ispravlennoe [Practical grammar of Russian, published by Nikolay Grech. Second edition, Corrected]. St-Petersburg, 1834. (In Russ.)

Pushkin v prizhiznennoy kritike. 1828–1830 [Pushkin in his lifetime critics. 1828–1830]. Ed. by E. O. Larionova. St-Petersburg, 2001. (In Russ.)

Serebryanaya I. B. *Grammaticheskie otsenki v russkoy kriticheskoy literature 1-y poloviny 19 veka (morfologiya)* [Grammatical assessments in the Russian critical literature of the first half of the 19th century (morphology)]. Kazan, 2012. (In Russ.)

Tikhomirov D. O. *Otrazhenie obshcheyazykovykh izmeneniy v individual'nom yazyke pisateley 19 veka: korpusnoe issledovanie*. Manuscript. 2015. (In Russ.)

Zhukovskiy V. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 20 t. T. 1. Stihotvoreniya 1797–1814 godov* [Full collection of works and letters in 20 volumes. Vol. 1. Poems of 1797–1814]. Moscow, 1999. (In Russ.)

В. В. Казаковская

Институт лингвистических исследований РАН

(Санкт-Петербург, Россия)

victory805@mail.ru

Н. К. Ониненко*

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

onipenko_n@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВВОДНО-МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В РЕЧИ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

Объектом исследования являются функции вводно-модальных слов в системно-языковом (синхрония vs. диахрония), дискурсивно-текстовом и онтолингвистическом аспектах. Вводные слова интерпретируются в связи с понятием модуса и моделью субъектной перспективы текста. Условием образования вводных слов признается появление в семантике лексемы эгоцентрической составляющей. Эгоцентрическая сущность таких единиц проявляется в ограничении личной парадигмы и закреплении за лексической единицей определенных вариантов субъектной перспективы, дискурсивная сущность — в возможности употребления в составе союзных скреп и во взаимодействии с союзами. Рассматриваются разные синтаксические позиции слов эпистемической семантики и текстовые функции вводных слов в третьеличном нарративе. В работе используются материалы НКРЯ (художественный нарратив), а также данные речевого онтогенеза, полученные лонгитюдным и срезовым методами. Они представлены расшифрованными и морфологически размеченными в соответствии с CHILDES аудио- и видеозаписями звучащей речи — раннего диалога «взрослый — ребенок», а также материалами устной и письменной речи подростков — учащихся 8–11 классов общеобразовательных школ России, дополненными анкетами, отражающими отношение современных тинейджеров к вводным словам.

Ключевые слова: синтаксис, коммуникативная грамматика, онтолингвистика, вводные слова, модус, эгоцентрическая лексика, парентетическая позиция.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 18–012–00263).

1. Системное функционально-грамматическое описание вводных слов соединяет лексическую семантику, морфологию, синтаксис и анализ текста; устанавливает связи между типом модуса и набором языковых средств (лексических и синтаксических), предназначенных для выражения этого модуса [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 279–310]; выявляет отношение различных по модусной семантике лексем к категории лица [Онипенко 2013]. Семантика вводных слов интерпретируется двумя терминами — «модальные» и «модусные». Первый термин используется в связи с тем, что часть вводных слов принадлежит к средствам выражения эпистемической модальности. При этом другую часть относят к метатекстовым средствам или к категории эвиденциальности [Падучева 2016]. Замена прилагательного «модальный» прилагательным «модусный» позволяет соединить все средства выражения точки зрения говорящего в один класс слов, что представляется перспективным для современной русистики.

Вводными называют слова (отдельные лексемы), словоформы, словосочетания (а в широком смысле и предикативные конструкции, в том числе союзные), которые, формально находясь в составе высказывания, не входят в его структуру, не вступают в синтаксические связи с членами этого предложения и выражают 1) отношение говорящего к содержанию и оформлению его высказывания; 2) источник информации, заключенной в высказывании; 3) поддержание контакта с адресатом и 4) место высказывания в линейной последовательности текста. Отличительными признаками вводных слов являются: 1) невозможность постановки вопроса; 2) возможность изъятия при сохранении синтаксической структуры предложения и его общего пропозиционального смысла; 3) ограничение словоизменительных возможностей слова (идиоматизация); 4) отсутствие закрепленной позиции по отношению к началу и концу предложения; 5) участие в актуальном членении предложения (как правило, в составе ремы); 6) особое интонационное выделение, оформляемое на письме парными пунктуационными знаками (чаще парной запятой); 7) способность взаимодействовать с союзными средствами связи или выступать как средство связи в составе сложного предложения. А. А. Шахматов называл и еще один признак: «формальным их отличием является возможность быть замененными полным предложением» [(1920) 2001: 265].

Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук указывают четыре признака вводных слов (в их терминологии «вводных выражений»), для которых они используют символ Advвод: «1) с семантической точки зрения, сфера действия оборота Advвод включает все высказывание; 2) с коммуникативной точки зрения, смысл, который выражен посредством Advвод, представляет собой информацию второго плана; 3) с точки зрения линейной организации высказывания, Advвод может занимать любую позицию в предложении; 4) с просодической точки зрения, Advвод имеет специальную интонацию и может отделяться от остальной части предложения паузами» [2007: 372].

В русской синтаксической традиции вводные слова принято рассматривать в связи с предикативными единицами. Так, Д. Н. Овсяннико-Куликовский считал, что вводные слова — это неполные предложения: вводные слова составляют «как

бы часть неоконченного, недоговоренного предложения, или, наоборот, ... результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась лишь та или другая часть» [1912: 297]. Ту же точку зрения отстаивал А. А. Шахматов [2001: 265]. В. В. Виноградов указал два направления образования класса вводных слов: «Многие из модальных слов, действительно, произошли из вставных предложений. На многих из них еще и теперь лежит отпечаток этого их происхождения. Но многие из модальных слов и частиц возникли и другим путем, например из наречий. Чем бы они раньше ни были, в современном языке они образуют одну грамматическую категорию» [(1947) 2000: 598].

Для русских лексем с модусной семантикой возможны разные синтаксические позиции. Модусные лексеммы могут быть частью сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным (рамочная позиция), входить в состав сказуемого или занимать позиции других членов предложения (внутрисинтаксическая позиция), быть вводным словом (парентетическая, внешнесинтаксическая позиция), выступать в качестве ответной реплики (диалогическая позиция). Разграничение вводной и внутрисинтаксической позиций связано со степенью присутствия модуса в семантике словоформы; в некоторых случаях от этого зависит и квалификация падежа. Так, *по мне* во вводной позиции (1) относят к Дат. п. (или к «наречному выражению»), а *по мне* во внутрисинтаксической позиции либо к Дат. п. (2), либо к Предл. п. (3) в зависимости от того, каким членом предложения является словоформа. Примеры: (1) **По мне**, в стихах все быть должно некстати (Ахматова); (2) *Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь — не **по мне!*** (Л. Н. Толстой); (3) *Любезный сын, **по мне** наследник ты один!* (Крылов). Первый пример — бесспорно вводная позиция и Дат. п. (*я считаю.., по моему мнению*); второй — позиция предиката (Дат. п., но для 3-го лица — Предл. п.: *не по нем*), в рамках которого соединяется и модусная семантика (*я считаю*) и диктальная (*не могу жить этой жизнью*), третий — собственно диктальная — Предл. п. (*мой наследник, наследник после меня; по мне* во временном значении). Но если допустить, что у Льва был не один львенок-сын, то третий пример можно прочесть и по первому варианту: «я считаю, что только ты мой наследник). В этом случае *по мне* окажется формой Дат. п.

В грамматических описаниях истории русского литературного языка XIX в. было отмечено параллельное употребление «модальных» лексем во вводной позиции и в сложноподчиненном предложении [Очерки... 1964]. Периодом активного формирования в русском языке вводно-модальных слов как особого лексико-грамматического разряда называют XVIII–XIX вв. За два с лишним века произошла «специализация» модусных лексем: одни из них закрепились во вводной позиции и — как следствие — в позиции ответной реплики (*по-видимому, наверное, конечно*), другие — сохранили возможность употребления в рамочной и внутрисинтаксической позициях (*очевидно, вероятно, кажется, разумеется*) (см. также об этом [Кузнецова 2017]).

Материалы НКРЯ позволяют проследить динамику в соотношении вводных слов и рамочных союзных конструкций. По данным основного корпуса НКРЯ

в период с 1800 по 1870 гг. для *очевидно* соотношение рамочной (перед союзом *что*) и вводной позиций составляет 1:2. В период с 1900 по 1970 гг. количество употреблений слова *очевидно* во вводной позиции значительно увеличивается и соотношение вхождений по каждой из этих позиций становится 1:5 в пользу вводности. Изменяется соотношение вводной и внутрисинтаксической позиций для отыменных модальных слов — оно также изменяется в пользу вводности. При этом и в XXI в. для многих лексем сохраняется выбор позиции: он зависит от точки зрения говорящего (субъектной перспективы текста), что непосредственно связано с принадлежностью текста к определенному стилю и жанру.

В многомерном и многосубъектном целом художественного текста вводные слова могут принадлежать разным субъектам сознания и речи (автору, рассказчику, персонажу). При интерпретации вводных слов в третьеличном нарративе необходимо установить «владельца модуса», т. е. того, на чью точку зрения указывает вводное слово. Так, глагол *казаться* может указывать на точку зрения героя, а) с которой повествователь полностью солидаризируется («Невеста» А. П. Чехова), б) от которой повествователь дистанцируется («Дуэль» А. П. Чехова, начало 2-ой главы). Особую функцию выполняют вводные слова (в том числе *казалось*) в жанре киносценариев: киносценарий пишется с установкой на приоритет визуальной семантики, т. е. репродуктивного регистра речи, а вводные слова принадлежат, в основном, ментальному и речевому модусам. Следовательно, наличие вводных слов за пределами реплик персонажей указывает на присутствие в киносценарии рассказчика. Наличие вводных слов сближает киносценарий с художественной прозой, хотя понятно, что при отсутствии «голоса за кадром» в фильме вводные слова остаются только в тексте киносценария; см., например, фрагмент из киносценария «Долгая счастливая жизнь» Г. Шпаликова: *Странен был переход от созерцания жизни конца XIX века, которая вызывала у многих, даже молодых зрителей определенное сопереживание, в эти совершенно иные заботы и интересы, которые, казалось, стали главной целью и задачей вечера: танцевать, разговаривать, завязывать знакомства, искать кого-то в толпе, радоваться происходящему здесь*. Весь этот фрагмент — дань художественной прозе, поскольку рассказчика в поставленном Шпаликовым фильме нет. Вводное слово, принадлежащее повествователю («субъекту сознания»), сближает рассказчика и героя, но не соединяет их точки зрения полностью. Мысли автора и героев могли бы воплотиться в слова, и вводные слова были бы произнесены, но этого в фильме нет. Субъективное восприятие действительности Шпаликов-режиссер стремится передать другими средствами.

Вводные слова в художественной прозе маркируют переход от внешнего описания к внутренней мотивировке: *По дачной платформе взад и вперед прогуливалась парочка недавно поженившихся супругов. Он держал ее за талию, а она жалась к нему, и оба были счастливы. Из-за облачных обрывков глядела на них луна и хмурилась: вероятно, ей было завидно и досадно на свое скучное, никому не нужное девство* («Дачники» А. П. Чехова); от одной субъектной сферы — к другой: *Тетке казалось, что и с нею случится то же самое, то есть что и она*

*вот так, неизвестно отчего, закрывает глаза... По-видимому, такие же мысли бродили и в голове Федора Тимофеевича. Никогда раньше старший кот не был так угрюм и мрачен, как теперь («Каштанка» А. П. Чехова). Переход от рамочной позиции (сложного предложения) к парентетической указывает на переход от косвенной речи к несобственно-прямой: *Анне Акимовне казалось, что Пименов после вчерашнего презирает ее как филантропку, но очарован ею как женщиной. Она смотрела на него и находила, что он держится очень мило и одет прилично. Правда, у сюртука немного рукава коротки и, кажется, талия высокая и брюки не модные, не широкие, но зато галстук повязан со вкусом и небрежно, и не так ярок, как у других. И, по-видимому, он добродушный человек, так как покорно кушает все, что кладет ему на тарелку тетушка («Бабье царство» А. П. Чехова).**

2. Особый аспект исследования — онтолингвистический. Анализ диалога взрослых с маленькими детьми позволил установить время появления вводно-модальных слов в речи, выявить их начальный репертуар, оценить частотность использования и описать функции, с которыми они используются обоими партнерами (см. подробнее [Казаковская 2016])¹. Мы обнаружили, что диалогическая ситуация, в которой осуществляется начальное усвоение языка и происходит категоризация эпистемической семантики, «провоцирует» появление редуцированных маркеров модуса, свойственных диалогу. Ими являются ментальные модусные рамки в варианте слов-эгоцентриков.

Исследование показало существенное влияние на этот процесс так наз. модального инпута (речи взрослого, обращенной к ребенку и содержащей соответствующие маркеры) — на формирование состава и функций вводно-модальных слов. Роль инпута заключается в том, что маркеры, обладающие высокой эпистемической силой и частотностью в речи взрослого, имеют шанс попасть (первыми) в речь ребенка. Существенными здесь оказываются и такие элементы диалогической техники, как модусные вопросы взрослого [Казаковская 2019: 252–268].

Ранними функциями вводно-модальных слов в детской речи являются их первичные — собственно эпистемические — функции, а именно выражение уверенности / неуверенности в сообщаемом. Вторичные функции, связанные с нейтрализацией основного значения в пользу подчеркивания той или иной ипостаси

¹ Объем аудио- и видеозаписей составил около 250 часов звучащей речи. Авторы сердечно благодарят коллег и сотрудников, принимавших участие в создании и обработке (CHILDES) корпуса данных: Т. В. Пранову, М. Д. Воейкову, Н. В. Гагарину, М. Б. Елисееву, Е. А. Офицеру, К. А. Иванову, И. В. Яковлеву, М. И. Аккузину и Е. К. Лимбах. Помимо записей спонтанной речи, использовались дневниковые наблюдения родителей, а также результаты экспериментов, направленных на определение понимания детьми эпистемической силы модальных маркеров [Овчинникова, Углова, Краузе 1999] и выявление частотности их использования в устном монологе [Седов 2004]. Учтены записи коммуникативного взаимодействия взрослых и детей в семье с низким социально-экономическим статусом [Казаковская 2017] и данные разноструктурных языков [Kazakovskaya, Argus 2016; Kazakovskaya, Argus, Uziel-Karl 2018].

говорящего, начинают развиваться позже, в среднем после 4 лет. Об этом свидетельствуют дневниковые наблюдения родителей [Там же: 159–165]. При этом во всех доступных нам русских лонгитюдных корпусах данных, как и в ряде разноструктурных языков, изученных в этом отношении [Kazakovskaya et al. 2018], эпистемическое маркирование начиналось с экспликации неуверенности (в другой терминологии, проблематической достоверности). Первыми самостоятельно и уместно использованными маркерами были *наверно(е), может (быть), по-моему*). Вводно-модальные слова с семантикой неуверенности в достоверности сообщаемого лидировали по разнообразию репертуара и частотности использования в речи. Основные тенденции эпистемического маркирования в ранней детской речи заключались в появлении новых средств выражения и в расширении диктумных ситуаций — объективных пропозиций, по отношению к которым ребенок выражал модальную оценку и свою рефлексю.

Привлечение к исследованию детских текстов — устных и письменных нарративов — представляется нам перспективным, поскольку такой материал позволяет в известном смысле «вывести за скобки» фактор инпута. Так, анализ сочинений школьников показал, что вводные компоненты употребляются детьми с разной степенью частоты (см. подробнее [Казаковская, Гаврилова 2019]). Например, одним из «срезов» сочинений 11-классников, обучающихся по программе социально-экономического профиля, вводные слова маркировали до 30% предложений. При этом наиболее частотными в работах оказались вводно-текстовые и вводно-модальные слова. Первые использовались для обозначения места высказывания в линейной последовательности текста (65%), вторые отражали генезис рассуждений и эпистемическую оценку пропозиционального содержания высказывания (30%). Доля вводно-авторских и вводно-эмоциональных компонентов была невелика — 5% (кумулятивно). Рамочные союзные конструкции (так наз. квазисложные предложения) типа *Я считаю/думаю, что...; Можно сказать, что...* встречались в основном в сочинениях-рассуждениях. Таким образом, употребляя различные средства модуса, пишущие выступили (обнаружили себя) в двух ипостасях — автора собственного текста (что ожидаемо) и автора эпистемической (вероятностной) оценки.

Анализируя причины и условия экспликации средств модуса в детском нарративе, мы обратили внимание на функциональную оправданность появления различных вводных компонентов при создании рассуждения, повествования и описания. Вторым существенным моментом было то, появление вводных компонентов было обусловлено не только стилем и/или жанром создаваемого текста, но и ментальным статусом его автора, полнотой / неполнотой его знаний в отношении определенного положения дел. В частности, при порождении текстов-рассуждений старшеклассники часто пользовались маркерами неуверенности (*вероятно, возможно, казалось бы*) при формировании суждения и тем самым при экспликации собственной точки зрения по отношению к действиям героя повествования (третьего лица), находящегося в ситуации нравственного выбора. Симптоматично, что меньшая категоричность при их оценке соотносилась с принятой в обществе мерой этичности

ее выражения². В свою очередь, употребление маркеров уверенности (*действительно, на самом деле, конечно, несомненно, безусловно, разумеется, бесспорно*) чаще всего происходило при солидаризации автора сочинения с мнением автора литературного произведения, обсуждаемого в тексте.

Языковой материал, полученный от восьмиклассников, позволил нам сравнить использование вводных компонентов не только в разных формах речи — письменной и устной, но и в разных типах речи — описании, повествовании и рассуждении. Описания (были предложены картина с историческим сюжетом, сюжетная фотография и портрет) влекли за собой в основном использование вводно-модальных маркеров неуверенности (*возможно, наверное, видимо, похоже* и др.), что не зависело от формы речи — письменной или устной, тогда как в рассуждениях использовались маркеры уверенности и рамочные союзные конструкции *Я думаю/считаю, (что)...* Небезынтересным кажется и то, что при порождении устного нарратива слабо успевающие школьники пользовались ими именно как «рамками», которые помогали в момент их произнесения «додумать» и вербализовать высказываемое суждение. В целом данные устных монологов старшеклассников³ соотносились с результатами письменных работ.

Наконец, в рамках проводимого исследования нам показалось целесообразным провести небольшой опрос, направленный на выяснение отношения этих же школьников к вводным словам. Таким образом вместе с данными о метаязыковой рефлексии мы рассчитывали получить косвенные свидетельства о функциональном потенциале этих конструкций в речи современных подростков. С этой целью информантам было предложено оценить степень обязательности («нужности») вводных компонентов⁴ в учебниках будущего: оставить нужное (вычеркнуть ненужное) и мотивировать свое решение. Приведем основные результаты анализа интроспективных суждений.

Во-первых, восьмиклассники протестовали против «выбрасывания» вводных слов из учебников и «отказа от» них в речи: «без них наша речь обесцветится» (А. Е.), «вводные слова — это важная часть текста», «каждое слово можно применить в каком-либо случае» (А. К.), «Мне кажется, что без этих слов наша речь невозможна» (А. П.). Особый протест вызвала идея отказаться от вводных слов, которые «помогают выразить эмоциональность»: «без этих слов человек не проживет и не сможет описывать свои чувства» (Д. А.), «вводные слова, которые выражают чувство говорящего особенно важны» (А. Д.).

Во-вторых, дети хорошо чувствовали выход слов из активного запаса («есть современные слова и устаревшие» (А. К.)⁵) и/или их книжность: «Я бы удалил те, которые я не использую, то есть очень старые ... *чай, надеюсь, полагаю* (В. Д.); «*дескать,*

² Подобную некатегоричность суждений продемонстрировали восьмиклассники в устных монологах при описании внешности человека по фотографии.

³ Объем расшифрованных монологов (аудиозапись) составил более 500 фраз.

⁴ К анкете прилагался полный список вводных слов и конструкций.

⁵ Орфографические и пунктуационные особенности ответов сохранены; личные данные информантов зашифрованы.

мол нужно удалить либо поставить «устаревш.»» (А. К.). Подобные замечания сопровождали *подлинно, не ровен час, (не)чего греха таить* (В. К.); *чего доброго* (Д. М.); *с позволения сказать, по преданию* (А. П.); *быть может, надо полагать* (Р. Х.); *с позволения сказать, скажите на милость, не в укор будь сказано, сказать по чести, заметьте себе, между нами будь сказано*. Многие отметили, что русский язык «не стоит на месте и постоянно меняется и преобразовывается (А. Е.), «растет и развивается» (В. К.): «В настоящее время многие конструкции не употребляются, а многие наоборот набирают популярность. Это значит, что русский язык развивается» (Н. С.), «Учебники составляют для нового поколения, поэтому эти слова им будут чужды, поэтому включать их в учебную программу не имеет смысла» (Д. С.).

В-третьих, многие анкеты содержали указание на частотность и употребительность вводных компонентов: «На самом деле я бы ничего не убирал из этого списка, поскольку они мелькают в каждом втором предложении» (И. К.), «наш словарный запас на половину состоит из вводных слов» (Т. Л.). Наиболее употребительными сегодняшние подростки считают *к счастью, к сожалению; конечно, наверное, очевидно, безусловно; так, значит; говорят, по словам...; бывает*: «самые распространенные и ходовые ... *может быть, видимо, вероятно, возможно, по-моему, так сказать, честно говоря; по правде*. Более того, некоторые пытались вспомнить, в устной или письменной речи и в какой именно ситуации они используют такие слова и выражения: «...с друзьями использую *разумеется, самое большее, по крайней мере*» (В. Д.), «Чаще всего на уроке, при написании каких-либо письменных работ я использую *следовательно, иными словами, видите, представьте себе, по словам, очевидно*» (Н. С.). В отдельных работах присутствовал намек на понимание возрастных особенностей речи: «На самом деле все вводные слова играют свою роль. Я не могу вот так сказать какие убрать, какие оставить. Сейчас в своем возрасте мы используем одни вводные слова, а когда вырастем будем использовать другие» (Т. Л.).

Наконец, осознавая использование вводных слов как примету «хорошей, красивой и удобной речи» («с их употреблением проще общаться» (В. К.)), юные носители языка рекомендовали тем не менее умеренность в их употреблении: «Умных слов должно быть в меру, иначе наша речь превратится в бессвязный бред (А. Е.) и советовали объединить «близкие по смыслу» группы (И. К.). Например, было предложено соединить «выражение чувств» и «экспрессивность высказывания», «связь мыслей, последовательность изложения» и «указание на приемы и способы оформления мыслей» (В. К., Н. С.). Некоторые советовали отказаться от «указания на оценку меры того, о чем говорится: «Я считаю, это вполне очевидные вещи (последнее слово зачеркнуто. — *Прим. наше.*) и слова» (А. Д.) Самое радикальное предложение последовало от ребенка, в анкете которого зафиксировано наибольшее количество ошибок: «Передо мною список вводных слов он очень большой. Мне кажется в нем много лишних слов и их можно убрать».

Одиннадцатиклассники в 60% случаев высказались за «нужность» всех вводных слов и конструкций, кроме устаревших и просторечных. Ряд анкет содержал разного рода редакции списка. Приведем два наиболее типичных комментария: «Я считаю,

что в русском языке не нужно убирать вводные слова и конструкции, так как: они придают языку богатство речи; с помощью вводных слов легче донести до собеседника информацию, и, наоборот, легче его понять; вводные слова позволяют уточнить то, что мы хотим сказать; с их помощью мы можем привлечь внимание; они помогают связывать и не терять мысли» (О. М.); «С одной стороны, список вводных слов нужно увеличивать, добавлять сложные вводные слова и словосочетания, которые, может быть, ребенок не слышал. Они могут попасться на экзамене и, если их не знать, стать причиной потери баллов. К тому же, пополнение словарного запаса всегда идет на пользу, а вводные слова делают речь выразительнее. С другой стороны, такие сложные вводные слова (устаревшие, малознакомые), как *чай, дескать, помилуйте*, уже почти не употребляются, им на смену приходят новые, более современные, поэтому вскоре, может быть, их можно будет убрать из сборника» (У. Ш.).

3. Представленные наблюдения и обобщения призваны показать перспективность соединения системно-языкового (грамматического), текстового и онтолингвистического подходов при описании столь сложных лексико-грамматических объектов, которыми являются вводные слова: сочетание подходов позволяет выявить их свойства.

Вводные слова занимают особое место в языковой системе — между полнонаменательными частями речи и служебными, между лексемами и синтаксемами, между словами и предложениями. Их модусная семантика принадлежит трем модусам: ментальному, эмотивному и речевому. Она может реализоваться в различных синтаксических позициях, однако наиболее важными и связанными друг с другом являются рамочная и вводная позиции. Переход отдельных словоформ разных частей речи в класс вводных слов свидетельствует об их выходе из разряда дескриптивных единиц номинации и приобретении ими статуса дискурсивных эгоцентрических элементов.

Данные речевого онтогенеза указывают на то, что вводно-модальные слова — самые ранние экспликативные модусной и субъективно-модальной семантики. Ранний онтогенез позволяет судить и об их прототипичности (изосемичности) в сфере средств выражения точки зрения говорящего в диалогическом режиме. Очередность усвоения средств выражения модальности в онтогенезе может коррелировать с их диахроническим развитием и тем самым быть связанной с грамматикализацией этой категории в русском языке. Например, известно, что вводно-модальные *видимо* и *возможно* начинают использоваться позже, чем *наверно(е)* [Гатинская 2007]. Однако наша гипотеза нуждается в проверке.

Более позднее (по сравнению с деонтической и динамической разновидностями) усвоение эпистемической модальности объясняется ее когнитивной сложностью — вербализацией субъективного начала, позиции говорящего. Мы склонны предположить, что когнитивные факторы существенны и в позднем речевом онтогенезе, однако их действие проявляется на ином уровне, в частности при создании письменного текста. Так, большая когнитивная зрелость одиннадцатиклассников позволяет им лучше чувствовать позицию автора и таким образом учитывать

точку зрения Другого, что, в свою очередь, увеличивает частотность использования вводно-модальных слов с семантикой уверенности. В раннем онтогенезе, заметим, это более поздние и менее употребительные эгоцентрики. На разнообразие эпистемического и в целом субъективно-модального репертуара школьника способны влиять гуманитарный склад личности и уровень развития коммуникативной компетенции. Но повторяемость заданий и многократность создания текста одного стиля и жанра приводят, по нашим данным, к обеднению репертуара и своего рода шаблонизации в употреблении вводных слов выпускниками, нацеленными на сдачу экзамена установленного формата.

Исследование показывает, что использование вводных компонентов свойственно детям, подросткам, взрослым носителям языка в различной степени. По данным раннего и позднего онтогенеза, они отсутствовали только в речи ребенка из семьи с низким социально-экономическим статусом, а отказаться от них в «учебнике будущего» предложил плохо успевающий ученик. С возрастом функциональный диапазон вводно-модальных слов расширяется. Они попадают в письменную речь, а кроме того начинают осознаваться как необходимый элемент повседневного дискурса. В текстах мастеров художественного слова вводные слова не только субъективируют информацию, заключенную в отдельном предложении, но и маркируют место этого предложения в субъектной организации всего текста. В нарративном тексте их эгоцентрическая сущность используется автором для умножения субъектов модуса, для создания текстовой полифонии. В третьеличном нарративе они обнаруживают большую или меньшую дистанцию между автором и героем, маркируют переход от одной точки зрения к другой. Функционально-грамматическая характеристика вводных слов требует учета межуровневого взаимодействия, соединения лексической семантики с синтаксисом предложения и анализом текста.

Литература

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2000. 720 с.

Гатинская Н. В. Модально-оценочные слова в современном и историческом контексте // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. №1. С. 17–24.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, 2004. 544 с.

Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007. 665 с.

Казаковская В. В. Эпистемическая модальность в русской детской речи // Грамматические процессы в синхронии и диахронии. Труды ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова. Вып. 10. М.: ИРЯ РАН, 2016. С. 104–119.

Казаковская В. В. Языковое и когнитивное в усвоении эпистемической модальности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 13. Ч. 3. СПб.: ИЛИ РАН, 2017. С. 542–575.

КазакOVская В. В. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый – ребенок»: Психолингвистический аспект. М.: Либроком, 2019. 448 с.

КазакOVская В. В., Гаврилова М. В. Вводность и тинейджер (к проблеме точки зрения) // Современная онтолингвистика: Проблемы, методы, открытия. Иваново: ЛИСТОС, 302–307.

Кузнецова С. М. Системно-синтаксическое описание отадъективных модусных транспозитивов на -о. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2017. 23 с.

Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. СПб.: Изд. И. Л. Овсянико-Куликовский, 1912: 322 с.

Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. М.: Языки славянских культур, 2013. С. 92–121.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Т. 5. Изменения в строе сложноподчиненного предложения. М.: Наука, 1964. 264 с.

Падучева Е. В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: УРСС, 2001. 623 с.

Kazakovskaya V. V., Argus R. Acquisition of epistemic marking in Estonian and Russia // Estonian Papers in Applied Linguistics. 2016. №12. P. 57–80. <http://doi.org/10.5128/ERYa12.04>

Kazakovskaya V., Argus R., Uziel-Karl S. 2018. The Early Expression of (Un)certainity in Typologically Different Languages: Evidence from Russian, Estonian and Hebrew // Philologia Estonica. On Language and Culture. №3. P. 93–130. <https://doi.org/10.22601/PET.2018.03.04>

Viktoria V. Kazakovskaya

Institute for linguistic studies RAS

(Saint Petersburg, Russia)

victory805@mail.ru

Nadezhda K. Onipenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

onipenko_n@mail.ru

FUNCTIONALITY OF PARENTHETICAL MODAL WORDS IN THE SPEECH OF ADULTS AND CHILDREN

The object of the study is the function of parenthetical modal words in terms of the system of language (synchrony vs. diachrony), in textual discourse, and onto-linguistics. Parenthetical words are interpreted in connection with the concept of modus and the subjective text perspective model. A condition for the formation of

parenthetical words is the appearance of an egocentric component in the semantics of the lexeme. The egocentric nature of these units is manifested in the restriction of the personal paradigm and the consolidation of particular variants of a subjective paradigm for a given lexical unit; their discursive essence is manifested in the possibility of using them as connectors and in coordination with them. Different syntactic positions words with epistemic semantics and the textual functions of parenthetical words in third-person narratives are considered. The paper is based on materials of the NCRL (artistic narrative), as well as data of speech ontogenesis obtained via longitudinal and cross-sectional methods. The materials presented include decoded and morphologically tagged (in accordance with CHILDES) audio and video recordings of early «adult — child» dialogue, as well as data on the oral and written speech of Russian teenagers, supplemented by questionnaires reflecting their attitude to the parenthetical words.

Keywords: syntax, communicative grammar, ontolinguistics, parenthetical modal words, modus, egocentric vocabulary, parenthetical position.

References

Gatinskaya N. V. Modal'no-ocenochnye slova v sovremennom i istoricheskom kontekste. *Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'*, 2007, no. 1, pp. 17–24. (In Russ.)

Iordanskaya L. N., Mel'chuk I. A. *Smysl i sochetaemost' v slovare*. Moscow, «Yazyki slavyanskix kul'tur» Publ., 2007. 665 p. (In Russ.)

Kazakovskaya V. V. Epistemicheskaya modal'nost' v russkoj detskoj rechi. *Grammaticheskie processy v sinxronii i diaxronii. Trudy IRYa RAN im. V. V. Vinogradova*. Vyp. 10. Moscow, IRYa RAN, 2016, pp. 104–119. (In Russ.)

Kazakovskaya V. V. Yazykovoe i kognitivnoe v usvoenii epistemicheskoy modal'nosti. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskix issledovanij*, v. 13, part 3, St. Petersburg, ILI RAN, 2017, pp. 542–575. (In Russ.)

Kazakovskaya V. V. *Vopros i otvet v dialoge «vzroslyj — rebenok»: Psixolingvisticheskij aspekt*. Moscow, Librokom, 2019. 448 p. (In Russ.)

Kazakovskaya V. V., Argus R. Acquisition of epistemic marking in Estonian and Russian. *Estonian Papers in Applied Linguistics*, 2016, no. 12, pp. 57–80. <http://doi.org/10.5128/ERYa12.04>

Kazakovskaya V., Argus R., Uziel-Karl S. The Early Expression of (Un)certainly in Typologically Different Languages: Evidence from Russian, Estonian and Hebrew. *Philologia Estonica*, 2018, no. 3. <https://doi.org/10.22601/PET.2018.03.04>

Kazakovskaya V. V., Gavrilova M. V. Vvodnost' i tinejdzher (k probleme tochki zreniya). *Sovremennaya ontolingvistika: Problemy, metody, otkrytiya*. Ivanovo, LIS-TOS, pp. 302–307. (In Russ.)

Kuznetsova S. M. *Sistemno-sintaksicheskoe opisanie otad`ektivnyxmodusnyx transpozitivov na -o*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, MGU, 2017 23 p. (In Russ.)

Ovsyaniko-Kulikovskij D. N. *Sintaksis russkogo yazyka*. Izd. 2-e. St. Petersburg, Izd. I. L. Ovsyaniko-Kulikovskoj, 1912. 322 p. (In Russ.)

Onipenko N. K. Model' sub`ektnoj perspektivy i problema klassifikacii egocentricheskix elementov. *Problemy funkcional'noj grammatiki: Princip estestvennoj klassifikacii*. Moscow, «Yazyki slavyanskix kul'tur» Publ., 2013, pp. 92–121. (In Russ.)

Očerki po istoricheskoj grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX v. T. 5. Izmeneniya v stroe slozhnopodchinennogo predlozheniya. Moscow, «Nauka» Publ., 1964. 264 p. (In Russ.)

Paducheva E. V. Modal'nost'. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russoj grammatiki (<http://rusgram.ru>). Na pravax rukopisi. Moscow, 2016. (In Russ.)

Shaxmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka*. Moscow, URSS, 2001. 623 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Russkij yazyk (Grammaticheskoeuchenie o slove)*. Moscow, «Russkij yazyk» Publ., 2000. 720 s. (In Russ.)

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow, IRYa RAN, 2004. 544 p. (In Russ.)

И. М. Кобозева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
kobozeva@list.ru

КАЛЕЙДОСКОП СОСТАВНЫХ СОЮЗОВ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРЕДШЕСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПОКА НЕ ПРИЗНАННЫЕ, НО УЖЕ ФУНКЦИОНИРУЮЩИЕ СОЮЗЫ

В статье рассматривается один из механизмов образования русских составных союзов непосредственного предшествования, обеспечивающих наличие большого количества показателей связи с одним и тем же значением, одни из которых со временем устаревают и уступают место другим, — механизм грамматикализации темпоральных наречий со значениями ‘сразу’ или ‘скоро’, приводящий к их включению в качестве морфологических элементов в состав этих союзов. К синонимической группе союзов непосредственного предшествования относят: 1) союзные частицы *только, лишь, едва, чуть*; 2) составные союзы, представленные разнообразными сочетаниями указанных частиц (*лишь только, едва лишь, едва лишь только* и др.), а также устойчивыми сочетаниями *только* с союзами *как* и *что* — *как только* и *только что*; 3) двухместные союзы, представленные комбинацией вышеуказанных союзных частиц или составных союзов в придаточной части либо с «коррелятом» *так* или *то*, либо с союзом *как, и* или *а* в главной части. В статье приводятся синтаксические, просодические и семантические аргументы в пользу того, что в данную группу в современном русском языке должны быть включены также союзы с грамматикализованными наречиями: *сразу как (только), тотчас как (только)*. Обращается внимание на то, что составные союзы непосредственного предшествования с грамматикализованным темпоральным наречием уже существовали в русском языке (см. устаревший союз *как скоро*). Отмечается, что наречия со значениями ‘сразу’ и ‘скоро’ входят в состав союзов непосредственного предшествования и в других языках, что в конечном счете объясняется тождеством условий истинности сложноподчиненных предложений с союзами непосредственного предшествования и сложносочиненных предложений со значением ‘Р, и сразу / скоро (т. е. с нулевым / малым интервалом после Р) Q’.

Ключевые слова: русский язык, союзы непосредственного предшествования, образование составных союзов, темпоральные наречия, грамматикализация, *сразу как*.

1. Введение

В русском языке есть группа синонимичных подчинительных временных союзов, которые маркируют тот факт, что ситуация, обозначенная придаточной частью, непосредственно предшествует той, что обозначена главной частью. В типологии выражаемое ими темпоральное отношение рассматривается в рамках грамматической категории таксиса и называется «контактным предшествованием» [Храковский 2009, 11–113]. В [Русская грамматика 1980] они называются союзами со значением «непосредственного следования», что нарушает общий принцип номинации типов подчинительных союзов, состоящий в том, что название типа союза отражает семантическое отношение придаточной части к главной (ср. причинные, целевые, уступительные, временные и др. союзы), а не наоборот. В предложениях с союзами рассматриваемой группы придаточная часть находится к главной части в отношении предшествования, а не следования. В соответствии с этим принципом мы и называем союзы данной группы союзами со значением «непосредственного предшествования» (далее — союзами НП), как это принято также в Русской корпусной грамматике [Апресян, Пекелис 2012].

К данной группе в [Русская грамматика 1980] отнесены: 1) союзные частицы *только, лишь, едва, чуть*; 2) составные союзы, представленные разнообразными сочетаниями указанных частиц (*лишь только, едва лишь, едва лишь только* и др.), а также устойчивые сочетания *только* с союзами *как* и *что* — *как только* и *только что*; 3) двухместные союзы, представленные комбинацией вышеуказанных союзных частиц или составных союзов в придаточной части либо с «коррелятом» *так* или *то* либо с союзом *как, и* или *а* в главной части.

Эксплицируем общее для союзов данной группы значение на примере доминанты этого синонимического ряда — союза *как только*, самого частотного члена группы.

- (1) *Как только P, (так) Q* (для случая, когда P и Q — конкретные единичные события в прошлом) =
- 1) 'в t_i ($t_i < t_j$) имело место событие P'
 - 2) 'в t_j имело место Q'
 - 3) 'величина интервала I между t_i и t_j минимальна'¹
 - 4) 'Q более существенно, чем P'

Компоненты значения 1–3 относятся к пропозициональному содержанию предложения, а компонент 4 отражает различия в коммуникативных (дискурсивных) статусах / рангах главной и придаточной частей: P — фон, Q — фигура [Talmy 1978], или P — сателлит, Q — ядро [Mann, Thompson 1987].

В главной части СПП с союзами НП факультативно употребляются темпоральные наречия *сразу, тотчас, сейчас же* и под., которые согласно [Русская

¹ Иначе говоря, величина I столь мала (в масштабах ситуаций P и Q), что ею можно пренебречь.

грамматика 1980, § 2984] относятся к функциональной категории «конкретизаторов» — языковых выражений, позволяющих специфицировать интерпретацию союзов «недифференцированного значения». Все такие наречия относятся к семантической группе «адвербиалов типа ПОСЛЕ» [Богуславский 1996], т. е. таких наречных выражений, которые маркируют ситуацию Q, обозначаемую предложением, в котором они употреблены, как наступившую (или долженствующую наступить) после ситуации P, введенной в ближайшем контексте или ясной из ситуации общения. В отличие от других наречий этой группы (*затем, потом, вскоре* и др.) данные наречия дополнительно указывают на «нулевой», или минимальный интервал между P и Q. В ССП с союзом *и*, например, такие адвербиалы в составе присоединяемого конъюнкта, действительно, конкретизируют семантическое отношение между конъюнктами как отношение временного следования, а точнее — непосредственного следования Q за P:

- (2) *P, и сразу Q* (для случая, когда P и Q — конкретные единичные события в прошлом)
- 1) ‘в t_1 имело место событие P’
 - 2) ‘в t_2 ($t_2 > t_1$) имело место Q’
 - 3) ‘величина интервала I между t_1 и t_2 минимальна’
 - 4) ‘P и Q одинаково существенны’

Как мы видим, семантическое представление (СемП) предложения (2) отличается от Семп предложения (1) только в коммуникативном аспекте: в (2) P и Q имеют одинаковый коммуникативный (или дискурсивный) статус. При этом компоненты, формирующие пропозициональное содержание (1) и (2) либо совпадают, либо логически эквивалентны. Действительно, P предшествует Q тогда и только тогда, когда Q следует за P.

Ясно, что в СемП предложений типа (3):

- (3) *Как только P, так сразу Q*

дублирующие друг друга пропозициональные компоненты, вносимые союзом НП и наречием *сразу* (или синонимичным ему адвербиалом), конечно, не повторяются, но их повторное выражение в поверхностной структуре создает коммуникативный эффект подчеркивания, подобный тому, который наблюдается и в случаях редупликации некоторых союзов НП, ср. *только-только P, (как) Q; едва-едва P, (как) Q*. И в том, и в другом случае подчеркивается минимальность интервала между предшествующим событием P и следующим за ним Q.

Таким образом, в составе предложений типа (3), содержащих союз НП и наречие *сразу* или любой другой синонимичный ему адвербиал, этот адвербиал в силу его избыточности почти полностью десемантизируется. Можно предположить, что именно десемантизация темпоральных наречий со значением ‘сразу’ создает базу для их дальнейшей грамматикализации, которая, как мы покажем далее, приводит к превращению некоторых из них в элементы составных союзов НП.

2. Союзы НП, производные от темпоральных наречий *сразу* и *тотчас*.

Обращение к НКРЯ позволяет увидеть, что в [Русская грамматика 1980] при всем желании авторов дать полную картину языковых средств, выражающих семантические отношения между предложениями в составе СПП, не замеченными остались составные союзы, которые образованы на основе темпоральных наречий *сразу* и *тотчас*. Они не вошли в список синонимов союза *как только*, приведенный § 2984.

Анализ корпусных данных показывает, что в ряд союзов НП в современном русском языке вошел союз *сразу как*. Поиск по НКРЯ на дату обращения 04.12.2018 выдал десятки примеров, подобных нижеследующим²:

- (4) *Сам он посетил Чехова за день до отъезда того за границу, сразу как приехал в Москву.* [Руслан Киреев. Чехов. Посещение Бога // «Нева», 2004]
- (5) *Вечером, т. е. сразу как приехали, позвали Лифшицев чай пить с пирогами ...* [Нина Катерли. «Сквозь сумрак бытия» // «Звезда», 2002]
- (6) *Давид Якобашвили говорит, что о музее начал думать сразу, как стал собирать коллекцию...* [Ирина Осипова. Новые русские музеи // «Эксперт», 2014]
- (7) *Мы учимся погружением и сдаем сразу, как освоили предмет.* [коллективный. Форум: 227 школа (2013)]
- (8) *У меня пудель воет сразу как я за порог...* [коллективный. Форум: Ошейник АНТИЛАЙ ПОМОГАЕТ ЛИ ОШЕЙНИК (2011–2013)]
- (9) — *Я прислала тебе ее сразу, как ты пришла.* [Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)]

Предложения (4) — (9) показывают, что пунктуационно союз *сразу как* оформляется пока по-разному. При постпозиции придаточного чаще между *сразу* и *как* мы видим запятую, но при этом *сразу* просодически не отделяется от *как*. Если в предложениях этого типа и есть просодический шов, то он проходит перед *сразу*, а не после этого первого элемента союза, точно так же, как это происходит в случае прочих составных коннекторов — *как только*, *едва лишь*, *только лишь*, *едва лишь только*, *едва-едва* и др. Такое расхождение не удивительно. Несоответствие между пунктуацией и просодией — не редкое явление в русском языке, см. (Кобозева, Захаров 2014).

Широко представлен в корпусе и трехэлементный составной союз *сразу, как только* (191 пример на указанную выше дату):

² Мы не можем назвать точное число релевантных примеров из 739 выданных вхождений по запросу биграмм *«сразу на расстоянии 1 от как»*, потому что среди них попадаются предложения с другой семантико-синтаксической структурой, напр., *Мишину отпустили сразу, как и всех вызванных женщин...* К тому же в выдачу по такому запросу попадают и примеры с союзом *сразу как только*. Тут требуется статистический анализ, подобный тому, который был проведен в отношении освященных авторитетом академической грамматики союзов НП в [Киданова 2017].

- (10) *Сразу, как только я приехала, мы устроили репетицию.* [Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984–2001)]
- (11) *Тумаш уснул сразу, как только свалился наземь...* [Василь Быков. Болото (2001)]
- (12) *Замуж она быстро выскочила. Сразу, как только кончила учиться на учительницу английского языка.* [Петр Акимов. Плата за страх (2000)]
- (13) *... Они позвонят? — Сразу, как только.* — *Ну что ж...* [Виктор Пронин. Банда 8 (2005)]
- (14) *Мы работаем без сна почти 20 часов — и это только в пещере, а ведь мы начали спуск не сразу, как только проснулись.* [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978–1996)]
- (15) *Пушкин пишет пародию на Шекспира..., сразу как только сам стал нашим Шекспиром.* С. Г. Бочаров. О возможном сюжете: «Евгений Онегин» (1999)]

В письменном тексте, за исключением единичных, примеров типа (15)³, *сразу* и *как только* разделены запятой. При этом, если придаточное в препозиции, то просодического шва между *сразу* и *как только* нет, элементы союза следуют один за другим без пауз, аналогично элементам союза *едва лишь только*. *Сразу* в (10) вместе с *как только*, несомненно, образуют союз, синтаксически и семантически относящийся к придаточной части, а не к главной части, в которую, если ориентироваться на пунктуацию, якобы вложено придаточное, начинающееся с *как только*. В этом легко убедиться, если попробовать устранить из (10) составляющую, возглавляемую *как только*. Оставшаяся цепочка (*Сразу мы устроили репетицию*) имеет неестественный для русского языка порядок слов, поскольку в предложениях с ненулевым подлежащим наречия с семантикой непосредственного следования, к которым относится *сразу*, занимают позицию после группы подлежащего (*Мы сразу устроили репетицию*).

Что касается СПП типа (11) с сочетанием *сразу, как только* на границе между главной и придаточной частью, то в них данное сочетание может произноситься как с паузой между *сразу* и *как только*, так и без паузы. Но, с паузой или без нее, было бы странно рассматривать *сразу* как «конкретизатор» значения союза *как только*. Не случайно в «Русской грамматике» все типы адвербиальных «конкретизаторов» при союзах НП иллюстрируется примерами, в которых адвербиал находится в постпозитивной главной части, см. (Ук. соч., § 2984).

Ярким свидетельством того, что элемент *сразу* в сочетании *сразу, как только* синтаксически относится к придаточной части (образует с ней одну составляющую), а не к главной части, служит отделимость конструкции *сразу, как только Р*. Как известно, отделимость — один из синтаксических критериев фразовой категории [Тестелец 2001, 134–135]. В данном случае это категория союзной группы, или (придаточной) клаузы. Отделимость представлена в форме парцелляции в (12),

³ Заметим, что данный пример взят из текста, написанного филологом, и можно думать, что в данном случае пунктуационное оформление более точно отражает коммуникативный замысел автора.

и в форме фрагментирования в (13). Слово *сразу* в рамках парцеллированной или фрагментированной части уже не совпадает по значению с наречием *сразу*, указывающим на то, что ситуация, обозначенная предикатом клаузы, с «нулевым» интервалом **следует** за некоторой другой ситуацией, введенной в рассмотрение ранее, поскольку предикат парцеллированной или фрагментированной вместе со *сразу* клаузы (который в (13) был опущен) обозначает ситуацию, которая **предшествует** введенной ранее. Это означает, что наречие *сразу* **грамматикализовалось**, став элементом союзов НП *сразу* (.) *как* и *сразу* (.) *как только*.

Впрочем, процесс грамматикализации еще не вполне завершился. Об том свидетельствует возможность модифицировать наречный элемент союза при помощи наречия *почти*, как в (16) или частицы *же*, как в (17):

- (16) *Кирик, он из командировок без подарков никогда не возвращался и камешки начал мне дарить очень давно, почти сразу как поженились.* [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]
- (17) *Она вскочила сразу же, как скрылся Прат...* [Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)]

Еще одним семантическим доказательством принадлежности *сразу* придаточной клаузе служит сфера действия отрицания в предложениях типа (14). Если бы *сразу* было наречием в функции обстоятельства времени в составе главной части, то придаточное с союзом *как только*, следующее за этим наречием, должно было бы пониматься как уточняющее обстоятельство времени. В такой конструкции показатель отрицания при первом обстоятельстве включает в свою сферу действия (СД) только его, но не второе обстоятельство. Так, в предложении *Мы пробыли в пещере не долго, до обеда*, обстоятельство *до обеда* не входит в СД отрицания. То есть, компонент смысла ‘Мы пробыли в пещере до обеда’ не отрицается. Аналогично в (14) не должен был бы отрицаться компонент смысла, соответствующий обстоятельству придаточному *как только проснулись* — ‘интервал между t_i , когда (мы) проснулись, и t_j (когда мы начали спуск) был минимальный’. Но единственно возможная интерпретация (14) — та, в которой отрицается именно этот компонент смысла: ‘интервал между t_i , когда мы проснулись, и t_j (когда мы начали спуск) НЕ был минимальным’ (т. е. к 20 часам непрерывной работы в пещере надо добавить еще какое-то время, проведенное без сна). Гипотетическая интерпретация, в которой отрицание включало бы в свою СД *сразу*, но не включало *как только* (P) должна была бы выглядеть так: ‘мы начали спуск в t_k после некоторой ранее упомянутой ситуации X, имевшей место в t_i ; интервал между t_i и t_k НЕ был минимальным; мы проснулись в t_j ; интервал между t_j и t_k был минимальным’. Такая интерпретация соответствовала бы, например, следующему сценарию: мы могли бы начать спуск в пещеру сразу по прибытии на место, но решили лечь поспать и начали спуск, как только проснулись. Но такая интерпретация совершенно не вписывается в контекст (14). Таким образом, *сразу, как только* попадает в сферу действия отрицания как одно целое — составной союз НП.

Союзы *сразу как* и *сразу как только* (теперь мы имеем основания записывать их без противоречащей синтаксическому и семантическому членению СПП запятой перед *как*) по данным основного корпуса НКРЯ более частотны, чем такие удостоенные упоминания в [Русская грамматика 1980] союзы «непосредственного следования», как *едва лишь*, *чуть только*, *лишь*, *только-только*, *едва-едва*, *только лишь*, *только чуть*, *чуть лишь* (см. данные о частотности последних, полученные в корпусном исследовании [Киданова 2017]).

Очевидно, что составные союзы с элементом *сразу* занимают место их устаревающих синонимов *тотчас как* и *тотчас как только*, также обойденных вниманием в «Русской грамматике». Вот лишь несколько примеров из НКРЯ с составными союзами с элементом *тотчас*:

- (18) *На карточке его была приписана просьба быть к нему непременно, **тотчас как** возвращусь.* [Роман Шмараков. Камеристка кисти Клотара // «Сибирские огни», 2013]
- (19) *Лариса, **тотчас как только** осталась одна с Подозеровым, взяла его за руку ...* [Н. С. Лесков. На ножах (1870)]

По внутренней форме пары союзов с элементом *сразу* и с элементом *тотчас* аналогичны: *тотчас* — книжный синоним *сразу* в современном русском языке. В НКРЯ союзы НП, производные от наречия *тотчас* встречаются значительно реже, чем их синонимы, производные от *сразу*: всего 41 вхождение *тотчас как только* против 191 вхождения *сразу как только*. При этом большая часть примеров с союзом *тотчас как (только)* (примерно две трети) относится к XVIII–XIX векам, а среди тех, которые относятся к XX веку, отсутствуют примеры из разговорной речи или интернет-коммуникации.

3. Устаревшие союзы НП, производные от темпоральных наречий.

Единственный союз НП с элементом наречного происхождения в его составе, упомянутый в «Русской грамматике» в набранном петитом примечании, — это устаревший союз *как скоро*, снабженный соответствующей стилистической пометой (устар.).

В НКРЯ мы обнаружили два союза НП, производные от наречия *скоро* — *как скоро* и *тотчас как скоро*, в настоящее время вышедшие из употребления. Союз *как скоро* представлен в НКРЯ шестью примерами, из которых последний по времени относится к 1928 году:

- (20) *... больные, присланные в дом умалишенных **заблаговременно, т. е. как скоро** обнаружили первые признаки их сумасшествия, нередко, выздоравливают совершенно.* [Ю. В. Каннабих. История психиатрии (1928)]

Союз *тотчас как скоро* представлен восемью примерами, относящимися к XVIII–XIX векам, последний из которых по времени принадлежит перу Льва Толстого:

(21) *Соблазны власти... представляются достойной целью деятельности людей только до тех пор, пока она не достигнута, но **тотчас, как скоро** человек достигает их, обличают свою пустоту и теряют понемногу свою притягательную силу...* [Л. Н. Толстой. Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание (1893)]

Еще один вышедший из употребления «деадвербиальный» союз НП — это *только что*. Трактовка его в [Русской грамматике 1980] как непосредственно произведенного от частицы *только*, представляется нам ошибочной. Союз НП *только что* в деривационном аспекте отличается от всех прочих составных союзов с элементом *только*. Если в образовании последних непосредственно участвует семантический дериват ограничительно-выделительной частицы *только*, то союз *только что* связан с этой частицей опосредованно, а непосредственно он образован от темпорального адвербиала *только что*. В режиме дискурса этот адвербиал обозначает момент времени, непосредственно предшествующий моменту речи, а в режиме нарратива — моменту в прошлом, заданному в ближайшем контексте (ср. *Пойдем пообедаем. — Я только что пообедал и Меня пригласили к столу. Я только что пообедал, и потому отказался от угощения*). Очевидно, что данный адвербиал служит маркером таксиса контактного (= непосредственного) предшествования. В синтаксической позиции союза, связывающего две клаузы, такой адвербиал приобретает союзную функцию, практически не меняя своего таксисного значения.

В основном корпусе НКРЯ зафиксировано всего два примера, оба относящиеся к XIX в., один из которых одноместный, а второй — двухместный, см. (22):

(22) *P. S. Только что собрался бросить в ящик предыдущие два листика, как получил Ваше дорогое письмо.* [П. И. Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк (1882)]

Место данного союза в грамматике современного русского языка должно быть там же, где находится союз *как скоро* — в примечаниях⁴.

4. Отдельные параллели в других языках

Отметить, что составные союзы НП, образованные от наречий со значением ‘сразу’ и ‘скоро’, встречаются и в других языках.

Так, во французском языке существует союз НП *aussitôt que*, букв. ‘сразу что’. Это точная параллель русскому *сразу как*, если учесть, что элемент *que* восходит к единственному во французском языке изъяснительному союзу (комплементатору) *que*, а в русском языке действуют два комплементатора — *что* и *как*, выбираемые в зависимости от логического типа придаточной клаузы: *что* — тип «факт / пропозиция», *как* — тип «событие» [Арутюнова 1988, Падучева 1986]. В [Кобозева

⁴ Причиной попадания *только что* в список «действующих», не устаревших временных союзов, вероятно, был авторитет А. М. Пешковского, который в своем знаменитом труде именно на примере СП *только что он вошел, (как) началась музыка* разъяснял трудности разграничения сочинения и подчинения в случае, когда компоненты того, что мы называем двухкомпонентным коннектором, оказываются в разных предложениях в составе СП (Пешковский 1935, 413–414).

2019] на этой основе объясняется, почему в составе временных союзов в русском языке может фигурировать элемент *как*, но нет ни одного временного союза с элементом *что*. Таким образом, элемент *как* в составе союза НП *сразу как* безальтернативен.

В английском языке существует союз НП *as soon as*, букв. ‘как скоро как’. Это почти точная параллель устаревшему русскому *как скоро*, если не считать дублирования *as*. Напомним, что в группе русских союзов НП встречаются союзы, образованные путем редупликация союзных частиц: *едва-едва, только-только*. Но трехэлементных союзов с двумя совпадающими элементами не встречается. Даже если речь идет о двухместных союзах, элемент, находящийся в главной части, не может совпадать ни с одним из элементов составного союза, находящегося в придаточной части. В [Русской грамматике 1980] это формулируется в виде правила, запрещающего использовать элемент *как* в главной части, если в придаточной употребляется союз *как только*. Возможно, однако, что этот запрет продиктован не собственно языковыми ограничениями, а чисто стилистическими соображениями. Ср. нарушающий данный запрет пример СПП из романа всеми признанного русского писателя:

(22) ...**как только** вы явитесь в кальянах в милицию и скажете, что виделись с человеком, лично знавшим Понтия Пилата, — **как** моментально вас привезут сюда, и вы снова окажетесь в этой же самой комнате. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)]

Возможно, это стилистическая погрешность, не замеченная редактором, возможно — опечатка, но ощущения грамматической неправильности в любом случае не возникает.

В связи с указанными параллелями возникает вопрос: в случае составных союзов с наречными элементами имеем ли мы дело с влиянием французского или английского языков на русский, или же это независимые проявления сходства путей семантической деривации? Однако это тема для отдельного диахронического сопоставительного исследования. Отметим лишь, что в отличие от русских «деадвербиальных» коннекторов, их французские и английские аналоги в письменной форме не имеют запятой между исходно наречным и исходно союзным элементами коннектора.

Литература

Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Подчинительные союзы // Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс] URL: <http://rusgram.ru/>, 2012.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Киданова М. Е. Корпусное исследование структуры составных коннекторов, выражающих отношение контактного предшествования // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2017. №4.

Кобозева И. М. Семантика и дистрибуция союзов *что* и *как* в функции комплементаторов // Русская грамматика: Структурная организация языка и процессы языкового функционирования. Москва: URSS, 2019. С. 33–42.

Кобозева И. М., Захаров Л. М. Просодия как ключ к пониманию смысла и ее искажение в «кривом зеркале» пунктуации // Филология и культура. Philology and culture. 2014. №2 (36). С. 27–32.

Падучева Е. В. О референции языковых выражений с непредметным значением // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1986. №1. С. 23–31.

Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М. : Изд-во РГГУ, 2001. 798 с.

Храковский В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. М. : Знак, 2009. С. 11–113.

Mann W., Thomson S. A. Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization. University of Southern California, 1987.

Talmy L. Figure and Ground in Complex Sentences. // Universals of human language. Vol. 4. Syntax / ed. by J. Greenberg. Stanford, CA: Stanford University Press, 1978. P. 625–649.

Irina M. Kobozeva

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

kobozeva@list.ru

THE KALEIDOSCOPE OF COMPOUND CONJUNCTIONS OF IMMEDIATE ANTERIORITY IN RUSSIAN: AS YET UNRECOGNIZED BUT ALREADY FUNCTIONING CONJUNCTIONS

The article is focused on one of the mechanisms of forming compound conjunctions of immediate anteriority in Russian. This mechanism is the grammaticalization of temporal adverbs with one of two meanings ('at once' or 'soon') that ultimately leads to their inclusion in the morphological structure of compound conjunctions. This and other mechanisms produce a lot of synonymous conjunctions, of which some eventually fall out of use, leaving others to take their place. The group of synonyms includes: 1) so called «conjunctive particles» *tol'ko* 'only', *lish* 'only', *jedva* 'barely', *chut'* 'a little bit'; 2) compound conjunctions, representing various combinations of the given particles (*lish tol'ko*, *jedva lish*, *jedva lish tol'ko*, and others), and also stable combinations of *tol'ko* with the conjunctions *kak* 'as' and *chto* 'that' (*kak tol'ko* and *tol'ko chto*); and 3) «two-part compound» conjunctions, consisting of a given «conjunctive particle» or «compound conjunction» in the subordinate clause and «correlative» (*tak* or *to*), or conjunction (*kak* 'as', *i* 'and' or *a* 'and / but') in the main clause. We give syntactic, prosodic, and semantic

arguments advocating for the inclusion of compound conjunctions containing the grammaticalized adverbs *srazu* ‘at once’ (*srazu kak, srazu kak tol’ko*) and *totchas* ‘at once’ (*totchas kak, totchas kak tol’ko*) in the group. We note that the conjunctions of immediate anteriority formed through the grammaticalization of temporal adverbs already existed in Russian previously (cf. the obsolete conjunction *kak skoro*, lit. ‘as soon’, mentioned in academic grammars). We also note that adverbs with the meaning ‘at once’ or ‘soon’ are incorporated into the structure of conjunctions of immediate anteriority in other languages, as well. This fact can be explained by the identity of truth conditions of complex sentences with conjunctions of immediate anteriority and corresponding compound sentences with adverbs denoting a minimal or small time interval between the two events denoted by the conjuncts.

Keywords: conjunctions of immediate anteriority, Russian, compound conjunction formation, temporal adverbs, grammaticalization.

References

Apresyan V. Yu., Pekelis O.E. [Subordinating conjunctions]. *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 23.06.2019) (in Russ.)

Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, «Nauka» Publ., 1988. 341 p. (in Russ.)

Boguslavskii I.M. *Sfera deistviya leksicheskikh edinits* [The scope of lexical items]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., 1996. 464 p. (in Russ.)

Khrakovskii V.S. [Taxis: semantics, syntax, typology] *Tipologiya taksisnykh konstruktii* [Typology of taxis constructions] ed. V.S. Khrakovskii. Moscow, «Znak» Publ., 2009, pp. 11–113. (in Russ.)

Kidanova M.E. [Corpus study of the structure of compound connectors expressing the relation of immediate anteriority] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2017, no. 6, pp. 209–221. (In Russ.)

Kobozeva I.M. [Semantics and distribution of the conjunctions *chto* ‘that’ and *kak* ‘as’ in their complementizer function] *Russkaya grammatika: Strukturnaya organizatsiya yazyka i protsessy yazykovogo funktsionirovaniya* [Russian grammar: structural organization of the language and the processes of language functioning]. Moskva, «URSS» Publ., 2019, pp. 33–42. (in Russ.)

Kobozeva I.M., Zakharov L.M. [Prosody as a key to the utterance meaning and its distortion in the «false mirror» of punctuation] // *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*, 2014, no. 2 (36), pp. 27–32. (in Russ.)

Mann W., Thomson S.A. *Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization*. University of Southern California, 1987.

Paducheva E.V. [On the reference of linguistic expressions that do not denote objects]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 2*, 1986, no 1, pp. 23–31. (in Russ.)

Russkaya grammatika, T. 2 Sintaksis [Russian grammar, Vol. 2 Syntax] ed. N. Yu. Shvedova. Moscow, «Nauka» Publ., 1980. 709 p. (in Russ.)

Talmy L. Figure and Ground in Complex Sentences. *Universals of human language. Vol. 4. Syntax* / ed. by J. Greenberg. Stanford, CA: Stanford University Press, 1978, pp. 625–649.

Testelets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 798 s. (in Russ.)

С. А. Крылов

Институт востоковедения РАН

(Москва, Россия)

krylov-58@mail.ru

ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПОДХОДОВ К ВЫДЕЛЕНИЮ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ И ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА. ЧАСТЬ I.

(§ 0. Вводные замечания.

§ 1. Попытка непосредственного сопоставления неструктуралистского подхода с предшествующими ему традиционными подходами)*

Сопоставлены несколько альтернативных подходов к выделению грамматических классов слов и грамматических категорий в русском языке. Основные положения неструктуралистского подхода сопоставляются с другими концепциями:

- (а) с «канонической» точкой зрения современной русистики;
- (б) с разными вариантами «традиционных» теорий;
- (в) с «формально-грамматической школой» 1920-х годов;
- (г) с концепциями А. А. Зализняка и других грамматистов XX века.

Во введении рассмотрены следующие дихотомии:

- (1) грамматика устной vs. письменной речи;
- (2) морфология vs. синтаксис;
- (3) синтетизм vs. аналитизм грамматического строя: «узкоформальная» vs. «расширенно-формальная» трактовка;
- (4) «флективная» vs. «агглютинативная» морфология;
- (5) «словоизменение» vs. «словообразование».

В I разделе рассмотрены дихотомии, составляющие логическое основание неструктуралистского подхода к грамматическому описанию (в сопоставлении преимущественно с концепцией А. А. Зализняка):

- (0) разные подходы (словарный vs. корпусный) к источникам формирования «исходного материала»;

* Работа выполнена при частичной поддержке грантов РФФИ № 17-04-00594 «Автоматический словарь РУСЛАН: обновленная концепция, новая лексика», РФФИ № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе РЯ» и РФФИ № 17-29-09158 «Создание корпуса официально-деловых текстов РЯ (ОДКРЯ)».

- (1) номинативные vs. синтаксические элементы значения;
- (2) обычная (синтетическая) vs. расширенная парадигма;
- (3) словоизменительные vs. словоклассифицирующие грамматические категории.

При обсуждении третьей дихотомии неоструктуралистский подход сопоставляется также с концепцией степеней коррелятивности А. В. Бондарко, который помимо

(а) дихотомии (бинарного различения) «коррелятивности» vs. «некоррелятивности» предложил ввести более частные подразделения подклассов:

- (б) «последовательной» vs. «непоследовательной» коррелятивности и
- (в) степеней «лексической обусловленности парадигмы», которых выделяется три:
 - (в') «лексически необусловленная парадигма»,
 - (в'') «частичная лексическая обусловленность парадигмы» и
 - (в''') «высокая степень лексической обусловленности парадигмы».

Понятия степеней коррелятивности допускают проекцию на две дополнительных сферы: (1) на оппозиции лексико-грамматических разрядов; (2) на оппозиции синтаксических форм, составляющих «формально-структурную согласовательную сторону» лексико-грамматических разрядов.

При неоструктуралистском подходе налицо (I) совместимость так называемой «некоррелятивности» (фактически минимальной коррелятивности) с наличием минимальных пар, образующих грамматические оппозиции; (II) совместимость так называемой «последовательной коррелятивности» с лексикализацией граммем.

Ключевые слова: граммема, русский язык, грамматическая категория, грамматическая форма, квазиграммема, флективность, синтетизм, агглютинация, анализ, грамматическое значение, лексикализация, грамматикализация, аналитические формы, парадигма, словоизменение, формообразование, части речи, грамматические разряды.

§ 0. Вводные замечания

§ 0.0. Предмет анализа

Предметом анализа в настоящей работе является сопоставление т. н. неоструктуралистского подхода (далее — НСтрП) к теории русской грамматики (далее ТРГ) с несколькими альтернативными ему подходами, как «каноническими» («мейнстримовыми»), так и периферийными.

Автор сознаёт, что предлагаемое сопоставление не является целиком теоретически беспристрастным, так как при всём стремлении автора к объективности именно НСтрП является некоторой теоретической «точкой отсчёта», с позиций которой ведётся изложение¹.

¹ В ряде публикаций некоторые положения НСтрП были уже вкратце изложены. См., напр., Крылов 1997 (переизд. Крылов 1997/2002) и некоторые другие статьи (ссылки на которые даны

Предметом внимания является набор грамматических классов лексем (то есть «частей речи» и «грамматических разрядов»), набор грамматических категорий, набор словоизменительных разрядов, система словоизменительных парадигм (а также «субпарадигм», или «подпарадигм»), и грамматическая классификация словоформ в русском языке (РЯ). Сперва остановимся на отличительных особенностях НСтрП по сравнению с предшествующими концепциями ТРГ (одновременно отмечая при этом и сходства НСтрП с некоторыми из этих концепций). Особое внимание будет уделено соотношению НСтрП:

- (а) с «канонической» точкой зрения, принятой в современной русистике;
- (б) с разными вариантами «традиционных» ТРГ;
- (в) с так наз. «формально-грамматической школой» (ФГШ) в русистике 1920-х гг.;
- (г) с концепцией А. А. Зализняка².

§ 0.1. Грамматика устной речи vs. грамматика письменной речи.

Из двух форм существования РЯ — устной и письменной — в НСтрП исходным предметом рассмотрения фактически служит лишь письменная форма РЯ, а проблемы грамматики устного языка остаются за его пределами. Однако фактически основные положения НСтрП (хотя и не все!) приложимы также к исследованию устной формы РЯ.

§ 0.2. Морфология vs. синтаксис.

Предметом настоящей статьи является лишь трактовка морфологического строя, так что сферу синтаксиса (в любом из распространённых пониманий этого термина «синтаксис») мы не будем затрагивать. Поэтому термин «грамматика» и все термины, включающие в свой состав слово «грамматический» («грамматическая классификация», «грамматические классы», «грамматические категории», «грамматическая характеристика», «грамматические оппозиции») понимаются в настоящем изложении в более узком смысле слова (то есть имеют более узкий объём)³, чем это следует из буквального (и, по-видимому, более согласующегося с общепринятым пониманием) значения этих терминов.

Здесь уместно сделать одну существенную оговорку. Исключением из того, что было сказано об общепринятом понимании, могут на первый взгляд показаться работы А. А. Зализняка — Зализняк 1967 и Зализняк 1977. Действительно, проблемы

далее «по ходу изложения» конкретных принципов НСтрП, существенных для изложения соответствующих проблем).

² Из общеграмматических идей А. А. Зализняка предметом рассмотрения в данной статье будут лишь те, которые были высказаны в работах Зализняк 1967, 2002 (далее «РИС»), Зализняк 1977 (далее «ГСЗ») и Зализняк 1973.

³ Такое понимание соответствует «узкоморфологическому» подходу в описании морфологических категорий в смысле Булыгина 1977: 174–175.

синтаксиса (а точнее говоря, морфолого-синтаксического «интерфейса», то есть как бы «мостика» между морфологией и синтаксисом) в работах РИС и ГСЗ занимают периферийное место. Однако напомним, что эти проблемы всё-таки затрагиваются в указанных работах (хотя и «вскользь»).

Так, в РИС подробно обсуждается понятие согласования и согласовательный аспект грамматических категорий предметных слов (рода, одушевлённости, числа и падежа), а кроме того, «реакционный» («контролируемый», или «пассивный») аспект категорий падежа и числа существительных.

ГСЗ включает описание вышеупомянутых явлений (вслед за книгой РИС), а также признаков «переходности/непереходности» и «личности/безличности» глаголов. Кроме того, неизменяемые лексемы в ГСЗ распадаются на несколько классов (выделяемых на синтаксических основаниях): это традиционные классы (наречия, предлоги, союзы, частицы и междометия), а также класс предикативов.

Аналогичным образом устроено и предлагаемое читателю изложение НСтрП. Соответственно, сопоставление «грамматической классификации» и «грамматических классов» с традиционными классификациями «частей речи» вполне возможно, если рассуждение ведётся в пределах классификации слов на семантико-синтаксических основаниях.

§ 0.3. Синтетизм vs. аналитизм в грамматическом строе языка: «узко-формальная» vs. «расширенно-формальная» трактовка.

Некоторые направления отечественной теоретико-грамматической мысли (условно назовём такие трактовки «узко-формальными»⁴), точно следуя в этом за «формально-грамматической школой» (ФГШ)⁵ и отчасти также за работами А. А. Зализняка (РИС и ГСЗ)⁶, ограничиваются подсистемой «синтетической»

⁴ Термин «узко-формальный» в этом смысле (то есть относящийся к «синтетической» подсистеме в морфологии), восходит к термину «узко формальный» из работы Зализняк 1973/2002: 615–617. Вспомним, что в этой работе «узко формальным» называется «такое понимание падежа, при котором в качестве падежных форм допускаются только цельные словоформы» (а не, например, порядок слов или сочетания имени с предлогом или послелогом).

⁵ Концепция ФГШ ясно изложена в работах [Ушаков 1928], [Дурново 1924], [Петерсон 1925].

⁶ Ср., однако, важную оговорку А. А. Зализняка в РИС (с. 30–31), в которой вводится понятие «расширенной парадигмы», применяемое, однако, (по словам автора) только за пределами именного словоизменения, хотя в целом вопрос о статусе составных (аналитических) форм в русской морфологии эксплицитно почти не обсуждается ни в РИС, ни в ГСЗ. Фактически у кванторных и взаимных местоимений А. А. Зализняк усматривает составные разрывные (дистактные) формы косвенных падежей, содержащие внутри себя графему пробела. В грамматическом очерке, приложенном к ГСЗ, термин «расширенная парадигма» реально не употребляется, однако фактически в этом очерке действительно упоминаются составные (аналитические) формы будущего времени несовершенного вида с показателем *буду* (*будет...* и т. п.) (ГСЗ: 84, 88) и сослагательного наклонения с частицей *бы* (там же: 85, 88); кроме того, в разделе, посвящённом страдательным причастиям, упоминается тот факт, что краткие формы страдательных причастий «выступают в конструкциях, играющих роль личных форм страдательного залога (*дём построён, дём был построен, дём будет построен*)» (там же: 86). Все эти практические решения, безусловно,

парадигматики (по терминологии НСтрП), а всю проблематику «аналитической морфологии» (связанную с выделением «составных» или «аналитических» форм)⁷, полностью оставляет вне сферы своего рассмотрения⁸.

С этим связан также тот факт, что и сами термины «морфология» и «морфологический» имеет в этих направлениях (разумеется, вслед за РИС и ГСЗ) более узкий смысл, чем в «традиционной» («канонической», «мейнстримовой») русистике⁹, которая проблематику аналитических форм, безусловно, включает в свою сферу¹⁰.

В трактовке аналитической морфологии НСтрП идёт вслед за Ю. С. Масловым (Маслов 1968/2004: 653; Маслов 1987: 154–155), который включал в эту сферу не только традиционно выделяемые формы (преимущественно глагольные — напр., сочетание будущего времени связочного глагола с инфинитивом НСВ, сочетание связи со страдательным причастием, или адъективные составные формы компаратива и суперлатива), но и предложно-падежные формы, выражающие аналитические падежные граммы (см. [Маслов 1987: 158–159])¹¹. При этом вслед за Ю. С. Масловым НСтрП трактует аналитические формы как принадлежащие к «ярусу лексем», а синтетические — как принадлежащие к «ярусу глоссем» ([Маслов 1968/2004: 653])¹².

согласуются как с традицией, так и с НСтрП, однако роль всех упомянутых и подобных им наблюдаемых фактов в грамматике русского языка (и их место в морфологической системе) оказываются практически не освещёнными. Остаётся неясен их теоретический статус, так как они едва ли поддаются интерпретации в рамках той концептуально-терминологической системы, которая предназначена преимущественно для описания явлений синтетической (а не аналитической) морфологии. В частности, остаётся непрояснённым вопрос о парадигматических границах «расширенной парадигмы», то есть о том, есть ли в русском языке какие-либо аналитические формы помимо тех, которые упомянуты в ГСЗ на страницах 84, 86, 88.

⁷ Понятие «аналитической морфологии» (или «аналитической грамматики») (см. [Бородина 1963: 194]) содержательно восходит к таким понятиям, как «нефлективная морфология» ([Кацнельсон 1948/1986], [Кацнельсон 1949]) или «синтаксическая морфология» (см. [Бородина 1963: 194]). Этот последний термин В. М. Жирмунский приписывает В. В. Виноградову (см. [Жирмунский 1976: 93]), но конкретной ссылки на публикации Виноградова при этом не приводит. В публикациях В. В. Виноградова ровно такой термин не употребляется (по крайней мере, мне не удалось там его найти). Следует предположить, что В. М. Жирмунский, по всей видимости, подразумевает под «термином В. В. Виноградова» терминологическое прилагательное «синтаксический», употреблённое В. В. Виноградовым в составе термина «синтаксическое формообразование» (см., напр., [Виноградов 1952/1975: 179]). См. обзор этих проблем в [Жирмунский 1965: 5–57]; [Жирмунский 1976: 82–125].

⁸ Так, напр., в работе А. К. Поливановой вполне эксплицитно формулируется т. н. «принцип синтетичности словоформ», запрещающий «рассматривать аналитические словоформы» [Поливанова 2001/2008: 167].

⁹ Традиционная концепция представлена, напр., в [Литневская 2000], [Литневская и Багрянцева 2006].

¹⁰ См., напр., Камынина 1999: 8–9; Евтюхин 2013а: 18–19; Князев 2013а: 585–596.

¹¹ Широкий (обобщённо-морфологический) подход к падежу как к категории, выражаемой не только синтетическими средствами, но и аналитическими — предложно-падежными (или в языках с послелоговыми послеложно-падежными), включая несегментные (порядок слов), предлагаемый в НСтрП, разделял не только Ю. С. Маслов, но также и С. Е. Яхонтов (см. [Яхонтов 1978: 102]).

¹² О специфике общеграмматических идей Ю. С. Маслова см. [Крылов 2013].

§ 0.4. Морфология флективная vs. агглютинативная.

Как «узко-формальное» направление в ТРГ¹³, так и вполне «каноническая» русистика ограничивается только подсистемой «флективной морфологии» (в терминах НСтрП), почти полностью игнорируя (то есть оставляя в стороне) всю сферу «агглютинативной морфологии» (в терминах НСтрП)¹⁴.

Здесь уместно сделать несколько уточнений. Слово «почти» в пункте 0.4. употреблено не случайно. Если быть более точным, то некоторые наиболее заметные проявления «агглютинативной морфологии» всё же описываются в «традиционных» ТРГ (хотя и не входят в «каноническую» концепцию).

Во-первых, диминутивные (уменьшительные) и увеличительные образования (от существительных, прилагательных и наречий) порой трактуются как формы одного слова. Ср., напр., трактовку Л. В. Щербы в его диссертации «Восточно-лужицкое наречие» (1915); В. В. Виноградов сочувственно отзывается о концепции Л. В. Щербы в своей статье «О формах слова» (Виноградов 1944: 40). А. А. Шахматов говорит о грамматической категории «субъективной оценки» (Шахматов 1925, § 516). Естественно, при принятии такой трактовки «уменьшительно-ласкательные суффиксы» трактуются как «формообразующие» (Виноградов 1947, § 22).

Во-вторых, для обозначения примерно того же класса явлений, который в НСтрП именуется «агглютинативными граммемами», И. А. Мельчук в «Курсе общей морфологии» ввёл особый термин «квазиграммема» (Мельчук 1997: 286–288). Вскоре Н. В. Перцов доказал обоснованность применения этого термина в русистике, подведя под понятие «квазиграммемы»¹⁵ такие факты русского языка, как:

сравнительную степень прилагательного и наречия (Перцов 2001: 74, 101–102)¹⁶;

«побуждение к совместному действию» в глагольных формах типа *пойдёмте* (часто относимое к разновидности императива) (Перцов 2001: 74, 137)¹⁷;

¹³ Ср., напр., ФГШ и работы А. А. Зализняка (РИС и ГСЗ).

¹⁴ Об «агглютинативной морфологии» русского языка см. [Крылов — Старостин 2003].

¹⁵ В целях большей эксплицитности изложения заметим, что в НСтрП понятие «квазиграммемы» (в смысле И. А. Мельчука и Н. В. Перцова) вовсе не используется, однако явления, подводимые И. А. Мельчуком и Н. В. Перцовым под понятие квазиграммемы, в НСтрП квалифицируются как разновидность «граммем», а именно, как «агглютинативные граммемы». «Агглютинативные граммемы» являются можно охарактеризовать также (в других терминах) как «привативные граммемы», так как они являются членами «привативных оппозиций». На связь понятия «квазиграммема» как с привативным характером грамматической оппозиции, так и с агглютинативным грамматическим строем языковой системы справедливо указывает В. А. Плунгян (см. [Плунгян 1998/2003: 133–136], [Плунгян 2011: 43–46]).

¹⁶ В «канонических» ТРГ правомерность зачисления компаратива в словоизменение бесспорна; с точки зрения НСтрП, компаратив принадлежит к числу «агглютинативных» граммем.

¹⁷ В «канонических» ТРГ это значение не имеет внятного статуса; по Якобсону, это «корреляция числа» ([Якобсон 1932/1985: 218]); с точки зрения НСтрП, формы на *-те* выражают особую «агглютинативную» граммему «адгортативного числа», присоединяемую к формам «гортатива».

«фамильярное побуждение», выражаемое постфиксом *-ка* (преимущественно в сочетании с формами императива типа *пойди-ка*, но не только с ними: *пойду-ка*, *пошёл-ка*, *на-ка* и т. п.), ([Перцов 2001: 73–74, 138–144])¹⁸;

адвербиальную репрезентацию прилагательного (наречие типа *смело* или *геройски* как формы прилагательных *смелый* или *геройский*) ([Перцов 2001: 74, 144–145])¹⁹;

«аттенуативное» значение, выражаемое формами типа *поважнее*, противопоставленными формам типа *важнее* ([Перцов 2001: 74, 145])²⁰;

значение отрицания, выражаемое префиксом *не-* (в частности, в причастиях типа *непрекращающийся*²¹) ([Перцов 2001: 74, 145–146]).

Вслед за работами И. А. Мельчука и Н. В. Перцова понятие квазиграммемы вошло в вузовские учебники по русской морфологии²².

Оставим в стороне случаи, которые сам Н. В. Перцов считает дискуссионными²³, так как в рамках НСтрП они не относятся к сфере «агглютинативной морфологии».

§ 0.5. Словоизменение vs. словообразование.

Теперь будет уместно остановиться на проблематике дихотомии «словоизменение» vs. «словообразование».

¹⁸ В «канонических» ТРГ это значение не имеет внятного статуса; по Якобсону, это «корреляция интимности» ([Якобсон 1932/1985: 218]); с точки зрения НСтрП, формы на *-ка* выражают особую «агглютинативную» грамему «интимности // фамильярности», присоединяемую к формам императива, гортатива и претерита (в императивной функции).

¹⁹ В «канонических» ТРГ это значение трактуется как словообразовательное; по Мельчуку, это «отадъективная синтаксическая адвербиализация» ([Мельчук 1998: 461, 473–475]); с точки зрения НСтрП, предпочтительно усматривать в таких случаях особую грамему, входящую в словоизменительную парадигму прилагательного, конкретнее, в его «адвербиальную репрезентацию». Эта последняя трактовка отчасти созвучна с концепцией «формальной парадигматики» А. К. Поливановой ([Поливанова 1990: 53]), которая тоже вводит понятие «адвербиальной репрезентации» (используя данный термин для трактовки словоформ типа *по-новому*, *по-русски* и т. п.).

²⁰ В «канонических» ТРГ это значение трактуется порой фактически как словоизменительное ([Шведова 1952: 292, § 484]) (это решение созвучно НСтрП), порой как словообразовательное ([Лопатин 1980: 307, § 702; 332, § 778]) (а это решение несозвучно НСтрП). По Мельчуку, это «аттенуативный компаратив» ([Мельчук 1998: 118]); по сути дела, похожая трактовка форм на *по-*предлагается в [Плунгян 2011: 319]), что вполне справедливо. В НСтрП аттенуативный компаратив трактуется как агглютинативная граммама.

²¹ Трактовка отрицания как особой агглютинативно выражаемой грамемы русского языка ([Крылов 2000]) восходит к введённой Р. О. Якобсоном категории «статуса», одной из граммем которой является «отрицательный статус» ([Якобсон 1957/1972: 100]) и к использованию одноимённой категории в описании Т. В. Булыгиной литовской синтетической морфологии ([Булыгина 1970: 69–70]).

²² См. Евтюхин 2013: 29.

²³ Вдобавок к этому, Н. В. Перцов рассматривает теоретические возможности «квазиграммемной» трактовки вокативных форм у существительного (*мам!*, *пан!*), кратких форм у прилагательного, пассивного залога у глагола (см. [Перцов 2001: 147–149]); здесь мы не будем углубляться в рассмотрение этих проблем.

В любом случае надо напомнить о том, что в описании любых языков (и РЯ, разумеется, не составляет исключения!) действует своего рода закон сохранения количества информации («закон компенсации»): всякое изъятие того или иного фрагмента модели языка из одного (напр., «словоизменительного») субкомпонента грамматики заставляет включить соответствующий ему фрагмент в другой субкомпонент (напр., «синтаксический», «словообразовательный», «лексико-семантический» или «грамматико-семантический»).

Как верно отмечает Т.В. Булыгина, «во многих случаях упрощение описания на одном участке языка связано с усложнением описания другого его участка» ([Булыгина 1977: 94])²⁴

В результате экономия описательных средств, достигаемая в рамках одного из субкомпонентов (то есть «разгрузка» этого субкомпонента), оказывается сугубо относительной, так как приводит к дополнительным затратам средств на других участках описания, то есть к повышению дополнительной «нагрузки» другого субкомпонента (или других субкомпонентов)²⁵.

Т.В. Булыгина вполне резонно заключает, что «простота, выражающаяся в минимизации используемых в описании признаков, может также служить формальным выражением лингвистической естественности фигурирующих в описании классов. Следует отдавать себе отчёт в существенной ограниченности этого критерия. Простота всегда подчинена эмпирической адекватности и, кроме того, использование критерия простоты имеет смысл только в том случае, если во внимание принимается полное лингвистическое описание» ([Булыгина 1977: 109]).

Одним из проявлений сформулированного выше «закона компенсации» является то, что отсутствие «дериватологического компонента» в грамматике в принципе не приводит к отсутствию описания соответствующих фактов (которые в традиционных ТРГ трактуются как проходящие по ведомству «словообразования») в словаре.

Напротив, в силу этого «закона компенсации» не вызывает удивления то, что в некоторых описаниях факт наличия между инвентарными единицами словаря отношения систематических (хотя и не очень регулярных) формально-смысловых сходств (= отношений мотивации) таки отражается (причём с должной степенью эксплицитности) на метаязыке лексикографического описания.

²⁴ Так, напр., в частности, частными проявлениями или следствиями из того же «закона сохранения» информации являются такие ситуации в лингвистическом описании, когда «увеличение числа исходных понятий позволяет сократить число правил, и наоборот» ([Апресян 1966: 271]); или когда «критерий простоты при фонемном описании может (...) привести к тому, что в дальнейшем, при описании морфем, окажется, что последние описываются слишком сложно» ([Степанов 1966: 47]).

²⁵ Иными словами (не прибегая к использованию специальной терминологии) этот «закон сохранения» можно было бы выразить поговоркой «Тришкин кафтан» или пословицей «Нос вытащишь — хвост увязнет, хвост вытащишь — нос увязнет».

В НСтрП²⁶ дихотомия «словообразование» vs. «словоизменение»²⁷ вообще снимается как нелогичная, так как «словообразование» противопоставляется не «словоизменению», а «формообразованию»²⁸, между тем как «словоизменение» противопоставляется «номинативной деривации»²⁹.

НСтрП принимает дихотомию «словоизменение» vs. «словообразование» (в фортунатовском смысле) содержательно, но не терминологически: если к термину «словоизменение» (в смысле ФГШ) предлагается вернуться (отказавшись от расширительной трактовки этого термина, восходящей к А. А. Реформатскому), то термин «словообразование» в том смысле, какой придавала ему ФГШ, нельзя не признать безнадежно устаревшим, так что его реставрация в наше время была бы неосуществимой утопией.

С позиций НСтрП, оптимальным решением было бы трактовать эту сферу — морфологическое выражение номинативных значений (в ортодоксально-«фортунатовской» терминологической традиции это так называемые «формы словообразования») — как сферу «номинативной деривации»: здесь компонент «номинативный» в данном случае восходит к терминологии А. А. Зализняка³⁰, а компонент «деривация» — к терминологии А. В. Бондарко³¹.

Тем самым НСтрП относится к числу таких концепций, в которых используются оба термина («словоизменение» и «формообразование»)³², причём объёмы соответствующих им понятий не совпадают. В этом отношении НСтрП оказывается ближе к тем концепциям, которые вместо обсуждаемой дихотомии предлагают трихотомию: «словообразование» vs. «формообразование» vs. «словоизменение» (В. В. Виноградов³³, Е. С. Кубрякова³⁴, А. В. Бондарко³⁵, В. Б. Евтюхин³⁶).

²⁶ Здесь мы не углубляемся подробно в данную проблематику; см. [Крылов и Старостин 2003].

²⁷ Об этой дихотомии см., напр., [Реформатский 1947: 87]; [Реформатский 1960: 215]; [Реформатский 1967: 261]; [Реформатский 1996: 140]; Демьянков 1994: 91–96; Мельчук 1997: 278–282; Плунгян 2000: 120–124; Перцов 2001: 69–107; Поливанова 2013: 60.

²⁸ Вслед за Р. А. Будаговым (Будагов 1958: 209), Ю. С. Масловым (Маслов 1975; Маслов 1987: 145) и В. Б. Касевичем (Касевич 1977: 65–68; Касевич 2011: 65–68).

²⁹ В концепции ФГШ, как известно, «словоизменение» (понимаемое как выражение синтаксических связей и функций в грамматической форме слова) вполне логично противопоставляется «словообразованию» (понимаемому как выражение различий между предметами действительности в грамматической форме слова), так как объём понятия «словообразования» охватывает, в частности, например, число существительного. См., напр., Фортунатов 1901/1956: 155; Ушаков 1928/2004: 68; Аванесов-Сидоров 1945: 70–71; Кузнецов 1960: 42–43; Булыгина 1980: 326; Янко-Триницкая 1989: 4; Шмелёв-Булыгина 1997: 20.

³⁰ См. Зализняк 1967: 23–26; Зализняк 1973/2002: 618–620.

³¹ См. Бондарко 1976: 100–110.

³² См, напр., Живов 1990, Зализняк 1990, Зализняк 1997; Зализняк 2015. Ср., напр., Моисеев 1980: 97, где эти термины понимаются как эквивалентные.

³³ См. Виноградов 1944/1975: 37, 43; Виноградов 1947: 39–40.

³⁴ См. Кубрякова 1974: 180–181, 190–192, 199, 208, 210–211, 227, 230, 232–235, 237, 288–291, 293, 308–311, 318, 322; Кубрякова 1976.

³⁵ См. Бондарко 1974; Бондарко 1976; Бондарко 1997; Бондарко 2017.

³⁶ См. Евтюхин 2013: 17–18.

Однако НСтрП оказывается не тождествен этим концепциям, так как они исходят из того, что сферы словообразования и словоизменения в принципе не пересекаются, между тем как НСтрП исходит из противоположного принципа: так, феномены субстантивации (*столовая, полицейский, мороженое*), конверсии по роду (морфологическому — *маркиз/маркиза, супруг/супруга*; и синтаксическому — *сирота, зануда*) и лексикализации грамматических форм (*полностью, опростетью, босиком, нагишом*) трактуются в рамках НСтрП как проявления именно такого пересечения.

§ 1. Попытка непосредственного сопоставления НСтрП с предшествующими ему подходами.

§ 1.0.1. Исходный материал в концепции А. А. Зализняка и в НСтрП: ядро и периферия

Исходным материалом в концепции А. А. Зализняка (то есть, точнее говоря, в работах РИС и ГСЗ³⁷) фактически послужил:

(а) в версии 1967 (РИС) — словник АО (по сути, орфоэпического словаря РЯ) (в его склоняемой части);

(б) в версии 1977/1980/1987 (ГСЗ) — словник АО целиком (слегка дополненный);

(в) в версии 2003/2008 (ГСЗ-2003) — то же, плюс некоторый составленный автором ГСЗ словник имён собственных.

В НСтрП опорным материалом фактически послужил материал некоторых корпусов русского языка, в особенности Генерального корпуса русского языка (восходящего к Упсальскому корпусу). Различием в характере и составе опорного материала объясняются и определённые различия в описании морфологии РЯ.

Так, в НСтрП, помимо тех классов, которые выделяются в ГСЗ-2003 последней версии (**ядром** служит множество «канонических» словоформ, включая имена собственные), представлены такие **«периферийные»** классы единиц³⁸, как «заглавные аббревиатуры» (*США, РФ, СССР, ЦК, ОАО, СМИ, МВД, ООН, КПСС, ПВО, КГБ, СНГ, НАТО, ООО, ЮКОС, ЗАО, КИРФ ...*), в том числе «инициалы собственных имён и имён-отчествов», «строчные аббревиатуры» (*млн, млрд, мм, кг, л, мл, га ...*), «иноязычные языковые единицы» (*alibi, merci, mobile, perpetuum, casus, belli, Ordnung, ИМНО, ...*), «части слов» (*авто-, мото-, -этажный, не-, анти-*), «цифровые комплексы» (*2019, 1917, 1945, ½, 2/3, 66%, 50%, 100%, 2*3, 2+1, 2*2=4, ...*), «цифробуквенные комплексы» (*Формула-1, ЭТАП-2, АГ-70, РГ-80, ...*)³⁹.

³⁷ Вообще говоря, в поздних работах А. А. Зализняка (например, ДНД-1998 и ДНД-2003) представлен также и корпусный (точнее, корпусно-филологический) подход к формированию исходного материала.

³⁸ Заслуживают ли эти периферийные единицы (широко представленные в реальных русских письменных текстах) того, чтобы их удостоивали такого почётного звания, как «словоформы» и «лексемы» — вопрос сугубо схоластический. ИМНО, это во всяком случае удобно.

³⁹ Ср., напр., близкий подход в системе ПОЛИТЕКСТ (Леонтьева 2006: 58).

Так как эти единицы преимущественно неизменяемые⁴⁰, то, на первый взгляд, их можно было бы вообще игнорировать в описании русского словоизменения.

Заметим, однако, что, например, в ГСЗ лексемы неизменяемых частей речи включены в рассмотрение, хотя и имеют «вырожденную» (тривиальную одночленную) парадигму. Несклоняемые имена (существительные и прилагательные) также имеют «вырожденную» (тривиальную омонимичную с тавтологичными друг другу членами), но это не препятствует их включению в ГСЗ на правах самостоятельных словарных статей.

Думается, что причина такой «рассогласованности» информации лежит на поверхности: дело в том, что словник ГСЗ опирался на отечественную лексикографическую традицию, а она предполагает, что неизменяемые части речи и неизменяемые слова включаются в состав словника, а прочие периферийные единицы — не включаются.

Теперь можно оставить периферийные единицы вне зоны нашего рассмотрения и перейти к разбору более нетривиальных теоретических различий между трактовками.

§ 1.0.2. О логике изложения принципов НСтрП на фоне РИС и ГСЗ

Сопоставляя логические основания РИС и ГСЗ с логическими основаниями НСтрП, целесообразно оставить в стороне те сходства, которые существуют между ними, и осветить именно различия между ними, чтобы сделать изложение более «контрастивным».

§ 1.1. Общие основания теории грамматических категорий русского языка

Обсуждая связь номинативных элементов значения («семантическая одушевлённость» vs. «семантическая неодушевлённость», «единичность» vs. «множественность») с синтаксическими («синтаксическая одушевлённость» vs. «синтаксическая неодушевлённость»), а также «подчинённых» падежей с «подчиняющими», А. А. Зализняк квалифицирует эту связь как «сопряжённость» (РИС, с. 30).

С точки зрения НСтрП ни в одной из указанных пар сопряжённости нет, в силу общего принципа парадигматической асимметрии языкового знака (в данном случае — словоформы). В частности:

(а) Семантическая одушевлённость (ответ на вопрос «кто?») может сочетаться с синтаксической неодушевлённостью (*народ, государство, общество, организация, комитет, партия* и т. п.; *жёлтый жилет* и т. п.; *ветер, ты можуч...; море смеялось...*); и наоборот, семантическая неодушевлённость (ответ на вопрос «что?») может сочетаться с синтаксической одушевлённостью (*спортсмен прыгает через коня, через козла; шахматист взял ферзя, слона, коня...*).

⁴⁰ Ср., впрочем, такие периферийные подклассы изменяемых единиц, как *-этажного, -любимы, 3-го, 5-му* ...

(б) Семантическая единичность может сочетаться с синтаксическим множественным числом (*Афины, Сокольники, сливки, щи*), и наоборот, семантическая множественность может сочетаться с синтаксическим единственным числом (*двадцать один рубль, каждый охотник желает знать..., Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта; любой начальник окружает себя подхалимами*)

(в) в рамках концепции РИС и ГСЗ сопряжённости между «подчиняющим» и «подчинённым» падежом нет, так как количество подчинённых падежей больше, чем количество подчиняющих падежей: у прилагательных не различаются «родительный первый» и «родительный второй» (*выпил крепк-ого ча-я/ча-ю*); далее, у прилагательных не различаются «предложный первый» и «предложный второй» (*вспомнил о густ-ом лес-е и живёт в густ-ом лес-у*); поэтому для описания падежа прилагательных достаточно шестипадежной системы, но тем самым количество «подчиняющих» падежей существительного тоже на два падежа меньше.

§ 1.2. Объём понятия «расширенная парадигма» в НСтрП (на фоне РИС)

Исключительно важное значение для ТРГ имеет понятие «расширенной парадигмы», введённое А. А. Зализняком в книге РИС (с. 30–31). Расширенная парадигма некоторой лексемы, в отличие от просто «парадигмы» (или «собственно парадигмы»), включает, помимо синтетических форм, также и аналитические. Однако сам автор эксплицитно оговаривает, что в его концепции русского словоизменения понятие расширенной парадигмы применяется лишь к сфере глагольного словоизменения, а в сфере именного словоизменения не используется вовсе (с. 31)⁴¹.

Между тем НСтрП экстраполирует понятие «расширенной парадигмы» в сферу имени, включая в объём «расширенной парадигмы», наряду с падежными, также и т. н. «предложно-падежные» формы имени.

§ 1.3. Интерпретация дихотомии «словоизменительных» («формообразовательных», «собственно грамматических»)

vs. «классифицирующих» («лексико-грамматических») грамматических категорий в НСтрП на фоне трактовки этой дихотомии в других концепциях

Как известно, характерной особенностью «структуралистского» периода в отечественной теории грамматики (и, соответственно, в ТРГ) является подразделение грамматических категорий на два класса — «словоизменительные»⁴²

⁴¹ Причины такого ограничения автором не обсуждаются; однако, ИМНО, эти причины очевидны и состоят в нежелании порывать со всей отечественной и мировой грамматической традицией (как известно, не признающей аналитических (составных) форм имени, за исключением уникальных отклонений типа *друг друга* или *ни ... чём, ни ... кого, не ... кому*).

⁴² Смирницкий 1955б: 213; Зализняк 1967: 31; Плотникова 1970: 303; Плотникова 1980: 454; Милославский 1981: 26; Лопатин 1990: 115; Булыгина-Крылов 1990а: 216.

(они же «собственно грамматические»⁴³, они же «формообразовательные»⁴⁴, они же формообразующие⁴⁵, они же «модифицирующие»⁴⁶) vs. «(слово)классифицирующие»⁴⁷ (они же «лексико-грамматические»⁴⁸, они же «несловоизменяемые»⁴⁹ они же «классификационные»⁵⁰). По первым слово может изменяться, а по вторым — нет.

В отечественной грамматической традиции эта дихотомия получила широкое распространение благодаря работам А. И. Смирницкого первой половины 1950-х гг.

Затем она была терминологически уточнена в работе А. А. Зализняка «РИС» (1967)⁵¹. В дальнейшем данная дихотомия (с некоторыми незначительными проявлениями терминологического варьирования) получила широкое распространение в отечественном языкознании — как в общей лингвистике⁵², так и в русистике⁵³.

Заметим, что дихотомия «словоизменяемых» vs. «классифицирующих» грамматических категорий представляет собой частный случай более общей дихотомии «переменных» vs. «постоянных» признаков частей речи⁵⁴.

А именно, все «классифицирующие» категории относятся к числу так называемых «постоянных» признаков соответствующей части речи (и целиком вкладывается в него), а все «словоизменяемые» категории относятся к числу так называемых «переменных» признаков соответствующей части речи.

При этом набор «переменных признаков» соответствующей части речи в точности равен набору её «словоизменяемых» категорий, то есть никаких других «переменных» признаков у соответствующей части речи не существует.

Что касается набора «постоянных признаков» соответствующей части речи, то он шире, нежели набор её «классифицирующих» категорий, так как включает принадлежность данной лексемы к тому или иному лексико-грамматическому разряду.

Вместе с тем некоторые теоретики уже отмечали, что упомянутая дихотомия излишне упрощает и огрубляет языковую реальность.

Так, Ю. С. Маслов (на материале болгарского языка) предложил среди категорий «словоизменяемого» типа выделять две разновидности: категории,

⁴³ Смирницкий 1954; Смирницкий 1955а; Смирницкий 1955б: 213; Смирницкий 1959.

⁴⁴ Маслов 1975: 160; Маслов 1987: 127.

⁴⁵ Касевич 1977: 65–66; Касевич 2011: 68–69.

⁴⁶ См. Булыгина-Крылов 1990а: 216.

⁴⁷ Смирницкий 1955б: 213; Зализняк 1967: 31; Милославский 1981: 26; Лопатин 1990: 115; Булыгина-Крылов 1990а: 216.

⁴⁸ Смирницкий 1954; Смирницкий 1955а; Смирницкий 1959.

⁴⁹ См. Плотникова 1980: 454; Лопатин 1990: 115.

⁵⁰ См. Лопатин 1990: 115.

⁵¹ Наиболее глубокое обсуждение данной дихотомии (в контексте общей лингвистики 1970-х гг.) содержится в основополагающей статье О. Г. Ревзиной (Ревзина 1973: 16–48).

⁵² См., напр., Маслов 1975: 160; Маслов 1987: 127; Касевич 1977: 65–66; Касевич 2011: 68–69; Плузган 2000: 124–127.

⁵³ См., напр., Плотникова 1970: 303; Плотникова 1980: 451–457; Милославский 1981: 26.

⁵⁴ См., напр., Буланин 1976: 25–26; Литневская 2000, Багрянцева и др. 2006.

вполне независимые от лексики, например, род и число прилагательных, и категории, не являющиеся вполне независимыми от лексики, например число существительных, степени сравнения прилагательных, вид глагола (Маслов 1959: 167, 172).

Вскоре эта концепция оказала влияние на ТРГ. А именно, А. В. Бондарко в работе 1976 г. предложил перейти от дихотомии (бинарного различения) «словоизменяемых» vs. «(слово)классифицирующих» категорий пользоваться более гибким концептуальным инструментом — трихотомией (тернарным противопоставлением) степеней «коррелятивности»⁵⁵.

В его концепции выделяются не две, а три степени такой коррелятивности: (1) «последовательная коррелятивность»; (2) «непоследовательная коррелятивность» (3) «некоррелятивность» (или «отсутствие коррелятивности»)⁵⁶.

Такие категории, как число существительных, степени сравнения прилагательных, вид и залог глагола, он относит именно ко второму, переходному типу — «непоследовательно коррелятивному».

Более того, в концепции А. В. Бондарко *de facto* используется даже ещё несколько более гибкое и тонкое (конкретнее, четырёхчленное, или «квартирное») противопоставление. А именно, внутри первого из вышеприведённых классов («последовательной коррелятивности») проводится ещё дополнительное разбиение на два подкласса: а именно:

«Среди последовательно коррелятивных морфологических категорий можно выделить две подгруппы: 1) категории с лексически необусловленной парадигмой (род, число и падеж прилагательных, а также падеж существительных); 2) категории с частичной лексической обусловленностью парадигмы (время, наклонение, лицо, число и род глаголов)» (Бондарко 1976а: 78).

Таким образом, А. В. Бондарко на исходную дихотомию (1) по возможности/невозможности коррелятивности («коррелятивные» vs. «некоррелятивные» категории) как бы налагает ещё две дополнительные дихотомии: (2) по последовательности коррелятивности («последовательная» vs. «непоследовательная» коррелятивность); (3) по степени зависимости парадигмы от лексики («категории с частичной лексической обусловленностью парадигмы» vs. «категории

⁵⁵ Бондарко 1976а: 76–99. В дальнейшем концепция «степеней коррелятивности» повлияла на теорию русской грамматики; см., напр., Камынина 1999: 17; Евтюхин 2013: 36–39.

⁵⁶ Характеризуя эту третью (в рамках эксплицитно выдвинутой А. В. Бондарко «тернарной» концепции — минимальную) степень коррелятивности как «некоррелятивность» (или «отсутствие коррелятивности»), А. В. Бондарко фактически несколько сужает само понятие коррелятивности, то есть наличие «словообразовательных корреляций» (или «деривационных корреляций») в его концепции позволяет усматривать в этих случаях «словообразовательную соотносительность» (Бондарко 1976: 82), но ещё не даёт права говорить о «коррелятивности». Этим его концепция отличается от НСтрП, где между терминами «коррелятивность» и «соотносительность» не усматривается содержательных различий. Поэтому та степень коррелятивности, которую А. В. Бондарко трактует как минимальную, соответствует в русле концепции НСтрП не «отсутствие коррелятивности» (как в концепции А. В. Бондарко), а «отсутствие альтернативной коррелятивности» (совместимое с наличием деривационной коррелятивности).

с лексически необусловленной парадигмой»), в результате чего фактически выделяются (суммарно) уже не 3, а 4 степени коррелятивности:

0. Минимальная степень коррелятивности (по А. В. Бондарко, это «некоррелятивные категории», так что в его концепции эта минимальная степень трактуется как нулевая, условно «0»): род существительных.

1. Непоследовательная коррелятивность (этому классу присуща высокая степень зависимости парадигмы от лексики): число существительных, вид и залог глагола, степени сравнения прилагательных.

2. Последовательная коррелятивность:

2А. Последовательная коррелятивность с частичной лексической обусловленностью парадигмы (лицо, наклонение, время, число и род глаголов).

2Б. Последовательная коррелятивность с лексически необусловленной парадигмой (падеж существительных, род, число и падеж прилагательных).

Обе модификации исходной дихотомии, выдвинутые А. В. Бондарко, представляются вполне совместимыми с НСтрП; соответственно, различия между выделенными им (фактически четырьмя) степенями коррелятивности, несомненно, проводятся также в рамках НСтрП. Заметим, однако, что если взглянуть на классификацию степеней коррелятивности А. В. Бондарко с точки зрения «апофатической» логики, то она должна быть пополнена ещё двумя классами «степеней коррелятивности».

В морфологической концепции А. В. Бондарко проводится различие (дихотомия) между (1) собственно «грамматическими категориями» vs. «оппозициями лексико-грамматических разрядов»⁵⁷, а также (2) между «грамматическими категориями» и «формально-структурной согласовательной стороной».

Первая дихотомия (между собственно «грамматическими категориями» vs. «оппозициями лексико-грамматических разрядов») как таковая налицо и в других морфологических концепциях (в частности, и в НСтрП), однако специфика концепции А. В. Бондарко состоит в том, что противопоставление «одушевлённых» существительных «неодушевлённым» он трактует лишь как «оппозицию лексико-грамматических разрядов», а не как «грамматическую категорию».

Комментируя концепцию степеней коррелятивности, В. Б. Евтюхин отмечает: «В данную классификацию можно внести добавления. Если трактовать одушевлённость — неодушевлённость в качестве морфологической категории, то она входит в рубрику некоррелятивных категорий»⁵⁸. Так как имеется в виду (само собой разумеется) «одушевлённость — неодушевлённость» существительных (а не согласуемых с ними определений), то замечание (уточнение) В. Б. Евтюхина представляется совершенно справедливым. Но к этому замечанию, в свою очередь, следует сделать некоторое уточнение (оговорку): ведь из этого замечания следует, что степень коррелятивности «одушевлённости — неодушевлённости» существительных (в трактовке В. Б. Евтюхина) будет ровно такая же, как степень коррелятивности категории «рода» существительных, а именно — нулевая.

⁵⁷ См. Бондарко 1976а: 155–203.

⁵⁸ См. Евтюхин 2013: 38.

Между тем «степень коррелятивности» категории одушевлённости — неодушевлённости существительных интуитивно представляется действительно минимальной (хотя и не нулевой!), но при этом на несколько порядков меньшей, чем «степень коррелятивности» категории рода существительных.

Во-первых, сам А. В. Бондарко признаёт наличие гендерно-родовых корреляций (хотя и трактует их в качестве «деривационных» или «словообразовательных»), тогда как корреляций существительных по одушевлённости не усматривает в принципе вообще.

Во-вторых, интуитивно очевидно, что как члены «гендерно-родовых пар» типа *Иванов* [masc.] vs. *Иванова* [fem.], так и члены «родовых троек» типа *Иванов* [masc.] vs. *Иванова* [fem.] vs. *Иваново* [neutr.], встречаются в любых корпусах русских текстов на несколько порядков чаще, чем члены корреляций по одушевлённости типа *редактор* [anim.] vs. *редактор* [inanim.], *корректор* [anim.] vs. *корректор* [inanim.], *переводчик* [anim.] vs. *переводчик* [inanim.].

Интуитивно ощущается неравномощность между категориями рода и одушевлённости (по отношению к степеням коррелятивности). Именно эту неравномощность (интуитивно ощущаемую носителями русского языка) хотелось бы отразить при формализации (теоретическом моделировании) «степеней коррелятивности».

Таким образом, de facto к тем четырём типам (и фактически степеням) коррелятивности грамматических категорий, которые выделяет А. В. Бондарко, следовало бы (в рамках апофатической логики рассуждений) добавить ещё «пятый» класс «0'» — те степень коррелятивности тех противопоставлений, которые А. В. Бондарко исключает из сферы «грамматических категорий», относя их к сфере лишь «оппозиций лексико-грамматических разрядов», и отнести к этому классу «0'» степень коррелятивности оппозиции «лексико-грамматических разрядов одушевлённых vs. неодушевлённых существительных».

Вторая дихотомия (между «грамматическими категориями» и «формально-структурной согласовательной стороной» оппозиции лексико-грамматических разрядов) при НСтрП интерпретируется как различие между разными степенями абстракции, то есть соотношение общего понятия («грамматических категорий» как широкого обобщающего понятия) и частного понятия (например, такого, как «контролирующие [// подчиняющие] согласовательные грамматические категории существительных», «контролируемые [// подчинённые] согласовательные грамматические категории прилагательных», «контролируемые [// подчинённые] согласовательные грамматические категории анафорических местоимений-существительных», «контролируемые [// подчинённые] согласовательные грамматические категории анафорических местоимений-прилагательных»).

Поэтому при НСтрП к числу именно таких частных понятий принадлежат такие понятия, как

(а) «классификационная контролирующая (по потенциальному согласованию) категория синтаксической одушевлённости/неодушевлённости существительных» (ср. *видел больш-ой дом* vs. *видел больш-ого медведя*),

(б') «модификационная контролируемая (по атрибутивному согласованию) категория синтаксической одушевлённости/неодушевлённости прилагательных и причастий» (ср. *выдвигать определённых лиц / определённые лица*),

(б'') «модификационная контролируемая (по анафорическому согласованию) категория синтаксической одушевлённости/неодушевлённости местоимений-существительных» (ср. *Врач осмотрел его всего vs. Врач осмотрел его весь*),

(б''') «модификационная контролирующая (по потенциальному атрибутивному согласованию) категория синтаксической одушевлённости/неодушевлённости местоимений-существительных» (ср. пример, иллюстрирующий пункт (б''),

(б'''' «модификационная контролируемая (по атрибутивному согласованию) категория синтаксической одушевлённости/неодушевлённости любых местоимений-прилагательных» (ср. *выдвигать эти-х лиц / эти-о лица*).

В случае (а) степень коррелятивности оппозиции — приблизительно та же, что в «пятом» классе оппозиций, то есть «оппозиций лексико-грамматических разрядов» (то есть меньше, чем минимальная — по А. В. Бондарко, как бы нулевая, — из выделяемых А. В. Бондарко четырёх степеней коррелятивности).

В случаях (б'), (б''), (б'''), (б''') степень коррелятивности этих оппозиций — напротив, ровно та же, которая является максимальной из четырёх степеней коррелятивности, выделяемых в концепции А. В. Бондарко (а именно, степень 2Б — «последовательная коррелятивность с лексически необусловленной парадигмой»). Таким образом, В. Б. Евтюхин опять же совершенно прав, констатируя, что «признание существования в русском языке адъективной категории одушевлённости — неодушевлённости (...) влечёт за собой отнесение её к рубрике последовательно коррелятивных категорий»⁵⁹.

Однако «апофатическая» логика изложения заставляет включить этот пункт в классификацию степеней коррелятивности А. В. Бондарко, так как оппозиции словоформ, относящиеся к «формально-структурной согласовательной стороне» оппозиции лексико-грамматических разрядов, А. В. Бондарко не относит ни к грамматическим категориям, ни к оппозициям лексико-грамматических разрядов, а потому и степень коррелятивности этих оппозиций должна быть отдельным пунктом в общей классификации степеней коррелятивности (2Б').

Таким образом, если «спроецировать» на сферу «грамматических категорий» русского языка (выделяемых в рамках НСтрП) все те различия, которые проводятся между разными степенями коррелятивности по А. В. Бондарко, то в результате формируется такая картина:

«Минимальная» степень коррелятивности (по А. В. Бондарко) (0):

(0'). Коррелятивность «оппозиций лексико-грамматических разрядов» (по А. В. Бондарко), свойственная различию между одушевлёнными и неодушевлёнными существительными;

(0''). Коррелятивность оппозиции по грамматическому роду (хотя, по А. В. Бондарко, эта оппозиция характеризуется лишь деривационной словообразовательной корреляцией между формами разных лексем);

⁵⁹ См. Евтюхин 2013: 39.

(1). Непоследовательная коррелятивность: число существительных, вид и залог глагола, степени сравнения прилагательных.

2. Последовательная коррелятивность.

2А. Последовательная коррелятивность с частичной лексической обусловленностью парадигмы (лицо, наклонение, время, число и род глаголов).

2Б. Последовательная коррелятивность с лексически безусловленной парадигмой (падеж существительных, род, число и падеж прилагательных).

Обратим внимание на специфику трактовки степеней коррелятивности в НСтрП.

С одной стороны, минимальная степень коррелятивности не является совсем уж «нулевой», так как в рамках класса (0') налицо коррелятивность (хотя и окказиональная) оппозиций по грамматической одушевлённости vs. неодушевлённости в случаях «минимальных пар» типа:

читал поздн-его Энгельс-а [человека //автора] vs. *приехал в приволжск-ий Энгельс-о* [город];

попросить ответствен-ого редактор-а [человека] vs. *использовать компью-терн-ый редактор-о* [программное средство];

читаю пресловут-ого «Крокодил-а» [сказку или повесть] vs. *читаю пресловут-ый «Крокодил-о»* [журнал],

Мне надоело смотреть на эт-от пен-ь [обрубок //торчащий из земли остаток срубленного или спиленного дерева] vs. *Мне надоело смотреть на эт-ого пн-я* [тупого или бесчувственного мужчину //чурбана //бестолкового человека]

Мы делаем ставку на знаменитый эталон-о [чего=то] vs. *Мы делаем ставку на знаменит-ого Эталон-а* [жеребца]

и т. п., а также полностью регулярную последовательную окказиональную коррелятивность оппозиции по грамматической одушевлённости в конструкциях типа *идти (отдать) в солдат-ы*⁶⁰

Ещё выше степень коррелятивности типа (0^н) по грамматическому роду, в том числе по морфолого-синтаксическому роду (ср. *Павлов-о* vs. *Павлов-а*) и по синтаксическому роду (ср. *бедн-ый сирота* vs. *бедн-ая сирот-а*)⁶¹.

⁶⁰ И. А. Мельчук весьма убедительно показывает предпочтительность трактовки, согласно которой признак синтаксической и морфологической (то есть суммарно, в итоге, грамматической) одушевлённости существительного в таких конструкциях (а также в конструкциях *силой ровно в три медведя*) функционирует не как постоянная характеристика существительного, а как его переменная характеристика (Мельчук 1980а/1995а; Мельчук 1980б/1995б; Мельчук 1981/1995). Таким образом, в трактовке коррелятивности по грамматической одушевлённости в этих конструкциях НСтрП вполне созвучен взглядам И. А. Мельчука.

⁶¹ По мнению ряда авторов (напр., А. В. Бондарко), данная оппозиция (тракуемая им как словообразовательная корреляция лексико-грамматических разрядов существительных со значением пола) имеет (в отличие от грамматической категории рода) бинарный (а не тернарный) характер (Бондарко 1976а: 82). На первый взгляд это замечание кажется как будто бы справедливым и адекватным по отношению к фактам русского языка, так как контр-примеры типа *первое, второе, третье, сладкое, горячее* (со значением «блюдо») могут трактоваться как лексикализованные и потому непродуктивные. Однако, ИМНО, включение в исходный материал таких обширных классов существительных, как собственные имена (включая фамилии и имена населённых

С другой стороны, также и максимальная (в понимании А. В. Бондарко — полная) степень коррелятивности (свойственная падежу существительных, а также роду, числу и падежу прилагательных) вполне совместима с выполнением соответствующей граммемой классификационных функций в случае лексикализации этой граммемы.

С точки зрения НСтрП, некоторая (хотя и незначительная количественно) степень лексической обусловленности имеет место в следующих классах случаев, так что даже максимальная коррелятивность фактически не является 100 %-но «полной». В пользу этого положения можно привести нижеследующие аргументы.

Во-первых, частичная лексическая обусловленность парадигмы, образуемой граммемой «рода прилагательных» (или «адъективного рода») налицо в хорошо известных случаях так называемой субстантивации прилагательных, когда лексикализируются граммемы мужского рода (*рабочий, учёный, полицейский...*), женского рода (*столовая, парикмахерская, гостиная, ванная, горничная...*), или среднего рода (*животное, мороженое, насекомое*), традиционно трактуемых как существительные адъективного типа склонения.

Во-вторых, частичная лексическая обусловленность парадигмы, образуемой граммемой «числа прилагательных» (или «адъективного числа») налицо в хорошо известных случаях субстантивации прилагательных, когда лексикализируются граммемы множественного числа (*белые, чёрные* [участники шахматной игры], *красные, зелёные, коричневые...* [участники политических или революционных движений], *чаевые, подъёмные, отпускные* [деньги] и т. п.), традиционно трактуемых как существительные адъективного типа склонения.

В-третьих, частичная лексическая обусловленность парадигмы, образуемой граммемой «падежа прилагательных» (или «адъективного падежа») (сопровождаяемая к тому же одновременной лексикализацией граммемы адъективного рода и адъективного числа) налицо в хорошо известных случаях «адвербиализации» («онаречивания») прилагательных, когда лексикализируются граммемы косвенных падежей с предлогами (*в открытую, на боковую, на мировую,*

пунктов), заставляет усомниться в стопроцентной адекватности этого суждения всей широкой совокупности фактов русского языка. А именно, модель, по которой построены имена населённых пунктов — бывших «сёл» типа *Вознесенское, Рождественское, Покровское*, безусловно, принадлежит к числу сверхпродуктивных, а потому встающей в один ряд с моделями образования мужских и женских фамилий. Образно выражаясь, в русском языке есть «как бы фамилии» (или «квази-фамилии») среднего рода, носителями которых являются населённые пункты (фактически бывшие или настоящие «сёла»), что позволяет трактовать корреляцию рода существительных не только как бинарную (включающую «мужские» vs. «женские» фамилии), но и как тернарную (включающую также «квази-фамилии» бывших или настоящих «сёл», принадлежащие к среднему роду). Вообще говоря, в терминологии НСтрП вся область «сверхпродуктивных» образований целиком принадлежит сфере формообразования (а не «словообразования»), так как языковые единицы, создаваемые по сверхпродуктивным моделям (= по «композициональным» правилам, как приятно говорить в традициях математической логики), должны по определению считаться грамматическими, а не лексическими.

на попятную, на скорую руку, во всю Ивановскую, на босу ногу, средь бела дня и т. п.)⁶².

В-четвёртых, частичная лексическая обусловленность парадигмы, образующей граммемой «падежа существительных» (или «субстантивного падежа») наличию в хорошо известных случаях «адвербиализации» («онаречивания») существительных, когда лексикализуются граммемы творительного падежа (*утр-ом, дн-ём, вечер-ом, ноч-ью, зим-ой, весн-ой, лет-ом, осен-ью, пор-ой, времен-ами, без-ом, наскок-ом, косяк-ом, рысц-ой, рыс-ью, трусц-ой, верх-ом, низ-ом, бок-ом, круг-ом, перед-ом, зад-ом, чуд-ом, толк-ом, порожняк-ом, навал-ом, залп-ом, добр-ом, черед-ом, молодц-ом, голыш-ом, миг-ом, опт-ом, крест-ом, пирожк-ом, ёжик-ом, бобр-ом, петушк-ом, калачик-ом, солдатик-ом, дорог-ой, сил-ой, толп-ой, част-ью, вол-ей-невол-ей* и т. п.). Ср. также случаи «окончательной» адвербиализации творительного падежа типа *опромет-ью, полност-ью, босик-ом, нагиш-ом, прямик-ом, пешк-ом, тайк-ом, целик-ом, особняк-ом, живь-ём* и т. п., традиционно трактуемые как наречия.

Понятие коррелятивности и представление о существовании нескольких степеней лексической обусловленности парадигм, введённые А. В. Бондарко в теорию русской грамматики как дискретные дихотомии (или трихотомии), в русле концепции НСтрП переосмыслиются как недискретные скалярные признаки, допускающие градуирование.

При этом полезно различать следующие (вообще говоря, количественно измеримые) параметры.

1а. реальную (актуальную) функцию S_i (классификационную vs. модификационную) конкретного вхождения данной граммемы G_i в конкретную словоформу W_i , входящую в конкретный текст T_n .

1б. суммарное абсолютное количество Q_p вхождений G_i в конкретный текст T_n (или в корпус текстов K_m), выполняющих функцию S_i (классификационную vs. модификационную).

⁶² Ещё выше частотность (встречаемость) лексикализации предложно-падежных форм (так называемой адвербиализации) в устной форме русского языка. Как известно, дефисное написание предложно-падежных форм типа *по-старому, по-нынешнему, по-моему, по-своему, по-нашему, по-лошадиному, по-хорошему, по-прежнему, по-дорожному, по-трактирному, по-праздничному, по-книжному, по-домашнему, по-будничному, по-видимому* узаконено уже два века тому назад (Греч 1827), хотя Ф. И. Буслаев предлагал писать их слитно (Буслаев 1858), а Я. К. Грот — раздельно (Грот 1873), а ведь в устной форме русского языка степень фонетической раздельности/слитности этих форм за последние два века ничуть не изменилась. Если речь идёт об описании русского языка в его устной форме, то, безусловно, к лексикализованным предложно-падежным формам прилагательных можно было бы отнести как дефисно пишущиеся формы типа *во-первых, во-вторых, в-третьих, ... по-русски, по-немецки, по-молодецки, по-свойски, по-волчи ...*; так и слитно пишущиеся формы типа *вкрутую, вплотную, наудалую, зачастую, всухую*. В любом случае возможность троякого выбора написания (слитного, дефисного и раздельного) не спасает теоретика от необходимости тем или иным образом всё-таки решать проблему трактовки синхронного статуса лексикализованных форм, так как они реально существуют в языке.

1в. долю Q_r (относительное количество) Q_p в конкретном тексте T_n протяжённости L_n (или в корпусе текстов K_m протяжённости L_m)⁶³.

2а. потенциальную (виртуальную) функцию S_j (классификационную vs. модификационную) данной граммы G_j , входящую в абстрактную словоформу W_j , являющуюся представителем лексемы L_j как единицы словаря D_d .

2б'. суммарную словарную мощность данной граммы G_j , определяемую как суммарное количество Q_a вхождений G_i в конкретный словарь D_d .

2б''. долю Q_b (относительное количество) Q_a в конкретном словаре D_d объёма L_n

2в'. суммарное абсолютное количество Q_c вхождений G_i в конкретный словарь D_d , выполняющих функцию S_i (классификационную vs. модификационную).

2в''. долю Q_c (относительное количество) Q_c в конкретном словаре D_d объёмом L_r ⁶⁴.

Следует обратить внимание на то, что параметры «2а-2в''» носят принципиально чисто металингвистический характер, то есть адекватность суждений об объективно существующей реальности языка, основывающихся на этих параметрах, носит сугубо условный характер, так как в немалой степени зависит от того, какая конкретная модель лексики (то есть какой конкретный словарь, будь он «бумажным» или «электронным») взят за основу подсчётов. Например, в отечественной лексикографической традиции (в отличие от некоторых других традиций) собственные имена не принято включать в словник «языковых» («лингвистических») словарей (в отличие от «энциклопедических» словарей). Поэтому, например, «фамилии» (как и «квази-фамилии» населённых пунктов) в них отсутствуют; и в результате этого трактовка субстантивного рода в качестве классифицирующей категории никем⁶⁵ не ставится под сомнение. Кроме того, конкретные «бумажные»

⁶³ На привлечении корпусных данных может базироваться аргументация в пользу признания «словоизменяющего vs. (слово)классифицирующего» характера некоторой грамматической категории. Так, именно на материале фактов НКРЯ строится аргументация в пользу признания словоизменяющего характера грамматической категории глагольного вида в русском языке, приводимая в работах Е. В. Горбовой (в противовес трактовке В. С. Храковского), см. Горбова 2015: 20–25; Горбова 2019: 61–72.

⁶⁴ Фактически при решении дилеммы «словоизменяющего vs. (слово)классифицирующего» характера грамматической категории в спорных случаях нередко прибегают именно к критерию количественных оценок относительной (процентной) словарной мощности «модификационной» vs. «классификационной» функции граммы. Так, напр., аргументация в пользу трактовки русского глагольного вида как «(слово)классифицирующей» категории в работе [Храковский 2018: 111–114] (в противовес концепции Е. В. Горбовой) основана фактически именно на критерии количественной оценки словарной мощности.

⁶⁵ Ср., однако, аргументацию в пользу допустимости трактовки рода как словоизменяющей категории существительного (на материале литовского языка) (Булыгина 1970: 32–33) и даже предпочтительности такой трактовки применительно к семантически одушевлённым существительным (на материале французского языка) (Гак 1986: 79–86; Гак 2000: 67–69), а также развитие аналогичной трактовки для русского языка (Крылов 1997; Крылов 2002: 734–736; Spenser 2002). Ср. замечание А. Д. Шмелёва: «обычно считается, что род для имен существительных — словоклассифицирующая категория и что фамилии относятся к существительным. Этому явно противоречит представление, согласно которому при заключении брака можно «взять фамилию мужа»

словари бывают разного объёма (обычно диапазон этого объёма колеблется примерно между 10^3 и 10^6 вокабул), поэтому и результаты измерения словарной мощности тех или иных классов слов в значительной мере зависят от этого объёма, то есть от субъективности лексикографа.

Принципиально иной эпистемологический (//гносеологический) характер носят параметры «1а-1в»: измерение узуса по частотным словарям, разумеется, зависит от такого субъективного фактора, как избирательность лингвиста, составляющего корпус; но такая избирательность (и сопутствующая ей субъективность) имеет свои пределы и ограничена преимущественно диапазоном жанрово-стилистической принадлежности текстов корпуса; поэтому между частотными словарями равного объёма наблюдается, как правило, довольно высокий процент совпадения как в составе словника, так и в количественных характеристиках языковых единиц, являющихся объектами подсчётов. Практически реальные корпуса стремятся к одному и тому же идеалу, основанному на жанрово-стилистическом разнообразии текстов и на соответствии этого разнообразия диапазону форм так называемого «языкового существования»⁶⁶. Поэтому понятие «идеального» // оптимального корпуса (и тем самым «идеального» // оптимального частотного словаря) хотя и весьма утопично, однако всё-таки не в такой степени, как понятие «идеального // оптимального не-частотного словаря» (каковое уже запредельно утопично).

Литература

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Часть 1. М.: Учпедгиз, 1945. 234 с.

Алпатов В. М. Японистика. Теория языка. Социолингвистика. История языкознания. М.: ЯСК, 2017. 520 с.

Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. 302 с.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика [1974]. М.: ЯРК, 1995а. 472 с.

Арутюнова Н. Д., Уфимцева А. А. (отв. ред.). Аспекты семантических исследований. М. Наука, 1980. 357 с.

Багрянцева В. А. и др. Русский язык. Учебное пособие для школ гуманитарного профиля. Изд. 2-е. М.: Изд-во МГУ, 2006. 560 с.

Бидер И. Г., Большаков И. А. Формализация морфологического компонента модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». I. Постановка проблемы и основные понятия. Изв. АН СССР, Техническая кибернетика, 1976, № 6. С. 42–57.

и фамилия берется в особой, женской форме, не совпадающей с мужской, и при этом женская форма не считается «другой» фамилией» (Шмелёв 2019: 47–48).

⁶⁶ О понятии языкового существования см., напр., Алпатов 2017: 134.

Бидер И. Г., Большаков И. А. Формализация морфологического компонента модели «Смысл ⇔ Текст». II. Общие основы оптимизации морфологического компонента модели «Смысл ⇔ Текст» // Изв. АН СССР. Техническая кибернетика. 1977. № 1. С. 66–75.

Богданов С. И. (отв. ред.). Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 634 с.

Богданов С. И. и др. Морфология современного русского языка. Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.- 640 с.

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Изд. 5-е, исправленное. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 356 с.

Болла К., Палл Э., Панн Ф. Курс современного русского языка. Budapest: Tankönyvkiadó, 1968. 669 с.

Бондарко А. В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 3–14.

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, ЛО, 1976а. 255 с.

Бондарко А. В. К интерпретации одушевлённости-неодушевлённости, разрядов пола и категории рода // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976б. С. 25–39.

Бондарко А. В. Формообразование // Караулов (отв. ред.) 1997. С. 604–605.

Бондарко А. В. Формообразование // Кравец (отв. ред.) 2017. 487 с.

Бородина М. А. К вопросу об аналитической морфологии французского языка // *Жирмунский - Суник* (отв. ред.) 1963. С. 192–199.

Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М.: Учпедгиз, 1958. 435 с.

Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. Л.: Наука, 1976. 207 с.

Булыгина Т. В. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке (в его письменной форме) // *Жирмунский В. М., Арутюнова Н. Д.* (отв. ред.). 1970. С. 7–70.

Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. 287 с.

Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 320–355. (= *Булыгина & Шмелёв 1997*: 15–44).

Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

Буслаев Ф. И. Часть 2. Синтаксис. Глава 1, III.1. Расстановка и соединение слов на письме // Опыт исторической грамматики русского языка Пособие для преподавателей. СПб., 1858. С. 106–111.

Виноградов В. В. О формах слова (1944) // *Виноградов 1975*. С. 33–50.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947. 784 с.; 2-е изд., М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

Виноградов В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии (На материале русского и родственных языков) (1952) // *Виноградов* 1975. С. 166–220.

Виноградов 1952/1953. Виноградов В. В. (отв. ред.) Грамматика русского языка. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952/1953. 720 с.

Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 559 с.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986.- 312 с.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., Добросвет, 2000. 832 с.

Горбова Е. В. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? // *Вопросы языкознания.* 2015. № 1. С. 7–38.

Горбова Е. В. Имперфективируемость русских приставочных перфективов (на примере *про-* и *у-*глаголов) // *Вопросы языкознания.* 2019. № 1. С. 58–74.

Греч Н. И. Часть 5. Орфография, или правописание. Главы 1–3 // *Греч Н. И.* Пространная русская грамматика. СПб., 1827. С. 505–561.

Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне // *Грот Я. К.* Филологические разыскания. СПб., 1873. С. 459–468.

Демьянков В. З. Морфологическая интерпретация текста и её моделирование. М.: Изд. Московского ун-та, 1994. 206 с.

Дурново Н. Н. Грамматический словарь. М.–Петроград: Изд-во Л. Д. Френкель, 1924. 154 с.

Евтюхин В. Б. Введение в морфологию // *Богданов С. И. и др.* 2013: 5–76.

Еськова Н. А., Мельчук И. А., Санников В. З. Формальная модель русской морфологии. I. Формообразование существительных и прилагательных // *Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации.* Вып. 15. М.: Институт русского языка АН СССР, 1971. С. 1–71.

Еськова Н. А., Большаков И. А., Бидер И. Г. Формальная модель русской морфологии. I. // *Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации.* Вып. 111. М.: Институт русского языка АН СССР, 1978а. С. 1–48.

Еськова Н. А., Большаков И. А., Бидер И. Г. Формальная модель русской морфологии. II. // *Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации.* Вып. 112. М.: Институт русского языка АН СССР, 1978б. С. 1–59.

Живов В. М. Формообразование // *Ярцева* (отв. ред.) 1990. 558 с.

Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // *Жирмунский, Суник* 1965. С. 5–57. (= *Жирмунский* 1976: 82–125).

Жирмунский В. М., Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1970. 387 с.

Жирмунский В. М., Суник О. П. (отв. ред.). Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л.: Наука, 1963. 291 с.

Жирмунский В. М., Суник О. П. (отв. ред.). Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л.: Наука, 1965. 343 с.

Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, ЛО, 1976. 695 с.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.

Зализняк А. А. (отв. ред.). Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973а.

Зализняк А. А. (отв. ред.). Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М.: Наука, 1973б.

Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // *Зализняк 1973а*. С. 50–70.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1977.

Зализняк А. А. Словоизменение // *Ярцева* (отв. ред.). 1990. 467 с.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Зализняк А. А. Словоизменение // *Караулов* (отв. ред.) 1997. С. 499–500.

Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по общему языкознанию и русскому языку. М.: ЯСК, 2002. 749 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Изд. 4., исправленное и дополненное. М.: Русские словари, 2003. 795 с.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, переработанное с учётом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк А. А. Словоизменение // *Кравец* (отв. ред.). 2015. 445 с.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. I. Братислава, 1954. 386 с.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960. 577 с.

Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. М.: Изд-во МГУ, 1999. 240 с.

Караулов Ю. Н. (отв. ред.) Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия — Дрофа, 1997. 703 с.

Карцевский С. И. Повторительный курс русского языка. М.: Госиздат, 1928. 112 с.

Карцевский С. И. Повторительный курс русского языка // *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия. М.: ЯСК, 2000. С. 97–204.

Карцевский С. И. Система русского глагола // *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия. Т. 2. М.: ЯСК, 2004. С. 27–205.

Карцевский С. И. О структуре русского существительного // *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия. Т. 1. М.: ЯСК, 2000. С. 59–70.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку: Учебное пособие. 4-е издание. — АСТ-ПРЕСС КНИГА Москва, 2010. — 400 с.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Крысин Л. П., Львов М. Р., Николина Н. А., Федосюк М. Ю. Русский язык: Учебник для студентов высшего профессионального образования. Москва: Академия, 2011. 784 с.

Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 183 с.

Касевич В. Б. Введение в языкознание. М.-СПб.: Академия, 2011. 230 с.

Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ, 1948, № 2 (см. также: Кацнельсон 1986).

Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. I. Из истории атрибутивных отношений. М.; Л., 1949.

Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, ЛО, 1986.

Копецкий Л. В. Лекции по фонетике и морфологии русского языка. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1965. 301 с.

Князев Ю. П. Морфологический строй русского языка и направления его эволюции // Богданов С. И. и др. 2013: С. 585–596.

Кравец С. Л. (отв. ред.) Большая Российская энциклопедия. Том 30 («Сен-Жерменский мир 1679» — «Социальное обеспечение»). М.: Большая Российская Энциклопедия, 2015. 767 с.

Кравец С. Л. (отв. ред.) Большая Российская энциклопедия. Том 33 («Уланд» — «Хватцев»). М.: Большая Российская Энциклопедия, 2017. 799 с.

Крылов С. А. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: Опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // Studia linguarum. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 252–315.

Крылов С. А. Автоматический морфологический анализ русских словоформ с префиксальным отрицанием: Несколько теоретических проблем // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог-2000. Материалы международной конференции: В 2 т. Т. 2. Протвино, 2000. С. 220–225.

Крылов С. А. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: Опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // Зализняка 1967/2002, с. 699–748.

Крылов С. А., Старостин С. А. Актуальные задачи морфологического анализа и синтеза в интегрированной информационной среде StarLing // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог-2003 (Протвино, 11–16 июня 2003 г.). Материалы международной конференции: М., 2003. С. 354–360.

Крылов С. А. Особенности общеграмматической концепции Ю. С. Маслова // Риехакайнен Е. И., Чуйкова О. Ю. (сост.). Конференция, посвященная 150-летию кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета: тезисы. СПб.: «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), 2013. С. 73–76.

Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М.: Наука, 1974. 319 с.

Кубрякова Е. С. О формообразовании, словоизменении, словообразовании и их соотношении // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 35. 1976. № 6. С. 514–526.

Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. М.: Изд-во МГУ, 1961. 100 с.

Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В. Современный русский язык: учебник для академического бакалавриата, 5-е издание. Москва: Юрайт, 559 с.

Леонтьева Н. Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы. М.: Академия, 2006. 304 с.

Литневская Е. И. Русский язык: краткий теоретический курс. М.: МГУ, 2000. 487 с.

Литневская Е. И., Багрянцева В. А. Методика преподавания русского языка. М.: Академический проект, 2006. 590 с.

Лопатин В. В. Словообразование имён прилагательных // Шведова 1980. С. 269–333.

Лопатин В. В. Грамматическая категория // Ярцева 1990. С. 115–116.

Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 181–183.

Маслов Ю. С. Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка. Вопросы языкознания. 1968. №4. С. 69–79. (= Маслов 2004, с. 650–665).

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. 327 с.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.

Маслов Ю. С. Избранные труды по общему языкознанию. Аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК, 2004. 839 с.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Ч. I. Семантика, синтаксис. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 314 с.

Мельчук И. А. О падеже числового выражения в русских словосочетаниях типа (больше) на два мальчика или по трое больных // *Russian Linguistics*. 1980. 5: 1. С. 55–77. [английский перевод см.: *Forum Linguisticum*, 1981, 6:2, p. 117–140.]

Мельчук И. А. О падеже существительного в русской конструкции типа идти в солдаты // *Svantevit*, 1980, 5: 1/2. С. 5–32.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I. Введение. Пер. с франц. М.: ЯСК, 1997. 401 с.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II. Морфологические значения. Пер. с франц. М. — Вена: ЯРК — WSA. Sonderband 38/2, 1998. 543 с.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 284 с.

Моисеев А. И. Русский язык : Фонетика. Морфология. Орфография. Пособие для учителей. 2-е изд., переработанное. — М. : Просвещение, 1980. — 255 с.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: ЯСК, 1999. 275 с.

Панов М. В. Русский язык // *Виноградов В. В.* (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1965.

Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: ЯСК, 2001. 279 с.

Петерсон М. Н. Современный русский язык. М.: Госиздат, 1925. 77 с.

Плотникова В. А. Морфология // *Шведова 1970*: 302–485.

Плотникова В. А. Морфология. Введение // *Шведова 1980а*: 451–457.

Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС, 2003. 384 с.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

Поливанова А. К. Выбор числовых форм существительных в русском языке [1983] // Поливанова 2008. С. 38–52.

Поливанова А. К. Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Иванов Вяч. Вс. (отв. ред.). Язык логики и логика языка. М.: ЯСК, 1990. С. 41–69.

Поливанова А. К. Общее и русское языкознание. Избранные работы. М.: РГГУ, 2008 (= Смирнов И. С. (отв. ред.). *Orientalia et classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XVII).

Поливанова А. К. Формальная парадигматика и классы слов в русском языке [2001] // Поливанова 2008. С. 167–180.

Поливанова А. К. Старославянский язык. Грамматика. Словари. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 765 с.

Ревзина О. Г. Общая теория грамматических категорий // Зализняк (ред.) 1973 а. С. 5–38.

Ревзина О. Г., Ревзин И. И. Проблема частей речи в современной лингвистике // Лингвотипологические исследования. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1975.

Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема тождества слова) // Труды Института языкознания АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1955а.

Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М.: ИЛ, 1955б.

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: ИЛ, 1959.

Степанов Ю. С. Основы языкознания. М.: Просвещение, 1966. 272 с.

Супрун А. Е. Части речи в русском языке. М.: Просвещение, 1971. 135 с.

Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. М.: Работник просвещения, 1928. 151 с.

Храковский В. С. И опять о «болевых точках» категории вида // Вопросы языкознания, 2018. № 1. С. 105–118.

Финкель А. М., Баженов Н. М. Современный русский язык. Изд. 2-е. Харьков: Наука, 1954. 552 с.

Шведова Н. Ю. Имя прилагательное // Виноградов 1952/1953. С. 281–367.

Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Грамматика русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 757 с.

Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: ЯСК, 1980. 783 с.

Шведова Н. Ю. Имя прилагательное // Грамматика русского языка. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952/1953. С. 281–367.

Шмелёв А. Д. Когда и как можно исправлять ошибки в грамматических описаниях? // Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов международной конференции памяти Андрея Анатольевича Зализняка. М.: ИРЯ РАН, 2019. С. 47–48.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке [1927] // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология. — М. : Русский язык, 1982. — 246 с.

Якобсон Р. О структуре русского глагола [1932] // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 210–221.

Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол [1957] // Успенский Б. А. (отв. ред.), Ревзина О. Г. (сост.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.

Ярцева В. Н. (отв. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.

Яхонтов С. Е. Классы глаголов и падежное оформление актантов // Храковский В. С. (отв. ред.). Проблемы теории грамматического залога. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 102–108.

Garde P. Grammaire russe. I. Phonologie. Morphologie. 2-e ed. Paris: Klincksieck, 1980. 462 p.

Garde P. Des parties du discours, notamment en russe // Garde P. Le mot, l'accent, la phrase: études de linguistique slave et générale, publié sous la direction de Rémi Camus. Paris : Institut d'études slaves, 2006. P. 225–244.

Isačenko A. W. Die russische Sprache der Gegenwart. Teil I. Formenlehre. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1962. 706 S.

Mel'čuk I. A. Animacy in Russian Cardinal Numerals and Adjectives as an Inflectional Category // *Language*, 1980, 56: 4, p. 797–811.

Spencer A. Gender as an inflectional category // *Journal of Linguistics*, 38(2). 2002. P. 279–312.

Timberlake A. A reference grammar of Russian. N.Y: Cambridge University Press, 2004. 503 p.

Sergej A. Krylov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

krylov-58@mail.ru

**EXPERIENCE OF COMPARISON OF APPROACHES TO THE
DISTINGUISHING OF GRAMMATICAL CLASSES OF WORDS
AND GRAMMATICAL CATEGORIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE.**

**Part I. (§ 0. Introductory remarks. § 1. An attempt to directly compare
the neostructuralist approach with the traditional approaches preceding it)**

Several alternative approaches to the definition of grammatical words classes and grammatical categories in Russian are compared in the article. The main ideas of the neostructuralist approach are compared with other concepts:

- (a) the “canonical” point of view of modern Russian studies;
- (b) different versions of “traditional” theories;
- (c) the “formal grammar school” of the 1920s;
- (d) the conception of A. A. Zaliznyak and other grammarians of the 20th century.

The introduction considers the following dichotomies:

- (1) grammar of spoken vs. written language;
- (2) morphology vs. syntax;
- (3) synthetism vs. grammatical analyticism: “narrowly formal” vs. “extended formal” interpretation;
- (4) “inflectional” vs. “agglutinative” morphology;
- (5) “inflection” vs. “word formation”.

Section I considers dichotomies that make up the logical basis of the neo-structuralist approach to grammatical description (in comparison mainly with the conception of A. A. Zaliznyak):

- (0) different approaches (vocabulary vs. corpus) to compiling “source material”;
- (1) nominative vs. syntactical elements of meaning;
- (2) regular (synthetic) vs. extended paradigms;
- (3) inflectional vs. classifying grammatical categories.

When discussing the third dichotomy, the neo-structuralist approach is also compared with A. V. Bondarko’s concept of degrees of correlation. In addition to

- (a) a dichotomy (binary division) between “correlation” vs. “non-correlativeness”, he suggested introducing more detailed subdivisions:
- (b) “consistent” vs. “inconsistent” correlation and
- (c) three degrees of “lexical conditioning of the paradigm”:
- (c’) the “lexically unconditioned paradigm”,
- (c”) “partial lexical conditioning of the paradigm”, and
- (c’’) “a high degree of lexical conditioning of the paradigm”.

The concepts of degrees of correlation allow for projection onto two additional areas: (1) the opposition of lexical and grammatical categories; (2) the opposition of syntactic forms that make up the “formal-structural concordant side” of lexical-grammatical categories.

Within the neo-structuralist approach, there is (I) compatibility of so-called “non-correlativeness” (actually minimal correlation) with the existence of minimal pairs that form grammatical oppositions; (II) compatibility of the so-called “consistent correlation” with the lexicalization of grammemes.

Keywords: grammeme, Russian language, grammatical category, grammatical form, quasigrammeme, inflectivity, synthetism, agglutination, analyticism, grammatical meaning, lexicalization, grammaticalization, analytical forms, paradigm, inflection, form-building, parts of speech, grammatical categories.

References

Avanesov R.I., Sidorov V.N. *Ocherk grammatiki russkogo literaturnogo yazyka. Chast' 1.* [Essay of the grammar of the Russian standard language]. Part 1. Moscow, Uchpedgiz, 1945. 234 p. (In Russ.)

Alpatov V.M. *Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Istoriya yazykoznaniya* [Japan studies. Theory of language. Sociolinguistics. History of linguistics.]. Moscow, YaSK, 2017. 520 s. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. *Idei i metody sovremennoi strukturnoi lingvistiki.* [Principles and methods of contemporary structural linguistics]. Moscow, «Prosveshchenie» Publ., 1966. 302 p. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika <1974>* [Selected works. Vol. 1. Lexical semantics] <1974>. Moscow, YaRK, 1995a. 472 p. (In Russ.)

Arutyunova N.D., Ufimtseva A. A. (ed.). *Aspekty semanticheskikh issledovaniy* [Aspects of semantic studies]. Moscow, «Nauka» Publ., 1980. 357 p. (In Russ.)

Bagryantseva V. A. et al. *Russkii yazyk. Uchebnoe posobie dlya shkol gumanitarnogo profilya. Izd. 2-e.* [Russian language. Textbook for humanitarian schools. 2nd ed.]. Moscow, MGU, 2006. 560 s. (In Russ.)

Bider I.G., Bol'shakov I.A. Formalizatsiya morfologicheskogo komponenta modeli «Smysl Û Tekst». I. Postanovka problemy i osnovnye ponyatiya [Formalization of the morphological component of the “Meaning Û Text” model. I. Statement of the problem and basic concepts]. *Izv. AN SSSR. Tekhnicheskaya kibernetika*, 1976, no. 6, pp. 42–57. (In Russ.)

Bider I.G., Bol'shakov I.A. Formalizatsiya morfologicheskogo komponenta modeli «Smysl Û Tekst». II. Obshchie osnovy optimizatsii morfologicheskogo komponenta modeli «Smysl Û Tekst». [Formalization of the morphological component of the “Meaning Û Text” model. II. General principles for optimizing the morphological component of the “Meaning Û Text” model]. *Izv. AN SSSR. Tekhnicheskaya kibernetika*, 1977, no. 1, pp. 66–75. (In Russ.)

Bogdanov S.I. (ed.). *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka: uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Morphology of the modern Russian language: a textbook for higher education]. St. Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU [Department of Philology and Arts], 2009. 634 p. (In Russ.)

Bogdanov S.I. (ed.). *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka: uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Morphology of the modern Russian language: a textbook for higher education]. SPb.: *Filologicheskii fakul'tet SPbGU* [Department of Philology] 2013.- 640 p. (In Russ.)

Bogoroditskii V. A. *Obshchii kurs russkoi grammatiki. Izd. 5-e, ispravlennoe.* [General course of Russian grammar. Ed. 5th corrected]. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1935. 356 p. (In Russ.)

Bolla K., Pall E., Papp F. *Kurs sovremennogo russkogo yazyka.* [Modern Russian language course]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1968. 669 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. Formoobrazovanie, slovoizmenenie i klassifikatsiya morfolozhicheskikh kategorii. [Form-building, inflection and classification of morphological categories]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1974, no. 2, p. 3–14. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Teoriya morfolozhicheskikh kategorii* [Theory of morphological categories]. Leningrad, Nauka, LO, 1976a. 255 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. K interpretatsii odushevlenosti-neodushevlenosti, razryadov pola i kategorii roda [To the interpretation of animateness-inanimateness, categories of gender and category of gender] // *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy morfolozhii slavyanskikh i balkanskikh yazykov*. [Slavic and Baltic Linguistics. Problems of morphology of Slavic and Baltic languages]. Moscow, 1976b, pp. 25–39. (In Russ.)

Bondarko A. V. Formoobrazovanie [Form-building] // Karaulov (ed.) 1997: P. 604–605. (In Russ.) // Karaulov (ed.) 1997, pp. 604–605. (In Russ.)

Bondarko A. V. Formoobrazovanie [Form-building] // Kravets (ed.) 2017. 487 p. (In Russ.) // Kravets (ed.) 2017. 487 p. (In Russ.)

Borodina M. A. K voprosu ob analiticheskoi morfolozhii frantsuzskogo yazyka [On the analytical morphology of the French language] // Zhirmunskii & Sunik (ed.) 1963, pp. 192–199. (In Russ.)

Budagov R. A. *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the science of language]. Moscow, Uchpedgiz, 1958. 435 p. (In Russ.)

Bulanin L. L. *Trudnye voprosy morfolozhii* [Difficult problems of morphology]. Leningrad, «Nauka» Publ., 1976. 207 p. (In Russ.)

Bulygina T. V. Morfolozhicheskaya struktura slova v sovremennom litovskom literaturnom yazyke (v ego pis'mennoi forme) [Morphological word structure in Modern Lithuanian (in its written form)] // Zhirmunskii & Arutyunova (ed.) 1970, pp. 7–70. (In Russ.)

Bulygina T. V. *Problemy teorii morfolozhicheskikh modelei* [Problems of the theory of morphological models]. Moscow, Nauka, 1977. 287 p. (In Russ.)

Bulygina T. V. Grammaticheskie i semanticheskie kategorii i ikh svyazi [Grammatical and semantic categories and their connections] // Arutyunova & Ufimtseva (ed.) 1980, pp. 320–355. (In Russ.)

Buslaev F. I. Chast' 2. Sintaksis. Glava 1, III.1. Rasstanovka i soedinenie slov na pis'me [Part 2. Syntax. Chapter 1, III.1. Arrangement and connection of words in the writing] // *Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo yazyka Posobie dlya prepodavatelei* [An attempt of historical grammar of the Russian language. A manual for teachers]. St. Petersburg, 1858, pp. 106–111. (In Russ.)

Finkel' A. M., Bazhenov N. M. *Sovremennyi russkii yazyk. Izd. 2-e* [Modern Russian. 2nd ed.]. Khar'kov, Nauka, 1954. 552 p. (In Russ.)

Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka. Morfolozhiya. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [The theoretical Grammar of French. Morphology. 2nd ed., revised and completed]. M.: Vysshaya shkola, 1986.- 312 s.

Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [The theoretical Grammar of French]. Moscow, «Dobrosvet» Publ., 2000. 832 p. (In Russ.)

Garde P. *Grammaire russe*. I. Phonologie. Morphologie. 2-e ed. Paris: Klincksieck, 1980. 462 p.

Garde P. Des parties du discours, notamment en russe // Garde P. *Le mot, l'accent, la phrase: études de linguistique slave et générale, publié sous la direction de Rémi Camus*. Paris, Institut d'études slaves, 2006, pp. 225–244.

Gorbova E. V. Vidoobrazovanie russkogo glagola: prefiksatsiya i/ili suffiksatsiya? [Aspectual formation of Russian verb: prefixation and/or suffixation?]. *Voprosy yazykoznanija*, 2015, no. 1, pp. 7–38. (In Russ.)

Gorbova E. V. Imperfektiviruemost' russkikh pristavochnykh perfektivov (na primere pro- i u-glagolov) [Imperfectivability of Russian prefixal perfectives (the case of pro- and u-verbs)]. *Voprosy yazykoznanija*, 2019, no. 1, pp. 58–74. (In Russ.)

Grech N. I. Chast' 5. Orfografiya, ili pravopisanie. Glavy 1–3 [Part 5. Orthography, or spelling. Chapters 1–3]. Grech N. I. *Prostrannaya russkaya grammatika* [Extensive Russian grammar]. St. Petersburg, 1827, pp. 505–561. (In Russ.)

Grot Ya. K. Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne [Controversial issues of Russian spelling from Peter the Great to the present] // Grot Ya. K. *Filologicheskie razyskanya* [Philological research]. St. Petersburg, 1873, pp. 459–468. (In Russ.)

Dem'yankov V. Z. *Morfologicheskaya interpretatsiya teksta i ee modelirovanie*. [Morphological interpretation of a text and its modelling] Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1994. 206 p. (In Russ.)

Durnovo N. N. *Grammaticheskii slovar'* [Grammar dictionary]. M.–Petrograd: L. D. Frenkel' Publ., 1924. 154 p. (In Russ.)

Evtyukhin V. B. Vvedenie v morfologiyu [Introduction to morphology] // Bogdanov S. I. & al. 2013: pp. 5–76. (In Russ.)

Es'kova N. A., Mel'chuk I. A., Sannikov V. Z. Formal'naya model' russkoi morfologii. I. Formoobrazovanie sushchestvitel'nykh i prilagatel'nykh [A formal model of the Russian Morphology. I. Formation of nouns and adjectives]. *Problemnaya gruppa po eksperimental'noy i prikladnoy lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii*. [The researching group of experimental and applied Linguistics. Preliminary publications. Iss. 15.]. Moscow, Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1971, pp. 1–71. (In Russ.)

Es'kova N. A., Bol'shakov I. A., Bider I. G. Formal'naya model' russkoi morfologii. I. [A formal model of the Russian Morphology. I.]. *Problemnaya gruppa po eksperimental'noy i prikladnoy lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii*. [The researching group of experimental and applied Linguistics. Preliminary publications. Iss. 111.]. Moscow, Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1978a, pp. 1–48. (In Russ.)

Es'kova N. A., Bol'shakov I. A., Bider I. G. Formal'naya model' russkoi morfologii. II. [A formal model of the Russian Morphology. II.]. *Problemnaya gruppa po eksperimental'noy i prikladnoy lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii* [The researching group of experimental and applied Linguistics. Preliminary publications. Iss. 112.]. Moscow, Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1978b, pp. 1–59. (In Russ.)

Zhivov V. M. Formoobrazovanie [Form-building] // Yartseva (ed.) 1990. 558 p. (In Russ.)

Zhirmunskii V.M. Ob analiticheskikh konstruksiyakh [About analytical constructions] // Zhirmunskii & Sunik (ed.) 1965, pp. 5–57. (= Zhirmunskii 1976: 82–125). (In Russ.)

Zhirmunskii V.M., Arutyunova N.D. (ed.). *Morfologicheskaya struktura slova v in-doevropeskikh yazykakh* [Morphological word structure in Indo-European languages]. Moscow, Nauka, 1970. 387 p. (In Russ.)

Zhirmunskii V.M., Sunik O.P. (otv.red.) *Analiticheskie konstruksii v yazykakh razlichnykh tipov* [Analytical constructions in languages of different types]. Moscow; Leningrad, «Nauka» Publ., 1965. 343 p. (In Russ.)

Zhirmunskii V.M. *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and Germanic linguistics]. Leningrad, «Nauka» Publ., LO, 1976. 695 p. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. [Russian Nominal Inflection.]. Moscow, «Nauka» Publ., 1967. 370 p. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. (ed.). *Problemy grammaticheskogo modelirovaniya* [Problems of grammatical modeling]. Moscow, «Nauka» Publ., 1973a. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. (ed.). *Strukturno-tipologicheskie issledovaniya v oblasti grammatiki slavyanskikh yazykov* [Structural and typological research in the field of grammar of Slavic languages]. Moscow, «Nauka» Publ., 1973b. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka*. [Grammatical Dictionary of the Russian language]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1977. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. Slovoizmenenie [Inflection] // Yartseva (ed.), 1990. 467 p. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. [The Ancient Novgorod Dialect]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoj kul'tury» Publ., 1995. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. Slovoizmenenie [Inflection] // Karaulov (ed.). 1997, pp. 499–500. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. «*Russkoe imennoe slovoizmenenie*» s prilozheniem izbrannykh rabot po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku. [“Russian Nominal Inflection” with the application of selected works on general Linguistics and the Russian language]. Moscow, YaSK, 2002. 749 p. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Izd. 4., ispravlennoe i dopolnennoe* [Grammatical Dictionary of the Russian language] Ess. 4., corrected and supplemented. Moscow, Russkie slovari, 2003. 795 p. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt. Izd. 2-e, pererabotannoe s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg.* [The Ancient Novgorod Dialect. 2nd ed., revised taking into account the material of finds 1995–2003]. Moscow, «Yazyki slavyanskoj kul'tury» Publ., 2004. (In Russ.)

Zaliznyak A.A. Slovoizmenenie [Inflection] // Kravets (ed.) 2015. 445 p. (In Russ.)

Isachenko A.V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morfologiya. Ch. I.* [The grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak language. Morphology. Part I]. Bratislava, 1954. 386 p. (In Russ.)

Isachenko A.V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morfologiya. Ch. II.* [The grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak language. Morphology. Part II]. Bratislava, 1960. 577 p. (In Russ.)

Isačenko A. W. *Die russische Sprache der Gegenwart*. Teil I. Formenlehre. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1962. 706 p.

Kamynina A. A. *Sovremennyi russkii yazyk. Morfologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov*. [Modern Russian language. Morphology: A manual for students of philological departments of state universities] M.: *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Publishers], 1999.- 240 p.

Karaulov Yu. N. (otv. red.) *Russkij yazyk. Enciklopediya* [Russian language]. 2-e izd. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya — Drofa, 1997. 703 p.

Kartsevskii S. I. *Povtoritel'nyi kurs russkogo yazyka*. [Revision course of Russian.] Moscow, Gosizdat, 1928. 112 p. (In Russ.)

Kartsevskii S. I. *Iz lingvisticheskogo naslediya*. [From linguistic heritage.] Vol. 1. Moscow, YaSK, 2000a. (In Russ.)

Kartsevskii S. I. *Iz lingvisticheskogo naslediya*. [From linguistic heritage.] Vol. 2. Moscow, YaSK, 2004. (In Russ.)

Kartsevskii S. I. *Povtoritel'nyi kurs russkogo yazyka* [Revision course of Russian.] [1928] // Kartsevskii 2000a, pp. 97–204. (In Russ.)

Kartsevskii S. I. *Sistema russkogo glagola* [The system of Russian verb] // Kartsevskii 2004, pp. 27–205. (In Russ.)

Kartsevskii S. I. *O strukture russkogo sushchestvitel'nogo* [On the structure of Russian noun] // Kartsevskii 2000. P. 59–70. (In Russ.)

Kasatkin L. L., Klobukov E. V., Lekant P. A. *Kratkii spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku: Uchebnoe posobie. 4-e izdanie*. [A brief guide to the modern Russian language: textbook. 4th edition.] — M.: AST-PRESS KNIGA, 2010. — 400 p.

Kasatkin L. L., Klobukov E. V., Krysin L. P., L'vov M. R., Nikolina N. A., Fedosyuk M. Yu. *Russkii yazyk: Uchebnik dlya studentov vysshego professional'nogo obrazovaniya*. [Russian language: Textbook for students of higher professional education]. M.: Akademia, 2011.- 784 s.

Kasevich V. B. *Elementy obshchei lingvistiki* [Elements of general linguistics]. Moscow, «Nauka» Publ., GRVL, 1977. 183 p.

Kasevich V. B. *Vvedenie v yazykoznanie*. [Introduction to linguistics]. Moscow–St. Petersburg, 2011. 230 p.

Katsnel'son S. D. *O grammaticheskoi kategorii* [On Grammatical Category]. *Vestnik LGU*, 1948, no. 2 (see also : Katsnel'son 1986). (In Russ.)

Katsnel'son S. D. *Istoriko-grammaticheskie issledovaniya. I. Iz istorii atributivnykh otnoshenii*. [Historical and grammatical studies. I. From the history of attributive relations]. Moscow, Leningrad, 1949. (In Russ.)

Katsnel'son S. D. *Obshchee i tipologicheskoe yazykoznanie. [General and typological Linguistics]* [General and typological Linguistics]. Leningrad, 1986. (In Russ.)

Khrakovskii V. S. *I opyat' o «bolevykh tochkakh» kategorii vida* [Aspect's “sore points” revisited once more]. *Voprosy yazykoznanija*, 2018, № 1. pp. 105–118. (In Russ.)

Knyazev Yu. P. Morfologicheskii stroi russkogo yazyka i napravleniya ego evolyutsii [Morphological structure of the Russian language and the direction of its evolution] // Bogdanov S. I. & al. 2013: pp. 585–596.

Kopetskii L. V. *Lektsii po fonetike i morfologii russkogo yazyka*. [Lectures on the Phonetics and Morphology of the Russian language]. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1965. 301 p. (In Russ.)

Krylov S. A. «Russkoe imennoe slovoizmenenie» A. A. Zaliznyaka tridtsat' let spustya: Opyt retrospektivnoi retsenzii s pozitsii neostrukturalistskoi morfologii [«Russian nominal inflection» by A. A. Zaliznyak thirty years later: the experience of retrospective review from the standpoint of neo-structural morphology]. *Studia linguarum*. Moscow, RGGU [Russian State University of Humanities], 1997, pp. 252–315. (In Russ.)

Krylov S. A. Avtomaticheskii morfologicheskii analiz russkikh slovoform s prefiksalmym otritsaniem: Neskol'ko teoreticheskikh problem [Automatic morphological analysis of Russian word-forms with the prefixal negation: several theoretical problems]. «*Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Dialog-2000. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*»: V 2 t. T. 2. [“Computational Linguistics and intellectual technologies. Dialog-2000”. Proceedings of the international conference: V. 2]. Protvino, 2000, pp. 220–225. (In Russ.)

Krylov S. A. «Russkoe imennoe slovoizmenenie» A. A. Zaliznyaka tridtsat' let spustya: Opyt retrospektivnoi retsenzii s pozitsii neostrukturalistskoi morfologii [«Russian nominal inflection» by A. A. Zaliznyak thirty years later: the attempt of retrospective review from the standpoint of neo-structuralist morphology] // Zaliznyak 1967/2002, pp. 699–748. (In Russ.)

Krylov S. A., Starostin S. A. Aktual'nye zadachi morfologicheskogo analiza i sinteza v integrirovannoi informatsionnoi srede StarLing [Actual problems of morphological analysis and synthesis in the integrated information environment StarLing]. «*Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Dialog-2003. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*» [Computational Linguistics and intellectual technologies. Dialog-2003 (Protvino, June, 11–16, 2003). Proceedings of the international conference]. Moscow, 2003, in 2 vol. Vol. 2, pp. 354–360. (In Russ.)

Krylov S. A. Osobennosti obshchegrammaticheskoi kontseptsii Yu. S. Maslova [Features of Yu. S. Maslov's general grammatical framework] // Riehakainen E. I., Chuikova O. Yu. (ed.). *Konferentsiya, posvyashchennaya 150-letiyu Kafedry obshchego yazykoznaneya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: tezisy* [Conference dedicated to the 150th anniversary of the Department of General Linguistics of St. Petersburg State University: highlights.]. St. Petersburg, «Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet», 2013, pp. 73–76. (In Russ.)

Kubryakova E. S. *Osnovy morfologicheskogo analiza* [Fundamentals of morphological analysis]. Moscow, «Nauka» Publ., 1974. 319 p. (In Russ.)

Kubryakova E. S. O formoobrazovanii, slovoizmenenii, slovoobrazovanii i ikh sootnoshenii [About form-building, inflection, word-formation and their relations] // *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. T. 35. 1976, No. 6, pp. 514–526. (In Russ.)

Kuznetsov P. S. *O printsipakh izucheniya grammatiki* [On the principles of the study of grammar]. Moscow, MGU, 1961. 100 p. (In Russ.)

Lekant P. A., Dibrova E. I., Kasatkin L. L., Klobukov E. V. *Sovremennyi russkii yazyk: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata, 5-e izdanie*. [Modern Russian: A Textbook for Academic Baccalaureate, 5th Edition.]. Moskva: Yurait.- 559 p.

Leont'eva N. N. *Avtomaticheskoe ponimanie tekstov: sistemy, modeli, resursy* [Automatic understanding of texts: systems, models, resources]. Moscow, Akademiya, 2006. 304 p. (In Russ.)

Litnevskaya E. I. *Russkii yazyk: kratkii teoreticheskii kurs* [The Russian language: a short theoretical course]. Moscow, MGU, 2000. 487 p. (In Russ.)

Litnevskaya E. I., Bagryantseva V. A. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka* [Russian language teaching methodic]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2006. 590 p. (In Russ.)

Lopatin V. V. *Slovoobrazovanie imen prilagatel'nykh* [Word-formation of the Adjectives]. // Shvedova 1980, pp. 269–333. (In Russ.)

Lopatin V. V. Grammaticheskaya kategoriya [The Grammatical category] // Yartseva 1990, pp. 115–116. (In Russ.)

Maslov Yu. S. Glagol'nyi vid v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke (znachenie i upotreblenie) [Verbal aspect of the modern Bulgarian standard language. (its meaning and use)] // *Problemy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka* [The problems of Grammar of the Bulgarian standard language]. Moscow, 1959, pp. 181–183. (In Russ.)

Maslov Yu. S. *Vvedenie v yazykoznanie* [An introduction to Linguistics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1975. 327 p. (In Russ.)

Maslov Yu. S. *Vvedenie v yazykoznanie. 2-e izd.* [An introduction to Linguistics. 2nd ed.]. Moscow, Vysshaya shkola, 1987. 272 p. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl Ū Tekst»*. Ch. I. *Semantika, sintaksis* [An attempt of theory of «Meaning Ū Text» linguistic models. Part I. Semantics, syntax.] Moscow, «Nauka» Publ., GRVL, 1974. 314 p. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. Animacy in Russian Cardinal Numerals and Adjectives as an Inflectional Category. *Language*, 1980, 56: 4, p. 797–811.

Mel'chuk I. A. O padezhe chislovogo vyrazheniya v russkikh slovosochetaniyakh tipa (bol'she) na dva mal'chika ili po troe bol'nykh [About the case of the numerative expression in Russian word combinations like (bol'she) na dva mal'chika or po troe bol'nykh]. *Russian Linguistics*, 1980a, 5: 1, pp. 55–77 [English translation see: *Forum Linguisticum*, 1981, 6:2, pp. 117–140] (In Russ.)

Mel'chuk I. A. O padezhe sushchestvitel'nogo v russkoi konstruktsii tipa IDTI V SOLDATY [About the case of noun in the Russian construction like idti v soldaty]. *Svantevit*, 1980b, 5: 1/2, pp. 5–32. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. T. I. Vvedenie. Per. s frants* [A Course of General Morphology. Vol. I. Introduction] Transl. from French]. Moscow, YaSK, 1997. 401 p. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. T. II. Morfologicheskie znacheniya. Per. s frants*. [A Course of General Morphology. Vol. II. Morphological meanings.] Transl.

from French]. Moscow — Vena: YaRK — WSA. Sonderband 38/2, 1998. 543 p. (In Russ.)

Miloslavskii I. G. *Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka* [Morphological categories of modern Russian language]. Moscow, «Prosveshchenie» Publ., 1981. 284 s. (In Russ.)

Moiseev A. I. *Russkii yazyk : Fonetika. Morfologiya. Orfografiya. Posobie dlya uchitelei. 2-e izd., pererab.* [Russian language: Phonetics. Morphology. Spelling. A manual for teachers. 2nd ed., Revised.]. — M. : Prosveshchenie, 1980. — 255 s.

Panov M. V. *Russkii yazyk* [The Russian language]. Vinogradov V. V. (ed.) *Yazyki narodov SSSR. T. 1. Indoevropeiskie yazyki.* [Languages of the peoples of the USSR. Vol. 1. Indo-European languages]. Moscow, «Nauka» Publ., 1965. (In Russ.)

Panov M. V. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of Russian]. Moscow, YaSK, 1999. 275 p. (In Russ.)

Pertsov N. V. *Invarianty v russkom slovoizmenenii* [Invariants in the Russian inflection.]. Moscow, YaSK, 2001. 279 p. (In Russ.)

Peterson M. N. *Sovremennyi russkii yazyk* [Modern Russian]. Moscow, Gosizdat, 1925. 77 p. (In Russ.)

Plotnikova V. A. *Morfologiya* [Morphology] // Shvedova 1970, pp. 302–485. (In Russ.)

Plotnikova V. A. *Morfologiya. Vvedenie* [Morphology. Introduction] // Shvedova 1980a, pp. 451–457. (In Russ.)

Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku. Izd. 2-e, ispr.* [General Morphology. Introduction to the issue. 2nd ed., correct.]. Moscow, URSS, 2003. 384 p. (In Russ.)

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages.]. Moscow, RGGU [Russian State University of Humanities], 2011. 672 p. (In Russ.)

Polivanova A. K. *Vybor chislovykh form sushchestvitel'nykh v russkom yazyke* [The choice of numerical forms of nouns in Russian.] [1983] // Polivanova A. K. *Obshchee i russkoe yazykoznanie. Izbrannye raboty* [General and Russian Linguistics. Selected works]. Moscow, RGGU [Russian State University of Humanities] 2008 (= Smirnov I. S. (ed.). *Orientalia et classica. Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti. Vypusk XVII* [Proceedings of the Institute of Oriental cultures and antiquity. Vol. XVII], pp. 39–67. (In Russ.)

Polivanova A. K. *Opyt postroeniya grammaticheskoi klassifikatsii russkikh leksem* [An attempt of constructing a grammatical classification of Russian lexemes] // Ivanov Vyach. Vs. (ed.) *Yazyk logiki i logika yazyka* [The language of logic and the logic of language]. Moscow, PIK VINITI, 1990, pp. 41–69. (In Russ.)

Polivanova A. K. *Formal'naya paradigmatika i klassy slov v russkom yazyke* [Formal Paradigmatics and word classes in Russian.] [2001] // Polivanova A. K. *Obshchee i russkoe yazykoznanie. Izbrannye raboty* [General and Russian Linguistics. Selected works]. Moscow, RGGU [Russian State University of Humanities] 2008 (= Smirnov I. S. (ed.).

Orientalia et classica. Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti. Vypusk XVII [Proceedings of the Institute of Oriental cultures and antiquity. Vol. XVII]. P. 167–180. (In Russ.)

Polivanova A.K. *Staroslavjanskii yazyk. Grammatika. Slovarei* [Old Slavonic language. Grammar. Dictionaries]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke [Russian Foundation for education and science Publ.], 2013. 765 p. (In Russ.)

Revzina O.G. Obshchaya teoriya grammaticheskikh kategorii [General theory of grammatical categories] // Zaliznyak (ed.) 1973a, pp. 5–38. (In Russ.)

Revzina O.G., Revzin I.I. Problema chastei rechi v sovremennoi lingvistike [The problem of parts of speech in modern Linguistics]. *Lingvotipologicheskie issledovaniya. Vypusk 2* [Linguo-typological studies. Vol. 2.]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow State University Publ.], 1975. (In Russ.)

Shcherba L.V. O chastyakh rechi v russkom yazyke <1927> [On parts of speech in Russian] [1927] // Shcherba L.V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on Russian]. Moscow, Uchpedgiz, 1957. 188 p. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. Imya prilagatel'noe [The Adjective] // Vinogradov 1952/1953, pp. 281–367. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. (ed.). *Grammatika russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Russian standard language]. Moscow, «Nauka» Publ., 1970. 757 p. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika*. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Russian Grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Word Stress. Intonation. Word-formation. Morphology]. Moscow, 1980a. 783 p. (In Russ.)

Shmelev A.D. Kogda i kak mozno ispravlyat' oshibki v grammaticheskikh opisaniyakh? [When and how can errors in grammatical descriptions be corrected?] // *Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii pamyati Andreyana Anatol'evicha Zaliznyaka*. [Grammar processes and systems in synchrony and diachrony. Abstracts of the international conference in memory of Andrei Anatolyevich Zaliznyak.] M.: IRL RAN, 2019. P. 47–48.

Smirnitiskii A.I. K voprosu o slove (problema tozhdestva slova) [On the problem of the word (the word identity problem)]. *Trudy Instituta yazykoznaniiya AN SSSR* [Proceedings of the Institute of linguistics of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR [USSR Academy of Sciences Publ.], 1954. (In Russ.)

Smirnitiskii A.I. Leksicheskoe i grammaticheskoe v slove [The lexical and grammatical in the word. *Voprosy grammaticheskogo stroya* [Problems of grammatical structure]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR [USSR Academy of Sciences Publ.], 1955a. (In Russ.)

Smirnitiskii A.I. *Drevneangliiskii yazyk* [Old English]. Moscow, 1955b. (In Russ.)

Smirnitiskii A.I. *Morfologiya angliiskogo yazyka* [Morphology of English]. Moscow, 1959. (In Russ.)

Spencer A. Gender as an inflectional category // *Journal of Linguistics*, 38(2). 2002. P. 279–312.

Stepanov Yu. S. *Osnovy yazykoznaniiya* [Fundamentals of Linguistics]. Moscow, Prosveshchenie, 1966. 272 p. (In Russ.)

Suprun A. E. *Chasti rechi v russkom yazyke* [Parts of speech in Russian]. Moscow, Prosveshchenie, 1971. 135 p. (In Russ.)

Timberlake A. A reference grammar of Russian. N.Y: Cambridge University Press, 2004.- 503 p.

Ushakov D. N. *Kratkoe vvedenie v nauku o yazyke* [A Brief Introduction to the Science of Language]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, 1928. 151 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. O formakh slova [About forms of words] (1944) // Vinogradov 1975, pp. 33–50. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical theory of word]. Moscow, 1947. 784 p.; 2nd ed., Moscow, «Vysshaya shkola» Publ., 1972. 614 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. Slovoobrazovanie i ego otnoshenie k grammatike i leksikologii (Na materiale russkogo i rodstvennykh yazykov) [Word Formation and its relation to grammar and lexicology (on the material of Russian and related languages)] (1952) // Vinogradov 1975, pp. 166–220. (In Russ.)

Vinogradov V. V. (ed.) *Grammatika russkogo yazyka* [Russian Grammar]. V. 1. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR [USSR Academy of Sciences Publ.] 1952/1953. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Research on Russian grammar]. Moscow, Nauka, 1975. 559 p. (In Russ.)

Yakhontov S. E. Klassy glagolov i padezhnoe oformlenie aktantov [Classes of verbs and the case design of actants] // Khrakovskii V. S. (ed.). *Problemy teorii grammaticheskogo zaloga* [The problems of the theory of the grammatical voice.] M.: Nauka, GRVL, 1978.- P. 102–108. (In Russ.)

Yakobson R. O strukture russkogo glagola [On the structure of the Russian verb] [1932] // Yakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress, 1985, pp. 210–221. (In Russ.)

Yakobson R. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkii glagol [Shifters, verb categories and the Russian verb.] [1957] // Uspenskii B. A. (ed.), Revzina O. G. (comp.). *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of different structure]. Moscow, «Nauka» Publ., 1972, pp. 95–113. (In Russ.)

Yanko-Trinit'skaya N. A. *Russkaya morfologiya* [Russian Morphology]. M. : Russkii yazyk, 1982. 246 p.

Yartseva V. N. (ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary.] M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 682 p. (In Russ.)

Г. И. Кустова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
galinak03@gmail.com*

ОБ ОДНОЙ СТРАТЕГИИ КОДИРОВАНИЯ НЕАГЕНТИВНОГО СУБЪЕКТА*

Агентивная ситуация Р может быть связана с неагентивной ситуацией R (ср. действие Р → результат R) или получать неагентивную концептуализацию Q (Р'), если на ее реализацию влияют неблагоприятные (реже — благоприятные) факторы. В этом случае референт агенса ситуации Р получает неагентивное кодирование в ситуации Р', Q или R. Одна из стратегий — кодирование субъекта посессивной группой у + Род. Рассматриваются следующие случаи: (1) Р' — мероприятие (ситуация с ослабленной агентивностью): *У меня репетиция* (Р = *Я репетирую*); (2) Q — ситуация с утраченной агентивностью (неагентивная концептуализация): *У меня суп варится* (Р = *Я варю суп*); *У меня мотор не заводится* (Р = *Я не могу завести мотор*); (3) R — результат агентивной ситуации Р: *У меня уроки сделаны* (Р = *Я сделал уроки*).

Ключевые слова: агенс, посессор, контроль, неагентивная концептуализация.

Введение

Настоящая работа посвящена случаям, когда референт агенса некоторой исходной агентивной ситуации кодируется в связанной с ней неагентивной ситуации посессивной группой, например: *Я не могу завести мотор* (Р) — *У меня мотор не заводится* (Q).

Посессивной группой мы будем называть предложную группу у + Род., поскольку это характерный способ выражения посессора в русском языке: *У X-а есть Y* (*У него есть дача*; при этом в русском языке есть и конструкции с посессором-подлежащим: *X имеет Y*).

Посессивной группой в русском языке кодируется не только посессор, но и субъекты самых разных ситуаций (ср. [Золотова 1988]), в этом случае группа имеет

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 17-04-00554 «Семантические процессы в сфере местоименной и предикатной лексики: стратегии референции и концептуализации».

не-посессивную интерпретацию — субъект состояния: *У него грипп*; субъект характеристики: *У тебя все не как у людей*; *У него семь пятниц на неделе*, ср. также: *У нас радость*, *У него неприятности* — событие, не контролируемое референтом посессивной группы.

Референт посессивной группы может вообще не участвовать в ситуации, а только иметь к ней отношение — а именно, быть посессором одного из участников ситуации (происходит так называемая экстрапозиция, или подъем, посессора, ср. [Кибрик 2003], [Кибрик и др. 2006]; ср. также [Possessive and Beyond 2004]): *У него крыша протекает* ('его крыша'). Т. е. посессивная группа *у* + Род. — один из распространенных способов кодирования внешнего посессора.

Агенса как семантическая роль предиката кодируется в русском языке по определенным правилам: именительный в активной конструкции (*Учитель проверяет работу*); творительный в пассивной конструкции (глагол: *Работа проверяется учителем*; причастие: *Работа проверена учителем*), о номинализациях см. ниже.

При этом референт агенса может участвовать в двух ситуациях: в агентивной, в качестве агенса, — и связанной с ней неагентивной, в другом качестве.

Соответственно, в неагентивной ситуации он получает **неагентивное кодирование**. Например, в инфинитивной конструкции референт агенса агентивных глаголов кодируется дативом (*Он выходит — Ему выходит*). Однако некорректно было бы утверждать, что агенса получает неагентивное кодирование, т. е. что в русском языке агенса, наряду с именительным, может кодироваться еще и дательным падежом: в инфинитивной конструкции референт агенса концептуализован как субъект модального отношения (в данном примере — должествования). При этом он остается агенсом другой ситуации — физического действия.

В данной работе мы будем рассматривать случаи, когда имеются две ситуации с кореферентным участником-лицом — агентивная ситуация Р и связанная с ней неагентивная (не полностью агентивная) ситуация Р', Q или R, — в которой референт агенса ситуации Р кодируется посессивной группой *у* + Род. Речь идет о следующих случаях: 1) агентивная ситуация Р (*Он тренируется*) получает концептуализацию Р' с ослабленной агентивностью. Ситуация Р' обозначается субстантивом-номинализацией (событийным существительным), ср.: *У него тренировка*; 2) агентивная ситуация Р (*Я варю суп, Я пытаюсь завести мотор*) «скрывается» за неагентивной концептуализацией Q, выражаемой глаголом (*У меня суп варится; У меня мотор не заводится*), т. е. Q является неагентивным фрагментом Р; 3) агентивная ситуация Р (*Я сделал уроки*) предшествующего интервала завершается результатом R, обозначаемым причастием (*У меня уроки сделаны*), и референт агенса сохраняет связь с этим результатом — стативной ситуацией R. Конструкции вида *У* + Род. + Им. (*У него тренировка*); *У* + Род. + глаг. (*У меня мотор не заводится*); *У* + Род. + кратк. страд. причаст. (*У меня уроки сделаны*) будем называть, соответственно, субстантивной, глагольной и причастной.

1. Субстантивная конструкция: у + Род. — участник МЕРОПРИЯТИЯ

Агентивная ситуация может обозначаться как глаголом, так и отглагольным существительным: *тренироваться* — *тренировка*, *обедать* — *обед*; иногда существительное обозначает ситуацию супплетивно, ср. *стреляться* — *дуэль*, *проверять* — *аудит* (наряду с *проверка*); иногда событийное существительное вообще не имеет прямого соотношения с глаголом, ср. *спектакль*. Тем не менее, постулируя связь таких существительных с реальным или потенциальным глаголом и учитывая их событийную семантику, мы будем для краткости называть их номинализациями, или ситуативами.

Поведение и свойства номинализаций в русском языке существенно отличаются в зависимости от того, являются ли они управляемыми или свободными, т. е. зависят ли они от глагола или выступают в качестве независимого (главного) предиката в предложении.

Управляемыми мы называем номинализации, которые зависят от служебного («легкого», полузнаменательного) глагола (*извиниться* — *принести извинения*; *обсудить* — *состоялось обсуждение*) или от полнозначного глагола (*организовать обсуждение*; *обсуждение увлекло аудиторию*) и являются при таком глаголе подлежащим или дополнением (см. [Кустова 2013: 395]). Агнс управляемых номинализаций выражается, по общему правилу (см. [Падучева 2010], [Лютикова 2016]), родительным при отглагольном существительном от непереходного глагола, ср.: *Состоялась встреча писателя с читателями*; *Назначили встречу писателя с читателями* — *Писатель встретился / встретится с читателями* (также притяжательным местоимением — *его встреча*), или творительным при отглагольном существительном от переходного глагола: *Состоялась проверка школы комиссией из министерства* — *Комиссия проверила школу*. Однако номинализация может выступать и как самостоятельное обозначение ситуации (со служебным глаголом, выражающим время и наклонение) — условно назовем такую конструкцию предикативной номинализацией (сокращенное от «предикативное употребление номинализации»). Предикативная номинализация употребляется в двух видах (конструкциях) — в именительном с субъектом-посессивной группой (*У него встреча*) или в предложном с субъектом-подлежащим (*Он на встрече*), но в обоих случаях выполняет функцию главного предиката, т. е. выступает как эквивалент личного глагола (кроме того, номинализация может функционировать как адвербиал, ср.: *На встрече они обсуждали проблемы взаимодействия*, см. [Кустова 2013], ср. также [Богуславский 2008], но этот случай нас не интересует).

Конструкция с предложной группой и субъектом в именительном, ср.: *Он на встрече / в командировке / на тренировке / на рыбалке* и т. п., — рассматривалась в работе [Кустова 2011]. Сейчас нас будет интересовать конструкция с номинализацией в именительном: *У него встреча / тренировка / репетиция / спектакль / свадьба*.

Управляемая и предикативная номинализация, как уже было сказано, имеют разные свойства. Если управляемая номинализация — это просто синтаксический

дериват глагола, то предикативная номинализация меняет концептуализацию агентивной ситуации, а именно — превращает эту ситуацию в мероприятие (понятие мероприятия с точки зрения контроля рассматривалось в работе [Плунгян, Рахилина 1988], но там оно вводилось просто как тип ситуации, безотносительно к способу обозначения).

Особенность мероприятия в том, что оно занимает некоторый временной интервал и предполагает занятость субъекта на этом интервале: *Его нет, он на встрече; Он не может ответить по телефону, у него [сейчас] встреча / тренировка / спектакль / переговоры / выступление* и т. п. В частности, участники мероприятия не могут на том же временном интервале участвовать в других мероприятиях. Так, например, если человек едет в метро, он может на том же интервале читать книгу, но если человек находится на тренировке, он не может в то же самое время быть на концерте (не важно — в качестве исполнителя или зрителя). С другой стороны, мероприятие неоднородно (состоит из разных отдельных действий): в ситуации *X ловит рыбу* человек только ловит рыбу, в ситуации *X на рыбалке* человек может, кроме того, собирать хворост, разводить костер, варить уху; в ситуации *X тренируется* человек только тренируется, в ситуации *X на тренировке* он может, кроме того, отдыхать, обсуждать что-то с тренером и т. д.

Однако в рамках нашей темы нас интересует другая особенность мероприятия — ослабление контроля (неполная контролируемость). Мы бы добавили к этому и ослабление агентивности, поскольку понятие контроля тесно связано с понятием агенса.

Константными признаками для агентивных ситуаций являются цель и контроль. Агэнс осуществляет общий контроль над ситуацией, следит за ее развитием и продвижением к результату, совпадающему с целью. Прототипическая агентивная ситуация предполагает единичного личного агенса и единичный неодушевленный пациент — физический предмет, который изменяется в результате воздействия агенса. Кроме того, агэнс затрачивает собственную энергию на реализацию ситуации и занят на всем интервале ситуации. Однако агэнс — это обобщение довольно разнородных понятий, и в разных ситуациях агэнс, как и контроль, имеют довольно разное содержание. Существенно различается содержание роли агенса в физических действиях (*мыть, резать, ставить*) и в нефизических действиях — перцептивных (*смотреть, читать*), ментальных (*размышлять, планировать*), речевых.

Отклонение от прототипа может, в частности, приводить к ослаблению контролируемости и тем самым — к ослаблению агентивности. Одним из видов отклонения от прототипа агентивной ситуации и является мероприятие. Если говорить в общем, мероприятие — это агентивная ситуация в том смысле, что в мероприятии обязательно должен быть агэнс (ситуации типа *У него грипп* или *У нас неприятности* не являются мероприятиями). Однако обычно в мероприятии участвует больше одного агенса, и агэнсы осуществляют разнородную деятельность, ср.: *концерт, свадьба, вечеринка, экскурсия, собрание, лекция, облава*. Таким образом, каждый из субъектов-агэнсов может повлиять как на интервал активности, так и на

результат, но при этом ни один субъект не контролирует мероприятие полностью. Например, ситуация «спектакль», в которой участвуют артисты, зрители, технический персонал, не может полностью контролироваться ни одним из участников. Кроме того, в мероприятиях могут участвовать и пациенты (например, пациент в ситуации прививки — пациент), а также участники с другими ролями (например, зрители в ситуации «спектакль» являются и агенсами (смотрят), и экспериенцерами (видят; чувствуют; сопереживают)).

ПРИМЕЧАНИЕ. Иногда выбор номинативной или локативной конструкции связан с дифференциацией ролей: *Он на спектакле* — он скорее зритель; *У него спектакль* — он скорее артист; *У него выступление* — он выступающий, а не зритель. Однако мы не можем останавливаться на этом подробно.

Таким образом, хотя в мероприятии обязательно участвует агенс (агены), это ситуация с ослабленной агентивностью, т. к. никакой агенс (даже главный, если он есть) не имеет полного контроля над мероприятием.

С синтаксической точки зрения посессивная группа при событийном существительном выражает «независимый» субъект (так называемый детерминант, ср. [РГ 1980]), который синтаксически противопоставлен управляемому субъекту, ср.: *У писателя встреча с читателями vs. встреча писателя с читателями*. С семантической точки зрения в посессивной группе происходит как бы нейтрализация ролей — посессивная группа обозначает просто участника мероприятия безотносительно к его роли, т. е. референтом посессивной группы *у + Род.* в ситуации *Р'* может быть и агенс, и контрагент, и пациент, и другие актанты некоторой исходной ситуации *Р*: *У них встреча* — они проводят встречу *vs.* кто-то проводит встречу с ними; *У нас проверка* — мы проверяем *vs.* нас проверяют.

При этом, как уже говорилось выше, вряд ли корректно утверждать, что агенс (или пациент, или экспериенцер) в русском языке может кодироваться посессивной группой. Посессивно-номинативная конструкция представляет собой такую концептуализацию исходно агентивной ситуации, когда агентивность отходит на второй план, а в конструкции выражается просто связь субъекта с некоторой ситуацией.

Итак, первая особенность посессивно-субстантивной конструкции со значением мероприятия состоит в том, что в ситуации с ослабленной агентивностью *Р'* субъект (в том числе референт агенса ситуации *Р*) выражается посессивной группой.

ПРИМЕЧАНИЕ. Мероприятие, будучи обобщением конкретных действий разных участников, похоже на интерпретацию (об интерпретации ср. [Апресян 2006]), когда конкретное действие обобщается и интерпретируется: например, интерпретация *Ты нас подвел* может относиться к ситуациям «не пришел вовремя»; «не сделал то, что обещал»; «разгласил тайну» и т. п. При этом, находясь на более высоком уровне обобщения, предикативная номинализация-мероприятие утрачивает свойства управляемой номинализации — в частности, возможность стандартного выражения актантов исходной ситуации *Р*. Так, нельзя сказать: **У нас проверка комиссией из министерства* (в значении ‘нас

проверяет комиссия’), — т.е. мероприятие *проверка* не присоединяет агенса в творительном падеже (можно сказать: *У нас в прошлом месяце была проверка школы комиссией из министерства*, но в данном случае у нас — это так называемое миропорождающее обстоятельство, ср. [Богуславский 1996] (впрочем, это специальная тема, в которую мы не можем углубляться). С другой стороны, к управляемой номинализации не присоединяется посессивная группа: *Проверка *у нас комиссией из министерства выявила недостатки*.

Другая характерная особенность посессивно-субстантивной конструкции — значение времени.

Рассмотрим конструкцию *У меня Ø встреча*. Это настоящее время с нулевым глаголом; соответственно, прошедшее и будущее время включают ненулевой глагол, ср.: *Я не могу сейчас разговаривать по телефону, у меня Ø встреча; Я не мог разговаривать, когда ты позвонил, у меня была встреча; Я не смогу завтра с тобой пообедать, у меня в это время будет встреча*. Уникальность конструкции *У меня встреча* с нулевым глаголом состоит в следующем. У полнозначного глагола, обозначающего эпизодическое действие, есть синхронное настоящее (с синхронным наблюдателем: *Я сейчас обедаю с друзьями, но скоро освобожусь*), настоящее историческое (*Обедаю я вчера с друзьями, и тут звонит мой начальник*) и настоящее профетическое (*Завтра я обедаю с друзьями*). Считается, что способностью выражать эти значения обладает соответствующая глагольная форма — при наличии определенных элементов контекста, например, наречий времени. Оказывается, однако, что конструкция *У меня Р* с определенными существительными обладает (частично) сходными свойствами: она может обозначать как актуальную ситуацию, происходящую в момент речи (собственно настоящее), ср.: *Позвоните позже, у меня встреча*, так и будущее действие, — т.е. имеет своего рода профетическое, или проспективное, употребление: *Сегодня вечером я занят. У меня встреча; У него через месяц свадьба* (= ‘будет встреча / свадьба’). Интересно, что аналогичным свойством — проспективной интерпретацией конструкции настоящего времени — обладают так называемые бытийные предложения с событийными (непредметными) существительными, ср.: *Не оставляй форточку открытой, завтра мороз / дождь / ураган; — Почему все ушли на час раньше? — Завтра праздник / Завтра суббота*. Обратим внимание, что ситуации типа *Мороз, Дождь* и под., а также отрезки времени типа *суббота* — неконтролируемые, но прогнозируемые. Ситуации же типа *Грипп, Неприятности*, которые являются и неконтролируемыми, и непрогнозируемыми, в профетической конструкции не участвуют: **Сдай отчет, иначе у тебя завтра неприятности*.

В заключение заметим, что не любую агентивную ситуацию уместно выражать с помощью посессивно-номинативной конструкции. Семантика номинализации должна быть подходящей для осмысления в качестве мероприятия, ср. *У меня сегодня закрытие конференции* vs. *?У меня сегодня закрывание замка; У меня вечером выступление* vs. *?У меня вечером опровержение; У меня сейчас / сегодня / завтра тренировка, спектакль, футбол, лекция*, но: *?У меня сейчас мытье посуды, не могу разговаривать по телефону*. Однако *Гулять не пойду, у меня мытье*

посуды сказать, по-видимому, можно — в значении запланированного мероприятия, занимающего определенный интервал (мы не можем подробно останавливаться на семантических различиях номинализаций).

Подчеркнем, что в субстантивной конструкции ситуация концептуализована как «нормально протекающая» (хотя и не полностью контролируемая). Это важно отметить потому, что среди глагольных конструкций с посессивной группой *у + Род.*, к рассмотрению которых мы сейчас переходим, встречаются такие, у которых использование посессивной группы для обозначения референта агенса связано с нарушениями в ходе протекания ситуации (см. 2.2).

2. Глагольные конструкции: ВЫТЕСНЕНИЕ агенса из текущей ситуации

Итак, мы рассмотрели ситуации *Р'* с ослабленной агентивностью. Теперь рассмотрим случаи, когда в исходно агентивной ситуации *Р* имеются такие отклонения от прототипа, что она получает неагентивную концептуализацию *Q*. Рассмотрим два таких отклонения: в первом случае (2.1) речь идет об особенностях реализации агентивной ситуации, а именно — о наличии внешнего источника энергии, во втором (2.2) — о наличии неблагоприятных факторов, приводящих к нарушению хода ситуации.

2.1. Ситуации с инициальным контролем

С точки зрения характера участия агенса на интервале ситуации можно различить синхронный контроль и инициальный контроль.

При синхронном контроле агент занят на всем интервале ситуации и использует собственную энергию (ситуация не может совершаться без его участия), тем самым он осуществляет контроль в каждый момент времени, например: *Х пришивает пуговицу / забивает гвоздь / красит стену*. Но бывают ситуации, когда агент только запускает процесс, но не участвует в нем в каждый момент ситуации (см. [Кустова 1992]), т. к. используется энергия из внешнего источника, — мы будем называть это инициальным контролем. В этом случае одна и та же денотативная ситуация *D* (т. е. фрагмент внеязыковой реальности) может получать разную языковую концептуализацию — агентивную концептуализацию *Р*: *Я варю суп / сушу белье / печатаю статью* (на принтере) / *проветриваю комнату* — или неагентивную концептуализацию *Q*: *У меня суп варится / белье сушится / статья печатается* (на принтере) / *комната проветривается*.

В отличие от пассивных конструкций типа *Вопрос рассматривается комиссией*, конструкции типа *Белье сушится* — не пассив, а декаузатив (ср. [Падучева 2001]): они не допускают агенса в творительном, ср. *Белье сушится мной*, *Суп варится хозяйкой*; кроме того, у них есть совершенный вид с глаголом на *-ся*: *У меня суп сварился*, — чего не бывает в пассиве (ср.: **Суп сварился шеф-поваром* → *сварен*; **Вопрос рассмотрелся комиссией* → *рассмотрен* (в [Гаврилова 2014: 27] используется термин квазипассивная *у*-конструкция), ср. также [Зельдович 2010];

в случаях типа *У них вопросы рассматриваются годами* речь идет о характеристике мира, а у *них* ('в их учреждении / организации / коллективе') является миропорождающим обстоятельством, ср. [Богуславский 1996]). В то же время, в отличие от конструкций типа *Белье сохнет*, где нет связи с агенсом, конструкции типа *Белье сушится* являются производными от агентивных, связь с агенсом, запустившим процесс, из них неустраима (ср. [Падучева 2001]), а референт агенса, в случае необходимости его выражения, кодируется посессивной группой.

Ситуации с синхронным контролем не допускают такой концептуализации: например, агентивную ситуацию *Патруль проверяет документы* можно обозначить предложением *Документы проверяются патрулем*, но нельзя обозначить предложением **У патруля документы проверяются* (в смысле 'патруль занят проверкой'); предложения вида *У меня красится стена* не связаны с агентивной ситуацией *Я крашу стену*, а имеют неагентивную интерпретацию 'стена пачкается'. В случае *У меня суп варится* можно говорить, что референт агенса ситуации Р в ситуации Q концептуализован не как агенс, а как субъект, причастный к данной ситуации Q (а именно — запустивший процесс): он является, с одной стороны, особого рода контролером этого интервала, который наблюдает за процессом, но не участвует в нем, хотя может вмешаться, а с другой стороны — своего рода посесором («хозяйном») будущего результата. Поэтому на «агентивный» вопрос *Что ты сейчас делаешь?* нельзя ответить неагентивной (посессивной) конструкцией *У меня суп варится*, но эту посессивную конструкцию можно использовать для обозначения того, что субъект «привязан» к интервалу ситуации, хотя и не занят в каждый момент времени, ср.: *Я не могу сейчас пойти гулять — у меня суп варится*, а также для представления референта агенса как владельца будущего результата ('через некоторое время у X-а (в распоряжении X-а) будет Y'), ср. — *У тебя есть что-нибудь на обед? — Да, у меня суп варится*.

Итак, агенс может быть «вытеснен» из ситуации в силу особенностей процессов типа *варить*, *кипятить*, *сушить* и под. Однако глаголы типа *сушиться* не обозначают полностью автономного процесса и всегда предполагают агенса-инициатора, поэтому вытесненный агенс может присоединяться к процессу в качестве посесора.

Такая стратегия кодирования референта агенса допустима не во всех случаях ослабления или утраты агентивности. Так, в ситуациях так называемой внешней каузации (каузатива обслуживания), ср. *Я шью костюм в ателье*, посессивная группа неупотребительна: *?У меня костюм шьется / сшил в ателье*.

2.2. Вмешательство неблагоприятных факторов в ход ситуации

Второй вариант отклонения от прототипа и «вытеснения» агенса из текущей ситуации — нарушение хода ситуации (например, из-за наличия помех) и частичная потеря контроля: деятельность есть, а результата нет.

Если в пассиве агенс может вытесняться из главной синтаксической позиции (смещаясь на периферию), то при наличии помех (и утрате контроля) агенс может

вытесняться из семантической структуры: из ситуации Р экстрагируется неагентивный фрагмент Q; референт агенса сохраняет связь с этим «вырезанным» фрагментом Q, но кодируется посессивной группой:

У меня мотор не заводится

У меня замок не открывается

Если различать ситуацию как фрагмент реальности и ситуацию как концепт предиката, то на уровне реальности (т. е. физически) *Я пытаюсь (но не могу) завести мотор* и *У меня мотор не заводится* — это одна и та же ситуация, которая получает разные концептуализации и, соответственно, разное языковое выражение. В отличие от конструкции *У меня суп варится*, где агентс просто поставил суп на плиту, здесь агентс действует на всём интервале ситуации — он предпринимает усилия, затрачивает энергию. Такая ситуация может рассматриваться с разных сторон: агентивная концептуализация — *Х заводит / пытается завести мотор* — представляет собой попытку, не достигающую результата, а посессивно-модальная концептуализация подчеркивает утрату контроля агентсом: *У X-а мотор не заводится*.

В работе [Летучий 2016: 297] конструкции типа *У меня дверь не открывается* считаются модальным пассивом, а группа *у меня* — выражением агенса (именно сохранение агенса отличает пассив от декаузатива, ср. [Падучева 2001]). На наш взгляд, хотя в денотативной ситуации есть агентс, конструкция *У меня дверь не открывается* используется как раз для того, чтобы на уровне языкового выражения эта ситуация получила неагентивную концептуализацию (что сопровождается неагентивным кодированием референта агенса с помощью посессивной группы). Показательно, что форма страдательного причастия (*У меня дверь открыта*) в контексте посессивной группы также не имеет агентивной интерпретации, т. е. значения акционального перфекта (см. ниже).

Подчеркнем, что речь идет именно об актуальной интерпретации конструкций вида *У меня замок не открывается*; при этом они имеют и другую интерпретацию — свойство объекта, не локализованное на конкретном временном интервале ('замок сломан, неисправен'). Однако высказывание о свойстве имеет другую коммуникативную организацию. Если в значении помех фрагмент *замок не открывается* является нечленимой ремой: — *Ну, что ты там возишься?* — *У меня ЗАМОК не открывается*, — то в значении свойства объекта посессивная группа является избыточной, подразумеваемый субъект — обычно обобщенный ('никто не сможет открыть замок'), а рема совпадает со сказуемым: [*Этот*] *замок НЕ ОТКРЫВАЕТСЯ*; данная конструкция имеет и положительную форму: ... *а тот замок прекрасно открывается* (при этом посессивная группа, в принципе, возможна, ср.: *У меня [= 'мой'] замок НЕ ОТКРЫВАЕТСЯ*, т. е. 'мой замок неисправен').

Наконец, третий вариант интерпретации — ситуация неудачи обобщается до свойства (характеристики) субъекта: *У тебя вечно то мотор не заводится, то замок не открывается, а вот у Пети всё всегда заводится и открывается*.

Таким образом, у конструкции «У X-а Y не P-ся» минимум три интерпретации: актуальная неудача, свойство объекта и свойство субъекта.

3. Результат R агентивной ситуации P: y + Род. — ВЛАДЕЛЕЦ РЕЗУЛЬТАТА

Итак, мы рассмотрели случаи вытеснения агенса из текущей ситуации. Наконец, рассмотрим случай, когда сама агентивная ситуация завершается, но референт агенса сохраняет связь с ее результатом: на интервале T_1 имела место агентивная ситуация P, на интервале T_2 имеет место ее результат R (обозначаемый страдательным причастием) — состояние. На интервале состояния референт агенса не может сохранять агентивного кодирования. В рамках ситуаций типа *Уроки сделаны; Экзамены сданы* агенс ситуаций типа *Я сделал уроки; Я сдал экзамен* может рассматриваться как посессор, так сказать, владелец результата, — и в таком случае референт агенса кодируется посессивной группой: *У меня уроки сделаны; У меня экзамены сданы* (в других языках так называемый посессивный тип перфекта может включать собственно посессивный глагол, ср. чешск. *Mám papsán dopis* ‘У меня письмо написано’ букв. ‘Имею письмо написанным’, ср. также англ. конструкцию «complex Object with passive participle» *I have a letter written*). При этом в фокусе может оказаться не сам результат, а те следствия, которые с ним связаны. Например, *У меня уроки сделаны* может означать, что вечер свободен, и можно идти гулять, — т. е. субъект «владеет» (может пользоваться) не только результатом, но и следствиями из него. «Владелец» результата может быть также пациентом предшествующей ситуации: *У меня прививки сделаны* (кто-то сделал прививки X-у, а не X сам себе сделал прививки); наконец, y + Род. может обозначать просто внешнего посессора (*У меня форточка открыта* — ‘моя форточка’; форточка могла быть открыта самим субъектом, другим лицом или даже открыться от ветра), — но нам важно зафиксировать, что посессивное кодирование допустимо, в том числе, для референта агенса предшествующей ситуации P.

ПРИМЕЧАНИЕ. Конструкцию обладания результатом необходимо отличать от предложений типа *У меня ФОРТОЧКА открыта; У меня об этом ДВЕ СТАТЬИ написаны*. Формально-синтаксически они похожи на «владение результатом», но произносятся с другой интонацией и имеют другую коммуникативную организацию: *У меня экзамены СДАНЫ* — ударение на сказуемом; *У меня ФОРТОЧКА открыта* — ударение на подлежащем. Высказывание с такой коммуникативной организацией может быть, например, ответом на вопрос «Почему у тебя холодно?»; в примере Т. Е. Янко *Тише, БАБУШКА спит* высказывание является объяснением, почему нельзя шуметь (см. [Янко 2001: 182–197]); аналогично: *Осторожно, у меня СТЕНА покрашена* (предостережение: ‘ты можешь испачкаться’) и т. п. Для таких конструкций связь с агентивной ситуацией не важна, поэтому ее может и не быть, ср.: *Я не могу нести чемодан, у меня РУКА болит* — это просто состояние, и не важно, в результате чего оно возникло.

Само по себе краткое страдательное причастие может иметь, как известно, разные значения, а именно: (а) значение акционального перфекта (события), — тогда агенс сохраняется и может быть выражен творительным, ср. *Магазин был*

открыт продавцом в 10 часов: Наконец, хоть и с большим трудом, дверь была открыта, (б) значение статального перфекта (состояния, в другой терминологии — результата), — и тогда агенс утрачивается, и его выражение невозможно (поскольку его нет в данном типе ситуации): *Дверь была открыта весь день, но никто не вошел*, — ср.: **Дверь была открыта хозяином весь день*.

При наличии посессивной группы *у меня* конструкция с кратким страдательным причастием не может выражать событие, т.е. не может иметь значение акционального перфекта: **После долгих усилий у меня дверь была открыта* (в значении ‘мною’), а имеет неагентивную интерпретацию (выражает состояние): *Сходи ко мне в номер за документами, у меня дверь открыта*.

Заключение

Итак, мы рассмотрели случаи посессивного кодирования субъекта в определенных типах ситуаций — мероприятиях с ослабленной агентивностью Р’ (*У меня тренировка*) и неагентивных ситуациях Q (*У меня суп варится / мотор не заводится*) или R (*У меня уроки сделаны*). При этом происходит понижение статуса агенса или даже «вытеснение» его из ситуации.

Центральным является случай, когда некоторая денотативная ситуация D (фрагмент внеязыковой реальности) может получать как агентивную (*Я варю суп / пытаюсь завести мотор*), так и неагентивную концептуализацию (*У меня суп варится / мотор не заводится*). К этой центральной структуре примыкают, с одной стороны, мероприятия как ситуации с ослабленной агентивностью, а с другой — результаты как ситуации с утраченной агентивностью (результат накапливается в рамках агентивной ситуации Р (т.е. на интервале действия), а затем существует в качестве состояния R на следующем временном интервале).

Говорящий может не акцентировать связь Р’, Q или R с агентивной ситуацией Р (не выражать референта агенса): *Сегодня тренировка; Суп еще варится; Мотор почему-то не заводится; Уроки сделаны — можно гулять*. Однако, в отличие от ситуаций типа *Сегодня мороз; Вода испаряется; Эта ткань не мнется; Ветка сломалась; Ветка сломана*, которые происходят стихийно, под воздействием случайных факторов, ситуации типа *Тренировка; Мотор не заводится* или *Уроки сделаны* всегда связаны с агентивной ситуацией Р и ее субъектом X-ом, поскольку сами предикаты этих ситуаций являются либо агентивными (*тренировка*), либо семантически производными от агентивных и в данных значениях сохраняют связь с агентивной ситуацией Р. Связь с агенсом из этих ситуаций неустраима, а если эта связь утрачивается, речь идет о другом значении предиката: например, фразы *Прогретый мотор завелся с полуоборота* [Е. Сухов]; *Мотор заводится с полуоборота* [«За рулем»] имплицитно означают ‘кто-то заводит мотор’, а предложение *Сергея начал заводиться с полуоборота* [А. Лукьянов] не предполагает, что есть агенс, который заводит Сергея (примеры из НКРЯ).

Поскольку связь с агенсом ситуации Р в ситуациях Р’, Q или R всегда присутствует, то, если говорящий хочет эту связь показать, участник X исходной ситуации

Р с ролью агенса должен «перейти» в ситуацию Р', Q или R в другом качестве. Стандартные способы выражения референта агенса здесь невозможны, поэтому говорящий должен прибегать к другим стратегиям.

Основными способами кодирования референта агенса ситуации Р в неагентивной ситуации, связанной с Р, в русском языке являются датив и посессивная группа. Датив, как упоминалось в начале данной работы, используется в тех случаях, когда в ситуации есть модальный компонент. В нашем материале используется другая стратегия неагентивного кодирования — посессивная группа.

Если в случае *У него крыша протекает* группа *у него* — это внешний посессор, не участвующий в описываемой ситуации, но связанный с одним из ее участников ('его крыша'), то в случае *У него суп варится / мотор не заводится* группа *у него* — это, так сказать, внешний агент, который не является участником данной ситуации, но связан с ней — причем тоже, в широком смысле, посессивными отношениями. Неудивительно, что «внешний агент» и внешний посессор кодируются в русском языке одним и тем же способом, — это весьма показательно и далеко не случайно, однако эту проблему мы рассмотрим в другой работе.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексикографический тип: интерпретационные глаголы // Языковая картина мира и системная лексикография. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: ЯСК, 2006. С. 145–160.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996. 468 с.

Богуславский И. М. Актантное поведение адвербиальных дериватов // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 110–128.

Гаврилова В. И. К вопросу о залоговом статусе возвратных сказуемых квазипассивных конструкций // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2014. №7. С. 16–32

Зельдович Г. М. Синтетический пассив совершенного вида на -ся: почему его почти нет? // Вопросы языкознания. 2010. №2. С. 3–36.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.

Кибрик А. Е. Внешний посессор в русском языке // Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. С. 307–319.

Кибрик и др. 2006 — *Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н.* Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. №1. С. 16–45.

Кустова Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 145–150.

Кустова Г. И. Семантическая разметка в электронных корпусах и электронных словарях // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2011». СПб., 2011. С. 234–242.

Кустова Г. И. Семантические механизмы формирования адвербиальных выражений на базе отглагольных существительных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2013». Вып. 12, т. 1. М., 2013. С. 392–406.

Летучий А. Б. Переходность // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. СПб: Нестор-История, 2016. С. 268–337.

Лютикова Е. А. Стратегии оформления аргументов в русской событийной номинализации и теория падежа // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.). М., 2016. С. 201–219.

Падучева Е. В. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.

Падучева Е. В. Актантная структура и диатеза отглагольного имени // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2010. № 6. С. 24–30.

Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Заметки о контроле // Р. М. Фрумкина (ред.). Речь: восприятие и семантика. М.: ИЯз АН СССР, 1988. С. 40–48.

Рахилина Е. В. Конструкция с дательным possessивным // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 289–308.

РГ 1980 — Русская грамматика / Под. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: ЯСК, 2001. С. 182–197.

Possessive and Beyond: Semantics and Syntax / Ed. by Kim J., Lander Yu.A., Partee V. H. GLSA Publications, Amherst, Mass., USA, 2004. 439 p.

Galina I. Kustova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
galinak03@gmail.com*

A CODING STRATEGY FOR NON-AGENTIVE SUBJECTS

An agentive situation P can be associated with a non-agentive situation (cf. the action $P \rightarrow$ the result R) or can have a non-agentive conceptualization Q (P') if unfavorable (less often — favorable) factors influence its implementation. In this case, the referent of the agent of the situation P has non-agent coding in the situation P', Q or R. One coding strategy is a possessive group «*u* + Gen.»: (1) P' — event (situation with weakened agency): *U menya repeticiya* ('I have a rehearsal'; P = *Ya repetiruyu* 'I rehearse');

(2) Q — non-inactive conceptualization of the situation P: *U menya sup varitsya / svarilsya* ('I have soup cooked'; P = *Ya varyu sup* 'I cook soup'); *U menya motor ne zavoditsya* ('My motor will not start'; P = *Ya ne mogu zavesti motor* 'I cannot start the motor'); (3) R is the result of an agentive situation P: *U menya uroki sdelany* ('I have done my lessons'; P = *Ya sdelał uroki* 'I did my homework').

Keywords: Agent, Possessor, control, non-agentive conceptualization.

References

Apresjan Yu.D. [Lexicographic Type: Interpretative Verbs]. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic picture of the world and systemic lexicography]. Ed. by Yu. D. Apresjan. Moscow, 2006, pp. 145–160. (In Russ.)

Boguslavsky I.M. *Sfera dejstviya leksicheskikh edinic* [The Scope of lexical units]. Moscow, 1996. 468 p. (In Russ.)

Boguslavskij I.M. Argument behavior of adverbial derivatives [Aktantnoe povedenie adverbial'nyh derivatov]. *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst* [Dynamic models: Word. Sentence. Text]. Moscow, 2008, pp. 110–128. (In Russ.)

Gavrilova V.I. [On voice status of reflexive predicates in quasipassive constructions]. *Nauchno-tehnicheskaja informatsija. Ser. 2. Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and Technical Information. Series 2. Information processes and systems]. 2014, no. 6, pp. 16–32. (In Russ.)

Zel'dovich G.M. [The synthetic passive of perfective aspect with -sya: why is it almost absent?]. *Voprosy yazykoznanija*, 2010, no. 2, p. 3–36. (In Russ.)

Zolotova G.A. *Sintaksicheskij slovar': Repertuar elementarnyh edinic russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow, «Nauka» Publ., 1988. 440 p. (In Russ.)

Kibrik A.E. [External possessor in Russian]. *Konstanty i peremennye yazyka* [Constants and variables in language]. St. Petersburg, 2003, pp. 307–319. (In Russ.)

Kibrik et al. — Kibrik A.E., Brykina M.M., Leontyev A.P., Khitrov A.N. [Russian possessive constructions in corpus-statistical research]. *Voprosy yazykoznanija*, 2006, no. 1, pp. 16–45. (In Russ.)

Kustova G.I. [Some problems of analysis of actions in terms of control]. *Logicheskij analiz yazyka. Modeli dejstviya* [Logical analysis of language. Action models]. Moscow, «Nauka» Publ., 1992, p. 145–150. (In Russ.)

Kustova G.I. [Semantic markup in electronic corpuses and electronic dictionaries]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Korpusnaya lingvistika–2011»* [Proceedings of the International Conference «Corpus Linguistics — 2011»]. St. Petersburg, 2003, pp. 234–242. (In Russ.)

Kustova G.I. [Adverbial expressions based on verbal nouns]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2013»* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference. Issue 12 (19), vol. 1]. Moscow, RGGU Publ., 2013, pp. 392–406. (In Russ.)

Letuchij A. B. [Transitivity]. *Materialy k korpusnoj grammatike russkogo yazyka. Glagol. Chast' I* [Materials for the corpus grammar of the Russian language. Verb. Part I]. St. Petersburg, 2016, pp. 268–337. (In Russ.)

Lyutikova E. A. Argument Encoding in Russian Event Nominals and Case Theory. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 10. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Grammaticheskie processy i sistemy v sinhronii i diahronii» (30 maya — 1 iyunya 2016 g.)* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 2016, No. 10. Materials of International Scientific Conference «Grammatical Processes and Systems in Synchrony and in Diachrony» (May 30 — June 1, 2016)]. Moscow, 2016, pp. 201–219. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Causative verbs and decausatives in Russian]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2001, no. 1, pp. 52–79. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Argument structure and diathesis of nominalizations]. *Nauchno-tehnicheskaja informatsija. Ser. 2. Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and Technical Information. Series 2. Information processes and systems]. 2010, no. 6, pp. 24–30. (In Russ.)

Plungyan V. A., Rahilina E. V. Notes on control. *Rech': vospriyatie i semantika (Red. R. M. Frumkina)* [Speech: perception and Semantics. Ed. by Frumkina R. M.]. Moscow, 1988, pp. 40–48. (In Russ.)

Rakhilina E. V. [Constructions with possessive dative]. *Lingvistika konstrukcij / Otv. red. Rahilina E. V.* [Constructions Linguistics / Ed. by Rahilina E. V.]. Moscow, 2010, pp. 289–308. (In Russ.)

Russkaya grammatika / Pod. red. Shvedovoj N. Yu. [Russian grammar. Ed. by Shvedova N. Yu.]. Moscow, «Nauka» Publ., 1980. Vol. 2. 709 p. (In Russ.)

Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoj rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow, 2001, pp. 182–197. (In Russ.)

Possessive and Beyond: Semantics and Syntax / Ed. by Kim J., Lander Yu. A., Par-tee B. H. GLSA Publications, Amherst, Mass., USA, 2004. 439 p.

Е. М. Лазуткина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

lazutkelena@yandex.ru

СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ КЛАСС ГЛАГОЛОВ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ИСЧИСЛЕНИЕ

В статье определяются синтагматические свойства глаголов посредством исследования семантики моделей предложения, выявляются парадигматические отношения в лексике и грамматике. Автор определяет синтагматический класс глаголов как функционально-семантическую категорию и как базовый концепт.

Для обнаружения моделей глагольных предложений, описания их семантики, деривационных связей и внутримодельных модификаций используется метод моделирования: создается мыслительный конструкт сигнификативного ядра предложений. В статье показывается методологическая ценность понятия “синтаксическая позиция формы слова”. Описываются два типа синтагматических классов — синтагматический класс событийных глаголов локально направленного действия и класс бытийных акциональных глаголов.

Композиционная семантика моделей предложений и их деривационные отношения позволяют обнаружить в определенных морфологических формах в определенных синтаксических позициях макросемантические разряды имен, которые являются способом представления базовых концептов. Выявлена следующая особенность: формы ед. ч. в именит. или творит. пад. вещественных или отвлеченных существительных в синтаксической позиции с пропозитивным значением функционально тождественны формам мн. ч. конкретных существительных. Они обозначают несчитаемое множество, единое целое, массив, т. е. представляют концепт «множество» как «недискретное множество (континуум)».

Структура синтагматического класса глаголов локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту охвата объекта, соответствует определению нечеткого множества.

Синтагматический класс акциональных бытийных глаголов представляет собой периферию поля бытийных предикатов. Модели предложений могут быть обнаружены по константному набору семантических компонентов. Строение моделей обусловлено наличием модусного плана субъекта речи: информация о действии

трактуется как положение дел, факт. Денотативный план, названный конкретной глагольной лексемой, включен в бытийный смысл пропозиции; в моделях обратный порядок слов.

Ключевые слова: теория синтаксиса, синтагматика и парадигматика, синтагматический класс глаголов, концептуальный анализ.

Было бы заблуждением думать, будто существует какой-то бесплотный синтаксис вне этих распределенных в пространстве материальных единиц.

Ф. де Соссюр

I. Законы синтаксической организации речи — центральная проблема в языкознании

Исследование синтагматики входит в число проблем общей теории языка, поскольку синтаксические закономерности — это способы проявления парадигматических отношений в системе и способы репрезентации концептов. Подчеркивая неочевидность парадигматических отношений, Ф. де Соссюр называет их «виртуальным мнемоническим рядом» [Соссюр 1977: 155]. Скрытый характер парадигматических связей имел в виду А. А. Потебня, когда утверждал, что «связь между отдельными явлениями языка гораздо теснее, чем кажется» [Потебня 1958: 45], «мы умеем читать лишь самые грубые указания на родство явлений» [Там же: 62].

Особая роль в линейной организации речи принадлежит глаголу. Его конструктивные свойства — постоянный предмет интереса ученых, начиная от Аристотеля. Ср.: «Глагол — душа предложения <...> ему акт синтетического укладывания присущ как грамматическая функция» [Добиаш 1898: 40]. Как правило, в своем поиске синтаксической общности глаголов исследователи обращались к группам семантически близких глаголов, рассматривая их дистрибуцию, но синтаксически значимые семы, отражающие глубинную содержательную сущность глагольных лексем, отнюдь не всегда зависят от доминантной семы близких по значению глаголов. Синтаксически релевантные семы могут проявиться на более абстрактном, дискурсном уровне — на уровне синтаксиса предложения и парадигматики предложений, где становятся очевидны условия появления этих глаголов в речи. Некой аналогией может служить принцип соотношения фонетических и морфологических единиц: «на конкретном уровне — класс как множество, на абстрактном уровне — класс как целое» [Степанов 1998: 57–59].

Традиционно, начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, в связи с проблемами синтагматики разрабатывается тема «категория падежа». Понятия «падеж», «форма слова», «словоформа» являются средствами выражения синтаксической зависимости и средствами обозначения смысловых отношений в структуре предложения. *Форма слова* — это отвлеченный грамматический образец, а *словоформа* — это видоизменение по этому образцу конкретной лексики [Русская

грамматика 1980, II: 24]; например: *Вижу березу*. Категории падежа посвящена и работа А. А. Зализняка «О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях». А. А. Зализняк рассматривает падеж в семантическом и формальном аспекте. Он пишет: «Падежу в семантическом понимании соответствует вводимое ниже понятие “семантическая роль” <...> Конкретный падеж в семантическом понимании — это некоторый элемент смысла, а именно, определенное смысловое отношение» [Зализняк 1973: 56]. К изучению сущности этой морфологической категории обращается Ю. С. Степанов: «Первичная семантическая (точнее, семиологическая) функция каждого падежа не может быть определена в рамках одного отдельно взятого предложения или типа предложений. Она определяется в минимальной системе перифраз или, в отдельных случаях, трансформаций» [Степанов 1989: 136–137].

В исследованиях по синтагматики целесообразно применение когнитивно-прагматического подхода, при котором происходит описание языка в модальности субъекта речи. «Работа» языка предстает как действие системных прагматических механизмов, вобравших в себя исторический опыт вербальной коммуникации.

Оценка, присутствующая в замысле говорящего, выступает как облигаторный строевой компонент предложения. Ср.: «Высказывания без оценки не построишь. Каждое высказывание есть прежде всего оценивающая ориентация»; «Оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1996: 303–323]. «К человеческому сознанию следует подходить не только как к знанию, но и как к отношению» [Мигунов 1986: 91]. В. В. Виноградов считал, что модальность — это языковая универсалия, основная семантическая категория языка. «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение» [Виноградов 1975: 55]. С этим согласуется заключение Дж. Сёрля о необходимости описывать язык в терминах интенциональности [Searle 1983]. Типы оценок описываются как модусы высказываний. Н. Н. Болдырев вводит понятия «модусные концепты» и «модусные категории» [Болдырев 2018: 264].

Такое направление работ было задано уже учением Ф. И. Буслаева о существовании логики самого языка, его мыслью «соединения языкознания с философией языка». В XXI веке можно говорить о трансфере известных лингвистических постулатов, об экспорте металингвистики в такие смежные науки, как новая эпистемология гуманитарного знания и психолингвистика, которые акцентируют роль диалоговой основы языка, личности говорящего и мира адресата.

В качестве исходного мы принимаем тезис, что естественная категоризация действительности отражается в построении предложений, что схемы (модели) предложений, как устойчивые коммуникативные образцы, предопределены интерпретативными процессами. Модели предложений обнаруживают эпистемическую оценку, социальные и культурологические предпочтения носителей языка, т. е. демонстрируют способ видения коллективного говорящего, его импликатуры, которые считываются адресатом в актах общения.

Синтагматический класс глаголов — это функционально-семантическая категория глаголов-предикатов, определяющая валентностные свойства глагола,

композиционную семантику моделей предложений, направление развития полисемии, межмодельные и внутримодельные деривационные процессы. Эта категория объединяет глагольные слова разных лексико-семантических групп.

Синтагматический класс глаголов — это *языковая категория*, имеющая формы своего представления, и в то же время, феномен онтологии языка, *базовый концепт*. Структура этого концепта сложная, потому что, помимо преддицирующего компонента, включает «участников события», исполняющих свои роли, в зависимости от ракурса отображения события в речевой практике. Естественно, что в интерпретативных процессах вырабатываются когнитивные категории, которые могут иметь не только номинативный характер, но могут обладать и линейно расчлененной структурой. См., например, концепты «субъект и его признак», «активно действующий субъект» [Попова 2009].

Грамматическую категорию определяют как ряд форм, объединенных со стороны значения [Пешковский 2001: 89–90; Кручинина 2009: 13–16], или, в другой формулировке, как обобщенное (родовое) значение существующей в данном языке системы форм, или «рядов форм» [Бондарко 2017: 52].

Для синтаксиса представляется ценным опыт разработки теории категориальных значений в морфологии и изучение вопроса о тождестве грамматического значения. В этих исследованиях выявлены разные виды грамматических категорий, разнообразные типы категориальных значений, подчеркнута неравноправность членов морфологических корреляций: выделены прямые, производные, частные, общие, дробные, конкретные, узкие, специальные, скрытые, беспризнаковые и нулевые категориальные значения. См. об этом: [Кручинина 2009: 5–14].

Для выявления категориального значения следует использовать общий принцип подведения под категорию Л. В. Щербы, в соответствии с которым обязательный начальный этап работы — это формулировка предположения, выдвижение гипотезы. К методу эксперимента Л. В. Щербы восходит гипотетико-дедуктивный метод исследования семантики языковых единиц (метод моделирования), который описывается в ряде работ [Степанов 1975: 118; Селиверстова 1976: 133–143].

В нашем исследовании выдвижение гипотезы — это построение мыслительного конструкта (модели) сигнификативного ядра моделей глагольных предложений. Класс глаголов с одинаковыми синтаксически релевантными семами может быть исчислен в случае обнаружения константного значения у максимально большого количества моделей предложений.

Главным инструментом анализа семантики модели предложения и ее парадигматических связей является понятие *синтаксической позиции формы слова*, введенное в теорию синтаксиса Т. П. Ломтевым и названное им главной единицей смысловой организации предложения. Понятие “синтаксическая позиция” раскрывает значимость формы слова (ее “реляционные свойства”) в модели предложения: «В понятии позиции грамматической формы выражается характер ее зависимости от других форм внутри простого предложения, в нем подчеркивается свойство, связанное с тем, членом какого отношения является данная грамматическая форма» [Ломтев 1960: 22]. Функция формы слова реализуется в ансамбле с функциями

других средств. «Функции каждой из единиц по существу приходится восстанавливать» [Бондарко 2011: 207].

Синтаксическая позиция имеет более отвлеченные семантические признаки, чем известные категориальные разряды существительных, занимающих эти позиции. Это понятие показывает, что модель предложения связана с миром знания через содержательные структуры языка более высокой степени абстракции, нежели значение слова, — посредством отнесенности форм слов особой категориальной семантики в особой синтаксической позиции к определенному макросемантическому разряду лексики, а значит, к когнитивной категории, к базовому концепту. Кореферентность синтаксических позиций в соотносительных моделях предложений выявляет концептуальную сущность форм слов.

Для демонстрации этого метода исследования глагольной синтагматики благодатным материалом является разряд семантически емких *событийных глаголов*, которые обозначают переход пациенса из одного состояния в другое (безотносительно противопоставления их по виду). Структура значений событийных глаголов обязательно включает отрицательный компонент [Daneš 1971: 197–207; Daneš, Hlavsa a kol. 1981; Лазуткина 1980: 49–56]. Об исследованиях семантики событийных глаголах см. также: [Демьянков 1983: 324].

Если функционально-семантическая категория предиката «диатеза» имеет в своей основе корреляцию предложений с гомоморфными глаголами, то категория «синтагматический класс» принадлежит к более сложному типу базовых концептов: эта категория объединяет не только гомоморфные глаголы, но и глаголы разных лексико-семантических групп.

Рассмотрим два синтагматических класса: 1) класс событийных глаголов локально направленного действия с семой полноты заполнения, охвата; например: *Пронизала вершины дерев желто-бархатным светом заря* (А. Белый); *Он подпер камешком струю воды, и она тихо щебетала над его ухом* (П. Павленко); и 2) класс акциональных глаголов с бытийной семой: *В разведке добылась ценная информация; До села доносился гул тракторов*.

II. Синтагматический класс событийных глаголов локально направленного действия

Мыслительный конструкт (модель) сигнификативного ядра предложений с событийными глаголами локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту охвата объекта (окружения, заполнения, пропитывания и т. п.), строится на основе модели предложения с двухвалентными каузативами; например: *Дамы увешивали грудь и шею бриллиантами, а любители считать чужие богатства вычисляли их стоимость* (К. С. Станиславский). Мыслительный конструкт состоит из следующих компонентов: *предикат*, *объект* (конкретное существительное в винит. пад. со знач. места локализации, облигаторный член предложения), *субъект действия и адъект* (средство воздействия, названное словоформой в твор. пад., локализуемая субстанция; облигаторный член предложения).

Эксплицитность выраженности всех «участников» события заставляет нас считать модель с двухвалентным глаголом исходной в деривационной цепи (вспомним указание Л. В. Щербы «разыскивать», какая категория навязывается самой языковой системой [Щербы 1974: 80]).

Данное сигнификативное ядро предложений было обнаружено у 1400 глаголов, принадлежащих 11 лексико-семантическим группам. Композиционная семантика предложений с этими глаголами и деривационные связи моделей предложений позволяют объединить эти глаголы в один синтагматический класс глаголов **локально направленного действия**, имеющего своим следствием полноту заполнения (охвата, окружения, проникновения и т. п.) объекта. Межмодельные деривации и внутримодельные модификации предложений демонстрируют разные типы функционального приспособления структуры для сохранения семантики ядра, разные способы существования компонентов модели: в качестве формы имени существительного, нулевого члена (подразумеваемого или обобщенного средства воздействия) или инкорпорированного члена (названного глагольной лексемой); например: *Надо **перегородить** проход (чем-то). Дорогу опять **асфальтируют**; Девушка **надушилась**; Ветки **заиндевели**; Губы **обметало** (лихорадкой).*

Синтагматический класс глаголов локально направленного действия показывает свою структуру в парадигматической системе языка следующим направлением развития деривационных связей моделей предложений.

1) Исходная модель — с двухвалентным каузативным глаголом — с семантикой “локально направленное действие, имеющее своим следствием полноту охвата (заполнения и т. п.) объекта средством воздействия”: *Мы **окружили** дом сиренью. Мама **пропитывала** коржи кремом.* Эту модель можно использовать как перифразу при толковании других моделей.

2) Производная модель — с атокаузативом: *Я **покрылась** шалью; Ребенок **облился** кефиром.*

3) Вторая производная модель представляет собой деривацию **декаузации** от исходной модели (направление развития полисемии — от двухвалентного глагола к одновалентному [Лазуткина 1988: 110]). Ср.: *Мы **окружили** дом сиренью — Дети **окружили** тренера. Мы **заняли** всю посуду молоком — Аромат дыни **занял** все комнаты.*

Семантика схемы: “направленное на объект действие субстанции, способной к самостоятельному перемещению, имеющее своим следствием пространственную смежность с объектом”. Имя в субъектной позиции берет на себя роль производителя действия и средства воздействия (каузатора), соединяет обе синтаксические функции. Имена существительные в этой позиции входят в макросемантический разряд «субстанция, способная к самостоятельному перемещению». Таким образом, субъектная позиция является способом репрезентации базового концепта.

Имена существительные в этой позиции имеют маркеры ‘определенность’, ‘множественность’ и обнаруживают такую закономерность в грамматической семантике русского языка: формы **ед. ч.** вещественных или отвлеченных существительных *синонимичны* формам **мн. ч.** конкретных существительных. Они могут

выполнять одну и ту же функцию, поскольку обозначают несчитаемое множество, единое целое, массив, т. е. представляют концепт «множество» как «недискретное множество (континуум)».

4) Дериват модели с одновалентным глаголом имеет значение “изменение состояния субъекта, являющегося объектом действия, имеющего своим следствием пространственную смежность объекта и средства воздействия (каузатора)”. В модели обратный порядок слов. Предложения представляют собой утверждение о событии, но чаще это результативные конструкции, сообщающие о положении дел; например: *Комнату окутывает дым. Лодку захлестнула волна.*

Эта производная модель представляет интерес в аспекте лингвокультурологии и философии языка как системная метафора на основе архисемы ‘полнота заполнения, охвата’, поскольку эту модель использует для своей репрезентации концепт «изменение состояния человека под действием стихийных сил, мыслей, чувств». Носители языка трактуют процессы в эмоциональной и интеллектуальной сфере человека по аналогии с процессами во внешней среде. Строение модели предложения говорит о том, что для говорящих на русском языке важно сделать именно человека темой высказывания, даже если его статус — объект воздействия. Модель предложения передает стихийный характер действия. Названия явлений природы, чувств и мыслей, охватывающих человека, хотя выполняют функцию подлежащего, занимают периферийную позицию каузатора в предложении. Ср.: *От радости ходить по земле охватывает его душу ветерок счастья...* (Ю. Бондарев); *Меня захватила жажда новых открытий; Его пронзила сырость.*

5) Модель безличного предложения представляет собой дериват исходной модели. Обратный порядок слов свидетельствует об утверждении говорящих, что объект действия (место) — это субъект, изменяющий (или изменивший) свое состояние. Позиция стихийного каузатора — в творит. пад. на периферии предложения; она может быть нулевой; например: *Солнце закрывает тучами; Горло обложило; Дорогу заснежило.*

6) Производная модель “непроизвольное изменение состояния субъекта под воздействием стихийного каузатора” организуется глаголами с постфиксом *-ся*. Обозначается неконтролируемое стихийное событие локализации; субъектная словоформа в им. п. называет предмет, изменяющий свое состояние в результате воздействия локализующейся субстанции; например: *Борщ взялся жиром; Корка заплесневела* (инкорпорированный компонент); *Свечи оплывали в канделябрах* (подразумеваемый компонент).

III. Структура синтагматического класса в синхронии и диахронии.

По своей организации синтагматический класс представляет собой нечеткое (расплывчатое) множество, по терминологии Л. Заде и Р. Лакоффа. Не каждый глагол этого класса организует все модели предложений рассмотренной деривационной сети. Во-первых, не все ракурсы локально направленного действия могут быть

названы конкретной глагольной лексемой; во-вторых, свои ограничения накладывает словообразовательная система.

И. С. Улуханов подчеркивает строгое соответствие синтаксического поведения глаголов и их словообразовательной деривации: «Мотивирующий глагол сильно управляет вин. беспредложным, префиксальный глагол имеет двойное сильное беспредложное управление — вин. и тв. п., причем в форме тв. п. стоит то имя, которое занимает позицию сильноуправляемого вин. п. при мотивирующем глаголе. Это соотношение имеет место у словообразовательных типов с префиксами *вы-*: *плести косы на голове — выплести косами голову*; *до-*: *лить что-н. во что-н. — долить что-н. чем-н.*; *за-*: *ставить что-н. на что-н. — заставить что-н. чем-н.*; *из-*: *рисовать что-н. на чем-н. — изрисовать что-н. чем-н.*; *о-*: *сыпать что-н. на что-н. — осыпать что-н. чем-н.*; *об-*: *лить что-н. на что-н. — облить кого-что-н. чем-н.*; *от-*: *дарить что-н. кому-н. — отдарить кого-н. чем-н.*; *пере-*: *сыпать что-н. на что-н. — пересыпать что-н. чем-н.*; *у-*: *вешать что-н. на что-н. — увешать что-н. чем-н.*» [Улуханов 2017: 227–228].

Весь набор диатез присущ только глаголам с наиболее общим значением, например: *заполнять, покрывать, заливать, захватывать*. См.: *Мороз покрывает лужи тонким ледком — Тонкий ледок начал покрывать лужи — Лужи начал покрывать тонкий ледок — Лужи начало покрывать тонким ледком — Лужи начали покрываться тонким ледком*.

Конструкции с глаголами, имеющими конкретное, узкое значение, как правило, представляют собой лишь отдельные участки деривационной сети; например: *Лужа взялась коркой льда. Повар обдал кастрюлю кипятком. Тишину пронзил резкий звук*; менее частотный вариант: *Трубоч пронзил тишину резким звуком*.

Попытка построить другие предложения с гомоморфными глаголами приводит к нарушению языковой нормы. Ср. невозможность следующих активных конструкций: **Корка льда взяла лужу, *Лужу взяло коркой льда. *Кипяток обдал кастрюлю; *Кастрюлю обдало кипятком; *Кастрюля обдалась кипятком. *Тишина пронзилась резким звуком*.

Кроме того, системные связи глаголов в каждый исторический период существования языка имеют свою специфику, поэтому состав класса может изменяться. Этот аспект языковых процессов представляет интерес для интерпретативной лингвистики и лингвокультурологии.

По сравнению с речевой практикой XIX века в современном русском языке увеличилось число синтаксических моделей, в которых имеет место тематизация названия человека, несмотря на его пассивную роль в описываемом процессе. Это свидетельствует об интересе к человеку в современном речевом общении. Соответственно, уменьшается количество безличных конструкций, описывающих неконтролируемые процессы, и моделей, в которых имеет место тематизация предметной лексики при обозначении процессов, происходящих с человеком.

Так, например, каузативный глагол *обрасти*, еще недавно употреблялся в значении «распространиться по всей поверхности, вокруг» с сильноуправляемым компонентом в винит. пад. (*обрасти что*); например: *Борода и усы обросли нижнейю*

часть лица [Пьера] (Л. Толстой); *Грязно-серая борода обросла его лицо от глаз до шеи* (М. Горький). Но в настоящее время носители языка делают темой своих высказываний человека и отказывают стихийному каузатору (*волосы, борода, щетина*) в статусе субъекта действия в позиции подлежащего, предоставляя ему периферийную позицию — позицию творит. пад.; например, *обрасти волосами, бородой, щетиной*. Как слабые каузаторы, эти формы имеют более низкий коммуникативный статус и становятся менее обязательными. Их значение аккумулярировалось глагольное слово, поэтому они могут отсутствовать.

Не употребляется в настоящее время автокаузатив *окружиться*: *Он, окружась толпой врачей, На ложе мнимого мученья Стоная молит исцеленья* (Пушкин).

Глагол *заступить* также изменил свои синтаксические свойства. Ср. узуальные употребления этого глагола в XIX веке как двухвалентного каузатива с семой «полнота заполнения объекта», синонима двухвалентного глагола «закрывать» (*что-н. чем-н.*) и как одновалентного каузативного глагола (*что*): *Опустивши мешок, они [ткач и кум] заступили его собою и закрыли полами...* (Н. Гоголь); *Загорецкий заступил место Скалозуба* (А.С. Грибоедов). В современном употреблении этот глагол встречается в устойчивых выражениях, в которых прослеживается более тесная связь его с классом глаголов движения-перемещения: *заступил за черту; заступил на вахту, на дежурство*.

Следующие два глагола стали стативами, в современном языке они обозначают локальные отношения: *застить* и *облегать* (об одежде); например: *...розовый свитер плотно облегает фигуру, коричневые брюки чуть прикрывают каблук* (Е. Касасонова); — *Сейчас прочитаю [письмо], отойди-ка немного от света, а то застийшь* (А. Гайдар); *Вскочил я сгоряча, пробег сажень пятнадцать, а кровь глаза застит и кругом-кругом из-под ног катится земля* (М. Шолохов).

IV. Синтагматический класс бытийных предложений.

Типы предложений, организуемые акциональными глаголами с экзистенциальным компонентом значения

Категория экзистенции находит разнообразные способы своего представления, в том числе в предложениях с акциональными глаголами. Это «сущностная» категория, которой Аристотель придавал особый статус.

Если модели предложения с событийными глаголами локально направленного действия реалистично, подробно, описывают разные ракурсы события, то строение всех семантических типов моделей предложений с акциональными бытийными глаголами обусловлено наличием модусного плана субъекта речи: информация преподносится в качестве положения дел, факта. Денотативный план, названный конкретной глагольной лексемой, включен в смысл пропозиции. Утверждение говорящего об экзистенции проявляется, прежде всего, в системно закреплённом обратном порядке слов в модели предложения. Ср. заключение Н.Д. Арутюновой: «Когнитивный цикл развивается от восприятия к знанию» [Арутюнова 1988: 112].

Н. Д. Арутюнова выделяет «семантические составляющие» бытийных предложений, которые она называет «заранее заданным комплексом признаков»: «(1) область бытования (локализатор) — пространственный или временной параметр, (2) показатель существования (глагол), (3) бытующий предмет» [Арутюнова 1999: 742].

а) Конструкции с количественной характеристикой, с накопительным компонентом в глагольном значении.

Модели предложений с экзистенциальным компонентом в значении акционального глагола СВ в форме прош. вр. существуют в языке в двух ипостасях: с препозицией обстоятельственной словоформы со значением места или без этой словоформы (с нулевым членом модели); например: *В дом набежало народу / В дом набежал народ / Набежало народу; В избу набились ребятишки / Набились ребятишки; Под куртку напоззли муравьи / Напоззли муравьи.*

б) Предложения с глаголами явления, возникновения. В таких предложениях нередко присутствует темпоральный указатель или он подразумевается; например: *В клубе даётся сеанс одновременной игры в шахматы; На коже делаются пятна; Приближалась довольно скучная пора — Стоял ноябрь уж у двора* (Пушкин); *В народе удержались (не исчезли) старые обычаи; У него завелись деньги; Куда девалась моя книжка?*

в) Предложения наличия, положения в пространстве. В группе стативные и процессуальные глаголы. Формы 1-го и 2-го лица глагола не употребляются.

Над ним довлеет страх; В пейзаже доминируют золотистые цвета.

Глаголы самопроизвольного движения редуцируют сему акциональности и актуализируют сему бытийности; например, о текучей массе: *быть, течь (откуда, куда, по чему). С гор движутся сель, грязевые потоки; Течет лавина, лава.*

г) Бытийные предложения с отрицанием при глаголе, имеющие положительный смысл. С категориями «Бытие», «Наличие», «Обладание» взаимодействует концепт «Ассерция — Негация» как оператор при речеобразовании. Речь идет о системно закреплённом экспрессивном способе выражения утверждения. Происходит «лексикализация» отрицания; например: *Старуха его работа санитаркой в больнице, поэтому спирт у них никогда не переводился* (С. Соколов); *Пускай говорит. От его слов тебя не убудет!* (А. Островский); *Улыбка не сходила с его лица; Вчерашний случай не идет из головы.*

д) К бытийному типу предложений близки **соматические речения** с указанием субъекта оценки, изменения состояния или с подразумеваемым субъектом восприятия, что обуславливает фразеологизацию остальной части предложения. Они обычно обозначают неконтролируемые процессы, происходящие в человеке и с человеком как с физическим телом и вместилищем интеллектуальных и психических процессов.

Эти предложения сообщают о положении дел, подлежащее и сказуемое выступают как единый комплекс с характеризующим значением. Модус говорящего может сливаться с модусом называемого в предложении субъекта состояния. Ср.: *У Павла ёкнуло сердце, но сгоряча он не захотел спрашивать, что это за указание*

(В. Белов); *При мысли о дочери остро kleшило сердце* (О. В. Богомолов); *У Тимофея перехватило горло, но он пересилил себя* (Б. Екимов); *И только душу захлестнуло Сребристой мглой из-под подков* (А. Блок).

е) **Предложения, организованные глаголами восприятия.** Н. Д. Арутюнова относит их к «пограничным» случаям бытийности: «На границе между бытийными и субъектно-предикатными структурами расположена обширная область предложений с глаголами восприятия и воспринимаемых признаков (*синеть, блеснуть*), явления, положения в пространстве и именем неопределенной референции» [Арутюнова 1999: 790]. Ср.: *До деревни докатились раскаты грома; Под елью виднелись лисички; Из-за реки донеслась песня; Тень от меловой горы сюда не достигала, и весь берег заливала луна* (М. Булгаков).

V. Выводы

Синтагматический класс глаголов — это функционально-семантическая категория глаголов, способ репрезентации которой — модель предложения или дери-вационная сеть моделей предложений, которая имеет структуру нечеткого множества. Рассмотренные синтагматические классы глаголов являются базовыми концептами. Макросемантические разряды имен существительных в определенных синтаксических позициях также представляют следующие сложные концепты: «множество-континуум», «субстанция, способная к самостоятельному перемещению», «чувства, мысли, явления природы как стихийные силы».

Структура синтагматических классов глаголов делает очевидными парадигматические отношения в языковой системе как на лексическом уровне, так и на уровне синтаксиса глагольного предложения.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Арутюнова Н. Д. Бытийные предложения в современном русском языке // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры. 1999. С. 737–792.
- Бахтин М. М. Полн. собр. соч. Т. 6. М.: 1996. С. 303–323.
- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. Дом ЯСК, 2018. 480 с.
- Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: ЯСК, 2011. 518 с.
- Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М.: ЯСК, 2017. 336 с.
- Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука. 1975. 560 с. С. 53–87.
- Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329.

Добиаи А. В. Опыт частей речи и их форм на почве греческого языка // Известия историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, т.16. Нежин, 1898. 544 с.

Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. Часть I. // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. 261 с.

Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 212 с.

Лазуткина Е. М. Событийные глаголы в аспекте их синтаксических свойств // Филологические науки. 1980. № 3.

Лазуткина Е. М. К проблеме разграничения первичных и вторичных глагольных значений // Словарные категории. М.: Наука, 1988. С. 109–111.

Ломтев Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. 1960. № 4. С. 15–28.

Мигунов А. С. Искусство и наука: о некоторых тенденциях к сближению и взаимодействию // Вопросы философии. 1986. № 7. С. 91–97.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8-е. М., 2001. 544 с.

Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж, 2009. 210 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958. 536 с.

Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Селиверстова О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1976. 380 с.

Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 313 с.

Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 284 с.

Степанов Ю. С. Семантика — Синтактика — Прагматика // Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 175–476.

Улуханов И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Том II.: Глаголы, мотивированные глаголами. М.: Азбуковник, 2017. 432 с.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: 1974. 427 с.

Daneš F. Pokus o strukturní analýzu významů českého slovesá // Slovo a slovesnost. Praha: 1971. № 3. S. 197–207.

Daneš F., Hlavsa Z. a kol. Větné vzorce v češtině. Praha, 1981. 272 s.

Searle J. Intentionality. Cambridge University Press. 1983.

Elena M. Lazutkina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

lazutkelena@yandex.ru

SYNTAGMATIC CLASS OF VERBS: DEFINITION AND CALCULATION

The author describes the syntagmatic properties of verbs and reveals paradigmatic relationships in vocabulary and grammar. In the article, the syntagmatic class of verbs is defined as a functional-semantic category and as a basic concept. To identify the derivational connections of verb phrases, a model of the significative core of sentences is used. The article shows the methodological value of the concept of the “syntactic position of word forms”.

The article contains a description of two syntagmatic classes of verbs: the syntagmatic class of event verbs of locally directed action and the class of existential action verbs.

The following feature of the grammatical semantics of the Russian language is expounded: singular forms of material or abstract nouns in the nominative case or in the instrumental case in a syntactic position with an abstract meaning are functionally identical to the plural forms of certain nouns. They denote an uncountable set, a single whole, an array — that is, they represent the concept of «set» as a «non-discrete set (continuum).» The structure of the syntagmatic class of locally directed verbs can be characterized as a fuzzy set.

The syntagmatic class of existential action verbs represents the periphery of the field of existential predicates. Sentence patterns can be discovered using a constant set of semantic components. The structure of the models is due to the presence of the modus plan of the subject of speech: information about the action is interpreted as a state of affairs, a fact. The denotative plan, called a specific verbal lexeme, is included in the existential meaning of the proposition; in models, the reverse word order is.

Keywords: theory of syntax, syntagmatics and paradigmatics, syntagmatic class of verbs, conceptual analysis.

References

Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt.* [Types of language meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow, «Nauka» Publ., 1988. 341 p. (In Russ.)

Arutyunova N. D. [Existential sentences in modern Russian]. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka.* [Language and the world of man]. Moscow, «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., 1999, pp. 737–792. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Poln. sobr. soch.* [Complete Edition of Works]. T. 6. Moscow, 1996, pp. 303–323. (In Russ.)

Boldyrev N.N. *Yazyk i sistema znanii. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and knowledge system. The cognitive theory of language]. Moscow, «YaSK» Publ., 2018. 480 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki*. [Categorization in a grammar system]. Moscow, «Yazyki slavyanskikh kul'tur» Publ., 2011. 518 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki*. [Verbal categories in the system of functional grammar]. 2-e izd. Moscow, «YaSK» Publ., 2017. 336 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. [About the modality category and modal words]. Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected Works. Studies in Russian grammar]. Moscow, «Nauka» Publ., 1975, pp. 53–87. (In Russ.)

Daneš F. [An attempt at structural analysis of Czech verb meanings]. *Slovo a slovesnost*. Praha, 1971, no 3, pp. 197–207. (In Czech)

Daneš F., Hlavsa Z. a kol. *Větné vzorce v češtině* [Sentence formulas in Czech]. Praha, 1981. 272 p. (In Czech)

Dem'yankov V. Z. [«Event» in semantics, pragmatics and in the coordinates of the interpretation of the text]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*, 1983, v. 42, no. 4, pp. 320–329. (In Russ.)

Dobiash A. V. [The experience of parts of speech and their forms on the basis of the Greek language]. *Izvestiya istoriko-filologicheskogo instituta kn. Bezbodko v Nezhine*, v.16, Nezhin, 1898. 544 p. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. [On the understanding of the term «case» in linguistic descriptions. Part I.] *Problemy grammaticheskogo modelirovaniya*. [Grammar modeling problems]. Moscow, «Nauka» Publ. 261 p. (In Russ.)

Kruchinina I. N. *Struktura i funktsii sochinitel'noi svyazi v russkom yazyke* [The structure and functions of the compositional connection in Russian]. Ed. 2nd, rev. Moscow, Book House LIBROCOM, 2009. 212 p. (In Russ.)

Lazutkina E. M. [Event verbs in the aspect of their syntactic properties]. *Filologicheskie nauki*, 1980, no. 3. (In Russ.)

Lazutkina E. M. [To the problem of distinguishing between primary and secondary verb meanings]. *Slovarnye kategorii* [Dictionary Categories]. Moscow, «Nauka» Publ., 1988, pp. 109–111. (In Russ.)

Lomtev T. P. [On the absolute and relational properties of syntactic units (On the notion of position in syntax theory)]. *Filologicheskie nauki*. Moscow, 1960, no 4, pp. 15–28. (In Russ.)

Migunov A. S. [Art and science: about some trends towards rapprochement and interaction] *Voprosy filosofii*. Moscow, 1986, no. 7, pp. 91–97. (In Russ.)

Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific lighting]. Ed. 8th. Moscow, «Languages of Slavic Culture» Publ., 2001. 544 p. (In Russ.)

Popova Z. D. *Sintaksicheskaya sistema russkogo yazyka v svete teorii sintaksicheskikh kontseptov* [The syntactic system of the Russian language in the light of the theory of syntactic concepts]. Voronezh, 2009. 210 p. (In Russ.)

Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From notes on Russian grammar]. Vol. I–II. Moscow, «Uchpedgiz» Publ., 1958. 536 p. (In Russ.)

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Vol. II. Moscow, «Nauka» Publ., 1980. (In Russ.)

Searle J. *Intentionality*. Cambridge University Press. 1983.

Seliverstova O.N. [On the object of linguistic semantics and the adequacy of its description]. *Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of linguistic research]. Moscow, «Nauka» Publ., 1976. 380 p. (In Russ.)

Shcherba L.V. [On the triple aspect of linguistic phenomena and the experiment in linguistics] Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, «Nauka» Publ., 1974. 427 p. (In Russ.)

Sossyur F., de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Proceedings in Linguistics]. Moscow, «Progress» Publ., 1977. 695 p. (In Russ.)

Stepanov Yu.S. *Metody i printsipy sovremennoi lingvistiki* [Methods and principles of modern linguistics]. Moscow, «Nauka» Publ., 1975. 313 p. (In Russ.)

Stepanov Yu.S. *Indoevropskoe predlozhenie* [Indo-European sentence]. Moscow, «Nauka» Publ., 1989. 284 p. (In Russ.)

Stepanov Yu.S. [Semantics — Syntactics — Pragmatic]. Stepanov Yu.S. *Yazyk i Metod. K sovremennoj filosofii yazyka* [Language and Method. Toward a modern philosophy of language]. Moscow, «Yazyki russkoj kul'tury» Publ., 1998, pp. 175- 476.

Ulukhanov I.S. *Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka. T. II.: Glagoly, motivirovannye glagolami* [Verbal word formation of the modern Russian language. Vol. II.: Verbs motivated by verbs]. Moscow, AzbukovniK Publishing Center, 2017. 432 p. (In Russ.)

И. Б. Левонтина

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
irina.levontina@mail.ru*

ОБ ЭКСПАНСИИ ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОБОРОТАХ*

В статье исследуется неканоническое употребление ВИН количественных контекстах, где в норме используются другие падежные формы с предлогами и без них. Такое употребление присуще, особенно в разговорной речи, довольно широкому кругу существительных с количественным значением: *тысяча* и *тыща* (*тыщонка*), *сотня*, *соточка*, *сотка*, *дюжина*, *пара* и *парочка*, *уйма*, *прорва*, *тьма*, *половина*, *тонна*, *минута* (речь идет о существительных склонения на *-а*, потому что именно у них не совпадают формы ИМ и ВИН). Ср. *У меня кучу дел; Есть минутку?*; *Есть еще парочку подтипов; Было уйму впечатлений; Купила билеты по тыщу; Было половину десятого; Сказать по пару слов*. Делается попытка обнаружить механизм, объясняющий поведение ВИН во всех подобных случаях.

Мы предполагаем, что пониженная семантическая нагруженность падежных противопоставлений у количественных слов приводит к редукции этих противопоставлений до оппозиции прямые падежи — косвенные падежи, а затем и только до прямых падежей, которые у большинства числительных не различаются. Когда же используются количественные существительные, в парадигме которых ИМ и ВИН различается, между этими формами происходит конкуренция, в которой нередко выигрывает ВИН как более естественный для слов, типичных для неагентивных употреблений.

Как кажется, можно наблюдать усиление этой тенденции в последнее время, однако это трудно достоверно установить. Сама тенденция не новая, а возможно, стоит говорить о том, что у количественных слов система падежных противопоставлений так до конца и не сформировалась.

Ключевые слова: русские количественные конструкции, падежные противопоставления, разговорная речь.

* Исследование поддержано РФФИ, грант 19–012–00291А, «Подготовка четвертого выпуска Активного словаря русского языка».

Многие обращают внимание на нередко встречающееся странное использование винительного падежа в контекстах типа: *У меня кучу дел; Есть минутку?; Есть еще парочку подтипов; Было уйму впечатлений; Купила билеты по тыщу; Было половину десятого; Сказать по пару слов.* Это явление было отмечено в небольшой работе М. А. Холодиловой и А. Б. Летучего «Было пару человек: об одной количественной конструкции в русском языке» (Тезисы конференции 2011 г.). В ней сказано, что квантификаторы *пара, куча, масса* могут использоваться в ВИН в естественных контекстах номинатива и что в интернете есть и примеры, в которых «форма аккузатива заменяет, например, датив или генитив при предлогах». Многие из таких примеров выглядят совершенно ненормативными, однако есть и вполне естественные, пусть и не канонические:

*Прошло **пару месяцев** <тысячу лет>;
В **тысячу** триста восьмидесятом году;*

Ср. также следующий пример из записи, автор которой, Лев Рубинштейн, бесспорно, замечательный стилист:

*Удивить никто не удивил, но **пару имен**, скажем так, огорчили* (ответ на вопрос *Вас кто-то удивил?* о списке подписавших некое письмо).

А употребление ВИН *тысячу* вместо ИМ в составе составных числительных не только давно и часто встречается, но и специально отмечается как ошибочное:

— *Я, браток, в **тысячу** девятьсот пятом годе на усмирении был.* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928–1940)]

Выберите нужную форму числительного:

1) (В тысячу девятьсот тридцать девятом — в тысяча девятьсот тридцать девятом) году началась Вторая мировая война. <https://znaniya.com/task/2071853>

*6 февр. 2012 г. — грамматическая ошибка допущена в предложении: — название химических элементов, открытых **до тысячу восьмисотого года**...* <https://otvet.mail.ru> › Домашние задания Ответы@Mail.Ru: помогите по русскому!!!!

Оказывается, что неканоническое употребление ВИН присуще довольно широкому кругу существительных с количественным значением: *тысяча* и *тыща* (*тыщонка*), *сотня*, *соточка*, *сотка*, *дюжина*, *пара* и *парочка*, *уйма*, *прорва*, *тьма*, *половина*, *тонна*, *минута* (речь идет о существительных склонения на *-а*, потому что именно у них не совпадают формы ИМ и ВИН), — и круг контекстов ВИН тоже намного больше (и другие падежи, в том числе и без предлогов):

*В качестве **пару** слов хотелось бы вам сказать...;
Машина была найдена **в пару** кварталов от дома;*

Отдам лекарства. Почти все нетронутые. В пару пачек не хватает по 1–2 таблетки;

*плиз подскажите игру <...> чтобы **пару людьми** управлять)) спасибо вам; Мне кажется я вернулась с **пару килограммами**, потому что это выпечку, хлеб, булочки, просто не возможно не попробовать;*

*будешь общаться с **тысячу людьми** это не значит, что в твоём сердце не будет пустоты;*

*А для некоторых нормальная жизнь — это жизнь с **кучу друзей**, не работающая вообще.*

*И я не удержусь от сегодняшнего заката: буквально **пару мгновений** вспыхнуло, осветило, поразило... Никаких фильтров. здесь: Сокол (район Москвы)*

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10213521832351743&set=gm.2566627676704626&type=3&theater>

При рассмотрении примеров по отдельности нередко возникает соблазн предложить какие-то «локальные» объяснения появления ВИН: смешение разных конструкций, анаколуп и т. д. Ср. приведенный выше пример:

*Машина была найдена **в пару** кварталов от дома.*

Здесь можно было бы сказать, что произошло смешение двух конструкций: *в паре кварталов* и *за пару кварталов*. Такое объяснение, однако, было бы невозможным для следующего примера:

***В пару пачек** не хватает по 1–2 таблетки.*

Фразы типа *Пришло пару человек*, *Было кучу гостей* можно было бы пытаться связать с тем, что говорящий начинает фразу с глагола в форме среднего рода, как это естественно при подлежащем — сочетании с числительным (*Было пять человек*), а существительное женского рода плохо монтируется с глаголом в форме среднего, поэтому говорящий как-то уходит от необходимости сочетать глагол с существительным по роду, отказавшись от ИМ. Однако это не объясняет, почему выбирается именно ВИН. Кроме того, форма среднего рода глагола все-таки встречается в сочетании с существительными женского рода:

*Каждый год, перед Новым Годом, я мечтаю, чтобы у меня было **пара-тройка** спокойных, свободных от работы дней.*

<https://www.pinterest.ru/pin/685180530781703635/>

*Там было **парочка** вариантов.*

<https://rutube.ru/video/ae319ca5c27f67f647c4ea63dd6b7c5a/>

Наконец, такое объяснение не работает для предложений с глаголом в форме настоящего времени или нулевой связкой; ср. *У меня по дороге кучу магазинов*. Сочетание *есть парочку*, которое никак невозможно объяснить трудностями согласования по роду, например, — совсем не редкость:

*Мне 21 год. У меня светлые кучерявые волосы, болотные глаза. Я считаю себя интровертом, но у меня **есть парочку** друзей из универа.* <https://ficbook.net/readfic/6572307>

***Есть парочку** вопросов.. Всем здравствуйте, вчера встретила с двумя вопросами health-diet.ru 255822/blog/151575*

*Движемся дальше..., **есть парочку** новых идей, которые хочется протестить в этом году* [instagram.com/p/BtFGKGTnKKu/?hl=bn](https://www.instagram.com/p/BtFGKGTnKKu/?hl=bn)

***Есть парочку** способов, но они легальные, поэтому даже не надейтесь, что здесь вам попадётся статья, для получения чего-либо обманным путем...хотя, мы еще посмотрим.* computerinfo.ru Лайфхак на 6 способов

***есть парочку** минусов, но они минимальны, в целом хорошее средство. ... эффект есть).* irecommend.ru/content/est-parochku-minusov-no-oni...

Показателен следующий пример, где говорящий использует конструкцию с ВИН, а собеседник его поправляет:

Ответы Mail.Ru: *Всем привет! У меня **есть парочку** вопросов, может кого заинтересует, присоединяйтесь... «**Есть парочку**» — звучит как-то не по-русски. Падежи прогулял в школе? Надо было сказать «**есть парочка**А вопросов» :-)* otvet.mail.ru/question/191798561

Конечно, в таких случаях можно говорить о влиянии посессивной конструкции с глаголом *иметь*. И скорее всего, частные объяснения, подобные приведенным выше, имеют право на существование, однако лишь как указание на дополнительные факторы, а должен быть какой-то общий механизм, объясняющий поведение ВИН во всех подобных случаях.

При этом кажется довольно удивительным, что так активизируется здесь именно ВИН. Гораздо естественнее было бы ожидать активизации РОД: у него есть и какие-то количественные ассоциации (*добавить соли*), и возможность сочетания со связкой во фразах типа *Их там не было*, а в просторечии и без отрицания: *Их сть у меня*.

Чем же объясняется экспансия не РОД, а ВИН, на первый взгляд непонятно.

Впрочем, отдельно стоит сказать о предлоге *по* в распределительном значении. В описании предлога *по* Л. Йомдин в [Йомдин 1991] выделяет специальное распределительное ПОIV с ДАТ, ВИН и РОД (*по сотне, по сто, по пятидесяти*) и описывает правила выбора падежа (с. 118–119). Заметим, что три варианта падежа при предлоге в однотипном контексте — это для русского языка некоторая редкость.

Существительные в норме выступают здесь в ДАТ: *По рублю, по гривеннику, по доллару, по полтиннику* — *по десять, по сто. По тыщу, по пару слов* при всей странности этих сочетаний как раз конструктивно проще всего — здесь можно усмотреть выравнивание по числительным. Если бы дело было только в распределительной конструкции, можно было бы ограничиться констатацией изменения предложного управления.

Разнобой в выборе падежной форме в распределительной конструкции с предлогом *по* — явление далеко не новое; ср.:

Да чтобы не запрашивать с вас лишнего, по сту рублей за штуку! — сказал Собакевич. — **По сту!** — вскричал Чичиков, разинув рот... (Николай Гоголь, Мертвые души)

... нынѣшнему окладу жалованіемъ, при рисовальномъ—мастеръ одинъ по сту по сороку рублей, подмастерье одинъ по сту рублей, учениковъ четверо, ...

<https://books.google.ru/books?isbn=5458157486>

За выводимых из своей вотчины «девок» княгиня приказывала присылать по ста рублей с каждой. За всякую провинность предписывались ей строгие ...

Е. Р. Дашкова. Ее жизнь и общественная деятельность В. В. Огарков — 2018 — Biography & Autobiography <https://books.google.ru/books?id=WtNDwAAQBAJ>

... чтобы нѣкоторое число торгующихъ казаковъ было освобождено отъ службы, со взносомъ отъ каждаго изъ нихъ въ войсковой доходъ по ста рублей. В. Д. Сухоруков — 2013 –

History <https://books.google.ru/books?isbn=5458090462>

В Перми за шесть взяток по сто рублей уволили женщину-полицейского. <https://progorod59.ru/news/26601>

Туристы скинутся по сто рублей за Крым — Рамблер/новости <https://news.rambler.ru/articles/36816690-turisty-skinutsya-po-sto-rublej-za-krym/>

На эту тему есть корпусное исследование [Гришина 2011].

Прежде чем высказать гипотезу о механизме экспансии ВИН, приведем материал, в основном извлеченный из блогов, демонстрирующий, что описываемые неканонические употребления ВИН достаточно распространены. Материал рассортирован по группам количественных слов и проводится с сохранением орфографии и пунктуации источника.

Тысяча, дюжина, сотня, половина

*И прошло **сотню** лет, вспоминаю о всём*

Что так было давно и прошло одним днём. https://steamcommunity.com/id/DooM_Archi

— Оленька, боже ты мой, когда это было! Прошло **тысячу** лет, после нашего расставания я очень переменился. [Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало (2007)]

*Пьют кровушку народную, а сами воруют сволочи, пенсия вот у меня **тыщу** рублей, а как, скажите, люди добрые, на такие деньги жить-то?* <https://books.google.ru/books?isbn=5457279367>

*ахаха, у меня **тыщу** таких фото) муж их называет ласково — кораллы. — какие ножки смешные. пальчики так торчат смешно.* <https://www.babyblog.ru/.../56a66992843983ae168b456a-nu-hot-chem-to-syn-pohoz...>

Ответы@Mail.Ru: *Чёт так жить хотца до **тыщу** лет! К чему бы такая нездоровая фигня?* otvet.mail.ru/question/35318726

*Кстати имеются Рунь с Николашкой, Яндекс грит по состоянию может стоить до **тыщу** баксов* forum.ykt.ru/viewmsg.jsp?id=21182862

Ответы@Mail.Ru: *что пожелать брату? что пожелать брату на день ... — Скажи ему душевно так- братишка живи до **тыщу** лет.... Потом умри! Бесогон* <https://otvet.mail.ru>

до тыщу лайков еще долгооо:

<https://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=67&i=13416600&t=134166001> июн. 2018 г.

— ... более 50 километров только за счет электричества и при этом будут весьма динамичными — разгон **до сотню** займет около 4 секунд evmode.ru/2018/06/01/alfa-romeo-vyipustit-srednemotorniy-supergibrid-8c/

*Тренируйся, пиши какие-нибудь черкушечки, никому их не показывай, пиши, переписывай по **дюжину** раз, только тренируйся. вроде бы все есть, но в ...* https://pikabu.ru/.../zaranee_proshu_proshcheniya_za_oshibki_sintaksicheskie_punktuat...

*каждый год этих автобусов списывали по **дюжину**.* dnevniky.ykt.ru/Grenadier_Thomas/1091508?promo_inner&mobile=true

... бывшим чемпионом. И тот и другой имеют по **дюжину** побед за плечами, и лишь один проигрши, который получили в битве друг против друга... <https://www.ivl.ru> > Фильм > Комедии > Забойный реванш

*Если бы я мог знать, что я попытаюсь успокоиться, я получу разум, чтобы быть уверенным, что у меня есть **половину** ума.* <https://texttypesen.com/the-lemonheads/rest-assured/>

*В восторженных тонах оценил прошедший чемпионат и Владимир Морозов: «Очень удачный чемпионат Европы для нас, самый лучший в нашей российской истории. Учитывая, что у нас многих не было — Юлии Ефимовой, ребят, которые уехали на чемпионат мира среди военнослужащих, — и то, что было **половину** больных, выступили мы очень даже неплохо».* <https://www.mos.ru/news/item/34262073/>

в то время, когда на наружных часах, над подъездом, было **половину** 10-го, часы в вестибюле показывали — четверть 12-го, в зале первого класса — одиннадцать!.. [неизвестный. Слухи и факты (1912.12.11) // «Одесский листок», 1912]

Уже не первый раз сталкиваюсь с ситуациями где обычно нужно повторять какой либо фон **до половину** а на вторую другой. [toster.ru»q/169957](http://toster.ru/q/169957)
13 comments on “ В общем с передними стеклами какая та фигня когда поднимаю **до половину**”. [ffocus-help.ru»...obshhem...perednimi...ta...dopolovinu/](http://ffocus-help.ru...obshhem...perednimi...ta...dopolovinu/)

1 сентября импорт газа на Украину по реверсу из Словакии сократился почти **до половины** от максимальной мощности --- сообщает РИА Новости aif.ru»money/market/kyev_snizil_pochti_do...revers...

Нажмите до половины кнопку спуска затвора, чтобы загорелась метка ... В нормальном режиме при нажатии кнопки спуска затвора **до половину** фиксируются АФ (автофокус) и АЕ (автоматическая экспозиция), photomanual.ru»download/olympus/manuals/olympus_e...

... заранее выписать пропуск на определенный час, когда еще работает бюро пропусков-**до половину** пятого. <https://adiaphora22.livejournal.com/196234.html>

26 апр. 2011 г. — ... по УБ не выглядит недостижимой. Индекс ПФТС **до половину** пятого, скорее всего останется между отметками в 1040 и 1060 пунктов. www.ux.ua/ua/m/12/1836/20110426-utrenniy-obzor-26-aprelya-vse-samoe.aspx

... а нижний — Христорожественский. Работает только верхний храм, но и то, **до половину** пятого (до 16.30). https://otzovik.com/review_6430003.html

21 мая 2012 г. — ... кто обычно спокойно относится к спортивным батальям, сегодня в Хабаровске с **половину** пятого утра не сомкнули глаз, наблюдая за ... khab-vesti.ru > Новости

30 дек. 2013 г. Люди которые стояли с **половину** пятого утра, попали в храм к половине десятого , вечера. www.logoslovo.ru/forum/all_362/topic_8479_9_0_0/

Пара, парочка

Прошло **пару** лет, разочарование от МКЦ прошло, и где-то я вычитала про чай для похудения «Летящая ласточка». [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)]

Прошло **пару** месяцев, он был арестован вторично и расстрелян. [Анна Бергер. Appenschule (2003) // «Вестник США», 2003.12.24]

— прошло **пару** месяцев, и все как будто подернулось ряской. [Антон Петров. Дочь, ложь и видео (2003) // «Вслух о...», 2003.07.01]

Прошло **пару** месяцев, пока я привык к мысли, что теперь они приходят нас не вязать, а охранять. [Андрей Макаревич. Все очень просто (1990)]

Было **пару** маргиналов, которые» общались «с духами, а потом духи пустились в бега, не боясь, что им влепят за дезертирство. [коллективный. Форум: Дедовщина и неуставные отношения. Кто есть кто в современной армии (2011–2013)]

Дружба, что это вообще такое? Да ты думаешь, у тебя есть **парочку** друзей, которые с тобой будут до конца, он же с детства, либо знакомы **пару лет** и... <https://vk.com/lotov3>

Минута (секунда), тонна

И мы можем пойти, как вы хотите пойти. Теперь у меня есть **минуту**. slushat-tekst-pesni.ru/jagged-edge/what-you-tryin-to-do

На всё про всё у тебя есть **минуту** https://vk.com/gogunskaya_milana_star

15 июн. 2015 г. — Сыграем в игру, Джерри Ли. У тебя есть **минуту**, чтобы отыскать своего милого бакугана. Не успеешь — последствия будут плачевными. <https://ficbook.net/readfic/2742946/8666011>

Правда машину я не взял, поскольку косяков там было **тонну**, но именно с того дня я понял, что хочу именно чепырку <https://www.drive2.ru/l/465402932146209275/>

Просто хотелось узнать, как тормозилки показывают себя. +1. 4 года · somebody. Ну блин, нельзя сравнивать. У меня **тонну** семсот, а у тебя 900 <https://www.drive2.ru/c/1839849/>

У меня **тонну** техники от сяоми, от телефона, до камеры. Я очень люблю эту фирму <https://technopoint.ru/product/7eb34a18621d3330/provodnaa...xiaomi.../opinion/>

у меня **тонну** дел... <https://www.wattpad.com/579536445-чанс-любовь-между-монстром-и-человеком-.....>

Люди, которые говорят, «Там было **тонну** людей» на мероприятии, если буквально означает только около 15 человек. <https://allwomenstalk.com/ru/5689596d0c4fe7e8488b47cc>

... поэтому... в понедельник мы были на диком пляжу, который оказывается не был диким, потому что там было **тонну** людей, как и на всех пляжах www.pictaram.org/hashtag/джуниорклуб

Надо, впрочем, отметить, что слово *тонна* употребляется здесь в либо в значении ‘тысяча’ (*тонна семьсот* об объеме двигателя), то есть примыкает к первой группе, либо в значении ‘очень много’, то есть примыкает к следующей группе. Примеров типа *Было тонну песка* пока не встретилось, хотя они, скорее всего, тоже бывают.

Куча, масса, тьма, уйма, прорва

1300 руб. Здравствуйте, меня зовут Валентина. С недавних пор я пенсионер, и у меня массу свободного времени, но так как за все нужно платить, даже за это... rutwi.ru>mos/moscow/service/uborka/82/

Вот и у меня массу счастливых примеров. Но где эту достойную пару найти!!! mur-zilka. ... 23 марта 2017 в 12:19 sovet.kidstaff.com.ua>question-1781641-1

Анекдот № 237995. Меня не беспокоит то, что у меня кучу минусов... меня беспокоит отсутствие плюсов. vk.com>topic-46515657_27406964

У меня кучу вопросов!!! Но буду по одному кидать) BabyBlog.ru>momlife/ru/post/...-u-menya-kuchu...no-bud forum.ykt.ru>viewtopic.jsp?id=1337117

Ответ на тему: У меня кучу вопросов появилось после прочтения «отчеты о родах».

Помогите, у меня кучу проблем otvet.mail.ru>question/199685964

Девочки, у меня кучу вопросов 1) Нужно открепить ребенка от поликлиники, чтоб прикрепиться к другой, по причине переезда. Нужны ли какие-нибудь документы? И может ли сделать это бабушка? mamysmolenska.ru>devochki-u-menya-kuchu-voprosov/

(@salnikovama) on Instagram: “Весь этот год было уйму эмоций, есть хорошее и плохое. https://www.instagram.com/p/Br_OHxcFa5w/

Мы могли общаться до самого вечера, ведь тёплых воспоминаний было уйму, но, почему-то вдруг настала тишина https://books.google.ru/books?isbn=5041358575

На самом деле было уйму времени чтобы вывернуть на встречную полосу, но и женщина тоже не права. Водитель если бы смотрел мог бы немного ... https://vc.ru/u/126715-lubsan-banteev

Вот и практически закончился учебный год 2016–2017... Этот год был очень тяжёлым, активным, насыщенным и ярким... Было уйму побед, травм, боли и ... https://vk.com/wall-1114505?own=13 нояб. 2018 г. — ... подружились уже в Америке, съездили в такие места, как Ниагарский водопад, Чикаго и два раза в Кливленд. Впечатлений было уйму. www.workandtravel.ru/history-members/work-and-travel-2018-cedar-point.html

29 сент. 2015 г. — *Достался он нам с женой после космича 2141. Эмоций было прорву. Но прошло уже два года, я сменил уже две машины...*

<https://stapico.ru/tag/янаписала> <https://media.auto.ru> > ... > Mercedes-Benz > C-klasse > I (W202) Рестайлинг

*еле-еле провели набор было очень сложно было **тьму** людей но мы это сделали !!! всем спасибо кто участвовал !!!15. 00–17.22. <https://vk.com/prpsnext>*

Подобные употребления имеет смысл рассматривать не как разрозненные конструктивные сдвиги, а как следствие того, что в количественных оборотах падежные противопоставления ослаблены (мы воспринимаем *пять столов* как ‘стола числом 5’), так что количественные выражения могут застыть в одной падежной форме. На роль этой формы, как естественно ожидать, может претендовать и форма ИМ:

*Корейская монета в **половина** вона (1907)*

*Может, в **половину**?*

Угу, исправил

<https://www.bestiary.us/images/korejskaja-moneta-v-polovina-vona-1907>

В половина случаев / в половина случаях;

*Почти в **половина случаев** больные поступали в стационар (40,3%) с «синдромальшими» диагнозами medical-diss.com > Инфекционные болезни*

28 июн. 2011 г. — ***В половина случаев** они даже подпись не ставят (про печать и указания своих реквизитов я вообще молчу).* <https://www.glavbukh.ru/forum/showthread.php/58361>

10 июн. 2008 г. — ***в половина случаях** согласен... как говорится девушка за рулем как обезьяна с гранатой!!!* <https://otvet.mail.ru> > Авто, Мото

*Наши тотал в домашних матчах Бетиса и в выездных матчах Реала пробивался примерно **в половина случаях**.* <https://vprognoze.ru/forecast/profcppfootball/.../6993098-betis-foly-real-m-foly.htm>

Можно привести и примеры существительных, не различающих формы ИМ и ВИН, где форма ИМ/ВИН используется на месте формы косвенного падежа:

*Суть игры мы должны досчитать **до миллион** Так я начну!* icraft.uz/topic1200.html

*Продажа авто с пробегом **до миллион** рублей в Москве.* carsguru.net Быстрый подбор автомобиля>ag_used_car_million

Особенно показателен следующей пример, где, впрочем, строго говоря, нельзя сказать, ИМ перед нами или ВИН (но скорее все же ИМ):

*«Время секунд-хенд» Светланы Алексиевич вошло в тройку лучших книг XXI века». И на сей раз попробуем не полопаться от зависти <...>, а, досчитав **до пять**, выдохнуть и поздравить потрясающего литератора.*
<https://www.facebook.com/ganna.oganesyan/posts/2243036669156855>

Благоприятный контекст для этого явления создает и ситуация со склонением числительных. У большинства числительных различаются три падежных формы (*пять, пяти, пятью*), у *сорок, девяносто* и того меньше (с числительным *сто* сложнее, так как, кроме формы *ста*, есть *-сот* и *-стами* в составе сложных числительных); у *полтора* есть еще женская форма *полторы*.

При этом носители русского языка в большинстве своем очень неуверенно владеют склонением числительных — не только сложных (ср. недостижимую для большинства форму *тремястами*) и даже составных. Чаще всего здесь вместо нужной формы фигурирует РОД: *трехстами* или *трехсот* вместо *тремястами*, *пяти* вместо *пятью* и т. д.

Возвращаясь к словам на *-а*, различающим формы ИМ и ВИН, отметим, что при указании времени слово *половина* вообще очень часто встречается в форме ИМ с предлогом:

*встретимся в **половина** пятого;*

*28 мар. 2013 г. — Я сегодня успела только к **половина** первого :* <https://www.yburlan.ru/.../obsuzhdenie-zanjatij-pervogo-urovnja-gruppy-1590-800.ht...>

*2 нояб. 2016 г. — Разве сейчас это проблема. Вот когда я ходил в школу в третью смену, к **половина** четвертого* <https://abonents-ntvplus.ru> > Форум > Спорт > Футбол

— С удовольствием Джон. Посмотрим кто больше острижёт овец к **половина** четвертого дня. www.obshelit.com/remarks/add/11619/

*... на завтра и ложиться отдохнуть. Подъем, с учётом впереди лежащего пути, назначен на три часа. Рассчитывали быть у цели к **половина** седьмого.* altfishing-club.ru/articles_fishing.html/_/ohota/vesna-pod-kamnem16-god-r43

*Вчера я был на известном уже многим форелевом платнике. Рыбалка можно мягко сказать не удалась! Приехал к **половина** второго ...* <https://lilix-fishing.com> > ... >

*И только к **половина** пятого поняла-лялька хочет манной каши). Ну че делать-встала сварила кашу))))))))).* <https://www.disput.az> > Форумы > Пенелопа — Women Forum > Материнство

Причем такое употребление совершенно не новое¹:

¹ Стоит обратить внимание и на проблему использования слов *половина* и *четверть* без предлога в обозначениях времени, которая постоянно вызывает споры среди лингвистов. Яркий пример — недавний пост лингвиста Дмитрия Сичиनावы в социальной сети и дискуссия под ним:

Две минуты *после половина первого*. — Пора, — сказал Пален. — Höchste Zeit, — подтвердил Беннигсен (М. Алданов)
<https://books.google.ru/books?isbn=5447552540>

Я хотя попадал почти ежедневно часам к половина второго, к двум на службу, — и успевал там поперевести из Турсо де Молина (В. Пяст)
silverage.ru/pastvstrech/

А вот застывание в форме ВИН действительно необычно и связано, видимо, с типичностью для количественных оборотов объектного и особенно обстоятельного употребления (*потратил сто рублей, провел там две недели, через десять дней, за пять лет, был там пять раз, спал два часа, шесть лет назад*).

Таким образом, пониженная семантическая нагруженность падежных противопоставлений у количественных слов приводит к тенденции к редукции этих противопоставлений до оппозиции прямые падежи — косвенные падежи, с экспансией формы РОД, а затем и только до прямых падежей, которые у большинства числительных не различаются. Когда же используются количественные существительные, в парадигме которых ИМ и ВИН различается, между этими формами происходит конкуренция, в которой нередко выигрывает ВИН как более естественный для слов с типичными неагентивными употреблениями.

Как кажется, можно наблюдать усиление этой тенденции в последнее время, однако это трудно достоверно установить, так как явление это очень разговорное, а только для современного состояния мы располагаем надежным материалом (задокументированная устная речь, блоги). Ясно, однако, что сама тенденция не новая, а возможно, стоит говорить о том, что у количественных слов система падежных противопоставлений так до конца и не сформировалась.

«Четверть одиннадцатого капитан Немо стал у руля» (перевод Н. Г. Яковлевой; в других переводах предлог есть) «Котик ходит на работу половина пятого» (известная песня; вариант с номинативом запомнился мне по журналу Пионер, 1989 г.)

В корпусе с 1817, это судовой журнал Матюшкина -- у него без предлога, а у Беллинсгаузена уже с (к вопросу о Немо). Дальше есть в 1920-е и позже (Буткевич, Мариенгоф, Гуль).

Для некоторых участников обсуждения такое употребление слов *четверть* и особенно *половина* совершенно неприемлемо, для других — вполне нормально. Задается также вопрос: *А это точно именительный, а не accusativus temporis?* Другой участник обсуждения отвечает: *У Мариенгофа в «Романе без вранья» есть «Половина седьмого они обрывали звонок у тяжёлой дубовой двери с медной дощечкой, начищенной кирпичом».*

Видимо, не винительный.

Это явление в обсуждении связывается с тенденцией к анализируемости вообще и с активизацией номинатива в частности, а также с типологически характерной немаркированностью локативных и темпоральных выражений (М. Хаспельмат, И. Мельчук)

<https://www.facebook.com/mitrius/posts/10157474072033064>

Мы здесь подробно эту конструкцию не рассматриваем, поскольку речь в настоящей работе идет о ВИН, а не ИМ. Однако нам важен этот случай как иллюстрация расшатывания падежных противопоставлений в количественных контекстах. Кстати, беспредложный ВИН, как и беспредложный РОД, издавна конкурируют с темпоральными предложно-именными конструкциями; *с сейчас, тотчас, сию минуту*, с одной стороны, и *сегодня, третьего дня* — с другой.

Литература

Гришина Е. А. Дистрибутивная конструкция с предлогом *по* в русском языке 18–20 вв. // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. Материалы 5 Международной научной конференции. Днепропетровск, 2011. С. 82–87. https://www.academia.edu/221802/Дистрибутивная_конструкция_с_предлогом_по_в_русском_языке_18–20_вв

Иомдин Л. Л. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991. С. 94–120.

Холодилова М. А., Летучий А. Б. Было пару человек: об одной количественной конструкции в русском языке // <https://iling.spb.ru/conf/rusconstr2011/pdf/XolodilovaLetuchiy.pdf>

Haspelmath, M. From space to time: temporal adverbials in the world's languages [Text] / M. Haspelmath. München-Newcastle: LINCOM Europe, 1997. 181 p.

Irina B. Levontina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

irina.levontina@mail.ru

ON THE EXPANSION OF THE ACCUSATIVE IN QUANTITATIVE EXPRESSIONS

This paper studies non-canonical use of the accusative in quantitative contexts, where other case forms with and without prepositions are normally used. Such use is characteristic of a fairly wide range of nouns with quantitative meaning: *tysyacha* and *tyshcha* (*tyshchonka*) ‘one thousand’, *sotnya*, *sotochka*, *sotka* ‘one hundred’, *dyuzhina* ‘one dozen’, *para* and *parochka* ‘couple’, *uyma*, *prorva*, *t'ma* ‘a lot’, *polovina* ‘half’, *tonna* ‘ton’, and *minuta* ‘minute’ (we mention *a*-declination nouns owing to the fact that their nominative and accusative forms do not coincide). An example is the sentence «*Priyekhhalo paru chelovek*» ‘A couple (acc.) of people arrived’. We hope to reveal a mechanism explaining the behavior of the accusative in all such cases. We assume that poor semantic loading of case oppositions in quantitative expressions leads to the reduction of this oppositions to two or three cases. The accusative competes with the genitive and nominative. As far as quantitative contexts are concerned, the accusative wins more often than not, because it is typical of non-agentive uses. It seems that one can observe an intensification of this trend; however, it is difficult to firmly establish whether this is the case, since this phenomenon is very conversational and we have reliable material only for the current state (documented oral speech, blogs). It is clear, however, that the tendency itself is not new, yet one might say that the system of case oppositions for quantitative words has never fully developed.

Keywords: Russian quantitative construction, case oppositions, colloquial speech.

References

Grishina E. A. [Distributive construction with the preposition on in the Russian language of the 18–20th centuries]. *Leksiko-grammaticheskiye innovatsii v sovremennykh slavyanskikh yazykakh. Materialy 5 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Dnepropetrovsk, 2011, pp. 82–87. (in Russ.) https://www.academia.edu/221802/Distributivnaya_konstruktsiya_s_predlogom_po_v_russkom_yazyke_18-20_vv

Iomdin L. L. [Lexical entry of the preposition *po*] // *Semiotika i informatika*, vyp.32, Moscow, 1991, pp. 94–120. (in Russ.)

Kholodilova M. A., Letuchiy A. B. [Bylo paru chelovek: on one quantitative construction in Russian] // <https://iling.spb.ru/confs/rusconstr2011/pdf/XolodilovaLetuchiy.pdf> (in Russ.)

Haspelmath M. *From space to time: temporal adverbials in the world's languages* [Text]. München-Newcastle: LINCOM Europe, 1997. 181 p.

А. Б. Летучий

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) /

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН)

(Москва, Россия)

alexander.letuchiy@gmail.com

ПАДЕЖ НИОТКУДА (НЕСТРУКТУРНОЕ КОПИРОВАНИЕ ПАДЕЖА)*

В статье рассматриваются случаи, когда некоторая именная группа оформлена падежом, не полученным непосредственно от синтаксического хозяина. Это происходит, как правило, в сравнительных конструкциях (с союзами *как* и *как и*, а также с союзом *чем* и формой сравнительной степени прилагательного). В таких случаях падеж присваивается эталону сравнения по аналогии с объектом сравнения: *Может, мне, как Васе, уехать в деревню?* Проведённый эксперимент показал, что чаще всего это происходит с дативом в случаях, когда в сравнительной конструкции есть инфинитивный оборот — датив выражает PRO при инфинитиве или Экспериенцера при модальном предикате. Генитив маркируется по аналогии реже. Причинами такого маркирования являются промежуточная между подчинением и сочинением природа сравнительных конструкций; возможность избежать нестандартного для сравнительных конструкций расположения эталона при *как и*; смещение сферы действия при интерпретации модальных предикатов. Сходным образом устроены конструкции, где по аналогии присваивается инфинитив или другие нефинитные формы глагола. Кроме того, в русском языке есть и другие конструкции, где требуется идентичность формы двух составляющих, для одной из которых эта форма не мотивирована согласованием или управлением. Мы показываем, что неструктурное присваивание падежа не мотивируется также сочинительной природой сравнительной конструкций, а диктуется правилом, не связанным с отношением «вершина — зависимое» — особым правилом «синтаксического копирования / дублирования», связанным с семантической симметрией объекта и стандарта сравнения.

Ключевые слова: падеж, модальные конструкции, копирование категорий, эллипсис, датив, генитив, инфинитив, линейное расположение, порядок слов, ирреальность.

* Публикация подготовлена в ходе / в результате проведения исследования / работы 18–01–0032 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100»

Введение

Наша работа посвящена нестандартным употреблением категории падежа в русском языке. Падеж — одна из самых исследованных русских категорий, в первую очередь потому, что для неё (в отличие от числа или лица) очень ясна синтаксическая мотивация. Падеж — это категория, выражающая позицию зависимого относительно вершины и тип (лексические и грамматические свойства) самой вершины.

Стандартно считается, что падеж присваивается непосредственной вершиной зависимому:

- (1) *Вся ест яблоко.*
- (2) *Вся убедил Петю съесть яблоко.*

Например, в большинстве случаев генитив при отрицании присваивается именно тем глаголом, от которого имя непосредственно зависит:

- (3) *Я не читаю газет.*

Есть исключения — это бывает, например, когда «сверху» (от матричного предиката) присваивается падеж аргументу снизу, при этом вершина снизу (вложенный предикат) должна была бы присвоить зависимому *яблоки* конфигурационный падеж (аккузатив):

- (4) *Я не собирался покупать яблок.*

Если требуется включить и этот случай в наше понимание синтаксического присваивания падежа, нужно обобщить формулировку: падеж присваивается вершиной своему зависимому или зависимому зависимого. Именно такое понимание дало концепцию О. Матушански [2008, 2009], о которой мы кратко скажем ниже.

Концепция Матушански: присваивание падежа всеми вершинами

Ора Матушански [2008, 2009] считает, что на самом деле падеж аргументу нижней составляющей присваивают все вершины, начиная с самого верху. В конечной структуре выражаются не все падежи, которые можно было бы выбрать из присвоенных разными вершинами. Тем не менее, есть случаи, когда выражается одновременно два падежа:

Каярдилд (тангкские):

- (5) Ngada mungurru, [maku-ntha yalawu-jarra-ntha
I know woman-**C.OBL** catch-PAST-**C.OBL**
yakuri-naa-ntha thabuju-karra-nguni-naa-ntha mijil-nguni-naa-nth].
fish-M.AB- **C.OBL** brother-GEN-INS-M.ABL-**C.OBL** net-INS-M.
ABL-**C.OBL**
'I know that the woman caught the fish with brother's net.' (пример из Evans 1995, Nordlinger 1998)

Лардил (тангские):

- (6) Ngada kangka niween were-thuru-Ø wangalk-uru-Ø.
 Itell him.ACC throw-FUT-ACC boomerang FUT ACC
 ‘I told him to throw the boomerang.’ (Matushanski 2008)

В (5) на слове *thabuju* ‘брат’ возникает и инструменталь (присваивается глаголом *yalawu* ‘ловить’), и генитив посессора (присваивается существительным *mijil* ‘сеть’), и косвенный падеж зависимого предиката (присваивается матричным предикатом *tungurru* ‘знать’). Аналогичным образом, в (6) слово *wandalk* ‘бумеранг’ несёт и аккузатив прямого объекта, и будущее время зависимого предиката.

Казалось бы, эта теория позволяет объяснить случаи дистантного маркирования падежей и / или падежных цепочек. Тем не менее, как многие мощные синтаксические теории, она имеет оборотную сторону: при ней разрешаются структуры, которые в реальности не возникают в языке или возникают не во всех языках. Если сформулировать вопрос к теории в общем виде, он будет звучать так: почему мало языков, где могут быть реализованы оба падежа? Почему, если они всё-таки могут быть реализованы, существуют довольно жёсткие правила того, в каком порядке и в каких конструкциях они реализуются?

Например, в литовском языке при отрицании на главном предикате аргумент подчинённого глагола почти обязательно стоит в генитиве. Напротив, в русском генитив отрицания через границу клаузы присваивается нечасто. Иначе говоря, дистантное присваивание генитива — скорее не принцип, а параметр, который может принимать и положительное, и отрицательное значения. Если так, получается, что теория крайне неэкономна: она позволяет сразу многим вершинам присваивать грамматические значения зависимому, однако на самом деле почти всегда грамматическое значение присваивается непосредственной вершиной.

Конструкция, которую мы исследуем, также близка к явлениям, рассматриваемым Матушански. Однако в ней проблема в каком-то смысле ещё критичнее: речь идёт даже не о присвоении падежа дистантно, а о его присвоении составляющей, семантически (и, видимо, синтаксически) не входящей в домен падежного маркирования.

Наша конструкция

Мы рассмотрим явление, которое наблюдается в русских сравнительных конструкциях с союзом *как / как и*. В (7) и (8) представлены стандартные нормативные примеры:

- (7) *Серёжа, как (и) Глеб, уехал в деревню.*
 (8) *Он в июле решил мне, как и членам его семьи, называть его «Пашка».*

Две идентичных падежных формы — номинативы *Серёжа* и *Глеб* в (7) и дативы *мне* и *членам семьи* в (8) структурно мотивированы. Если считать, что

в конструкциях с *как* такого рода наблюдается эллипсис глагола, то окажется, что эти падежи диктуются двумя идентичными вершинами:

(9) *Серёжа уехал в деревню, как уехал и Глеб.*

(10) *Он разрешил мне называть его «Пашика», как разрешил и членам его семьи.*

Если принять неэллиптическую трактовку, это тоже не противоречит примерам типа (7) и (8). Тогда можно считать, что [Серёжа, как и Глеб] — это малая сочинённая группа (ИГ); так же будет трактоваться последовательность [мне, как и членам его семьи]. В этом случае идентичность падежа будет продиктована просто совпадением падежей при сочинении, как в (11):

(11) [*Серёжа и Глеб*] уехали в деревню.

Поскольку сравнительная конструкция по определению предполагает довольно большое число участников (сопоставляются несколько объектов / ситуаций и конкретные их свойства), важно выявить состав участников такой конструкции. Это было сделано в работах [Haspelmath, Buchholz 1998] [Князев 2007], [Девятова 2010]. Среди общепринятых партиципантов, которые всегда включаются в состав сравнительной конструкции, можно назвать следующих:

- Объект сравнения (*Серёжа*)
- Стандарт сравнения (*Глеб*)
- Признак, по которому проводится сравнение / основание сравнения (*уехал в деревню*)

Кроме того, часто выделяются ещё два партиципанта — например, они особо отмечаются М. Хаспельматом и О. Бухгольц, но не считаются отдельными участниками у Ю. П. Князева:

- Маркер стандарта (*как*)
- Маркер признака (например, *такой же, так же* и т. д.)

В целом очевидно, почему три первых партиципанта настолько общеприняты, тогда как два последних выделяются не всегда. Первые три партиципанта диктуются самой ситуацией сравнения: нельзя говорить о сравнении, если нет двух сопоставляемых сущностей и основания, на котором они сопоставляются. Напротив, специальных маркеров стандарта сравнения и признака сравнения может и не быть, либо может быть неясно, стоит ли говорить об особых компонентах: например, в русской конструкции с генитивом сравнения (*Петя выше Васи*) можно считать, что генитив — это маркер стандарта, но точно так же допустимо думать, что форма сравнительной степени *выше* просто присоединяет название стандарта сравнения, а генитив присваивается ему просто на правах дефолтного, основного падежа зависимого при неглагольных вершинах. Точно так же непонятно, стоит ли считать, что в конструкции *Он плавает как рыба* есть некоторый нулевой элемент или опущенный маркер типа [так же], или лучше думать, что значение ‘так же, так же хорошо’ просто вычисляется из наименования стандарта и прагматики высказывания, а никакого маркера признака конструкция не содержит.

«Падеж ниоткуда»

Однако при анализе материала обнаруживаются нестандартные примеры, которые хуже поддаются объяснению.

- (12) *А может мне, как Лёне, уехать в деревню?*
- (13) *Тебе стоит, как и мне, поджечь губки и потерпеть месяцок-другой, да поднакопить на нормальный агрегат.* (<https://www.drive2.ru> › Сообщества › Новый Салон › Блог)
- (14) *В это полное неопределенности время юноша раздумывает над тем, не стоит ли ему — как и сотням тысяч его современников — поискать свое счастье в Америке.* (<https://ru.erbe-med.com/ru-ru/kompanija/istorija/i-pokolenie/>)
- (15) *Эх, бабуля, мне бы, как тебе, — помолодеть. — Да я не от меда так помолодела. Прошлый год у Коцея юбилей был: пятьсот лет бессмертной жизни.* (school71.moy.su › Metod › ot_baby_jagi_do_babki_ezhki-churkina_a..pdf)

Датив *мне* в трёх из четырёх примеров и *ему* в оставшемся примере (14) приписывается модальной конструкцией типа *а может* или *вот бы*. В них нет позиции для канонического подлежащего в номинативе, поэтому выбирается датив — падеж реализации PRO при подчинённом инфинитиве (*уехать, уйти, жить*).

- (16) **А может, я уехать в деревню?*

Конечно, есть случаи, когда инфинитив (как правило, не подчинённый, а используемый в главном предложении) допускает номинативное маркирование подлежащего, ср., например, начинательную конструкцию типа *А царица хохотать [начала]*, однако эти употребления не относятся к ядру употреблений инфинитива, которое мы здесь и рассматриваем.

Однако со вторым дативом в примерах (12)-(15) дело обстоит хуже. Понятно, что, например, *Лёня* в (12) или *современники* в (14), не подпадают под действие модального оператора: при стандартном прочтении имеется в виду, что *Лёня* или *современники* **уже совершили или совершают** те действия, о которых идёт речь — эти действия не являются ирреальными и желательными, а совершенно реальны.

Ниже мы будем называть падеж стандарта сравнения в примерах типа (12)-(15) *падеж ниоткуда* или *падеж, не мотивированный структурой*. Имеется в виду, что конструкция, скорее всего, не содержит вершины, которая бы присваивала этот падеж именной составляющей. Напротив, падеж в стандартных примерах, присвоенный вершиной исходя из её модели управления, мы будем называть *структурно мотивированным*.

Дативные конструкции рассматриваемого типа не следует смешивать с предложениями типа (17):

- (17) *А зачем же земле пустовать, вдовствовать. Ей, как бабе, рожать надо.* [Иван Пузанов. На окраине // «Огонек», 1973]

Здесь оба дательных падежа (*ей* и *бабе*) приписывается модальным предикатом *надо*:

(18) ‘ей надо рожать, и бабе тоже надо рожать’.

Оба имени находятся в сфере действия модального предиката необходимости *надо*. Кроме того, существуют случаи, когда два случая плохо различимы. Так, в примере (19) ниже допустимы две интерпретации: при первом структурно мотивированы оба дательных падежа, во втором — только первый датив *вожатым*:

(19) *Вот, если все пионеры будут так готовиться к выборам, то на сборах не будет молчания и не придется вожатым, как нянькам, упрашивать ребят: «Выскажись ты, Маня, выскажись ты, Петя...»* [Д. Постников. Все зависит от хорошей подготовки // «Пионерская правда», 1939]

(i) (структурно мотивированные дативы) ‘и вожатым, и нянькам приходится упрашивать ребят’

(ii) (падеж ниоткуда) ‘вожатым приходится упрашивать ребят, и няньки тоже так делают’.

Напротив, примеры ниже принадлежат к тому же типу, что и (12)–(15):

(20) *Ирка даже засопела, а потом подумала: что же ей, как Кате, в платочек сопливиться, что ли.* (www.litavrora.ru › *proza* › *item* › 230-aleksej-samojlov-takhnetsya).

(21) *Он не хочет сидеть в культурной нише, которая как бы специально предназначена для того, чтобы он ее занял, и в которой было бы уже все расплано: как выглядит гений, какая мысль интересная, а какая неинтересная, чем нужно заниматься, и что нужно производить, и как нужно страдать, — короче, как пчелке, сидеть в улье и, так сказать, выделять «культурные ценности».* [Мераб Мамардашвили. Картезианские размышления (1981–1993)] (пчёлка уже сидит в улье).

(22) *Свобода надежнее. Потерянность правда, накопление ложь. Ты пишешь это и понимаешь, что другой и тут с тобой, согласен. Ему, как тебе, оступаться и бить бока до синяков.* [В. В. Бибихин. Из записей на тему самопознания. Отдельные записи и отрывки из дневников (нач. 70-х—нач. 90-х гг.) (1970–1992)]

(23) *Первая мысль: ей, как Норе, уехать из дома; вторая: как Элле Рентгейм, здесь остаться, чтоб мстить. Элле, или?...* [Андрей Белый. Москва. Часть 1. Московский чудак (1926)]

(24) *Надо мне, как тебе, занятия по неделе пропускать.*

(25) *Может тебе, как Фишеру, бросить школу?* (chess86.ru/interview/item/16)

(26) *Может, тебе, как Косому, пластику соорудить на лице?* (<https://up74.ru> › *articles* › *obshchestvo*)

- (27) *А вечером подошёл отец к сыну и говорит: — Наточил я топор и убью тебя сам. Зачем тебе, как **братьям**, в чужие края ходить да там погибать?* (<http://www.otorten.ru/rodnoe-stado.html>)

Например, в (27) подразумевается, что отец не хочет отпускать сына в чужие края и считает, что ходить туда ему незачем. Однако словоформа *братьям* не находится внутри конструкции *Зачем тебе ходить* — имеется в виду, что братья уже ушли в чужие края и погибли (структурно мотивированной была бы форма *братья* — ‘зачем тебе ходить, как пошли твои братья’ — зависящая от подвергнутой эллипсису финитной формы типа *пошли* или *ушли*).

Другие контексты «падежа ниоткуда»

Хотя основным предметом исследования являются контексты с показателями сравнения *как*, *как и*, «падеж ниоткуда» может появляться и за их пределами. В частности, другая сфера их распространения — конструкции со сравнительной степенью:

- (28) *Может быть, именно вашему щенку для нормальной жизни надо есть больше, чем другим...* (<https://zooclub.ru> › consult › show)
- (29) *Кроме того, в спортзале есть души, а это позволит спортсменам мыться чаще, чем другим заключенным.*

Пример (28) допускает два толкования: при одном из них падеж структурно мотивирован (сравнивается то, насколько много нужно есть щенку адресата и другим щенкам, и ИГ *вашему щенку*, и прилагательное *другим* получают датив от предикатива *надо* — *надо есть больше, чем [надо есть] другим*). При втором речь просто идёт о том, что все щенки едят определённое количество еды, а щенку адресата надо есть больше — а значит, датив *другим* — это «падеж ниоткуда» (‘вашему щенку надо есть больше, чем [едят] другие’).

Куда более однозначен пример (29). Каузативный глагол *позволит* явно относится только к спортсменам, сидящим в тюрьме. Речь не идёт о том, что душ позволяет мыться и другим заключённым, но реже, чем спортсменам — имеется в виду ‘Это позволит спортсменам мыться чаще, чем [моются] другие заключённые’. Датив *другим* явно не мотивирован структурно.

Эти два случая ещё раз указывают на то, что противопоставление структурно мотивированного и не мотивированного падежа тесно связано с конкретным контекстом и семантикой конкретных матричных глаголов.

Кратко о *как* и *как и*

Хотя в наши задачи не входит описание распределения *как* и *как и*, скажем несколько слов о разнице между этими показателями. В общем можно считать, что *как* тяготеет к нереферентным и модализованным контекстам, а конкретно-референтные реальные контексты обычно обслуживаются *как и*.

Так, в контексте ниже, где сопоставляются две ситуации с двумя конкретными участниками, уместно *как и*, но отнюдь не *как*:

- (30) *Лида не была избалована ни друзьями, ни подарками. Как и Петя, она была одинока.* [Нина Федорова. Семья [автоперевод] (1952)] (?*Как Петя, она была одинока*)

Напротив, в примерах (31) и (32) *как* приемлемо. В (31) эталон сравнения не референтный. В (32) эталон сравнения референтный, но сравнение осложнено модальным значением: ‘хочет стать моряком, подражая своему отцу’.

- (31) *Он бросился на товароведа с кулаками. Но тот, как все бритоголовые мужчины, оказался силачом и действовал решительно.* [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)]
- (32) *Но он очень моряком хочет стать, как отец наш, учится пока.* [Алексей Торгашев. Безусловная любовь // «Известия», 2001.11.07]

В частности, фраза *В Бразилии, как во всех южных странах, тепло*, нормальна, поскольку в позиции эталона здесь универсальная нереферентная группа. А вариант *В Бразилии, как в Аргентине, тепло*, скорее звучит хуже, чем *В Бразилии, как и в Аргентине, тепло*.

Интересно, что показатель *как* — вроде бы дефолтный, обладающий более широким значением и более простой формально, чем *как и*, — в данном случае не употребляется, казалось бы, в наиболее прототипической ситуации сопоставления конкретных предметов. Эта загадка решается просто: для ситуации сравнения конкретно-референтный эталон вовсе не является прототипическим. Прототипическая ситуация как раз состоит в том, что эталон является нереферентным, а референтное сравнение требует специализированного показателя *как и*.

Роль линейного расположения

Для конструкции с показателем *как и* одной из причин неканонического падежного маркирования являются ограничения на линейную позицию. Можно видеть, что при словосочетании *как и* структурно мотивированное маркирование может быть сомнительно или даже неграмматично. Так обстоит дело с примерами (33) и (35). Напротив, примеры (34) и (36), хотя и содержат не мотивированное структурно маркирование («падеж ниоткуда»), вполне приемлемы (именно они встретились в реальных текстах):

- (33) ??*Может, тебе, как и я, уже пора квет попить?*
- (34) *Может тебе, как и мне, уже пора квет попить?* (<https://psy-ru.org › viewtopic>)
- (35) ??*Может тебе, как и герой новости, тоже у психолога провериться?*
- (36) *Может тебе, как и герою новости, тоже у психолога провериться?* (<https://allbasketball.ru/27650-roys-uayt-mozhet-prodolzhit-kareru-v-evrope.html>)

Дело в том, что *как и* в стандартном случае при различном падежном маркировании требует расположения каждой из сравниваемых именных групп после своего предиката:

(37) *Может, тебе тоже провериться у психолога, как и герой новости.*

Если бы автор текстов, приведённых выше, стремился поместить стандарт сравнения прямо после объекта сравнения, как в (33) или (35), сохранив структурно мотивированное падежное маркирование, это создало бы сомнительный для конструкций с *как и* порядок слов. «Падеж ниоткуда», как в (34) или (36), позволяет обойти это ограничение: если падежи идентичны, ИГ могут располагаться контактно и предшествовать второму предикату (*у психолога*) *провериться*. Примеры типа (38) практически не допустимы и семантически неясны.

(38) *Может, тебе, как и я, сходить в кино?*

В конструкции с *как* линейное расположение важно в меньшей мере, однако и здесь на выбор падежа второго участника влияет расположение соответствующей ИГ:

(39) *А может, мне, как Глебу, уехать в деревню?*

(40) *А может, мне уехать в деревню, как в прошлом году Глеб / *Глебу?*

В частности, релевантно то, до зависимой клаузы или после (если конструкция би-клаузная) находится стандарт сравнения. Оказывается, что если стандарт сравнения стоит сразу после объекта сравнения и до зависимого предиката, весьма вероятен выбор «падежа ниоткуда». Напротив, если между объектом и стандартом сравнения больше расстояние, в том числе они разделены зависимым предикатом и даже (как в (40) обстоятельством, структурно мотивированный падеж становится предпочтительнее. Впрочем, не вполне очевидно, чем именно объясняется разница между примерами (39) и (40). Возможны две трактовки: синтаксическая и прагматическая.

При малой синтаксической трактовке мы считаем, что контактно расположенные объект и стандарт сравнения (например, [*мне, как Глебу*]) образуют малую составляющую типа сочинённых ИГ [*Вася и Петя*]. Сочинённые ИГ также требуют контактного расположения компонентов — если же второй компонент сильно отнесён от первого, например, находится в постпозиции к глаголу, сочинительная конструкция утрачивает свойства ИГ, например, перестаёт контролировать множественное согласование:

(41) *Вася и Петя пришли.*

(42) **Вася пришли, и Петя.*

(43) *Вася пришёл, и Петя.*

Прагматическая трактовка предполагает, что сильным фактором выбора «падежа ниоткуда» является близкое расположение первой ИГ в том же падеже — объекта сравнения. Если же расстояние между объектом и стандартом большое, влияние первой группы на вторую ослабевает, и падеж выбирается исходя из управления вершины, от которой зависит стандарт, как в примере (37).

Другие падежи?

Естественно возникает вопрос, бывает ли, что «падежом ниоткуда» является не датив, а другая падежная граммема. Отметим, что такие контексты довольно сложно найти. Как видно из предыдущего описания, к ним предъявляются следующие требования:

- при одном глаголе возможны два разных типа маркирования (хотя бы при наличии некоторого оператора — например, не структурно мотивированный датив возникает потому, что глаголы с канонической моделью управления могут получать дативное подлежащее, если стоят в инфинитиве);
- это не должны быть два разных значения / прочтения глагола (иначе возникнет эффект языковой игры);
- при этом структурно мотивированные и немотивированные контексты должны чётко различаться.

Один из возможных случаев такой падежной вариативности, где могли бы ожидать «падежи неоткуда» — генитив при отрицании. Как показано в многочисленных исследованиях, например, [Partee & Borschev 2002a, 2002b], [Рахилина, Резникова, Летучий (ред.) 2008] и др., как правило, генитив и форма, которую он заменяет, могут встречаться при одном и том же глаголе, причём в контексте отрицания появляется возможность генитива, но не утрачивается и исходное падежное управление (ср. *мороз не чувствовался* и *мороза не чувствовалось*).

Ниже приведён пример, который теоретически может интерпретироваться как содержащий «падеж ниоткуда»:

(44) *Мороза в той же мере, что и ветра, не чувствовалось.*

Очевидно, что пример имеет структурно мотивированную интерпретацию: отрицание приписывает оба генитива. При этом одно из отрицаний, вероятно, подвергается опущению вместе с глаголом, к которому относится:

(45') 'Мороза [GEN] не чувствовалось в той же мере, в какой не чувствовалось ветра [GEN]' (ни того, ни другого особенно не чувствовалось).

Вопрос же заключается в том, возможна ли другая интерпретация, где форма генитива *ветра* не попадает в сферу действия отрицания, а относится к утвердительной форме:

(45'') 'Мороза [GEN] не чувствовалось, по крайней мере, так же сильно, как чувствовался ветер [GEN]'.

В этом случае нужно считать, что генитив — это «падеж ниоткуда»: положительная форма *чувствовалось / чувствовался* не может управлять родительным падежом (**Чувствовалось мороза*). Однако генитивные контексты (ни в одном варианте — ни в структурно мотивированном, ни с «падежом ниоткуда») не удаётся найти в реальных текстах. Именно поэтому мы обратились к экспериментальным данным.

Устройство и цель эксперимента

Целью эксперимента является поиск ответа на два вопроса:

1) насколько типична ситуация, при которой у некоторого примера есть и структурно мотивированная интерпретация, и интерпретация с «падежом ниоткуда»?

2) насколько хорошо оцениваются носителями примеры, где падежи различаются, при этом каждый из них явно структурно мотивирован.

Чтобы ответить на вопрос 1), носителям предлагалось оценить для примеров типа (45) два прочтения отдельно:

(45) *Не лучше ли Серёже, как его другу Лёхе, просто уехать в деревню?*

(i) Структурно мотивированы оба датива: ‘Не лучше ли Серёже уехать в деревню, и его другу Лёхе не лучше ли уехать в деревню?’ Ни Серёжа, ни Лёха ещё не уехали в деревню, однако для них обоих Говорящий считает такое развитие событий возможным.

(ii) Структурно мотивирована только падежная форма *Серёже*: ‘Не лучше ли Серёже уехать в деревню, как уехал в деревню его друг Лёха?’ Лёха уже уехал в деревню, а для Серёжи Говорящий считает такое развитие событий возможным. Тем самым, только форма *Серёже* семантически попадает в сферу действия модального предиката *не лучше ли*.

Кроме того, для всех примеров с совпадением падежей предлагался третий ответ:

(iii) Ни одна из интерпретаций не возможна.¹

Ответ на вопрос 2) требовал оценки примеров с различием падежных форм:

(45') *Может мне, как Юра, зарабатывать на жизнь поэзией?*

Если верно, что Юра уже зарабатывает на жизнь поэзией, а Говорящий ещё нет, то по логике вещей форма номинатива *Юра* зависит от финитной формы с реальным значением (‘как зарабатывает Юра’), а форма датива *мне* — от модальной конструкции *может* + INF. Тем самым, два падежа различаются, и оба структурно мотивированы.

Для симметрии при примерах типа (45') также указывалось три варианта ответа:

1) ‘я только хочу зарабатывать на жизнь поэзией, а Юра уже зарабатывает’ (структурно мотивированный падеж).

2) ‘и я, и Юра, могли бы зарабатывать на жизнь поэзией, но ещё не зарабатывают’ (сомнительное прочтение).

3) Ни в одном из прочтений предложение не возможно.

Перейдём теперь к результатам эксперимента.

¹ Приведённый список ответов показывает, что сумма процентов во всех трёх вариантах ответа может быть больше 100%: это связано с тем, что респондент может допускать и интерпретацию (i), и интерпретацию (ii) — в этом случае его ответ попадает в число ответов сразу к двум вариантам.

Результаты эксперимента

Ниже приведены оценки всех предлагавшихся носителям предложений:

• С дательным падежом

(46) *Не лучшие ли Серёже, как его другу Лёхе, просто уехать в деревню?*

Принято всеми носителями.

74 из 79 (93,7%) принимают в значении 'Лёха уже уехал в деревню'. (падеж ниоткуда)

34 из 79 (43%) принимают в значении 'Лёха ещё не уехал в деревню'. (структурно мотивированный падеж)

(47) *А может мне, как Илье, уволиться с работы и заниматься только медитацией?*

Принято 98,6% носителей.

65 из 69 (94,2%) принимают в значении 'Илья уже уволился' (падеж ниоткуда)

19 из 69 (27,5%) принимают в значении 'Илья ещё не уволился' (структурно мотивированный падеж)

Оценка конструкций с несовпадением падежей сильно варьирует, но в целом они оцениваются хуже, чем с совпадением.

(48) *Может мне, как Юра, зарабатывать на жизнь поэзией?*

Принимается 92,4% носителей.

73 из 79 (92,4%) принимают в значении 'Юра действительно зарабатывает на жизнь поэзией' (структурно мотивированный падеж)

5 из 79 (6,3%) принимают в значении 'Юра пока не зарабатывает на жизнь поэзией' (сомнительное прочтение)

(49) *Может быть, тебе, как я, лучше перестать выступать?*

Принимается 47,8% носителей.

33 из 69 (47,8%) принимают в значении 'Я уже перестал выступать' (структурно мотивированный падеж)

8 из 69 (11,6%) принимают в значении 'Я ещё не перестал выступать' (сомнительное прочтение)

(50) *Зачем Пете, как Глеб, идти на пересдачу?*

Принимается 45,5% носителей.

33 из 77 (42,9%) принимают в значении 'Глеб уже пошёл на пересдачу' (структурно мотивированный падеж)

17 из 77 (22,1%) принимают в значении 'Глеб ещё не пошёл на пересдачу' (сомнительное прочтение)

Не мотивированный структурно генитив при отрицании принимается меньшим количеством носителей, чем датив. В то же время и конструкция, отвечающая

структуре, с расхождением падежей (пример (54)), принимается сравнительно малым числом носителей. Иначе говоря, если объект сравнения стоит в генитиве при отрицании, не существует абсолютно преобладающего способа кодирования стандарта сравнения, не попадающего в сферу действия отрицания.

(51) *К сожалению, Пети не оказывалось в университете так же часто, как Глеба.*

Принимается 91 % носителей.

33 из 78 (42,3 %) принимают в значении ‘Петя нечасто оказывался в университете, а Глеб часто’ (падеж ниоткуда)

51 из 78 (65,4 %) принимают в значении ‘и Пети, и Глеба часто не оказывалось в университете’ (структурно мотивированный падеж)

(52) *К сожалению, присяжные не выносят оправдательных приговоров так же часто, как обвинительных.*

Принимается 81,2 % носителей.

52 из 69 (75,4 %) принимают в значении ‘присяжные редко выносят оправдательные приговоры, а обвинительные выносят часто’ (падеж ниоткуда)

10 из 69 (14,5 %) принимают в значении ‘присяжные редко выносят / часто не выносят и обвинительные, и оправдательные приговоры’ (структурно мотивированный падеж)

(53) *К сожалению, мы не обсуждаем важных тем так же часто, как **планов на выходные**.*

Принимается 79 % носителей.

60 из 81 (74,1 %) принимают в значении ‘важные темы мы обсуждаем редко, а планы на выходные — часто’ (падеж ниоткуда)

10 из 81 (12,3 %) принимают в значении ‘мы редко обсуждаем / часто не обсуждаем и планы на выходные, и важные темы’ (структурно мотивированный падеж).

(54) *Писем не приходило так же регулярно, как **посылки**.*

Принимается 28,6 % носителей.

8 из 70 (11,4 %) принимают в значении ‘регулярно не приходили ни письма, не посылки’ (сомнительное прочтение).

15 из 70 (21,4 %) принимают в значении ‘письма приходили нерегулярно, а посылки регулярно’ (структурно мотивированный падеж).

Кроме того, мы проверили на нескольких носителях контекст, где выбор проводится между «аккузативом ниоткуда» и структурно мотивированным аккузативом.

(55) *Ты что, хочешь меня заставить, как **Серёжу**, пять лет на себя работать?*

(i) (падеж ниоткуда) ‘Ты хочешь заставить меня работать на себя пять лет, как раньше на тебя работал Серёжа?’ (АСС в первом случае — от *заставить*, во втором — на самом деле должен быть номинативным подлежащим)

(ii) (структурно мотивированные падежи) ‘Ты хочешь заставить меня работать на себя пять лет, как раньше заставил Серёжу?’ (оба АСС — от глагола *заставить*).

Практически всегда носители считают возможной только первую интерпретацию, в которой обе формы аккузатива находятся в сфере действия предиката ‘заставить’ и синтаксически от него зависят. Тем не менее, ряд примеров показывает, что и аккузатив может быть не структурно мотивированным. Если пример (56) несколько отличается от большинства исследованных нами (союз *как* здесь выражает не сравнение в чистом виде, а скорее имеет прочтение ‘как будто я дурак’), то (57) иллюстрирует сравнение. При этом имеется в виду, что героев нужно заставить не выпячивать своё поведение, как делают и другие люди — однако речь не идёт о том, что других людей тоже заставляют так себя вести. Тем самым, аккузатив *людей* не структурно мотивирован.

- (56) *Что-то, что могло бы заставить меня как дурака стоять в очереди у магазина Apple в ночь перед стартом продаж.* (<https://www.gazeta.ru> › Технологии › Гаджет)
- (57) *А во-вторых, не «загнуть в цель», а заставить их (как и других людей) не выпячивать свое аморальное поведение на публице.* (forum.ixbt.com › topic)

Итак, мы выяснили, что «падеж ниоткуда» в разной мере допустим для носителей в зависимости от падежной граммы и конкретного примера. Однако в целом степень приемлемости довольно высокая. Во всех примерах, кроме (51) и (53) (и во всех примерах с дативом), приемлемость «падежа ниоткуда» выше, чем 75%. В трёх примерах эта интерпретация принимается более чем 90% носителей.

Неструктурное приписывание других категорий

Хотя выше мы обсуждали конструкции с неструктурным присваиванием падежа, на самом деле и маркирование других грамматических значений может не вытекать из структурных отношений «вершина-зависимое». Так, в (58) таким же образом присваивается инфинитив:

- (58) *По предсезонным матчам мы показали, что можем выигрывать чаще, чем проигрывать.* ([https://www.championat.com/...](https://www.championat.com/))

Возможно, теоретически и можно считать, что и глагол *выигрывать*, и *проигрывать* зависят от матричного предиката *можем*. Однако более естественно думать, что ситуация *проигрывать* — эталон сравнения — имеет место в реальности. Речь не идёт о том, что команда может и выигрывать, и проигрывать — главное, чтобы команда стала чаще выигрывать — чаще, чем она в реальности проигрывает.

Ещё более ярким является случай, представленный в фазовых конструкциях с моделью *начать с того, что* (см. Letuchiy 2018). В этих конструкциях форма, которую глагол *начать* получает либо в силу семантики и коммуникативных

характеристик (императив), либо от вышестоящего глагола (инфинитив), может распространяться на глагол, которым управляет *начать*:

- (59) *Деловой совет женщине: если хочешь устроить незабываемый вечер, начни с того, что купи красивое белье.* (Юлия Бердникова. Психология счастливого брака)

Оба эти случая похожи на описанное ранее приписывание падежа в сравнительных конструкциях тем, что некоторая граммема приписывается слову, не зависящему напрямую от приписывающей вершины. Однако различие в том, что в конструкциях (58) и (59) эта граммема (соответственно, инфинитив и императив) отражает семантику ситуации: например, в (59) в сферу действия императивного оператора входят и глагол *начни*, и глагол *купи* — оба этих действия являются содержанием совета. Напротив, в компаративах оказывается, что, например, не структурно мотивированные дативы никак не отражают семантику конструкции — в примерах типа *А может, мне, как Глебу, уехать в деревню* имя *Глеб* не находится в сфере действия модального оператора. В этом смысле копирование падежа в меньшей мере семантически, чем копирование форм глагола.

Способы объяснения

Попробуем теперь объяснить, почему копирование падежа в сравнительных конструкциях вообще возможно. Как мы покажем, это не объясняется смешанной подчинительно-сочинительной природой компаративов. Скорее дело в том, что благодаря семантической симметрии актантов возникает требование идентичности их маркирования — и это требование может оказываться сильнее вершинно-зависимостных отношений и связанных с ними требований падежа.

I. Сочинительная природа сравнительных конструкций

В. З. Санников [2008] доказывает, что сравнительные конструкции совмещают в себе свойства сочинительных и подчинительных конструкций. Например, в отличие от многих других подчинительных конструкций (конструкций временной последовательности, причины, цели и др.), сравнительные конструкции легко допускают эллипсис совпадающего сказуемого:

- (60) *Петя вёл себя, как слон в посудной лавке.*
(61) *??Петя поступил в этот институт, после того, как Вася — в школу.*
(62) *??Петя купит хлеб, если его брат — халву.*

К аналогичным результатам на типологическом материале приходят авторы работ [Kántor 2010] и [Bacsikai-Atkari 2018]. Казалось бы, можно считать, что оформление объекта и стандарта сравнения одинаковыми падежами — это просто один из аспектов сочинительного поведения компаративов. Действительно, в сочинительных конструкциях конъюнкты обычно оформляются одинаковыми падежами:

ср. возможное *Он не читает ни книг, ни газет* и невозможное *Он не читал ни «Преступления и наказания», ни вчерашние газеты*, где первый конъюнкт маркирован генитивом, а второй — аккузативом.

Однако объяснение с помощью сочинения оказывается довольно слабым. Его основной недостаток в том, что в некоторых аспектах сравнительные конструкции явно ведут себя, как подчинительные. Объект сравнения, в частности, не проявляет островных свойств при вопросе и образовании относительной клаузы, как это бывает с конъюнктами сочинительной конструкции.

Вопросительный вынос из первой части сравнительной конструкции возможен:

- (63) *Кто уехал в деревню, как и Глеб?*
(64) *Кто из нас, как он, противостоит трудностям, проблемам, давлению, угрозам, направленным против нас с четырех сторон?!* (1news.az › news › rochemu-mu-takie)

Релятивизация объекта сравнения возможна:

- (65) *Хочу помочь всем тем, кто может, как и я, попасться на удочку этих жуликов-экспертов.* (https://www.yell.ru/moscow/com/nezavisimyiy-tsentr-ekspertizyi-i-otsenki-ooo_10880263/)

Кроме того, если падежное маркирование отражает сочинительные свойства сравнительных конструкций, то почему возможна и более распространена всё-таки не стратегия с падежом ниоткуда, а структурно мотивированная стратегия, где при необходимости объект получает одно маркирование, а стандарт другое? Можно было бы сказать, что два варианта допустимы благодаря промежуточной структуре компаративов, однако мы видим, что это не совсем так. Очень во многих контекстах вариант без «падежа ниоткуда» сомнительнее, чем с ним. Тем самым, варианты не равноправны.

Наконец, сочинительная трактовка не облегчает семантические проблемы. Даже если считать, что синтаксически падеж передаётся сразу всей сочинительной группе или её обоим конъюнктам по отдельности, как обстоит дело со значением? Ведь, например, дативное маркирование первой ИГ (объекта сравнения) показывает, что объект сравнения является аргументом модального отношения и / или PRO подчинённого инфинитива. А идентичное маркирование стандарта, который не является аргументом такого отношения, не несёт семантической нагрузки и не функционально.

II. Синтаксическое копирование

Второй подход состоит в том, что требование идентичности падежей — не полностью синтаксическое. Имеет место процесс, который можно назвать синтаксическим дублированием или копированием. Вероятно, в некоторых конструкциях просто требуется, чтобы формы двух сопоставляемых объектов совпадали, и это структурно не мотивировано (во всяком случае, не мотивировано стандартными

правилами управления). В большинстве случаев это требование соблюдается тривиальным образом: часто и объект, и стандарт сравнительной конструкции синтаксически зависят от одного предиката и находятся в одной синтаксической позиции, например, прямого дополнения при глаголе *знать* в (66).

(66) *Я знаю Петю так же хорошо, как Васю / *Вася.*

Однако это не всегда так: может оказаться, что некоторый предикат, от которого зависит ИГ-объект, на стандарт своё управление не распространяет.

(67) *Он считал Петю таким же хорошим другом, как Вася.*

Исходной конструкцией является вариант с идентичным падежным маркированием *Петя такой же хороший друг, как Вася*. Затем объект сравнения переходит в позицию прямого дополнения при глаголе *считать*, а *Вася* этого не делает. В частности, при генитиве отрицания вариант с двумя генитивами сомнителен. Однако вариант с GEN объекта и NOM стандарта просто невозможен:

(68) *Мороза в той же мере, как ветер, не чувствовалось.*

Ср. недопустимое предложение (69) и допустимое (70):

(69) **Мороз чувствовался, а ветра — нет.*

(70) *Мороза не чувствовалось, и ветра тоже.*

Иначе говоря, приходится считать, что в ряде случаев структурные требования управления и семантические требования оказываются слабее, чем требование идентичности падежей. При этом требование идентичности тоже связано и с семантикой, и с синтаксисом. Оно просто показывает, что синтаксические правила и тенденции не сводятся к моделям управления вершин. Оказывается, что могут существовать синтаксические правила, не формулирующиеся в терминах управления или согласования между вершиной и её зависимым, или даже между вершиной и составляющей внутри зависимого. Наше правило выглядит примерно так:

Падеж объекта и стандарта должен / может совпадать

При этом несущественно, что объект и стандарт сравнения не принадлежат к одной составляющей. Структурный фактор (локальное управление) может быть преодолён благодаря семантической симметрии между объектом и стандартом.

Ещё одним фактором копирования падежа («падежа ниоткуда») является то, что во второй части, выражающей стандарт, обычно имеет место эллипсис. Примеры типа *А может, мне уехать в деревню, как уехал и Петя* редки, и «падежа ниоткуда» в них не возникает. В стандартном же случае, где вершина второй клаузы подвергается эллипсису, оказывается, что давление конструкции в первой клаузе (например, модальной типа *может, мне уехать*) на ИГ с ролью стандарта (*Петя*) слишком велико. Поскольку выраженной вершины, конкурирующей с модальной конструкцией *может, уехать* за право приписывать падеж стандарту сравнения *Петя*, в предложении нет, *Петя* может получать датив от предиката первой клаузы: *А может, мне, как Пете, уехать в деревню.*

Заключение

В русской сравнительной конструкции ИГ в позиции стандарта может принимать падеж, не продиктованный структурой. Факторы его возникновения таковы:

1) Тенденция к идентичности категорий в сравнительных конструкциях.

2) Общие смешанные сочинительно-подчинительные свойства сравнительных конструкций.

3) Близкая дистанция.

По-видимому, данное явление входит в круг явлений, которые могут описываться как копирование грамматических характеристик (см. о других случаях Letuchiy 2018). Существенно, что такой прагматический, не собственно структурный фактор, как совпадение падежей, может оказываться сильнее, чем требования структуры, в частности, модель управления вершины, от которой зависит получающая падеж именная группа.

Вернёмся к теории Оры Матушански, о которой мы говорили выше. Можно ли считать, что «падеж ниоткуда» является аргументом в пользу множественного присваивания падежа? По-видимому, в очень слабой степени: «падеж ниоткуда» не распространяется на широкие классы конструкций, а возникает только в сравнительных. Тем самым, объяснение для нашего случая должно опираться не на такой глобальный синтаксический механизм, как присваивание падежа многими вершинами, а на более локальный. Можно считать, что некоторые конструкции (сравнительные конструкции здесь являются самым очевидным случаем) задают семантическую структуру с симметрией участников: как бы сильно ни различались свойства участников при сравнении, само сравнение противопоставляет их друг другу и делает в известной мере параллельными. Именно отсюда возникает тенденция к параллелизму на синтаксическом уровне. Эта тенденция может обладать над семантикой конкретного предложения, где участники сравнительной ситуации на самом деле зависят от разных предикатов или форм предикатов и должны бы маркироваться разными падежами.

При этом вряд ли можно считать, что это явление представляет собой один из типов ошибки, вызванной праймингом — влиянием встреченной ранее формы в аналогичном падеже. Во-первых, в нашем эксперименте испытуемые читали предложения и располагали временем на то, чтобы обдумать их правильность, тем самым, значимость чисто коммуникативных факторов типа прайминга должна была снизиться. Во-вторых, существенно, что предложения с «падежом ниоткуда» не просто оцениваются хорошо, но и лучше своих структурно мотивированных и вроде бы более логически объяснимых коррелятов. Тем самым, носители вполне сознательно выбирают структуры с идентичностью падежа.

Задача будущих исследований — понять, насколько такая ситуация распространена; насколько часто оказывается, что язык требует идентичности некоторых форм просто исходя из их семантико-прагматического параллелизма, симметрии и так далее, даже если это противоречит структуре.

Литература

Деятова Н. М. Сравнение в динамической системе языка. М.: УРСС, 2010. 320 с.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки русской культуры, 2007. 705 с.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Летучий А. Б. (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел 2000, 2008. 176 с.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.

Vacskai-Atkari J. Deletion phenomena in comparative constructions. English comparatives in a cross-linguistic perspective (Open generative syntax 3). Berlin: Language Science Press, 2018. 255 p.

Borschev V., Partee B. H. The Russian genitive of negation in existential sentences: the role of Theme-Rheme structure reconsidered // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague (nouvelle série)* / ed. By E. Hajičová et al. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 185–250.

Borschev V. and B. H. Partee. The Russian genitive of negation: Theme / rheme structure or perspective structure? // *Journal of Slavic Linguistics*. 2002. № 10. P. 101–140.

Evans N. Multiple Case in Kayardild: Anti-Iconic Suffix Ordering and the Diachronic Filter // *Double Case: Agreement by Suffixaufnahme* / ed. by F. Plank. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 396–428.

Haspelmath M. and Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe // *Adverbial constructions in the languages of Europe. (Empirical Approaches to Language Typology / EURO TYP, 20(3))* / ed. by J. van der Auwera. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334.

Kántor G. Syntactic processes and interface phenomena in comparatives. Budapest: Eötvös Loránd University dissertation, 2010.

Letuchiy A. Tense and irrealis marking in tricausal constructions (and what distinguishes them from biclausal constructions) // *Linguistics*. 2018. V. 56. № 1. P. 163–206.

Matushansky O. Some cases of Russian // *Formal Studies in Slavic Linguistics. Proceedings of FDSL 7.5* / ed. by G. Zybatow, Ph. Dudchuk, S. Minor, and E. Pshehotskaya. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. P. 117–135.

Matushansky O. A Case Study of Predication // *Studies in Formal Slavic Linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5* / ed. by F. Marušič, and R. Žaucer. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 213–239.

Alexander B. Letuchiy

National Research University Higher School of Economics /
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
alexander.letuchiy@gmail.com

NON-STRUCTURAL CASE COPYING

The article focuses on Russian constructions where the case of an NP is not acquired from the syntactic head. This phenomenon is characteristic, first of all, of comparative constructions with *kak* (*Mozhet, mne, kak Vase, uexat' v derevnu?* 'Maybe, I, like Vasja, should go to the village?') and for constructions with the comparative degree and the marker *čem* (*Mne nado est' bol'se, čem drugim*). The experiment described in the work shows that mainly dative forms are copied, but genitive doubling is also possible. In dative constructions, the dative expresses PRO in the infinitive clause and/or experiencer in the modal predicate. There are several reasons for this non-structural marking: the nature of comparatives, which are intermediate between coordination and subordination; the possibility of avoiding a non-canonical linear position of the standard of comparison (for constructions with the marker *kak i*). Constructions where non-finite verb forms are copied are structured similarly to case-copying constructions. Finally, Russian has constructions outside the domain of comparison where the form of two constituents must be identical, though only one of them acquires this form by means of canonical head-dependent relations. We also argue that non-structural case assignment does not result from the coordinating properties of comparative constructions; rather, it is motivated by a rule not related to the head-dependent relations, which can be called 'syntactic doubling/copying' and can be explained by the semantic symmetry between the object and the standard of comparison.

Keywords: case, modal constructions, case copying, ellipsis, dative, genitive, infinitive, linear position, irrealis.

References

Bacsikai-Atkari J. Deletion phenomena in comparative constructions. *English comparatives in a cross-linguistic perspective (Open generative syntax 3)*. Berlin: Language Science Press, 2018. 255 p.

Borschev V., Partee B.H. The Russian genitive of negation in existential sentences: the role of Theme-Rheme structure reconsidered. *Travaux du Cercle Linguistique de Prague (nouvelle série)* / ed. By E. Hajičová et al. Amsterdam: John Benjamins, 2002, pp. 185–250.

Borschev V., Partee B.H. The Russian genitive of negation: Theme / rheme structure or perspective structure? *Journal of Slavic Linguistics*, 2002, no. 10, pp. 101–140.

Devjatova N.M. *Sravnenie v dinamičeskoj sisteme jazyka* [Comparison in the dynamic system of language]. Moscow, URSS, 2010. 320 p. (in Russ.)

Evans N. Multiple Case in Kayardild: Anti-Iconic Suffix Ordering and the Diachronic Filter. *Double Case: Agreement by Suffixaufnahme* / ed. by F. Plank. Oxford: Oxford University Press, 1995, pp. 396–428.

Haspelmath M. and Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe. *Adverbial constructions in the languages of Europe. (Empirical Approaches to Language Typology / EUROTYP, 20(3))* / ed. by J. van der Auwera. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998, pp. 277–334.

Kántor G. *Syntactic processes and interface phenomena in comparatives*. Budapest: Eötvös Loránd University dissertation, 2010.

Knjazev Yu.P. *Grammatičeskaja semantika. Russkij jazyk v tipologičeskoj perspektive* [The grammatical semantics. Russian in the typological perspective]. Moscow, «Jazyki russkoj kul'tury» Publ., 2007. 705 p. (in Russ.)

Letuchiy A. Tense and irrealis marking in tricausal constructions (and what distinguishes them from biclausal constructions). *Linguistics*, 2018, v. 56, no. 1, pp. 163–206.

Matushansky O. Some cases of Russian // *Formal Studies in Slavic Linguistics. Proceedings of FDSL 7.5* / ed. by G. Zybatow, Ph. Dudchuk, S. Minor, and E. Pshehotskaya. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009, pp. 117–135.

Matushansky O. A Case Study of Predication. *Studies in Formal Slavic Linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5* / ed. by F. Marušič, and R. Žaucer. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008, pp. 213–239.

Rakhilian E. V., T. I. Reznikova, and A. B. Letučij (eds.). *Ob'jektnyj genitive pri otricanii v russkom jazyke* [Object genitive of negation in Russian]. Moscow, Probel 2000, 2008. 176 p. (in Russ.)

Sannikov V. Z. *Russkij sintaksis v semantiko-pragmatičeskom prostranstve* [Russian syntax in the semantico-pragmatic space]. Moscow, «Jazyki slavjanskix kul'tur» Publ., 2008. 624 p. (in Russ.)

Е. А. Лютикова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, МПГУ,
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия)
lyutikova2008@gmail.com*

ОСТРОВНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ*

В статье предполагается представить новый проект по экспериментальному исследованию островных ограничений в русском языке. Проект преследует как описательные, так и теоретико-методологические цели. С дескриптивной точки зрения проблема островных ограничений в русском языке изучена явно недостаточно: в теоретических работах используются противоречащие друг другу данные (например, о возможности извлечения составляющих из придаточных предложений с союзами *что* и *как*, о наличии эффекта «подчинительный союз + след», о наличии эффектов превосходства при множественном вопросительном выносе), а многие вопросы не получают никакого освещения (например, о параметрах слабых островов, о допустимости интрузивных местоимений в разных типах структур). С теоретической точки зрения может быть поставлен вопрос о том, вызываются ли разные виды островных ограничений грамматическим запретом либо чрезмерной нагрузкой на когнитивные системы, задействованные в обработке высказывания. Наконец, с методологической точки зрения серьезный интерес представляет проблема внутриязыкового варьирования и сосуществования в пределах одной языковой общности различных вариантов грамматик, что отражается в неоднородных суждениях респондентов о приемлемости предложений, содержащих исследуемые конструкции.

Ключевые слова: островные ограничения, структурные асимметрии, признаковые асимметрии, экспериментальный синтаксис, русский язык.

* Работа над статьей велась в рамках проекта РНФ № 18–18–00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина.

1. Островные ограничения в формальном синтаксисе

Проблематика структурных ограничений на синтаксические процессы появилась в повестке дня формального синтаксиса уже в первые десятилетия формирования этой исследовательской парадигмы. Толчком к интенсивному развитию этой области исследований послужила диссертация Дж. Росса «Ограничения на переменные в синтаксисе» [Ross 1967]. В этой работе ставятся важнейшие вопросы, касающиеся локальности взаимодействия языковых единиц: насколько неограниченным может быть (структурное) расстояние между переменными, задействованными в трансформации. Сам Дж. Росс определяет исследовательскую проблему следующим образом:

«Эта диссертация представляет собой попытку определения понятия синтаксической переменной — понятия, которое является ключевым, если в наши задачи входит объяснение важнейшего факта синтаксиса естественного языка, а именно — существования неограниченных синтаксических процессов. В работе предлагаются ограничения на переменные — универсальные и конкретно-языковые — и поднимается вопрос о том, какие типы синтаксических правил эти ограничения затрагивают. Показано, что эти ограничения, вкупе с понятием командования, разбивают синтаксическую структуру на острова — максимальные области применения всех правил определенного типа.»¹

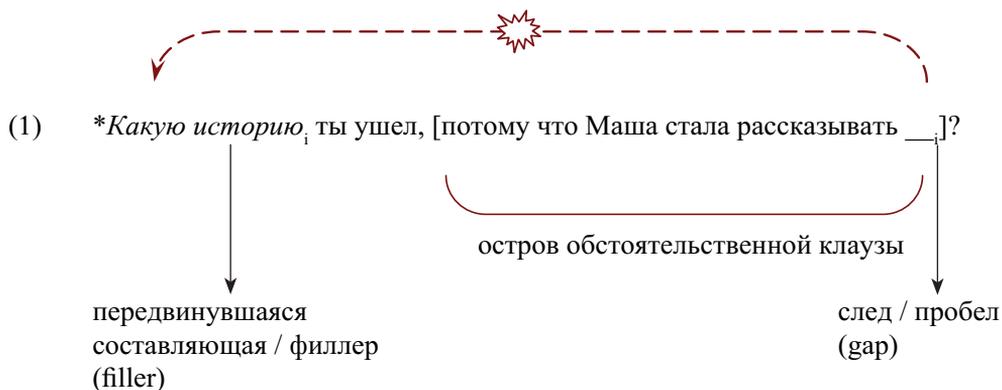
Результатом исследования становится формулировка островного ограничения — обобщения, запрещающего взаимодействие синтаксических переменных в правилах определенных типов, если эти переменные находятся по разные стороны от границы некоторых структурных конфигураций — синтаксических островов². Типы правил, чувствительных к границам островов — это правила передвижения с копированием и удалением нижней копии (*chopping rules*), правила, меняющие признаки, например, лицензирование отрицательно-полярных единиц (*feature-changing rules*), и правила, лицензирующие нулевые элементы, например, PRO в нефинитных оборотах (*deletion rules*).

Действие островных ограничений обычно проверяется и демонстрируется на материале передвижений, причем передвижений операторного типа (*A'*-передвижений), поскольку на другие типы процессов могут накладываться более строгие ограничения, чем островные. В примере (1) показана русская конструкция, неприемлемость которой, как считается, связана с нарушением островных ограничений. Обстоятельственная клауза представляет собой остров, и попытка передвижения

¹ “This thesis attempts a definition of the notion syntactic variable, a notion which is of crucial importance if the central fact of syntax, that there are unbounded syntactic processes, is to be accounted for. A set of constraints on variables, some universal, some language particular, is presented, and the question of what types of syntactic rules they affect is raised. It is shown that these constraints, in conjunction with the notion of command, partition phrase markers into islands — the maximal domains of applicability of all rules of a specified type” [Ross 1967: iii].

² “Variables in chopping rules, feature-changing rules, and unidirectional rules of deletion cannot cross island boundaries; variables in other rules can” [Ross 1967: 480].

вопросительной составляющей *какую историю* из ее базовой позиции внутри острова в производную позицию на левой периферии главного предложения приводит к неграмматичности. Если не использовать метафору передвижения, можно сказать, что между двумя синтаксическими переменными: филлером и пробелом — проходит граница острова, и этот факт вызывает неприемлемость конструкции (1).

В диссертации Дж. Росса были выявлены 4 островных ограничения (2a-d): ограничение сочиненной структуры, остров сложной именной группы, ограничение сентенциального подлежащего и ограничение на извлечение левой ветви. В дальнейшем было обнаружено большое количество новых островных структур; некоторые из них показаны в (2e-h), более полный список можно найти, например, в [Szabolcsi, den Dikken 1999]. Остров обстоятельственной клаузы из примера (1) представляет собой частный случай острова адьюнкта.

- (2) a. *Ограничение сочиненной структуры (Coordinate Structure Constraint violation)*
 *What did John buy [_{CoNP} a shirt and ___]?
 ‘Что Джон купил рубашку и?’
- b. *Остров сложной именной группы (Complex NP island)*
 *What did you make [_{NP} the claim that John bought ___]?
 ‘Что ты сделал заявление, что Джон купил?’
- c. *Ограничение сентенциального подлежащего (Sentential Subject island)*
 *What did [_{CP} that John wrote ___] offend the editor?
 ‘Что что Джон написал оскорбило редактора?’
- d. *Ограничение на извлечение левой ветви (Left Branch Extraction violation)*
 *Which did John borrow [_{NP} ___ book]?
 ‘Какую Джон взял займы книгу?’
- e. *Вопросительный остров (WH-island)*
 *What do you wonder [_{CP} whether John bought ___]?
 ‘Что ты интересуешься, купил ли Джон?’

- f. *Остров специфицированного подлежащего (Subject island)*
**What do you think* [_{NP} the speech about ___] interrupted the show?
‘О чем ты думаешь речь прервала шоу?’
- g. *Остров адьюнкта (Adjunct island)*
**What do you worry* [_{CP} if John buys ___]?
‘Что ты тревожишься, если Джон покупает?’
- h. *Остров относительной клаузы (Relative Clause island)*
**What did you meet* [_{RC} the scientist who invented ___]?
‘Что ты встретил ученого, который изобрел?’

Целенаправленное изучение островных структур, последовавшее за открытием Дж. Росса, показало, что островные ограничения являются предметом варьирования как во внутриязыковом, так и в межъязыковом аспекте [Szabolcsi, den Dikken 1999], [Szabolcsi 1997, 2002]. Важнейшая дихотомия внутриязыковых характеристик островных структур — это противопоставление сильных и слабых островов. Сильные острова запрещают любые виды взаимодействия между любыми переменными внутри и снаружи острова, в частности, извлечение любых типов составляющих. К сильным островам обычно относятся сочинительная конструкция (за исключением случаев одновременного выдвигания из обоих конъюнктов и псевдосочинения), адьюнктная клауза, сложная именная группа с определенной именной вершиной. Последний тип сильного острова показан в примере (3).

- (3) **Кого_i* ты веришь [_{CNP} этим слухам, что назначили ____i деканом]?

В отличие от сильных островов, слабые острова блокируют только некоторые виды взаимодействий между переменными, и, в частности, извлечение только некоторого класса составляющих. Свойства слабых островов обычно демонстрируют косвенный вопрос, отрицательное предложение, фактивное придаточное предложение. Например, инфинитивный косвенный вопрос в русском языке позволяет извлечение вопросительных дополнений, но не обстоятельств (4a-b).

- (4) a. *Что_i* ты не знаешь, где починить ____i? (— Велосипед.)
b. **Где_i* ты не знаешь, что починить ____i? (— В Службе быта.)

В отношении параметров, определяющих допустимость извлечения из слабого острова, также имеет место варьирование. Можно выделить два типа асимметрий выдвигания из слабых островов: структурные и признаковые. Структурные асимметрии связаны с синтаксической позицией извлекаемого элемента: например, из отрицательного острова в английском языке возможно извлечение аргументов, но не адьюнктов (5). Аргументы также не одинаковы в отношении способности к выдвиганию: так, могут быть противопоставлены дополнения, допускающие извлечение, и подлежащие, не допускающие его (6a-b). Диагностика структурной асимметрии подлежащих и дополнений в языках с жестким порядком слов осложняется существованием дополнительного ограничения на последовательность «подчинительный союз + след» (*that-trace effect*, [Perlmutter 1968]), которая возникает при извлечении подлежащего (6c-d).

- (5) a. Who_i don't you think that John talked to ____i?
 'С кем ты не думаешь, что Джон поговорил?'
 b. *Why_i don't you think that John talked to Mary ____i?
 'Почему, ты не думаешь, что Джон поговорил с Мэри?'
- (6) a. Who_i do you wonder **if** Mary has invited ____i?
 'Кого тебе интересно, пригласила ли Мэри?'
 b. *Who_i do you wonder **if** ____i has invited Mary?
 'Кто тебе интересно, пригласил ли Мэри?'
 c. Who_i do you think that Mary likes ____i?
 'Кого ты считаешь, что Мэри любит?'
 d. *Who_i do you think **that** ____i likes Mary?
 'Кто ты считаешь, что любит Мэри?'

Признаковые асимметрии связаны с признаковыми характеристиками составляющей, подвергающейся передвижению. Так, например, установлено, что дискурсивно связанные (d(iscourse)-linked, [Pesetsky 1987]) вопросительные составляющие в английском языке значительно легче покидают острова, в частности, остров финитного косвенного вопроса, чем дискурсивно несвязанные (7a-b).

- (7) a. *What_i do you wonder **who** bought ____i?
 'Что ты интересуешься, кто купил?'
 b. Which car_i do you wonder **who** bought ____i?
 'Какую машину ты интересуешься, кто купил?'

В работах [Rizzi 2004], [Abels 2012] и, для русского языка, [Bailyn 2018] формулируются иерархии формальных признаков, вызывающих передвижение. В частности, для A'-передвижения показано, что наиболее строгим ограничениям подчиняется извлечение вопросительных составляющих, в то время как передвижение относительных составляющих или скрэмблинг из аналогичных конфигураций могут быть допустимы. В английском примере (8) вопросительная составляющая не может быть извлечена из финитного косвенного вопроса, однако относительная составляющая легко преодолевает его границу.

- (8) a. *What_i do you remember **who** wrote ____i?
 'Что ты помнишь, кто написал?'
 b. the book which_i the journalist doesn't remember **who** wrote ____i
 'книга, которую журналист не помнит, кто написал'

В дополнение к этому набор и свойства островных структур являются предметом межъязыкового варьирования. Так, например, давно замечено, что в русском языке не действует ограничение на извлечение левой ветви, а в итальянском отсутствует вопросительный остров. Сильно разнятся также параметры слабых островов. Некоторое представление о межъязыковом варьировании в области островных ограничений дает Таблица 1, заимствованная из работы [Sprouse, Hornstein 2013: Table 1.1].

Межъязыковое варьирование островных ограничений

	Вопросительный	Сложной ИГ	Субъекта	Адьюнкта	Относительной клаузы
английский	*	*	*	*	*
итальянский	—	*	?	*	*
испанский	—	*	?	*	*
португальский	—	*	?	*	*
французский	?	*	*	*	*
немецкий	*	*	?	*	*
русский	*	*	?	*	*
северо-германские	—	—	—	—	?
венгерский	?	*	?	*	*

Из таблицы видно, что данные русского языка по меньшей мере для некоторых типов островных структур полагаются известными и доступными для межъязыкового сравнения. Однако в действительности островные ограничения в русском языке изучены явно недостаточно. В следующем разделе мы рассмотрим представленные в литературе обобщения об одной структурной конфигурации — придаточном изъяснительном с союзом *что* — и покажем, что они неполны и частично противоречат друг другу.

2. Данные русского языка в предшествующих исследованиях

Придаточные изъяснительные с союзом *что* были выбраны нами для углубленного исследования по нескольким причинам. Во-первых, это основной тип зависимой клаузы в полипредикативной конструкции, который характеризуется регулярностью, отсутствием семантических ограничений на дистрибуцию и высокой частотой встречаемостью в корпусах и в спонтанной речи носителей языка. Во-вторых, такие финитные актантные клаузы с неспецифицированным подчинительным союзом обычно служат эталоном сравнения при изучении более сложных структурных конфигураций, таких как сложная именная группа или косвенный вопрос, ср. английские примеры (9a-b) и (9a-c). Заметим, что аналоги придаточного изъяснительного с союзом *что* во многих других языках не являются островами, то есть соответствующие подчинительные союзы — англ. *that*, франц. *que*, итал. *che*, нем. *dass* — не ограничивают передвижение.

- (9) a. What do you believe that John bought?
 ‘Что ты веришь, что Джон купил?’
 b. *What do you believe the claim that John bought?
 ‘Что ты веришь заявлению, что Джон купил?’
 c. *What do you wonder who bought?
 ‘Что ты интересуешься, кто купил?’

По-видимому, первая работа, в которой эксплицитно ставится проблема локальности для передвижения оператора в русском языке — статья А. А. Зализняка

и Е. В. Падучевой [Зализняк, Падучева 1979], посвященная образованию относительных предложений с союзным словом *который*. Авторы указывают: «Недопустимы, вообще говоря, разбиения, при которых НС предложения — сложноподчиненного — входит в состав придаточного... (то есть, в терминах используемой нами метафоры — невозможно извлечение относительной составляющей из любых придаточных предложений — ЕЛ) ... Однако иногда это правило нарушается» [Зализняк, Падучева 1979: 306]. В качестве примеров нарушения этого правила А. А. Зализняк и Е. В. Падучева приводят, в частности, предложения в (10).

- (10) а. У меня есть книга, *которую* я хочу, чтобы вы прочли.
 б. Ежели бы знали, что вы этого хотите, праздник бы отменили, — сказал князь, по привычке, как заведенные часы, говоря вещи, *которым* он и не хотел, чтобы верили (Л. Толстой, «Война и мир»)
 с. Князь Андрей улыбался, глядя на сестру, как мы улыбаемся, слушая людей, *которых*, нам кажется, что мы насквозь видим (Л. Толстой, «Война и мир»).

Как отмечают авторы, «...пределы возможностей нарушения запрета ... не до конца ясны» [там же, с. 307]; благоприятствуют передвижению постпозитивные объектные клаузы — то есть именно такие полипредикативные конструкции, к которым, в частности, относятся придаточные изъяснительные с союзом *что*. Таким образом, позиция А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой состоит в том, что извлечение относительных составляющих из придаточных изъяснительных ограничено возможно. При этом допустимость извлечения составляющих с другими признаками, например, вопросительных составляющих, находится вне фокуса статьи и не обсуждается. Также не проводится различий в структурных характеристиках извлекаемой составляющей, хотя все примеры, приводимые в статье, подразумевают извлечение дополнения.

В работе [Chisholm et al. 1984] впервые вводится в рассмотрение контраст *что* и *чтобы* клауз в отношении островных свойств. Указывается, что извлечение вопросительной составляющей из придаточных с союзом *что* недопустимо, в то время как аналогичные конструкции с *чтобы* маргинально возможны (11).

- (11) а. *Кого_i ты сказал, что любишь ____i?
 б. ?Что_i ты хочешь, чтобы я купил ____i?

Целая серия работ использует русский материал в связи с предполагаемыми сходствами и различиями между передвижением вопросительных составляющих и скрэмблингом. Так, в [Müller, Sternefeld 1993] постулируется контраст между вопросительным передвижением и скрэмблингом (12), и это положение далее служит аргументом против анализа скрэмблинга как A'-передвижения.

- (12) а. Мне Катю_i кажется что отпустить ____i одну так поздно было бы безумием. (Земская (ред.) 1973)
 б. *Кого_i тебе кажется, что отпустить ____i одну было бы безумием?

Также в статье [Müller, Sternefeld 1993] признается контраст *что* и *чтобы* клауз в отношении извлечения вопросительных составляющих, хотя показывается он на неудачной минимальной паре (13а-б): во-первых, клауза со *чтобы* сомнительна в качестве аргумента глагола думать; во-вторых, в (13) представлены дискурсивно связанные вопросительные группы, и сопоставление (13) и (12) некорректно.

- (13) а. *Какую книгу_i ты думаешь, что Петр прочитал ____i?
б. Какую книгу_i ты думаешь, чтобы Петр прочитал ____i?

В серии работ А. Антоненко [Antonenko 2008, 2010] вводится еще более сложное противопоставление: автор утверждает, что в утвердительных предложениях из придаточных со *что* возможен только скрэмблинг объекта, но не субъекта, в то время как в вопросительных предложениях со *что* допустим и скрэмблинг объекта, и скрэмблинг субъекта (парадигма приводится в (14)). Придаточные со *чтобы* допускают скрэмблинг из любой синтаксической позиции независимо от того, является ли утвердительной или вопросительной главная клауза.

- (14) а. Ты доктор_i видела, что ____i подъезжал?
б. Ты носки_i видела, что Вася купил ____i?
с. Я носки_i видела, что Вася купил ____i.
д. *Я доктор_i видела, что ____i подъезжал.

М. Дьяконова [Dyakonova 2009] также отмечает контраст между *что* и *чтобы* клаузами в отношении извлечения вопросительных составляющих и, кроме того, рассматривает два новых типа придаточных изъяснительных — с союзами *как* и *когда*. Утверждается, что они ведут себя так же, как и придаточные изъяснительные со *чтобы*. Следует упомянуть также диссертацию М. Ю. Князева [Knyazev 2016], которая, будучи посвящена проблеме дистрибуции придаточных со *что*, прямо не затрагивает интересующую нас проблематику, однако же делает определенные предсказания относительно островных свойств придаточных со *что*. М. Ю. Князев предлагает анализ, согласно которому придаточные изъяснительные с союзом *что* последовательно вложены в именную (DP) и, возможно, предложную (PP) группы с нулевыми вершинами. Если это так, то придаточные изъяснительные с союзом *что* являются сложными именными группами и, следовательно, должны проявлять островные свойства.

Наконец, подробное сопоставление скрэмблинга и вопроительного выноса на материале различных конструкций, в том числе и придаточных с союзом *что*, проводит Дж. Бейлин [Bailyn 2018]. Согласно его данным, из клауз со *что* невозможно выдвижение вопросительных составляющих, но возможен скрэмблинг (15); из *чтобы* клауз допустимы все виды выдвигений. Таким образом, Бейлин солидаризуется с работой [Müller, Sternefeld 1993] в оценке русских примеров, в частности, невозможности выдвижения вопросительных групп из клауз со *что*, однако дает этому факту принципиально другое объяснение: скрэмблинг, как и передвижение вопросительных слов, является A'-передвижением, однако они опираются на разные типы операторных признаков, так что союз *что* оказывается интервентом только для одного из них.

- (15) а. Он сказал, что *носки*_i он рад, что купил ___i.
 б. **Что*_i (он сказал, что) он рад, что купил ___i?

Таким образом, во всех работах, кроме статьи [Зализняк, Падучева 1979], придаточные изъяснительные с союзом *что* признаются островами — либо сильными, либо — как в [Baylin 2018] — слабыми, основанными на признаковых асимметриях. Однако корпусные исследования скорее говорят в пользу того, что придаточные со *что* проницаемы для А'-передвижения. В работе [Лютикова 2009] на материале НКРЯ исследовалось выдвижение относительного местоимения *который*; было обнаружено существенное количество примеров, дополняющих приведенные в работе [Зализняк, Падучева 1979]. В [Фоменко 2018] аналогичная исследовательская проблема была поставлена применительно к выдвижению вопросительных групп, использовались НКРЯ и ГИКРЯ. В (16)-(17) показаны некоторые из найденных примеров.

- (16) относительные группы [Лютикова 2009]
- Она старалась, очень ей хотелось, поскорее чтобы прочитали те, *о ком*, она верила, **что** правда была в этих листках написана __ ... [А. М. Ремизов. Крестовые сестры (1910)]
 - Она, по своей врожденной способности делать все трудное — легким <...> не столько для других людей, сколько для мужчин, *которым* она знала, **что** __ нравится, <...> уводила его... [Н. Н. Берберова. Железная женщина (1978–1980)]
 - Со Шпицбергена, с Земли Франца-Иосифа или с той Земли, *которую* мы считаем, **что** видели __?» [Б. Г. Островский. Адмирал Макаров (1949–1955)]
 - ... хотя ему самому не хочется извлечь из меня той пользы, *которую*, я чувствую, **что** мог бы оказать __. [Н. П. Игнатьев. Походные письма 1877 года (1877)]
 - Ростов ... имел счастливый вид ученика, вызванного перед большою публикой к экзамену, *в котором* он уверен, **что** отличится __. [Л. Н. Толстой. Война и мир. (1867–1869)]
 - Ну, я очень рад, — сказал он, холодно оглядывая ее, ее прическу, ее платье, *которое* он знал, **что** она надела __ для него. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина]
- (17) вопросительные группы (в т. ч. косвенный вопрос) [Фоменко 2018]
- Точно не помню, *до какой цифры* я утверждал, **что** __ дойдет поднятие нашего рубля, кажется, говорил до 80 копеек. [С. Ю. Витте. Воспоминания (1911)]
 - какие там задачи* вы говорите, **что** эти псевдомедалисты смогут решить __? (<https://vk.com/meduzaproject>)
 - Уж не помню, *в какой период* в книге было упомянуто, **что** Чехов это написал __, но рассказ про вампиров его как-то обнаружил. (<https://vk.com/book>)

Следует отметить, что применение корпусного метода в исследовании островных структур имеет существенные ограничения. Во-первых, в корпусе отсутствуют отрицательные данные. Это значит, что получить сведения о неграмматичности или затрудненности некоторой конструкции напрямую невозможно. Во-вторых, островные ограничения демонстрируют зависимость от большого числа параметров, часть из которых мы рассмотрели в разделе 1; даже в очень больших корпусах могут отсутствовать все комбинации значений параметров, релевантных для характеристики острова. В-третьих, корпуса содержат не только приемлемые нейтральные структуры, но и маркированные окказиональные употребления, которые могут отвергаться носителями языка при предъявлении вне контекста. Поэтому корпусное исследование (и тем более интроспекция самого исследователя) не может служить единственной основой для обобщений, на которых зиждятся важнейшие положения синтаксической теории.

Следующим шагом в изучении островного статуса придаточных изъяснительных с союзом *что* стало пилотное исследование оценки приемлемости предложений носителями русского языка, представленное в [Лютикова 2018]. Респондентам предлагалось оценить приемлемость предложений, содержащих вопросительную группу, выдвинутую из придаточного изъяснительного с союзом *что*, по шкале Ликерта, оценка могла колебаться от 4 (нормально) до 1 (очень плохо). Исходная позиция вопросительной группы варьировалась: изучалось выдвижение из позиции подлежащего, прямого дополнения и обстоятельства. Всего было опрошено 24 респондента. Пример исследуемой парадигмы приводится в (18).

- (18) а. [Какой фильм]_i ты думаешь, что ____i идет в «Киномаксе» сегодня?
(субъект)
б. [Какой фильм]_j ты думаешь, что Петя посмотрел ____j в «Киномаксе»?
(объект)
с. [В каком кинотеатре]_k ты думаешь, что Петя посмотрел «Аватар» ____k?
(адьюнкт)

С учетом параметров, обсуждавшихся в разделе 1, стимульный материал может быть охарактеризован следующим образом. Во-первых, в исследовании использовались дискурсивно связанные вопросительные группы: поскольку нашей целью было проверить, возможно ли извлечение вопросительных групп из придаточного со *что*, имело смысл остановиться на дискурсивно связанных вопросительных группах, так как с ними легче получить интересующий нас эффект. Во-вторых, вопросительная группа характеризовалась различными синтаксическими функциями, что должно было позволить проверить структурные асимметрии слабых островов. В-третьих, предложения были сконструированы так, что передвижение не вызывало дополнительной «аранжировки» коммуникативной структуры (напр., инверсии, см. об этом [Лютикова 2019]). Результаты опроса представлены в Таблице 2.

Очевидно, что суждения респондентов неоднозначны, вследствие чего средняя оценка нивелирует важные различия и напоминает «среднюю температуру

Таблица 2

Несортированные данные и средние

Респондент	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	Среднее
SUBJ	2	1	3	1	1	4	1	1	4	1	1	3	2	1	1	2	4	1	4	3	2	4	1	1	2,04
OBJ	1	1	2	1	1	4	1	1	4	1	2	1	1	1	1	2	4	3	4	3	4	4	1	2	2,08
ADJ	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1	2	1	1	2	4	3	4	2	3	2	1	3	1,70

по больнице». Более адекватным представляется предположение, что суждения носителей соответствуют нескольким грамматикам.

Выделяется группа респондентов, в равной степени низко оценивших все типы стимульных предложений. Можно считать, что для них придаточные изъяснительные с союзом *что* представляют собой сильный остров.

Таблица 3

«Сильный остров»

Респондент	01	2	03	4	5	06	7	8	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
SUBJ	2	1	3	1	1	4	1	1	4	1	1	3	2	1	1	2	4	1	4	3	2	4	1	1
OBJ	1	1	2	1	1	4	1	1	4	1	2	1	1	1	1	2	4	3	4	3	4	4	1	2
ADJ	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1	2	1	1	2	4	3	4	2	3	2	1	3

Далее, несколько респондентов считает равнодопустимыми все типы примеров и выбирает высокую оценку. Для этих носителей языка, очевидно, придаточные изъяснительные с союзом *что* не являются островами, как их функциональные аналоги в английском, итальянском и др. языках.

Таблица 4

«Не остров»

Респондент	01	03	06	09	11	12	13	17	18	19	20	21	22	24
SUBJ	2	3	4	4	1	3	2	4	1	4	3	2	4	1
OBJ	1	2	4	4	2	1	1	4	3	4	3	4	4	2
ADJ	1	1	1	2	1	1	2	4	3	4	2	3	2	3

Еще одна группа респондентов проводит границу между приемлемым извлечением аргументов и неприемлемым извлечением адьюнктов (Таблица 5). Их модель придаточных изъяснительных с союзом *что* может быть определена как слабый остров со структурной асимметрией аргументы vs. адьюнкты.

Следующая группа носителей демонстрирует суждения, совместимые с эффектом «подчинительный союз плюс след», наложенным на неостровной характер

Таблица 5

«Аргументы vs. адьюнкты»

Респондент	01	3	6	9	11	12	13	18	20	21	22	24
SUBJ	2	3	4	4	1	3	2	1	3	2	4	1
OBJ	1	2	4	4	2	1	1	3	3	4	4	2
ADJUNCT	1	1	1	2	1	1	2	3	2	3	2	3

придаточных со *что* (ср. достаточно высокие оценки дополнений и обстоятельств в Таблице 6). Таким образом, можно предположить, что выделенные в Таблицах 4 и 6 респонденты обладают грамматикой, в которой извлечение из придаточных со *что* допустимо, а параметр «± эффект подчинительный союз плюс след» определяет оценки извлечения субъекта.

Таблица 6

Эффект «подчинительный союз плюс след»

Респондент	01	11	12	13	18	21	24
SUBJ	2	1	3	2	1	2	1
OBJ	1	2	1	1	3	4	2
ADJUNCT	1	1	1	2	3	3	3

Наконец, еще один шаблон оценок, который может быть осмыслен в рамках существующей синтаксической теории, выделен в Таблице 7. Респондент обнаруживает (слабое) предпочтение извлечения объектной вопросительной группы по сравнению с субъектной и адьюнктной. Такая картина характерна для слабых ECP-островов, то есть островов, регулируемых принципом пустой категории (Empty Category Principle). Еще одна возможная интерпретация — это слабый остров со структурной асимметрией аргументы vs. адьюнкты, на который накладывается эффект «подчинительный союз плюс след».

Таблица 7

«ECP-остров?»

Респондент	01	11	12	13
SUBJ	2	1	3	2
OBJ	1	2	1	1
ADJUNCT	1	1	1	2

Группировка респондентов в соответствии с оценками позволяет увидеть диапазон профилей грамматик, задействованных в анализе извлечения вопросительной группы из придаточных изъяснительных с союзом *что* (Таблица 8). Мы видим, что внутри групп средние оценки становятся осмысленными и могут использоваться как основа для определения грамматических ограничений.

Итак, пилотное исследование показало, что разногласия в характеристике придаточных с союзом *что* как островных структур в предшествующей литературе

Профили грамматик по суждениям о приемлемости

		Сильный остров	Не остров	Слабый остров (аргументы vs адьюнкты)	Эффект «подч. союз плюс след»	Слабый остров (ЕСР)	Прочее
Количество респондентов		10	2	5	3	1?	3
% респондентов от общего числа		41,7%	8,3%	21%	12,5%	4%	12,5%
Средние	SUBJECT	1	4	3,6	1,3	1	2,3
	OBJECT	1	4	3,4	3	2	1
	ADJUNCT	1	4	1,6	3	1	1,3

в определенной степени могут быть следствием того, что носители русского языка имеют не полностью совпадающие профили грамматик. Отсюда следует, что для теоретического моделирования островных ограничений необходимо иметь представление о приемлемости передвижения при всех комбинациях параметров для всех профилей грамматики. Очевидно, что такого рода информация не может быть получена ни при интроспекции исследователя, ни при исследовании корпуса.

3. Программа и методика проекта

Проект по исследованию островных ограничений в русском языке³ ставит своей целью полномасштабное изучение ограничений на передвижение, которые принято относить к островным, с учетом максимального числа релевантных параметров. Принципиальная установка состоит в том, что в данной проблемной области суждения носителей русского языка не совпадают, и этот факт является следствием микровариаций в грамматике, создающих конкретные идиолекты носителей [Герасимова 2016]. Предлагается параметрический подход к внутриязыковому варьированию [Лютикова и др. 2016]. Мы полагаем, что внутриязыковое варьирование в области островных ограничений, как и в других областях грамматики, в значительной степени определяется совокупностью небольшого числа параметров, принимающих ограниченное количество значений. Комбинация значений этих параметров создает уникальный грамматический профиль носителя языка (или группы носителей языка) в отношении некоторого языкового феномена.

Покажем действие параметрического подхода на примере уже обсуждавшегося выше грамматического профиля респондента 11, допускающего извлечение дополнений, но не подлежащих и адьюнктов. Было высказано два предположения: первое состоит в том, что грамматика данного респондента включает слабый остров ЕСР-типа, а второе — в том, что подобный профиль возникает в результате комбинации слабого острова с асимметрией аргументов и адьюнктов и ограничения на последовательность «подчинительный союз плюс след». Руководствуясь параметрическим

³ Проект реализуется на кафедре ТиПЛ филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина силами преподавателей, аспирантов и студентов отделения ТиПЛ МГУ.

подходом, мы в первую очередь исследуем гипотезу, что уникальный профиль данного респондента является наложением двух грамматических констант, независимо представленных в выборке (носители со слабым островом с асимметрией аргументов и адьюнктов и носители с ограничением «подчинительный союз плюс след»). Чтобы проверить эту гипотезу, следует получить дополнительную информацию о грамматике этого идиолекта: являются ли слабые острова у данного носителя островами с асимметрией аргументов и адьюнктов при устранении фактора порядка слов и возникает ли эффект «подчинительный союз плюс след» в неостровных структурах (например, в придаточных изъяснительных с союзом *чтобы*).

В рамках проекта исследуются важнейшие структурные конфигурации русского языка, для которых предполагается варьирование на основании данных предшествующей литературы и корпуса. Возможные ограничения на передвижение в данной структурной конфигурации изучаются с двух основных позиций: с одной стороны, устанавливается принципиальная возможность передвижения путем сравнения с эталонными прозрачными для передвижения структурами (например, придаточное изъяснительное с союзом *чтобы*), а с другой стороны, при обнаружении ограничений на передвижение проверяются возможные признаковые и структурные асимметрии передвижения. Ниже приводится список исследовательских проблем, образующий исходную «дорожную карту» проекта. По некоторым вопросам уже подготовлены научно-квалификационные работы [Моргунова 2019], [Студеникина 2019].

(19) Исследовательские проблемы

- a. Островные свойства придаточных изъяснительных с союзом *что* (в сравнении с придаточными со *чтобы*) [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)] [Моргунова 2019]
- b. Островные свойства придаточных изъяснительных с союзом *как* [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]
- c. Островные свойства косвенного вопроса с *ли* [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]
- d. Островные свойства косвенного вопроса с вопросительным местоимением (*кто, куда, где*) [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]
- e. Островные свойства сентенциальных подлежащих (в сравнении с сентенциальными дополнениями) [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]
- f. Извлечение левой ветви из подлежащего и дополнения [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]
- g. Эффект «подчинительный союз плюс след» в придаточных со *что* и *чтобы* [вопрос, относительное предложение, топиализация (скрэмлиг)]
- h. Асимметрии выдвижения: дискурсивно связанные и не связанные группы [вопрос, косвенный вопрос] [Студеникина 2019]

- i. Асимметрии выдвижения: аргументы и адьюнкты [вопрос; изъяснительные с *чтобы* и *что*, косвенные вопросы с *ли* и вопросительными местоимениями].
- j. Асимметрии выдвижения: дополнение и разные виды подлежащих (неаккузативное, неэргативное, переходное) [вопрос; изъяснительные с *чтобы* и *что*, косвенные вопросы с *ли* и вопросительными местоимениями].
- k. Вопросы со множественными вопросительными словами: эффекты превосходства [с сочинением и без сочинения]
- l. Интрузивные местоимения в островных структурах [относительные конструкции; изъяснительные с *чтобы* и *что*, косвенные вопросы с *ли* и вопросительными местоимениями, обстоятельственные клаузы]

В проекте применяются исследовательские методики экспериментального синтаксиса — контролируемый сбор реакций⁴ репрезентативной выборки носителей на репрезентативный стимульный материал, в котором варьируют исследуемые параметры и фиксированы прочие параметры, с последующим статистическим анализом полученных данных. Единовременное планирование серии экспериментов позволяет добиться сопоставимости их результатов, что выводит полученные обобщения на такой уровень подробности, который едва ли достижим в рамках одного большого эксперимента в силу различных причин (эффект насыщения, утомление респондентов и т. п.).

Понятие острова было предложено Дж.Россом для моделирования ограничений на локальность синтаксических процессов при опоре на презумпцию, что такие ограничения представляют собой (важнейший) компонент грамматики. Однако далеко не все исследователи согласны с этой презумпцией: многие считают, что ограничения на локальность отсутствуют в грамматике, а возникают при использовании языка как естественный способ снижения нагрузки на когнитивные системы, задействованные в обработке языковых произведений (см., например, [Hofmeister, Sag 2010]). Являются ли островные ограничения компонентом грамматики — вопрос, от решения которого зависит дальнейшая архитектура модели и, в конечном итоге, релевантность данных об островных ограничениях для синтаксической теории.

Решение этого вопроса предлагает факторный подход к островам [Sprouse et al. 2012]. Основная идея этой методики состоит в том, чтобы обнаружить снижение приемлемости предложений, которое не может быть вызвано сложением воздействий факторов, затрудняющих обработку. Рассмотрим ее применение на примере придаточных изъяснительных с союзом *что* (20).

(20) *Что_i* ты веришь [**что** Миша купил ___i]?

⁴ Говоря об экспериментальном синтаксисе, обычно имеют в виду определенный тип реакции носителей языка, а именно — оценку приемлемости языкового стимула по шкале Ликерта [Фёдорова 2013]. Хотя такая методика действительно активно применяется именно в исследованиях островных ограничений, возможны и другие типы заданий, связанные не с оценением языковых произведений, а с элицитацией языковой деятельности (elicited production).

Предположим, у нас есть данные, что предложения типа (20) оцениваются носителями языка как малоприемлемые. Нашей целью является установить, связана ли низкая приемлемость этой конструкции с тем, что при ее деривации нарушен грамматический запрет, или с тем, что конструкция содержит несколько затрудняющих анализ факторов, которые в сумме увеличивают ее сложность настолько, что парсинг становится невозможным.

Факторы, которые могли бы увеличить нагрузку на когнитивные системы, задействованные в обработке островных структур, очевидно, могут быть двух типов. Во-первых, островные структуры — это обычно сложные синтаксические конфигурации (придаточные с заполненной левой периферией, сложные именные группы, дислоцированные составляющие). Во-вторых, извлечение некоторого элемента из островной структуры подразумевает длинное А'-передвижение, при котором расстояние между филлером и пробелом велико и поиск базовой позиции филлера откладывается. Таким образом, в предложении (20) выявляются два фактора: (i) финитное придаточное с союзом *что* и (ii) длинное передвижение вопросительного местоимения.

Чтобы оценить действие этих факторов по отдельности, нам необходимы структуры, в которых представлен только один из них. Следовательно, нужно рассмотреть предложения с придаточным другого типа, например союзом *чтобы*, и длинным передвижением (только фактор (ii)), а также предложения с придаточным с союзом *что* и коротким передвижением (только фактор (i)). Наконец, в качестве основания для вычисления силы влияния факторов нам нужны предложения, в которых оба фактора отсутствуют: придаточные с союзом *чтобы* и с коротким передвижением. Полная парадигма, основанная на всех возможных комбинациях факторов из Таблицы 9, представлена в (21).

Таблица 9

Факторный анализ вопросительного передвижения из клаузы с союзом *что*

	короткое передвижение	длинное передвижение
придаточное со <i>чтобы</i>	(21a)	(21b)
придаточное со <i>что</i>	(21c)	(21d)

- (21) а. Кто __ хочет [чтобы Миша купил машину]?
 б. Что ты хочешь [чтобы Миша купил __]?
 в. Кто __ верит [что Миша купил машину]?
 д. Что ты веришь [что Миша купил __]?

Полученные в ходе эксперимента нормализованные (z-score) оценки позволяют судить о том, может ли неприемлемость структур с извлечением из острова (21d) быть следствием суммарного воздействия факторов, затрудняющих обработку. Если снижение оценки (21d) по сравнению с контрольным (21a) сопоставимо с суммой снижения оценок (21b) по сравнению с (21a) и (21c) по сравнению с (21a), имеет место аддитивность воздействия факторов: неприемлемость (21d) может быть объяснена без привлечения грамматических запретов. Распределение нормализованных оценок в таком случае выглядит как на Рис. 1.

Если же снижение оценки (21d) по сравнению с контрольным (21a) существенно больше суммы снижения оценок (21b) по сравнению с (21a) и (21c) по сравнению с (21a), имеет место супераддитивность, когда эффект суммы факторов несопоставим с суммой эффектов каждого фактора. Неприемлемость (21d) в таком случае не может быть объяснена совокупным воздействием факторов, задействованных в обработке, и подразумевает грамматический запрет. Распределение нормализованных оценок в таком случае выглядит как на Рис. 2. В качестве иллюстрации используется диаграмма распределения оценок для факторного анализа острова сложной именной группы в английском языке [Sprouse et al. 2012].

Таким образом, экспериментальные исследования в области островных ограничений позволяют не только каталогизировать суждения представительного числа носителей русского языка,

но и поставить нетривиальные вопросы, связанные со взаимодействием грамматики и внешних по отношению к ней когнитивных систем, выявить параметры внутриязыкового варьирования и соотнести их с полученными при межъязыковом сравнении, оценить применимость различных методик экспериментального синтаксиса к данной проблемной области. В частности, в проекте ставятся задачи четырех типов. *Дескриптивные* задачи состоят в том, чтобы создать комплексное описание островных ограничений в русском языке и оценить внутриязыковое варьирование в этой области. *Типологические* задачи связаны с сопоставлением «островного профиля» русского языка и индивидуальных грамматик носителей русского языка с профилями более исследованных в этом отношении языков (английского, итальянского).

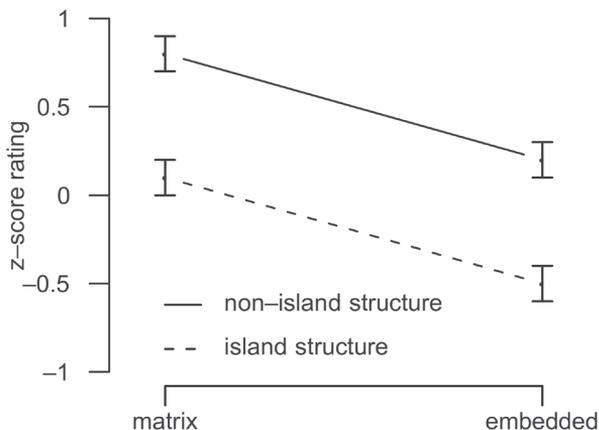

Рис. 1. Аддитивность в распределении оценок при факторном анализе островов [Sprouse et al. 2012]

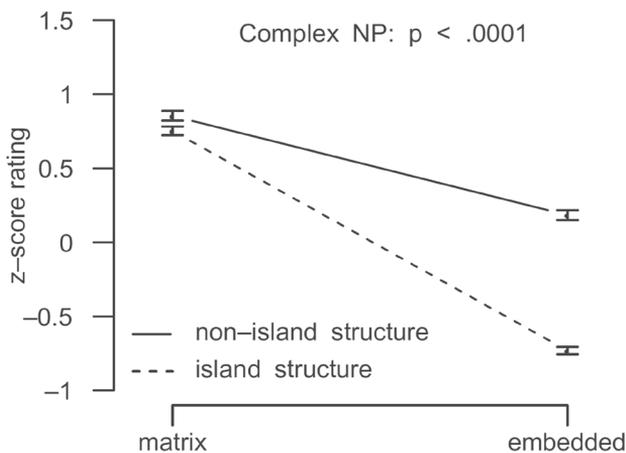

Рис. 2. Супераддитивность в распределении оценок при факторном анализе островов [Sprouse et al. 2012]

Теоретические задачи состоят в том, чтобы изучить возможную природу разных видов островных структур и, в частности, выяснить, являются ли ограничения на передвижение грамматическими запретами или следствием повышенной ресурсоемкости таких конструкций при обработке. Наконец, *методологические* задачи предполагают сопоставление разных видов экспериментальных дизайнов в исследованиях островных ограничений и поиски решения проблемы неоднородности данных.

Литература

Герасимова А. А. Параметрический подход к внутриязыковому варьированию: проблемы и методы // Рема. 2016. № 3. С. 63–74.

Зализняк А. А., Падучева Е. В. Синтаксические свойства местоимения КОТОРЫЙ // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 289–329.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979.

Лютикова Е. А. Относительные предложения с союзным словом «который»: общая характеристика и свойства передвижения // Корпусные исследования по русской грамматике / ред. К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина и С. Г. Татевосов. М.: Пробел–2000, 2009. С. 436–511.

Лютикова Е. А. Декомпозиция «звездочки»: что стоит за суждением о грамматичности. XXI Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ (приглашенный доклад). СПбГУ, 16–20 апреля 2018.

Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. Языковое разнообразие в зеркале параметрической грамматики // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 3. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016» / ред. Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг и М. Б. Коношенко. М.: МПГУ, 2016. С. 5–15.

Моргунова Е. В. Структурные и признаковые асимметрии А'-передвижений в русском языке. ВКР бакалавра. М., МГУ, 2019.

Студеникина К. А. Дискурсивная связанность и эффекты превосходства в русском языке. Курсовая работа. М., МГУ, 2019.

Фёдорова О. В. Об экспериментальном синтаксисе и о синтаксическом эксперименте в языкознании // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 3–21.

Фоменко М. А. Корпусное исследование островных конструкций в русском языке. Отчет по практике. М., МГУ, 2018.

Abels K. The Italian left periphery: A view from locality // Linguistic Inquiry. 2012. 43(1). P. 229–254.

Antonenko A. The nature of Russian subjunctive clauses. Qualifying paper. Stony Brook University. New York, 2008.

Antonenko A. Puzzles of Russian subjunctives // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. Vol. 16 (1) / ed. by J. S. Stevens. Philadelphia. 2010. P. 1–10.

Bailyn J. Zemskaya's paradox and the typology of feature classes. Ms., 2018.

Chisholm W., Milic L., Greppin J. (eds.). *Interrogativity: A colloquium on the grammar, typology and pragmatics of questions in seven diverse languages*. Amsterdam: Benjamins, 1984.

Dyakonov M. A phase-based approach to Russian free word order. LOT Dissertation Series. Netherlands Graduate School of Linguistics, 2009.

Hofmeister P., Sag I. Cognitive constraints on syntactic islands // *Language*. 2010. Vol. 86. P. 366–415.

Knyazev M. Licensing clausal complements: The case of Russian *čto*-clauses. Utrecht: LOT Publications, 2016.

Müller G., Sternefeld W. Improper movement and unambiguous binding // *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24(3). P. 461–507.

Perlmutter D. Deep and surface structure constraints in syntax. Doctoral dissertation, MIT, 1968.

Pesetsky D. Wh-in-situ: Movement and unselective binding // *The representation of (in)definiteness* / ed. by E. Reuland and A. Meulen. Cambridge Massachusetts: MIT Press. 1987. P. 98–129.

Rizzi L. Locality and left periphery // *Structures and beyond: The cartography of syntactic structures*. Vol. 3 / ed. by A. Belletti. 2004. P. 223–251.

Ross J. Constraints on variables in syntax. Doctoral dissertation, MIT, 1967.

Sprouse J., Wagers M., Phillips C. A test of the relation between working memory capacity and syntactic island effects // *Language*. 2012. Vol. 88. P. 82–123.

Sprouse J., Hornstein N. (eds.). *Experimental syntax and island effects*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Szabolcsi A. Strategies for scopetaking // *Ways of Scope Taking* / ed. by A. Szabolcsi. Dordrecht: Kluwer, 1997. P. 109–155.

Szabolcsi A. Strong and Weak Islands // *Syntax Companion, Case Study n. 102*. University of Utrecht, 2002.

Szabolcsi A., den Dikken M. Islands // *GLOT International*, Vol. 4/6, 1999.

Ekaterina A. Lyutikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow Pedagogical State University,

Pushkin State Russian Language Institute

(Moscow, Russia)

lyutikova2008@gmail.com

EXPERIMENTAL PERSPECTIVE ON ISLAND CONSTRAINTS⁵

The paper introduces a new project studying island constraints in Russian with experimental methods. The project has several descriptive, theoretical and methodological

⁵ The paper is a part of the project N 18–18–00462 of Russian Science Foundation “Communicative-syntactic interface: typology and grammar” at the Pushkin State Russian Language Institute.

objectives. As for the descriptive aspect, we have identified a clear dearth of inquiry in this area: theoretically oriented papers contain contradictory data (e.g. on extraction out of *čto* and *kak* clauses, on the operationality of the complementizer-trace effect, or on superiority effects in multiple *wh*-fronting in Russian), and several important issues (e.g. parameters of weak islands, intrusive pronouns in islands and non-island structures) are not covered at all in the literature. The theoretical perspective on islands involves their characterization as grammatical constraints or performance phenomena such as an excessive burden on the cognitive systems exploited in the parsing process. An interesting methodological issue is the intralingual variation and the co-existence of multiple individual grammars within a linguistic community, which yields inconsistent judgments on the acceptability of island constructions by respondents.

Keywords: island constraints, structural asymmetries, featural asymmetries, experimental syntax, Russian.

References

Abels K. The Italian left periphery: A view from locality. *Linguistic Inquiry*, 43(1), 2012, pp. 229–254.

Antonenko A. Puzzles of Russian subjunctives. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, Vol. 16 (1), ed. by J. S. Stevens. Philadelphia, 2010, pp. 1–10.

Antonenko A. *The nature of Russian subjunctive clauses*. Qualifying paper. Stony Brook University. New York, 2008.

Bailyn J. *Zemskaya's paradox and the typology of feature classes*. Ms., 2018.

Chisholm W., Milic L., Greppin J. (eds.). *Interrogativity: A colloquium on the grammar, typology and pragmatics of questions in seven diverse languages*. Amsterdam: Benjamins, 1984.

Dyakonova M. *A phase-based approach to Russian free word order*. LOT Dissertation Series. Netherlands Graduate School of Linguistics, 2009.

Fedorova O. V. [On experimental syntax and syntactic experiment in linguistics]. *Voprosy jazykoznanija*, 2013, no. 1, pp. 3–21. (in Russ.)

Fomenko M. A. *Korpusnoe issledovanie ostrovnykh konstruksii v russkom yazyke* [Corpus study of island constructions in Russian]. Technical report. Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2018. (in Russ.)

Gerasimova A. A. [A parametric approach to intralingual variation: problems and methods]. *Rhema*, 2016, no. 3, pp. 63–74. (in Russ.)

Hofmeister P., Sag I. Cognitive constraints on syntactic islands. *Language*, vol. 86, 2010, pp. 366–415.

Knyazev M. *Licensing clausal complements: The case of Russian čto-clauses*. Utrecht: LOT Publications, 2016.

Lyutikova E. A. *Dekompozitsiya «zvezdochki»: čto stoit za suzhdeniem o grammatichnosti* [Decomposing asterisk: what is behind acceptability judgments]. Invited paper presented at the XXI Open Student Conference in Philology at the St.-Petersburg University, April 16–20, 2018. (in Russ.)

Lyutikova E. A., Zimmerling A. V., Konoshenko M. B. [Linguistic diversity in the parametric model]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Vol. 3. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2016»* [Typology of morphosyntactic parameters. Vol. 3. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2016”], ed. by E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling and M. B. Konoshenko M. B. Moscow, MPSU, 2016, pp. 5–15. (in Russ.)

Lyutikova E. A. [Relative clauses with relativizer kotoryj: general characterization and properties of movement]. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike* [Corpus studies in Russian grammar], ed. by K. L. Kiseleva, V. A. Plungyan, E. V. Rakhilina and S. G. Tatevosov. Moscow, Probel Publ., 2009, pp. 436–511. (in Russ.)

Morgunova E. V. *Strukturnye i priznakovye asimmetrii A'-peredvizhenii v russkom yazyke* [Structural and geatural asymmetries of A'-movement in Russian]. BA paper. Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2019. (in Russ.)

Müller G., Sternefeld W. Improper movement and unambiguous binding. *Linguistic Inquiry*, Vol. 24(3), 1993, pp. 461–507.

Perlmutter D. *Deep and surface structure constraints in syntax*. Doctoral dissertation, MIT, 1968.

Pesetsky D. Wh-in-situ: Movement and unselective binding. *The representation of (in)definiteness*, ed. by E. Reuland and A. Meulen. Cambridge Massachusetts: MIT Press, 1987, pp. 98–129.

Rizzi L. Locality and left periphery. *Structures and beyond: The cartography of syntactic structures*. Vol. 3, ed. by A. Belletti. New York: Oxford University Press, 2004, pp. 223–251.

Ross J. *Constraints on variables in syntax*. Doctoral dissertation, MIT, 1967.

Sprouse J., Hornstein N. (eds.). *Experimental syntax and island effects*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Sprouse J., Wagers M., Phillips C. A test of the relation between working memory capacity and syntactic island effects. *Language*, vol. 88, 2012, pp. 82–123.

Studenikina K. A. *Diskursivnaya svyazannost' i efekty prevoskhodstva v russkom yazyke* [D-linking and superiority effects in Russian]. Term paper. Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2019. (in Russ.)

Szabolcsi A. Strategies for scopetaking. *Ways of Scope Taking*, ed. by A. Szabolcsi. Dordrecht: Kluwer, 1997, pp. 109–155.

Szabolcsi A. *Strong and Weak Islands*. Syntax Companion, Case Study n. 102. University of Utrecht, 2002.

Szabolcsi A., den Dikken M. Islands. *GLoT International*, Vol. 4/6, 1999.

Zaliznyak A. A., Paducheva E. V. [Syntactic properties of the pronoun kotoryj]. *Kategoriya opredelennosti-neopredelennosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh* [Definiteness-indefiniteness category in Slavic and Balkan languages]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 289–329. (in Russ.)

Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [Colloquial Russian: linguistic analysis and teaching issues]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1979. (in Russ.)

И. Мендоза

Зальцбургский университет имени Париса Лодрона
(Зальцбург, Австрия)
imke.mendoza@sbg.ac.at

МАРКИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В данной статье анализируется употребление несклоняемых относительных маркеров (рус. *что*, польск. *co* и т. п.) при релятивизации прямого объекта. Функция прямого объекта в иерархии доступности, предложенной Кеenan-ом & Comrie в 1977 году, представлена как нечленимая, но при подробном анализе отдельных языков она представляется более многоплановой. Это становится особенно очевидно в том случае, если рассматривается релятивизация с использованием несклоняемого относительного маркера. На выбор стратегии релятивизации здесь воздействуют различные факторы такие, как (семантическая) одушевленность, тождество синтаксических функций вершины и релятивизируемой позиции (*case matching*), а также парадигматическое соотношение объектных падежей вершины. Предлагается интерпретация результатов в рамках теории дифференцированного маркирования объектов и грамматической одушевленности.

Ключевые слова: синтаксис, относительное предложение, маркирование объектов.

1. Введение

Во многих языках анализ маркирования прямого дополнения доставляет лингвисту немало сложностей. Это касается не только именных объектов, но и таких, которые являются релятивизируемым элементом относительного придаточного.

В настоящей статье рассматривается один тип стратегии, используемый для релятивизации объектов, а именно употребление так называемых относительных частиц¹. Термином «относительная частица» обозначаются несклоняемые слова такие, как рус. *что*, польск. *co*, чешск. *co* и т. п., которые могут вводить относительные придаточные предложения, ср. (1):

¹ Нем. *Relativpartikel*, см. [Kurzová 1981]; [Mendoza 2019: 6].

- (1) Та самая книга, *что* ты мне подарил, «Корни снов». [Е. Чижов. Перевод с подстрочника, 2012; НКРЯ]

Во многих языках относительная частица может сопровождаться резумптивным местоимением, которое служит показателем синтаксической функции релятивизируемого элемента. Ср. следующий пример из польского языка, где местоимение *go* маркирует позицию прямого дополнения:

- (2) To jest ten, *co go* wczoraj puścili z aresztu. [Topolińska 1984: 345]
'Это тот, [со *go*] вчера выпустили из-под ареста.'

Следуя за позицией [Murelli 2011: 145–148], мы считаем, что употребление относительной частицы вместе с резумптивным местоимением, с одной стороны, и употребление частицы без местоимения, с другой, представляет собой разные стратегии. Первую мы называем «декумуляционной стратегией» [англ. *decumulation*, Murelli 2011: 218], а последнюю — «простой стратегией».

В дальнейшем проводится сравнительный анализ применения этих стратегий в славянских языках и приводятся факторы, влияющие на выбор подходящей стратегии. Мы не останавливаемся на нестандартных разновидностях и рассматриваем только стандартные языки.

2. Относительные частицы и иерархия доступности

Одним из самых важных инструментов для анализа относительных предложений является иерархия доступности, которая сопоставляет разные синтаксические позиции по их способности выступать в качестве релятивизируемой позиции.

Классическая иерархия, предложенная Комри и Кинэнном [Keenan, Comrie 1977]; [Comrie, Keenan 1979] имеет следующий вид:

$$SU > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP^2$$

Чем выше данная функция расположена в иерархии, тем больше она доступна релятивизации. Подлежащее (S), которое занимает самое высокое положение в иерархии, способно к релятивизации больше всех остальных позиций. Оно доступно релятивизации в каждом языке, в котором употребляются относительные придаточные предложения. На самой низкой ступени иерархии оказывается основание для сравнения (OCOMP); оно поддается релятивизации только в немногих языках.

С помощью иерархии доступности можно также описать стратегии, используемые для релятивизации внутри одного языка. Данная стратегия может занимать любой фрагмент в иерархии доступности, важно только, чтобы сегмент оказался непрерывным.

Относительные частицы обнаруживаются во многих языках Европы. Стратегия с использованием частицы без резумптивного местоимения типична для позиций

² SU = subject, DO = direct object, IO = indirect object, OBL = major oblique case NP, GEN = genitive or possessor, OCOMP = object of comparison.

Кодифицированный белорусский язык похож на русский: резюмтивное местоимение не используется, и относительная частица *што* лицензирована прежде всего при неодушевленной вершине.⁷

В разговорных разновидностях таких ограничений нет. Вершины могут быть одушевленными, а рядом с относительной частицей может выступать резюмтивное местоимение. В примере (4) одушевленный объект релятивизируется с помощью резюмтивного местоимения *яго*, а в (5) — без него:

- (4) Эге ж, *той самы выжсал, што* пан любіў *яго* браць на папяванне [С. Василёнак; Атрахович 1966, 609]
‘Это вот этот выжлец, [што] барин с удовольствием [яго] брал с собой на охоту.’
- (5) У нас ходзіць за гумном *конь, што* салдаты кінулі некалькі дзён таму назад. [К. Šorny; Atrachovič 1966, 608]
‘У нас за гумном ходит конь, [што] солдаты оставили несколько дней назад.’

Украинский язык, вероятно всего, самый толерантный из восточнославянских языков. Здесь возможны и неодушевленные, и одушевленные вершины, при этом резюмтивное местоимение может присутствовать или отсутствовать. В следующем примере одушевленный объект релятивизируется с помощью декумуляционной стратегии. Судя по высказываниям носителей языка, пример приемлем и без местоимения *його*:

- (6) я зустрівся з земляком, *що його* я давно не бачив. [Danylenko 2014, 183]
‘Я встретился с земляком, [*що його*] я давно не видел.’

Отметим, что оценить ситуацию в белорусском и украинском языках довольно трудно по причине недостаточной изученности данного вопроса.

3.2. Западославянские языки

Ситуация в западославянских языках является более сложной, чем в восточнославянских. Декумуляционная и простая стратегии представляют собой варианты, употребление которых обусловлено разными факторами.

Чешский и польский языки различают одушевленные и неодушевленные объекты. Одушевленные вершины предпочитают наличие резюмтивного местоимения, тогда как неодушевленные вершины в принципе допускают оба варианта⁸. Следующие примеры из чешского языка иллюстрируют употребление простого

⁷ Ср. [Акимову 1964] и [Danylenko 2014] об относительных предложениях в белорусском и украинском языках.

⁸ Согласно [Fried 2010], одним из важных факторов при выборе подходящей стратегии для релятивизации неодушевленных объектов в чешском языке является тип относительного предложения. Так называемые «детерминативные» (determinative) относительные предложения склонны к простой стратегии, а «недетерминативные» (non-determinative) придаточные больше всего реализуют декумуляционную стратегию. Оппозиция у Фрида детерминативных и недетерминативных

маркера для релятивизации неодушевленного объекта (7) и наличие декумуляционной стратегии при одушевленной вершине (8):

- (7) Asi jste špatně rozuměl *dopisu*, co Vám poslali [Fried 2010, 21]
'Вы, наверное, не правильно поняли письмо, [co] Вам послали.'
- (8) To je *ten chlap*, co ho viděli v tramvaji. [Toman 1998: 31]
'Это тот парень [co ho] они видели в трамвае.'

В польском языке наблюдается воздействие дополнительных факторов. Язык, по всей вероятности, различает объекты, обозначающие людей, от объектов, обозначающих животных. Последние допускают опущение резумптивного местоимения легче, чем первые. Итак, в примере (9) стратегия с маркером без местоимения допустима, вследствие того что референтом является собака, тогда как в (10) опустить местоимение невозможно:

- (9) [О собаке]
A to nie *ten co* my widziałyśmy? [SPOKES; Guz 2017: 122]
'А это не тот [co] мы видели?'
- (10) **ta dziewczyna*, co zaprosiłeś do domu. [Guz 2017: 99]
'та девушка, [co] ты пригласил домой.'

Еще одним критерием, оказывающим влияние на выбор стратегии, является формальное отношение между вершиной и релятивизируемой позицией, а именно так называемое «case matching»⁹. Совпадение синтаксических функций вершины и релятивизируемой позиции облегчает опущение резумптивного местоимения. Это становится видно при сопоставлении примеров (11) и (12). С точки зрения кодифицированного языка, пример (11) из разговорного корпуса SPOKES не совсем удачен. Здесь вершина стоит в винительном падеже, а релятивизируемый элемент имеет функцию родительного при отрицании¹⁰. Если же мы согласуем функции в главном и придаточном предложениях, то пример становится безупречным [Guz 2017: 107–108]:

- (11) (о компьютерной игре)
może rozbrajaj najpierw te, co nie widać [SPOKES; Guz 2017: 107]
'может быть, сначала разряди те, [co] не видны'
- (12) *może nie rozbrajaj tych* co nie widać [Modified; Guz 2017, 108]
'может быть, не разряжай те, [co] не видны.'

В словацком языке к семантическим критериям присоединяются морфологические. В результате получается довольно сложная картина. Относительная частица *čo* без резумптивного местоимения употребляется в следующих случаях: при релятивизации неодушевленных объектов, при одушевленных объектах женского рода,

придаточных является примерным эквивалентом оппозиции рестриктивных и нерестриктивных относительных предложений.

⁹ Об этом термине и его синонимах см. [Murelli 2011: 217, 436].

¹⁰ То есть, при употреблении склоняемого маркера, такого как *który*, мы должны бы употребить форму родительного падежа *których*.

не обозначающих людей, и при вершинах, у которых совпадают формы именительного и винительного падежа. Во всех иных случаях декумуляционная стратегия обязательна.

Примеры (13) и (14) показывают употребление относительной частицы без резумптивного местоимения при вершине, у которой формы именительного и винительного падежа идентичны (13), и при объекте женского рода, не обозначающего человека (14):

- (13) *Ženy*¹¹, *čo sme cestou stretali, mali tváre zahalené závojom*. [Darovec 1985: 119]
'Лица у женщин, [со] мы встретили, были завуалированы.'
(14) *Ukázal mi rybu, čo včera chytil*. [Darovec 1985: 119]
'Он мне показал рыбу, [со] поймал вчера.'

В (15) использование резумптивного местоимения обязательно, так как форма винительного падежа отличается от именительного:

- (15) *To bol ten pán*¹², *čo sme ho nechali na ulici*. [Jašík; Darovec 1985, 119]
'Это был тот человек, [со ho] мы оставили на улице.'

Воздействие морфологических факторов еще ярче проявляется в лужицких языках. В кодифицированном верхнелужицком языке относительная частица *kiž* употребляется только при вершинах, у которых формы винительного и родительного падежа не совпадают. Это можно проиллюстрировать следующими примерами:

- (16) *znaju žonu*¹³, *kiž widžiš* [Bartels, Spieß 2012: 229]
'я знаю женщин [kiž] ты видишь.'
(17) *znaju *muža*¹⁴, *kiž widžiš* [Bartels, Spieß 2012: 229]
'я знаю мужчину, [со] ты видишь.'

Употребление резумптивного местоимения в кодифицированной разновидности языка невозможно. Разговорные стили, однако, являются более свободными в его использовании. Во-первых, в них не действует ограничение на существительные, у которых форма родительного и винительного падежа различна (18). Во-вторых, они разрешают употребление резумптивного местоимения, как показано в примере (19):

- (18) *Ja znam towo muža, kiž sym ja čora widzał*. [Bartels, Spieß 2012: 229]
'Я знаю того мужчину, [kiž] я видел вчера.'
(19) *Je to kniha, kiž sym ju wčera kupi!*. [Polański 1967, 80]
'Это кинга, [kiž ju] я вчера купил.'

В нижнелужицком языке ситуация является похожей на верхнелужицкий. Относительная частица *kenž* только релятивизирует объекты, вершины которых

¹¹ *Žonu* им. и вин. п. мн. ч.

¹² *Pán* = им. п. ед. ч., *pána* = род. и вин. п. ед. ч.

¹³ Вин. п. ед. ч. *žonu* ≠ род. п. ед. ч. *žony*.

¹⁴ *Muža* = род. и вин. п. ед. ч.

проявляют совпадение именительного и винительного падежей [ср. Bartels, Spieß 2012]:

- (20) *znajom muže/žeńske*¹⁵, *kenž wiziš* [Bartels, Spieß 2012: 229]
'я знаю мужчин/женщин [kenž] ты видишь'
(21) *znajom *muža/*žeńsku*¹⁶, *kenž wiziš* [Bartels, Spieß 2012: 229]
'я знаю мужчину/женщину [kenž] ты видишь'

К тому же, частицу *kenž* нельзя употребить рядом с резюмирующим местоимением. Кроме *kenž*, в нижнелужицком существует еще пара относительных частиц, а именно: *ak(o)* и *což*. Первая используется преимущественно в разговорной речи, а последняя является нестандартной. Оба маркера позволяют реализовать декумуляционную стратегию. Объекты с синкретизмом форм винительного и именительного падежа можно релятивизировать с помощью обеих стратегий (22), а такие объекты, у которых винительный падеж тождественен родительному, требуют наличия резюмирующего местоимения (23):

- (22) *Kupijom sebje knigły*¹⁷, *ako sy (je) cora cytała*. [Bartels, Spieß 2012: 232]
'Я куплю книгу, [ako (je)] ты читала вчера.'
(23) *To jo ten ptašk, ako som se jogo kupił*.¹⁸ [Bartels, Spieß 2012: 232]
'Это птичка, [ako jogo] я купил себе.'

3.3. Южнославянские языки

Из южнославянских языков релятивизируемые объекты дифференцирует только сербохорватский язык.¹⁹

Сербохорватский язык отличает одушевленные от неодушевленных вершин. Неодушевленная вершина в принципе допускает обе стратегии (24), в то время как одушевленный объект требует резюмирующего местоимения (25) [Kordić 1999: 145–146]; [Bošković 2009]:

- (24) *Taj brod što su (ga) kupili* [Bošković 2009: 83]
'тот корабль [što (ga)] они купили'
(25) *čovjek što ga je sreo* [Bošković 2009, 82]
'человек [što ga] он встретил.'

¹⁵ *Muže, žeńske* = им. и вин. п. мн. ч.

¹⁶ Им. п. ед. ч. *muž, žeńska* ≠ вин. п. ед. ч. *muža, žeńsku*

¹⁷ *Knigły* (plurale tantum) = им. и вин. п. мн. ч.

¹⁸ *Ptaška* = род. и вин. п. ед. ч.

¹⁹ Болгарский язык позволяет и декумуляционную и простую стратегии, несмотря на семантические, морфологические и синтаксические признаки объекта. ср. [см. Rudin 2013]; [Крарова 2010]; [Bužarovska 2009] и др. В македонском языке для релятивизации прямого объекта используется только декумуляционная стратегия, ср. [Shagal 2016]; [Bužarovska 2009] и др.

4. Заключение

Прежде чем говорить о полученных результатах, следует отметить, что их надо считать лишь предварительными, по причине того, что мы пока не располагаем надежными данными в достаточном количестве обо всех славянских, особенно о малоизученных, языках таких, как белорусский, украинский и словацкий.

Из анализа следует, что на выбор подходящей стратегии оказывают влияние семантические, синтаксические и морфологические факторы.

На семантическом уровне значительную роль играет одушевленность референта. Неодушевленные вершины относительного предложения позволяют использовать обе стратегии, а одушевленные объекты предпочитают маркирование с помощью резумптивного местоимения. Этот фактор действует в русском, белорусском, чешском и польском языках. Кроме того, польский язык отличает вершины, которые отсылают к животным, от тех, которые обозначают людей. При употреблении последних опущение резумптивного местоимения оказывается еще более трудным, чем при употреблении первых.

Влияние синтаксического фактора *case matching* проявляется в том, что совпадение синтаксических функций вершины и релятивизируемой позиции облегчает опущение резумптивного местоимения. Он обнаруживается в польском языке и, вероятно, в нижнелужицком [ср. Bartels, Spieß 2012: 299].

В словацком и лужицких языках парадигматические соотношения объектных падежей вершины содействуют в выборе стратегии для релятивизации. Тождество винительного и именительного падежей или различие родительного и винительного облегчает опущение резумптивного местоимения, в то время как различие винительного и именительного или тождество родительного и винительного падежей требует использования декумуляционной стратегии.

Выбор стратегии также обусловлен социолингвистическими причинами. Хотя применение относительной частицы во многих случаях становится возможным только с помощью резумптивного местоимения, наличие местоимения ограничено стилистическими причинами. Присутствие местоимения больше характерно для разговорных стилей, чем для кодифицированных разновидностей языка.

В связи с этим встает вопрос, каким образом можно интерпретировать результаты. Синтаксические и социолингвистические явления можно объяснить в более широком контексте. Разговорная или даже нестандартная окраска резумптивного местоимения, как и действие фактора *case matching* вписывается в общеевропейские тенденции [ср. Murelli 2011]. К тому же, эффекты *case matching* также обнаруживаются при релятивизации других позиций.

Для интерпретации семантических критериев в наибольшей степени приемлема теория дифференцированного маркирования объектов. Неодушевленный объект является более типичным, чем одушевленный объект, в частности, чем объект, отсылающий к людям. Поэтому первые не требуют эксплицитного маркирования, тогда как последние должны получать падежный маркер в форме резумптивного местоимения.

Трактовка морфологических факторов оказывается сложнее семантических, так как формальное отношение словоформ не выявляется в актуальном высказывании, но существует только в языковой системе, т. е. на абстрактном уровне. Возможно, здесь мы имеем дело с отражением грамматической категории одушевленности и подобных категорий, таких, как категория личности. Они выражаются именно формальными отношениями между винительным, именительным и родительным падежами. Семантическая одушевленность/личность при этом выражается косвенным образом.²⁰

Литература

АГ 80 — Шведова Н. Ю. (Отв. ред.). Русская грамматика. Том II. М: Наука, 1980.

Акимов Г. Н. Тенденции в развитии относительного подчинения в современных восточнославянских языках. // Известия АН СССР, СЛЯ, 23 (2). 1964. С. 138–144.

Атрахович, К. К. (Ред.). Граматыка беларускай мовы. Том II: Сінтаксіс. Мінск: Выдав. Акадэмія навук беларускай ССР, 1966.

Виноградов В. В., Истрина Е. С. Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис. Часть вторая. М: Изд. АН СССР, 1954.

НКРЯ = Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL:<http://www.ruscorpora.ru>.

Холодилова, М. А. 2014. Относительные придаточные. // [Электронный ресурс] URL: http://rusgram.ru/Относительные_придаточные.

Bartels H., Spieß G. Restrictive Relative Clauses in the Sorbian Languages // Sprachtypologie und Universalienforschung 2012. Vol. 65 (3). P. 221–245.

Bošković Ž. On Relativization Strategies and Resumptive Pronouns. // Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Information Structure. Proceedings of FDSL 7, Leipzig 2007/ ed. by G. Zybatow et al. Frankfurt am Main et al., Lang, 2009. P. 79–91.

Bužarovska E. Restrictive Relative Clauses in Standard Macedonian and Standard Bulgarian. // Investigations in the Bulgarian and Macedonian Nominal Expression/ ed. by M. Dimitrova-Vulchanova and O. Mišeska-Tomić. Trondheim: Tapir Akad. Forlag, 2009. pp. 230–260

Comrie B., Keenan E. L. Noun Phrase Accessibility Revisited // Language 1979. Vol. 55 (3), pp. 649–664.

Danylenko A. On the Relativization Strategies in East Slavic // Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages: Proceedings from the 36th Meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International

²⁰ В случае словацкого языка возможно было бы еще одно объяснение, согласно которому это явление является косвенным влиянием синкретизма именительного и винительного падежей в парадигмах склоняемых омонимов относительной частицы (вопросительное и относительное местоимения). Но такой подход не действует в случае луж. *kiž* и *kenž*, поскольку они не имеют никаких омонимов.

Committee of Slavists/ ed. by M. Nomachi, A. Danylenko and P. Piper: München et al.: Sagner, 2014, pp. 183–204.

Darovec M. Vzťahné vety v slovenčine // *Studia Academica Slovaca* 1985. Vol. 14, pp. 107–131.

Fried M. Accusative Resumptive Pronoun in the Czech Relative Clauses with Absolute Relativizer *co* // *Korpus, gramatika, axiologie* 2010. Vol. 1 (1), pp. 16–29.

Guz W. Wh-pronoun and Complementizer Relative Clauses: Unintegration Features in Conversational Polish // *Studies in Polish Linguistics* 2017. Vol. 12 (1), pp. 1–26.

Keenan E.L., Comrie B. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry* 1977. 8 (1), pp. 63–99.

Kordić S. Der Relativsatz im Serbokroatischen. München, New Castle: Lincom, 1999.

Krapova I. Bulgarian Relative and Factive Clauses with an Invariant Complementizer // *Lingua* 2010. Vol. 120 (5). pp. 1240–1272.

Kurzová H. Der Relativsatz in den indoeuropäischen Sprachen. Hamburg: Helmut Buske, 1981.

Mendoza I. Relative Particles and Resumptive Pronouns in Slavic // *Zeitschrift für Slavische Philologie* 2019. Vol. 75 (1), pp. 5–42.

Murelli A. Relative Constructions in European Non-standard Varieties. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2011.

Polański K. Składnia zdania złożonego w języku górnołużyckim. Wrocław et al.: Ossolineum, 1967.

Topolińska Z. Składnia grupy imiennej // *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*/ ed. by Z. Topolińska, Warszawa: PWN, 1984, pp. 301–386.

Rudin C. Aspects of Bulgarian Syntax. Complementizers and WH Constructions. Bloomington (Ind.): Slavica Publishers, 2013.

Shagal Ks. 2016. Factors Regulating Variation in Macedonian Relative Clauses // *In Search of the Center and Periphery. Linguistic Attitudes, Minorities, and Landscapes in the Central Balkans*/ ed. by M. Makartsev and M. Wahlström. Helsinki: University of Helsinki, Department of Modern Languages, 2016, pp. 163–177.

Imke Mendoza

Universität Salzburg

(Salzburg, Austria)

imke.mendoza@sbg.ac.at

ON THE RELATIVIZATION OF OBJECTS IN SLAVIC LANGUAGES

This article analyzes the use of different strategies including invariant relative particles (Ru. *čto*, Po. *co* etc.) in clauses relativizing direct objects. According to the Accessibility Hierarchy proposed by Keenan and Comrie (1977), the position of the direct object does not show much internal differentiation. However, a closer look reveals a rather

complicated variation between the “bare” relative particle and the so-called decumulation strategy (relative particle with resumptive pronoun). The choice of strategy depends on a number of factors such as (semantic) animacy, case matching and the paradigmatic relations between the case forms of the head of the relative clause. The paper suggests that these factors be interpreted both within the framework of differential object marking and through the grammatical category of animacy.

Keywords: syntax, relative clause, object marking

References

AG 80 — Shvedova N.Yu. (ed.). *Russkaya grammatika*. Vol. II. Moscow, «Nauka» Publ., 1980. (in Russ.)

Akimova G.N. Tendencii v razvitee odnositel'nogo podchineniya v sovremenny`x vostochnogslavyanskix yazy`kax. *Izvestiya AN SSSR, SLYa*, 1964, 23 (2), pp. 138–144. (in Russ.)

Atraxovich K.K. (ed.). *Gramatyka belaruskaj movy*. Vol. II: Sintaksis. Minsk, Vydav. Akademiya navuk belaruskaj SSR, 1966. (in Beloruss.)

Bartels H., Spieß G. Restrictive Relative Clauses in the Sorbian Languages. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 2012, vol. 65 (3), pp. 221–245.

Bošković Ž. On Relativization Strategies and Resumptive Pronouns. *Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Information Structure. Proceedings of FDSL 7*, Leipzig 2007, ed. by G. Zybatow et al. Frankfurt am Main et al., Lang, 2009, pp. 79–91.

Bužarovska E. Restrictive Relative Clauses in Standard Macedonian and Standard Bulgarian. *Investigations in the Bulgarian and Macedonian Nominal Expression*, ed. by M. Dimitrova-Vulchanova and O. Mišeska-Tomić. Trondheim: Tapir Akad. Forlag, 2009, pp. 230–260.

Comrie B., Keenan E.L. Noun Phrase Accessibility Revisited. *Language*, 1979, vol. 55 (3), pp. 649–664.

Danylenko A. On the Relativization Strategies in East Slavic. *Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages: Proceedings from the 36th Meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists*, ed. by M. Nomachi, A. Danylenko and P. Piper. München et al.: Sagner, 2014, pp. 183–204.

Darovec M. Vzťahné vety v slovenčine. *Studia Acadamica Slovaca*, 1985, vol. 14, pp. 107–131. (in Slov.)

Fried M. Accusative Resumptive Pronoun in the Czech Relative Clauses with Absolute Relativizer *co*. *Korpus, gramatika, axiologie*, 2010, vol. 1 (1), pp. 16–29.

Guz W. Wh-pronoun and Complementizer Relative Clauses: Unintegration Features in Conversational Polish. *Studies in Polish Linguistics*, 2017, vol. 12 (1), pp. 1–26.

Keenan E.L., Comrie B. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar. *Linguistic Inquiry*, 1977, 8 (1), pp. 63–99.

Kholodilova M. A. Otnositel'nye pridatochnye (2014). [E'lektronny`j resurs] URL: http://rusgram.ru/Otnositel'ny'e_pridatochny'e. (in Russ.)

Kordić S. *Der Relativsatz im Serbokroatischen*. München, New Castle: Lincom, 1999. (in German)

Krapova I. Bulgarian Relative and Factive Clauses with an Invariant Complementizer. *Lingua*, 2010, vol. 120 (5), pp. 1240–1272.

Kurzová H. *Der Relativsatz in den indoeuropäischen Sprachen*. Hamburg: Helmut Buske, 1981. (in German)

Mendoza I. Relative Particles and Resumptive Pronouns in Slavic. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2019, vol. 75 (1), pp. 5–42.

Murelli A. *Relative Constructions in European Non-standard Varieties*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2011.

NKRYa = Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. [E'lektronny`j resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (in Russ.)

Polański K. *Składnia zdania złożonego w języku górnołużyckim*. Wrocław et al.: Osolineum, 1967. (in Polish)

Rudin C. *Aspects of Bulgarian Syntax. Complementizers and WH Constructions*. Bloomington (Ind.): Slavica Publishers, 2013.

Shagal Ks. Factors Regulating Variation in Macedonian Relative Clauses. *In Search of the Center and Periphery. Linguistic Attitudes, Minorities, and Landscapes in the Central Balkans*, ed. by M. Makartsev and M. Wahlström. Helsinki: University of Helsinki, Department of Modern Languages, 2016, pp. 163–177.

Topolińska Z. Składnia grupy imiennej. *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*, ed. by Z. Topolińska. Warszawa: PWN, 1984, pp. 301–386. (in Polish)

Vinogradov V. V., Istrina E. S. *Grammatika russkogo yazyka*. Vol. II. Sintaksis. Chast' vtoraya. Moscow, Izd. AN SSSR, 1954. (in Russ.)

Н. М. Стойнова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
stoynova@yandex.ru*

ВАРИАТИВНОСТЬ В ГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ: ДЕРИВАТЫ НА ДО- И ПЕРЕ-*

В статье рассмотрена вариативность в образовании приставочных дериватов на *до-* и *пере-*. В подробной классификации русских префиксов, предложенной С. Г. Татевосовым [Tatevosov 2008], [Татевосов 2009; 2013], *до-* с комплетивным значением ('закончить, довести до конца', ср. *дочитать*) и *пере-* с рефактивным значением ('сделать повторно, лучше или по-другому', ср. *перечитать*) характеризуются как отдельный префиксальный тип с особыми формальными свойствами. Одно из таких свойств — способность присоединяться как к основам НСВ (как в глаголах *шить* > *дошить*, *перешить*), так и к основам СВ (как в глаголах *проверить* > *допроверить*, *перепроверить*). Другое — запрет на присоединение к вторичным имперфективам (глаголам с имперфективирующим суффиксом *-ыва~-ва~-а*).

Задача работы — более подробно описать и сопоставить формальное поведение этих двух префиксов на материале текстов неформальной интернет-коммуникации.

На основании анализа текстовых употреблений в статье формулируются правила выбора основы для разных групп глаголов. Если принять во внимание данные неформальной спонтанной речи, в т. ч. окказиональные образования, то эти правила оказываются достаточно сложными и нежесткими.

Для некоторых глаголов в реальной речевой практике параллельно используются и дериват от основы НСВ, и дериват от основы СВ (ср. *перепаковать* и *перупаковать подарок*). Для них даны частотные оценки и предположения о различиях в употреблении. Обнаруживается также, что несмотря на то, что по более общим формальным свойствам *пере-* и *до-* образуют единый тип префиксов, в отношении выбора основы они ведут себя неодинаково. Различие обусловлено, в частности, тем, что

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17–29–09 154 «Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов» в ИРЯ РАН.

до-, в отличие от *пере-* и вопреки теоретическим предсказаниям о структуре русского глагола, по крайней мере в данном регистре, достаточно свободно присоединяется к вторичным имперфективам на *-ыва~-ва~-а*. Так, например, наряду с дериватами *доупаковать* и *доупаковать*, симметричными приведенным выше дериватам на *пере-*, встречается также синонимичный им СВ *доупаковывать*, при невозможном СВ *перепупаковывать* (используется только как вторичный имперфектив от *перепупаковать*).

Русские префиксы подразделяют на два позиционных типа: внутренние (или лексические) и внешние (суперлексические), каждый из которых объединен целым рядом общих формальных свойств. Более детальный анализ показывает, что всего двумя типами обойтись не удастся. Так, в классификации С.Г. Татевосова [2009; 2013] внешние префиксы делятся еще на три типа. Материал, обсуждаемый в работе, показывает, что при обращении к большому массиву современной разговорной речи и более детальном анализе конкретных префиксов обнаруживается все больше частных свойств, специфичных для более дробных классов и каждого отдельного префикса.

Ключевые слова: русский язык, вариативность, глагольная префиксация, множественная префиксация, внешние префиксы, *пере-*, *до-*.

1. Введение

В работе на материале текстов неформальной интернет-коммуникации исследуется вариативность в образовании префиксальных дериватов на *до-* и *пере-*. Будут рассмотрены дериваты на *до-* с комплетивным значением ('закончить, довести до конца', как в глаголе *дочитать*) и дериваты на *пере-* с рефактивным значением ('сделать повторно, лучше или по-другому', как в глаголе *перечитать*).

Одно из свойств комплетивного *до-* и рефактивного *пере-* — общее для них и нехарактерное для других продуктивных префиксов — способность присоединяться как к основам НСВ, так и к основам СВ. В работе предпринята попытка описать правила выбора основы для разных глагольных классов. Если принять во внимание данные неформальной спонтанной речи, в т. ч. окказиональные образования, то эти правила оказываются достаточно сложными и нежесткими.

Для некоторых глаголов в реальной речевой практике параллельно используются и дериват от основы НСВ, и дериват от основы СВ (ср. *перепупаковать* и *перепупаковать подарок*). Для них будут даны частотные оценки и сформулированы предположения о различиях в употреблении.

В качестве источника данных были использованы тексты неформальной интернет-коммуникации (блоги, форумы и под.). Выбор материала связан с тем, что значительная часть употреблений префиксальных дериватов на *до-* и *пере-* — окказионализмы, находящиеся на грани или за гранью нормы. Если, формулируя правила выбора основы, учитывать и их, это заметно расширяет представления о системе русской префиксации и ставит под сомнение возможность ее описания в терминах двух / трех / четырех крупных классов префиксов.

В подробной классификации русских префиксов, разработанной С.Г. Татевосовым [2008; 2009; 2013], *до-* и *пере-* объединяются по целому ряду формальных

свойств в один класс (в одной из версий классификации наряду с еще одним префиксом — аттенуативным *под-*, который в этой работе не рассматривается). Интересно проверить, ведут ли они себя одинаково или хотя бы похоже с точки зрения правил выбора глагольной основы.

В разделе 2 более подробно рассмотрена существующая классификация русских префиксов и место в ней префиксов *до-* и *пере-*. В разделе 3 приводится краткая информация о данных, использованных в работе. В основном разделе 4 формулируются правила выбора между разными типами основ для разных глаголов разных типов — отдельно для *до-* и для *пере-*. В разделе 5 результаты работы обобщаются и обсуждаются.

2. До- и пере- и классификация русских префиксов

Русские префиксы часто делят на два больших формально-семантических класса. В первый попадают префиксы, семантически не прозрачные, нерегулярные и присоединяемые внутри глагольной словоформы непосредственно к корню (ср. *от-ламывать*, *со-бирать*, *при-читать*), во второй — семантически более регулярные и прозрачные и способные присоединяться к основе, уже содержащей префикс (ср. *по-отламывать*, *на-собирать*, *за-причитать*). Исаченко (1965/2003: 222–224) говорит о приставках «квалификаторах» vs. «модификаторах». В семантически ориентированных работах класс семантически прозрачных префиксов, занимающих левую позицию в словоформе, описывают в терминах «способов действия» (см., напр., [Зализняк, Шмелев 2000]).

Строгие критерии принадлежности к тому или иному классу, как семантические, так и поверхностные, предлагаются в работах по формальной семантике и синтаксису. Начиная с работы [Babko-Malaya 1999], говорят о двух классах русских (и шире, славянских) префиксов — внутренних (лексических) и внешних (суперлексических). Предполагается, что они занимают разную позицию в глубинной архитектуре глагола. Обнаружен целый ряд непересекающихся формальных свойств, характерных для внешних и для внутренних префиксов (см. [Babko-Malaya 1999]; [Ramchand 2004]; [Svenonius 2004]; [Romanova 2004; 2006] и др.).

Более подробная классификация русских префиксов, в которой внешние префиксы делятся еще на три подкласса, каждый со своим набором формальных свойств (и, предположительно, со своей позицией в глубинной морфосинтаксической структуре) предложена в работах С. Г. Татевосова [Татевосов 2009; 2013]. В [Tatevosov 2008] специально рассмотрен один из них, состоящий как раз из интересующих нас префиксов *до-* и *пере-* (в работах [2009; 2013] к этому же классу добавлен аттенуативный префикс *под-*). Этот класс, который автор называет промежуточным (*intermediate*), или позиционно-ограниченным, характеризуется тем, что входящие в него префиксы, наряду с формальными свойствами, типичными для других внешних префиксов, обнаруживают и свойства, характерные скорее для внутренних префиксов.

а) В структуре словоформы *до-* и *пере-* находятся левее внутренних (ср. сочетание с *раз-* в (1)) и правее других внешних (ср. сочетаемость с делимитативным *по-* и кумулятивным *на-* в (2) и (3)).

- (1) до-разметил, пере-разметил
- (2) Очень понимаю про «не успеваю», я тоже, и календарь бы *подорисовывать*, эх! (livejournal.com)
- (3) В 2010 студии M\$ столько всего *напередельвали*, что создание нового проекта превратилась в поиск воркэраунда к воркэраунду. (www.blinnov.com)

б) До- и пере- могут комбинироваться друг с другом (в разном порядке в зависимости от семантики, ср. (4) и (5)) и — окказионально — даже повторяться (6):

- (4) Включать и *передосматривать* очень лень. (livejournal.com)
- (5) Планы на самое ближайшее будущее: 1. Сделать инструкцию по последнему пистолету SIG P-226! 2. *Донеперкрасить* детали! (youtube.com)
- (6) Дodelываю своих Макфарл. Хищников по 1 фильму, и благодаря этому описанию и фоткам, все-таки решил их «*додodelывать*»! (toyster.ru)

в) Как было сказано выше, в отличие от других внешних префиксов, до- и пере- способны присоединяться не только к основе НСВ, но и к основе СВ¹:

- (7) Кто-то между делом спешит *допроверить* тетради... [Г. Полонский. Доживем до понедельника (1966–1968), НКРЯ]
- (8) — Всё это, — он отодвинул от себя документы, — *перепроверить*. [А. Азольский. Лопушок (1998), НКРЯ]

Для части глаголов возможно только образование от основы СВ (*перепроверил~*переверил~#перепроверял.pfv*); для части глаголов — только от основы НСВ (*переписал~???перенаписал*). Для части глаголов наблюдается вариативность, ср. (9) и (10):

- (9) *Перечёсываюсь*, если что-то в причёске неладно (иногда, скажем, заколка расстёгивается), но это отнюдь не каждый день. (livejournal.com)
- (10) Не возникло ясности — следует ли мне переодеться и *перепричесаться*, или я и дальше могу продолжать безнаказанно оскорблять их эстетический вкус синим и лохматым существованием? (livejournal.com)

Конкретное распределение по основам общей классификацией русских префиксов не предсказывается. Однако оно устроено достаточно закономерно, и, что интересно, несколько по-разному для до- и пере-. Правила выбора основы для глаголов разного типа подробно рассмотрены ниже.

г) Основным отличием до- и пере- от других внешних префиксов оказывается их позиция по отношению к суффиксу вторичного имперфектива *-ыва* (~-ва~-а).

¹ Здесь и далее речь идет о формальном соотношении с той или иной основой, а не о семантическом соотношении с тем или иным глаголом (так, в *докрутить гайку докрутить* скорее соотносится с *закрутить*, чем с *крутить*, однако мы будем говорить об образовании от *крутить*).

Отсюда их название «позиционно-ограниченные». Ср.: «В иерархической структуре основы позиционно-ограниченный префикс располагается не выше показателя вторичного имперфектива *-ыва-*» [Гатевосов 2013: 52].

Другие внешние префиксы могут присоединяться к основе НСВ с суффиксом вторичного имперфектива (*размечать* — *по-размечать*, *на-размечать*). Для позиционно-ограниченных префиксов предсказывается невозможность сочетания с основой, содержащей вторичный имперфектив (*пере-разметить* от *разметить*, но не *???пере-размечать*.pfv <*за три дня*> от *размечать*). С другой стороны, сами дериваты СВ с позиционно-ограниченным префиксом могут в свою очередь присоединять суффикс вторичного имперфектива (*переразметить* — *переразмеч-ать*.ipfv <*всю ночь*>).

В рассматриваемых в настоящей статье данных неформальной интернет-коммуникации это предсказание полностью выполняется для *пере-*: рефактивных дериватов на *пере-* от вторичных имперфективов в них не встретилось. Однако комплетивный *до-* присоединяется к основе с суффиксом вторичного имперфектива, наоборот, достаточно свободно, ср. (11)–(13):

- (11) Ты уложи Андрея, а я тогда *доукладываю* Костю. (babyblog.ru)
- (12) потому что вензель на наволочке не успела *довышивать* :) (livejournal.com, ГИКРЯ)
- (13) Естественно, напомнила она мне про сайт, и я полезла 31 августа начала загадывать — мол до годовщины свадьбы 10 июня запузатиться, но не *дозагадывала*, так как позвонил телефон (babyblog.ru)

Для встретившихся нам дериватов на *до-* от вторичного имперфектива всегда возможен альтернативный синонимичный вариант без него (*довышить*, *доуложить*, *дозагадать*). При этом в некоторых случаях вариант с *-ыва* частотнее, см. ниже.

Как и ожидается от позиционно-ограниченных префиксов, дериват СВ на *до-*, как и дериват на *пере-*, сам может присоединять суффикс вторичного имперфектива. Отсюда омонимичные пары СВ vs. НСВ на *-ыва*, ср. *дорассказывать* в (14) и (15), *доупаковывать* в (16) и (17).

- (14) Вы не дорассказали! ЗЕРО. *Дорассказываю*. Однажды... [А. Слаповский. Большая Книга Перемен (2010), НКРЯ] — дериват НСВ от *дорассказать*
- (15) Я же ещё не *дорассказывал* сказку=((risovach.ru) — дериват СВ от *рассказывать*
- (16) Пока муж чего-то там *доупаковывал*, я пошла выбрасывать остатки мусора. (livejournal.com) — дериват НСВ от *доупаковать*
- (17) Я сегодня *доупаковывала* практически все наше барахло, осталась последняя коробка (baby.ru) — дериват СВ от *упаковывать*

Во многом за счет разницы в возможностях присоединения к основам на *-ыва*, у *до-* и *пере-* оказываются разные правила выбора между основой СВ и НСВ, который будет интересовать нас в данной статье в первую очередь.

3. Данные

Для анализа рефактивного *пере-* были взяты все глаголы на *пере-* из словаря словаря Зализняка [1977/1980]. Каждый был проверен на наличие рефактивного значения по словарю Ушакова и поиску в сети интернет. Было отфильтровано 118 глаголов с рефактивным значением². Для отдельных глаголов из этого списка, обнаруживающих вариативность в образовании деривата на *пере-* (типа *перевязать-перезавязать*) был проведен поиск по яндекс-блогам (<http://blogs.yandex.ru/>) с ручным просмотром выдачи примеров и подсчет количества вхождений каждого из конкурирующих вариантов. Часть этих данных в иллюстративных целях приводится ниже, более подробные результаты см. в [Stoynova 2014; Стойнова 2016].

Для анализа комплетивного *до-* был взят список глаголов на *до-* из МАС и вручную выбраны 678 глаголов с комплетивным значением (значение признавалось у глагола, если присутствовало в толковании МАС). Для отдельных глаголов с вариативностью (типа *довыишить-довыишивать*) был проведен поиск по корпусу ГИКРЯ (<http://www.webcorpora.ru>), а именно по подвыборке текстов из блогов livejournal.com и vk.com. Количественные результаты частично будут представлены ниже, подробнее приведены в [Stoynova 2019].

4. Присоединение *до-* и *пере-* к разным типам основ

4.1. Общие правила для разных типов основ

Ниже описаны правила выбора основы СВ~НСВ отдельно для основ каждого из следующих типов:

а) Бесприставочные непарные НСВ или двувидовые (*чеканить*);

Для этого типа выбор однозначен и, соответственно, одинаков для *до-* и *пере-* (ср. *дочеканить, перечеканить*).

б) Бесприставочные видовые пары «НСВ-СВ» (*решать — решить*)

Таких пар мало. Для них наблюдается вариативность в образовании, и наметить тенденции в силу ограниченности типа сложно.

в) Видовые пары «бесприставочный НСВ > приставочный СВ» (*читать – прочитать*)

Для таких пар и *до-* и *пере-* скорее выбирают основу НСВ, однако окказионально встречаются и дериваты от СВ.

г1) Словообразовательные цепочки «бесприставочный (НСВ) > приставочный СВ > приставочный НСВ» на *-ыва* (*тянуть-обтянуть-обтягивать, мерить-измерить-измерять*)

г2) Словообразовательные цепочки (*бесприставочный) > приставочный СВ > приставочный НСВ на *-ыва* (**честь-учесть-учитывать, мкнуть-замкнуть-замыкать*)

² Видовые пары считались за один глагол, дериваты на *-ся* отдельно не учитывались.

Тип г1) отличается от типа г2) тем, что для глаголов типа г2) — по крайней мере на синхронном уровне — не существует исходного бесприставочного глагола, соотносимого с приставочным СВ.

Для типов г1) и г2) логических вариантов присоединения префиксов больше всего, и именно в этих типах и для *до-*, и для *пере-* обнаруживается заметная вариативность в образовании. Для этих же типов правила выбора основы для *до-* и для *пере-* различаются. Различие вызвано тем, что префикс *до-*, но не префикс *пере-*, как было отмечено выше, способен присоединяться к вторичным имперфективам на *-ыва/-ва/-а*.

4.2. Правила выбора основы в случае, когда бесприставочный глагол семантически отличается от приставочного или отсутствует

Ниже подробнее рассмотрены более частные классы внутри этих формальных подтипов, выделяемые по семантическому соотношению внутри словообразовательной цепочки.

Первый случай (внутри типа г1) представляют тройки глаголов с минимальной семантической разницей (то, что иногда называют «аспектуальная тройка»), ср. *мерить-измерить-измерять, паковать-упаковать-упаковывать*.

У таких глаголов возникает конкуренция между основами, разная для *пере-* и *до-*. В случае *пере-* это конкуренция между бесприставочной основой НСВ и приставочной основой СВ:

- (18) ...но главное: я поленился *перепаковать* коробку. [В. Смехов. Театр моей памяти (2001), НКРЯ] — бесприставочная основа НСВ *паковать*
- (19) ...так что свою водку они привезли в магазин в жутких пластиковых упаковках, и мы были вынуждены все переупаковать. [«Дело» (2002), НКРЯ] — приставочная основа СВ *упаковать*

В случае *до-* это конкуренция между всеми тремя логическими вариантами: бесприставочной основой НСВ, приставочной основой СВ и приставочной основой НСВ:

- (20) Вернулась, *допаковала* вещи, освободила комнату. (Н. Щербатюк. Как я пропутешествовала машину) — бесприставочная основа НСВ *паковать*
- (21) И как раз тогда, когда я *доупаковала* свой подарок (да, я слоупок) и собралась нести его на почту, мне пришло уведомление (pikabu.ru) — приставочная основа СВ *упаковать*
- (22) Я сегодня *доупаковывала* практически все наше барахло, осталась последняя коробка (baby.ru) — приставочная основа НСВ с суффиксом вторичного имперфектива *упаковывать*

Частотное соотношение между конкурирующими дериватами оказывается разным для разных глаголов, однако более-менее сопоставимым. В случае рефактива

дериват от приставочной основы СВ (типа *переупаковать*) обычно более разговорный. Если один из конкурирующих дериватов фиксируется в словарях, то это, как правило, дериват от глагола НСВ (типа *перепаковать*). В случае комплетива дериваты от обоих приставочных глаголов также более разговорные, чем дериват от бесприставочной основы СВ (*допаковать*). Из двух дериватов от приставочного глагола более разговорный — дериват от вторичного имперфектива (*доупаковать*), такие дериваты признаются не всеми носителями.

К этому же классу примыкают тройки *мести-подмести-подметать* и *чесать(ся)-причесать(ся)-причесывать(ся)*, которые нельзя назвать в полном смысле аспектуальными тройками: глагол *мести* существует наряду с *подметать*, однако маргинален в современном языке, *чесать* в значении *причесать* — очевидный архаизм (в частности, в НКРЯ он встречается в текстах не позднее нач. XX в.):

- (23) Марьянка в одной рубахе *чесала* косу, собираясь спать. [Л. Н. Толстой. Казаки (1863)]

При этом в обоих случаях дериваты на *пере-* и *до-* от бесприставочной основы совершенно нейтральны (и конкурируют с *перепричесать* в случае *пере-* и *допричесать*, *допричесывать* в случае *до-*).

- (24) Значит, она уже успела сбегать домой, оставить там книгоноску и шляпу, наскоро пообедать, *перечесаться*, наслюнить и напустить челку на лоб... [В. П. Катаев. Юношеский роман (1980–1981), НКРЯ]
- (25) Не возникло ясности — следует ли мне переодеться и *перепричесаться*, или я и дальше могу продолжать безнаказанно оскорблять их эстетический вкус синим и лохматым существованием? (matilda-bella.livejournal.com)

Второй класс — словообразовательные цепочки, в которых бесприставочный глагол семантически отличается от приставочного (часть глаголов типа г1) или отсутствует (тип г2). Внутри этого класса выделяется особая группа глаголов присоединения, в которых префикс выражает пространственную семантику: *при-~в-~за-~... -винтить, паять, клеить, крутить, вязать, ткнуть, -мкнуть...*³.

Присоединяясь к глаголам этого класса, *пере-* отчетливо предпочитает бесприставочную основу (дериваты от приставочного глагола если встречаются, то окказионально).

- (26) Три раза *перевязывала* шнурки, в итоге вспомнила, как это делается. (livejournal.com)

Для префикса *до-* в текстах интернет-коммуникации обнаруживаются лишь единичные примеры дериватов от глаголов этой группы: зафиксированы и дериваты

³ Здесь имеются в виду только употребления, при которых бесприставочный глагол не может выражать соответствующую пространственную семантику (такие как *приклеить* ~ *приклеивать*, **клеить рисунок к обоям*, но не такие как *клеить обои*).

от бесприставочного глагола, и от приставочного СВ. Дериватов от приставочного вторичного имперфектива (типа *дозавязывать*) в выборке не обнаружено.

(27) Е. М. содрогнулась от хохота, не *довязав* шнурки.(livejournal.com, ГИКРЯ)

(28) тут-то я и задумался, *дозавязал* шнурки...(accord-russia.ru)

В остальных случаях, когда бесприставочный НСВ семантически отличается от приставочного деривата СВ или отсутствует, действуют следующие правила присоединения *пере-* и *до-*. Для *пере-* последовательно выбирается либо приставочная основа СВ (а дериват от бесприставочной не употребляется или представлен окказиональными единичными употреблениями), либо бесприставочная основа НСВ (а дериват от приставочной не употребляется или представлен единичными употреблениями). Выбор, видимо, задается лексически для каждого глагола этого класса, обнаружить какие-либо корреляции не удастся. Ср. данные для двух пар, ведущих себя противоположным образом:

(29) *перевесить*~*перевзвесить* *товар* 52/1 (в основном от бесприставочной основы)

(30) *перегрузить*~*перезагрузить* *компьютер* 3/97 (в основном от приставочной основы)

В случае префикса *до-* конкурируют приставочный СВ и приставочный НСВ. Частотное соотношение разное для разных глаголов, частотность конкурирующих вариантов может быть сопоставимой (т. е. картина отлична от наблюдаемой для *пере-*). Ср. данные по двум разным парам:

(31) *довышивать*~*довышить* 315/67 (85% дериватов от НСВ)

(32) *доперечитывать*~*доперечитать* 22/65 (25% дериватов от НСВ)

4.3. Семантические различия между конкурирующими дериватами на *до-* и *пере-*

Конкурирующие дериваты на *до-* и *пере-* от разных типов основ, как правило, семантически тождественны. Ср., например, (27) и (28) выше.

Тем не менее, иногда можно говорить и о (не жестком) семантическом распределении. Для некоторых глаголов возможен как собственно рефактивный / собственно комплетивный дериват, так и дериват с близким, но отдельным значением — в первую очередь, транслокативным для *пере-* ('перемещение с одного места на другое (как правило, прагматически связанное с повторением действия)') и аддитивным для *до-* ('действие с дополнительной порцией объекта / дополнительным множеством объектов')⁴. В этом случае один дериват тяготеет к собственно рефактивной / собственно комплетивной интерпретации,

⁴ О разграничении комплетивного и аддитивного *до-* и о семантике аддитивного *до-* см. подробнее [Kagan 2012; 2015].

а другой — к выражению другого значения *пере-* / *до-*. Для *пере-* рефактивное значение будет выражать скорее приставочный СВ, а не-рефактивное бесприставочный НСВ, ср. (33) и (34).

- (33) В комплекте штаны с ляжками, можно регулировать *перешив* пуговицу. (www.baby.ru) = пришить в другое место, транслокатив
- (34) ...снаружи трикотаж, внутри махра. единственное, что сразу же пришлось *перепришить* пуговички, которые глаза)) они похоже были просто наживлены на нитку) (livejournal.com) = заново пришить, рефактив

Для *до-* комплетивное значение будет выражать скорее приставочный НСВ, а не-комплетивное (аддитивное) приставочный СВ⁵, ср. (35) и (36).

- (35) Ну, эти крупные планы мы *доснимем* в павильоне в Москве. [В. Давыдов. Театр моей мечты (2004)] = снимем дополнительные кадры, аддитив
- (36) Неожиданно сели аккумуляторы в камере. Завтра *доснимаю* и выложу. (forum.ww2.ru) = закончу снимать, комплетив

В целом можно сказать, что если у данного глагола есть конкурирующие дериваты — один более конвенционализированный, другой разговорный / окказиональный, с одной стороны, и для деривата от этого глагола ожидается два конкурирующих значения — продуктивное рефактивное / комплетивное и какое-либо еще, окказиональным / разговорным дериватом будет выражаться продуктивное значение, что кажется вполне естественным.

4.4. Правила выбора основы для дериватов на *до-* и *пере-*: обобщение

Правила выбора основы для дериватов на *до-* и *пере-* резюмируются и сопоставляются в Таблице 1.

Таким образом, границы глагольных классов, ведущих себя единообразно с точки зрения выбора основы, примерно одинаковы для *до-* и *пере-*, а сами правила различаются.

Основная зона вариативности в образовании дериватов на *до-* и *пере-* — это глаголы, образующие деривационные цепочки: бесприставочный глагол > приставочный СВ > приставочный НСВ на *-ыва*. У *пере-* конкуренция возникает между бесприставочной основой НСВ и приставочной СВ, у *до-* главным образом между приставочной основой СВ и приставочной основой НСВ на *-ыва*.

Одна из основ в случае вариативности часто дает более разговорный, менее конвенционализированный вариант, предполагающий большую композициональность. Если один из вариантов фиксируется в словарях, то, как правило, не этот. Если дериваты расходятся по значению, то прозрачное продуктивное собственно

⁵ См. обсуждение подобных контрастивных примеров на аддитив vs. комплетив на *до-* в [Zinova 2016: 174].

Правила выбора основы: дериваты на *до-* и *пере-*

тип основы	пример	рефактив на <i>пере-</i>	комплетив на <i>до-</i>	
бесприставочный непарный НСВ или двувидовой	<i>чеканить</i>	от бесприставочной основы НСВ	от бесприставочной основы НСВ	
бесприставочные видовые пары	<i>решать-решить</i>	вариативность, мало данных	вариативность, мало данных	
видовые пары бесприставочный НСВ — приставочный СВ (<i>рисовать-нарисовать</i>)	<i>рисовать-нарисовать</i>	от бесприставочной основы НСВ	от бесприставочной основы НСВ	
(бесприставочный НСВ) > приставочный СВ > приставочный НСВ на <i>-ыва</i>	видовые тройки	<i>наковать-упаковать-упаковывать</i>	от бесприставочной НСВ>приставочной СВ	от бесприставочной НСВ>приставочной СВ>приставочной НСВ на <i>-ыва</i>
	глаголы присоединения с простр. префиксами	<i>крутить-прикрутить-прикручивать</i>	от бесприставочной (окказ. от приставочной)	окказ. от бесприставочной-приставочной СВ
	прочие	<i>шить-вышить-вышивать</i>	либо от приставочной СВ, либо от бесприставочной НСВ (индивидуально для разных лексем)	от приставочной СВ-приставочной НСВ на <i>-ыва</i>

рефактивное или собственно комплетивное значение будет у деривата именно от этой основы. Для *пере-* таким вариантом оказывается приставочная основа СВ, для *до-* — приставочная основа НСВ на *-ыва* (вторичный имперфектив).

5. Обсуждение

При более детальном анализе и привлечении данных спонтанной разговорной речи оказывается, что *до-* и *пере-*, в некоторых вариантах классификации русских префиксов выделяемые в единый класс (позиционно-ограниченные префиксы по [Татевосов 2009]), заметно различаются по своим формальным свойствам⁶.

Основное различие заключается в том, способен ли префикс присоединяться к вторичным имперфективам на *-ыва*, иными словами, верно ли, что он находится ниже *-ыва* в структуре словоформы (как это предсказывается для класса позиционно-ограниченных префиксов). Это действительно так для *пере-*: для него дериватов от вторичного имперфектива в анализируемых текстах не встречается, но не для *до-*: для него они встречаются и достаточно частотны.

В работе [Tatevosov 2013b], дополняющей классификацию русских префиксов, оговаривается возможность нарушения “позиционного ограничения” (ограничения на сочетаемость с вторичным имперфективом) для префикса *до-*: оно интерпретируется как идиолектная черта отдельных носителей. В этой логике для части носителей система такова, что *до-* и *пере-* образуют единый класс префиксов, для

⁶ К этому же классу относится не обсуждавшийся здесь аттенуативный префикс *под-*, свойства которого требуют отдельного изучения.

части такова, что не образуют. В наших данных встречаются и случаи, типа (37), когда конкурирующие дериваты от основы СВ и от основы НСВ на *-ыва* употреблены одним и тем же носителем подряд в соседних клаузах:

(37) ...потому что вензель на наволочке не успела *довышивать*.) Ну что, *довышила* и поехала! [ГИКРЯ]

Дериваты на *до-* от вторичного имперфектива достаточно широко используются в анализируемом массиве разговорных текстов интернет-коммуникации, для того чтобы их невозможно было игнорировать в качестве факта языка или хотя бы одного из его регистров. Не обнаружено глаголов, для которых выбор основы на *-ыва* был бы единственной возможностью, однако для части глаголов вариант, образованный от вторичного имперфектива, оказывается более частотным, чем конкурирующий с ним вариант (например, приведенный выше дериват *довышивать*.pfv частотнее, чем *довышить*.pfv).

При этом ни *пере-*, ни *до-* нельзя отнести к какому-то другому из выделяемых классов префиксов. Оба присоединяются к СВ и НСВ (хотя и по разным правилам), как «внутренние префиксы». И оба могут присоединяться к уже префигированной основе, как другие «внешние префиксы».

«Позиционное ограничение» (ограничение на присоединение выше суффикса *-ыва*), сформулированное в классификации С.Г. Татевосова, логически не связано с другими формальными свойствами *до-* и *пере-*, и его нарушение, обнаруживаемое в эмпирических данных, общей теории префиксации не подрывает. Также оно не ставит под сомнение идею о «внутренних» префиксах, отличных от прочих.

Однако обнаруживаемая разница между *до-* и *пере-* (если признавать ее хотя бы для некоторых регистров русского языка или для некоторых носителей) дает основания для еще более дробной классификации русских префиксов (а при детальном анализе и у других внешних префиксов, похоже, обнаруживаются важные индивидуальные свойства, препятствующие их объединению в единый класс). Такая детализация грозит привести к абсурдной классификации «один класс — один префикс».

Различие в позиции по отношению к суффиксу вторичного имперфектива ведет к еще одному различию между *пере-* и *до-*, а именно к различию в правилах выбора основы, которые были основным предметом настоящей работы. Для части глагольных классов *до-* и *пере-*, таким образом, выбирают из разного набора потенциально или реально конкурирующих основ. Для *пере-* выбор возможен между приставочной и бесприставочной основой. Для *до-* одним из вариантов оказывается приставочная основа с имперфективным суффиксом. Это существенное различие, однако и сходства в правилах выбора основы довольно велики. Во-первых, сам набор глагольных классов, для которых приходится постулировать разные правила выбора основы, более-менее одинаков для *до-* и *пере-*. Во-вторых, там, где есть тонкие семантические различия в употреблении конкурирующих дериватов, механизмы выбора очень похожи для *до-* и для *пере-*. Наконец, там, где один из конкурирующих

вариантов оказывается более разговорным, регулярным, окказиональным, а другой более конвенционализированным и нормативным, между *до-* и *пере-* также наблюдается параллелизм. Такие наблюдения скорее поддерживают представление об этих двух префиксах как о членах единого класса.

Литература

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980 (1 изд. — М.: 1977). 878 с.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: ЯРК, 2000. 226 с.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, Т. I–II. М.: ЯСК, 2003 (Печатается по изд.: Братислава: 1965). 867 с.

Стойнова Н. М. Рефактивный префикс *пере-* // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.

Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Киселева и др. (Ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 92–156.

Татевосов С. Г. Множественная префиксация и ее следствия // Вопросы языкознания, 2013. №3. С. 42–89.

Татевосов С. Г. Грамматика глагола и диалектное варьирование // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы конференции «Диалог-2013». М.: РГГУ, 2013b.

Babko-Malaya O. Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case, PhD dissertation. Rutgers University, 1999.

Kagan O. Degree semantics for Russian verbal prefixes: The case of *pod-* and *do-* // Oslo Studies in Language. 2012. №4 (1). P. 207–243.

Kagan O. Scalarity in the Verbal Domain: The Case of Verbal Prefixation in Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 266 p.

Ramchand G. Time and the event: The semantics of Russian prefixes // Nordlyd, 2004. №32(2). Special issue on Slavic prefixes. P. 323–366.

Romanova E. Constructing Perfectivity in Russian. PhD dissertation. Tromsø: University of Tromsø, 2006.

Romanova E. Superlexical vs. lexical prefixes // Nordlyd, 2004. №32(2). Special issue on Slavic prefixes. P. 255–278.

Stoynova N. Repetitive *пере-* in Russian: single vs. multiple prefixation competing // 47th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Book of abstracts. Poznań: University of Poznań, 2014. (http://sle2014.eu/downloads/SLE2014BookofAbstracts_FINAL_2.pdf).

Stoynova N. Some features of the completive prefix *до-* in Russian: Theory faces empirical data // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”. М: RSUH, 2019. P. 667–676.

Svenonius P. Slavic prefixes inside and outside VP // Nordlyd, 2004. №32(2). Special issue on Slavic prefixes. P. 205–253.

Tatevosov S. G. Intermediate prefixes in Russian // Antonenko A., Bethin C., Baylin J. (Eds.) Formal approaches to Slavic linguistics. New York, Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2008. P. 423–442.

Zinova Yu. Russian Verbal Prefixation: A Frame Semantic Analysis. PhD dissertation. Duesseldorf: Heinrich-Heine-Universitaet, 2016.

Natalia M. Stoyanova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
stoyanova@yandex.ru*

VARIATION IN VERBAL PREFIXATION: RUSSIAN DO- AND PERE-

The paper deals with variation in stem choice attested among the Russian prefixes *do-* and *pere-*. According to the classification by Tatevosov (2008; 2009; 2013), the completive *do-* ‘to finish V’ and the repetitive *pere-* ‘to do V again, better than before’ form a separate type of prefix with a unique cluster of formal features. One of these features is the ability to combine with both imperfective (cf. *шить* > *дошить*, *перешить*) and perfective stems (cf. *проверить* > *допроверить*, *перепроверить*). A further feature is the restriction on combining with secondary imperfectives (i.e., stems containing the imperfective suffix *-ыва~ва~а*).

The aim of the study is to describe in detail and to compare the formal behavior of these two prefixes based on informal Internet communications data. The expectation is that the rules of stem choice would be identical or similar for these two prefixes.

In the paper, I formulate usage-based rules of stem choice for different verbs classes. If the data of spontaneous informal speech are taken into account, the rules appear to be quite complicated and non-strict for both prefixes. For some verbs, parallel variants derived from different stems are used in natural texts (cf. *перепаковать* ~ *перепаковать подарок*). For such verbs, I give frequency distribution and assumptions on factors regulating choice.

Although *do-* and *pere-* belong to one and the same formal type according to their general features, they appear to have different rules of stem choice. The difference is partly motivated by the fact that in contrast to *pere-* and contrary to theoretical assumptions about the structure of Russian verbs, *do-* frequently combines with secondary imperfectives, at least in the type of texts under consideration. For instance, the variants *доупаковать* and *доупаковать*, which are parallel to the above mentioned *pere-*derivates, compete with the verb *доупаковывать*, too (derived from the secondary imperfective *упаковывать*).

In the literature, Russian prefixes are divided into two positional types: inner (lexical) and outer (superlexical), both associated with a set of particular formal features. More detailed analysis shows that this two-part classification is not enough: in a more elaborated classification by Tatevosov (2009; 2013) superlexical prefixes are sub-divided into three more types. If one turns to a larger mass of spontaneous texts and to a more fine-grained analysis, more and more specific features typical of minor sub-types and of each individual prefix can be found.

Keywords: Russian, variation, verbal prefixation, multiple prefixation, external prefixes, *pere-*, *do-*.

References

Babko-Malaya O. *Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case*. PhD dissertation. Rutgers University, 1999.

Isatchenko A. V. *Grammatical structure of Russian compared to Slovak. Morphology* [Grammatičeskij stroj ruskogo jazyka v sopostavlennii s slovackim. Morfologija], Vol. I–II. Moscow, «JaSK» Publ., 2003. 867 p. (in Russ.)

Kagan O. Degree semantics for Russian verbal prefixes: The case of *pod-* and *do-* // *Oslo Studies in Language*, 2012, no. 4 (1), pp. 207–243.

Kagan O. *Scalarity in the Verbal Domain: The Case of Verbal Prefixation in Russian*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015. 266 p.

Ramchand G. Time and the event: The semantics of Russian prefixes. *Nordlyd*, no. 32 (2). Special issue on Slavic prefixes, 2004, pp. 323–366.

Romanova E. *Constructing Perfectivity in Russian*. PhD dissertation. Tromsø: University of Tromsø, 2006.

Romanova E. Superlexical vs. lexical prefixes. *Nordlyd*, no. 32 (2). Special issue on Slavic prefixes, 2004, pp. 255–278.

Stoynova N. Repetitive *pere-* in Russian: single vs. multiple prefixation competing. *47th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Book of abstracts*. Poznań, University of Poznań, 2014.

Stoynova N. Some features of the completive prefix *do-* in Russian: Theory faces empirical data. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”*. M: RSUH, 2019, pp. 667–676.

Stoynova N. The repetitive prefix *pere-* [Refaktivnyj prefiks *pere-*] // *Materials for corpus-based grammar of Russian* [Materialy dlja projekta korpusnogo opisanija ruskoj grammatiki] (<http://rusgram.ru>), manuscript. Moscow, 2016. (in Russ.)

Svenonius P. Slavic prefixes inside and outside VP. *Nordlyd*, no. 32 (2). Special issue on Slavic prefixes, 2004, pp. 205–253.

Tatevosov S.G. (2009), Multiple prefixation and anatomy of Russian verb [Množestvennaja prefiksacija i anatomija ruskogo glagola]. Kiseleva et al. (Ed.), *Corpus-based studies on Russian grammar* [Korpusnyje issledovanija po ruskoj grammatike]. Moscow, «Probel-2000» Publ., 2009, pp. 92–156. (in Russ.)

Tatevosov S. G. A grammar of verb and dialectal variation [Grammatika glagola i dialectnoe varjirovanje]. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2013"*. Moscow, RSUH, 2013b. (in Russ.)

Tatevosov S. G. Intermediate prefixes in Russian. Antonenko A., Bethin C., Baylin J. (Eds.). *Formal approaches to Slavic linguistics*. New York, Ann Arbor, MI, University of Michigan Press, pp. 423–442.

Tatevosov S. G. Multiple prefixation and its outcome [Množestvennaja prefiksacija i ee sledstvija]. *Voprosy jazykoznanija*, 2013, no. 3, pp. 42–89. (in Russ.)

Zinova Yu. *Russian Verbal Prefixation: A Frame Semantic Analysis. PhD dissertation*. Duesseldorf: Heinrich-Heine-Universitaet, 2016.

Д. Б. Тискин

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
daniel.tiskin@gmail.com

НИ- И НИ... НИ: ДИСТРИБУЦИЯ И УСЛОВИЯ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ

В статье обсуждаются особенности дистрибуции повторяющегося союза *ни... ни* в русском языке, которые могут помочь уточнить его синтаксическое и семантическое описание. Существенная трудность такого описания состоит в том, что различные типы употреблений этого союза указывают, на первый взгляд, на несовместимые его свойства: либо этот союз имеет конъюнктивное значение и лицензируется над отрицанием, либо его значение дизъюнктивное, а лицензируется он под отрицанием. Сходные единицы в других языках в недавних работах описываются вторым способом, однако, как мы покажем, для некоторых употреблений *ни... ни* может оказаться привлекательной конъюнктивная трактовка. В связи с этим мы предлагаем описание *ни... ни* как единицы с двойным лицензированием: как единица отрицательной полярности этот союз порождается в контексте отрицания и является одним из проявлений отрицательного согласования [Zeijlstra 2004] в русском языке, однако как единица, вовлекающая в интерпретацию доменные альтернативы [Chierchia 2013], он вынужден претерпевать передвижение в позицию выше отрицания и интерпретируется там как конъюнкция. Такое решение привлекательно ещё и в том отношении, что позволяет описывать случаи употребления *ни... ни* в отсутствие частицы *не* не как исключения, а как проявление общей закономерности.

Ключевые слова: отрицание, отрицательная полярность, отрицательное согласование сочинение, сфера действия.

В значительной части своих употреблений русский союз *ни... ни* находится в пределах одной клаузы с отрицательной частицей *не*, что позволяет классифицировать его как элемент отрицательной полярности или, в терминах концепции отрицания Х. Зейлстры, отрицательного согласования. С другой стороны, существуют и такие употребления, где *ни... ни* не соседствует с отрицанием или же расположен выше его в синтаксической структуре предложения; кроме того, даже в пределах клаузы с *не* нельзя заранее исключать, что *ни... ни* лицензируется не под

отрицанием, а над ним. В настоящей статье мы, предприняв краткий обзор исследований единиц отрицательной полярности в §1, обратимся к поведению *ни... ни*, которое будем рассматривать в отдельности от поведения частицы *ни-* (см. §2). В §3 описаны случаи, способные составить проблему для дизъюнктивной трактовки *ни... ни*, а в §4 предлагается конъюнктивный анализ. §5 кратко описывает дополнительное преимущество такого анализа¹.

1. Две стороны проблемы лицензирования

Проблема дистрибуции русских отрицательных местоимений на *ни-* и повторяющегося союза *ни... ни* может рассматриваться с двух сторон: со стороны синтаксических требований к контексту, делающему возможным употребление этих единиц, и со стороны их собственной семантики и семантических свойств контекстов их употребления. Нельзя заранее исключать, что ограничения, характеризующие их употребления, носят чисто синтаксический характер (каковы, вероятно, ограничения на селекцию: например, сочетается данный матричный глагол с финитной клаузой, инфинитивной клаузой или номинализацией), но они могут также носить чисто семантический характер (как запрет на *#делиться на три за пять минут* в отсутствие весьма специфического контекста) или иметь смешанную природу. Объяснение, выводящее дистрибуцию из семантики, т. е. из свойств, в той или иной мере доступных не зависящей от дистрибуции оценке, может представляться более привлекательным, чем объяснение, постулирующее у самих единиц с *ни-* или у сочетающихся с ними элементов контекста чисто синтаксические, неинтерпретируемые признаки. С другой стороны, в случаях, когда некоторые аспекты поведения исследуемой единицы не удаётся с очевидностью связать с её значением, приходится прибегнуть к постулированию чисто синтаксических признаков в надежде на будущее подтверждение гипотезы независимыми — пусть даже вновь исключительно дистрибутивными — данными.

Две линии описания: синтаксическую и условную семантическую — можно выделить в новейшей истории работ, посвящённых отрицательному согласованию в языках мира и в теоретической перспективе. С синтаксической точки зрения [Zeijlstra 2004] русский язык относится к языкам с отрицательным согласованием (Negative Concord), т. е. к таким, в которых несколько «отрицательных на вид» элементов в пределах клаузы соответствуют единственному оператору отрицания в семантическом представлении этой клаузы. Противоположность этому типу — языки с двойным отрицанием (Double Negation), например литературный английский, где если несколько отрицательных элементов в пределах клаузы вообще возможны, то каждый из них вносит в семантику один отрицательный оператор. Говоря точнее, среди языков с NC русский попадает в группу языков со строгим (strict) NC, т. е. таких, где согласовательный характер отрицательных элементов

¹ Настоящая статья является развитием идей, изложенных в [Тискин 2019], и потому в значительной мере пересекается с названной работой по содержанию.

сохраняется у них и в позиции перед сентенциальным отрицанием, а не только после него (как, например, в испанском). Формальное описание этой системы также может носить чисто синтаксический характер, как это и происходит у Х. Зейлстры. Его идея состоит в том, что в языках со строгим отрицательным согласованием ни один из отрицательных элементов в клаузе, включая собственно отрицательный показатель типа русского *ne*, не является носителем значения отрицания. Эту роль выполняет нулевой оператор (назовём его *Op*), расположенный достаточно высоко в дереве структуры и контролирующий оттуда согласование по отрицанию других элементов клаузы. Соответственно, вне отрицательных контекстов употребление *ни-* запрещено, поскольку там нечему проверить его признак [*uNEG*]. Отрицательность контекста при этом на самом деле определяется не присутствием *ne* (это ведь тоже элемент с неинтерпретируемым признаком [*uNEG*], нуждающимся в проверке), а присутствием *Op*. К сильным сторонам такого решения, помимо его способности объяснить основные черты дистрибуции *ни-*, можно отнести, в частности, способность объяснить приемлемость эллиптических ответов, как в (1).

(1) Кого ты встретил? — Никого *Op* я не встретил.

Если бы *ne* несла отрицательное значение сама, эллипсис в (1) противоречил бы общему положению о том, что элидируемый материал должен совпадать с лицензирующим эллипсис фрагментом. Если же допустить, что *ne* не несёт значения отрицания, а несущий его *Op* не элидируется (хотя и не произносится, поскольку он всегда нулевой в русском), то этой проблемы не возникает.

Семантическими свойствами изучаемых элементов Зейлстра в своём объяснении не пользуется, определяя их так, чтобы описанный им синтаксический механизм приводил к наблюдаемым интерпретациям предложений с *ни-*. Местоимения с *ни-* он трактует как свободные переменные, которые все вместе — сколько бы их ни было в клаузе — связываются *Op*, чьё значение не сводится к отрицанию, а включает ещё существование, т. е. имеет вид ‘ $\neg\exists$ ’. Распространяя это решение на случай *ни... ни*, мы могли бы считать, что *ни Вася, ни Петя* — это своего рода свободная переменная, чей пробег ограничен множеством {Вася, Петя}, а *Op Я не видел ни Васю, ни Петю* означает ‘не существует *x* из множества {Вася, Петя}, которого я видел’.

С другой стороны подходят к описанию отрицательно-согласовательных элементов авторы, следующие традиции Дж. Кьеркья [Chierchia 2013]. В этой традиции предполагается, что ограничения на употребление этих элементов, выглядящие как грамматические запреты, в конечном счёте семантически (или прагматически) мотивированы. Более конкретно речь идёт о том, что значения самих этих элементов или нулевых операторов, ассоциированных с ними, таковы, что при помещении в некоторые контексты значение предложения в целом оказывается самопротиворечивым. Такое объяснение требует сначала признать возможным, чтобы противоречивость вела к грамматической неприемлемости. Если принять это, удастся описать, к примеру, дистрибуцию англ. *any*: во-первых, потребуется считать, что *any* означает то же, что и *some*, но требует лицензора (эта часть объяснения не вполне семантическая); во-вторых, необходимо допустить,

что этим лицензором выступает нулевой оператор O_D на левой периферии клаузы, чьё значение таково: ‘клауза, к которой присоединён оператор, является истинным высказыванием, но из её (под)доменных альтернатив истинны только те, которые логически следуют из неё’. Поддоменные альтернативы — это фактически та же самая клауза, проинтерпретированная на меньшем множестве объектов. Так, *I didn't see anyone* означает

- (2) ‘(a) Неверно, что я видел кого-то, и (b) если рассмотреть не всех людей, а только какое-то их подмножество, то я не видел никого из этого подмножества, только если это следует из (a)’.

В этом конкретном случае (b) не привносит ничего нового в значение предложения, поскольку если я не видел никого из большего множества, то я не видел никого и из его подмножеств. В случае неприемлемого **I saw anyone*, однако, становится ясна блокирующая роль части (b): его значением оказывается

- (3) ‘(a) Я видел кого-то, и (b) если рассмотреть какое-то подмножество людей, то я видел кого-то из этого подмножества, только если это следует из (a)’.

Но в этом случае (b) ложно, поскольку из того, что я видел x или y , не следует ни то, что я видел x , ни то, что я видел y . Поэтому и **I saw anyone* всегда ложно, а неизбежная ложность, согласно излагаемой теории, делает предложение неприемлемым.

Аналогичным способом объясняет дистрибуцию *ни-* в сербохорватском языке Й. Гайич [Gajić 2016, 2018]. Если перенести её трактовку на русский материал, получится, что *ни-* обозначает ‘существует’ и лицензируется O_D . *Я не видел никого* приемлемо, поскольку его значением оказывается (2), а **Я видел никого* неприемлемо, поскольку имеет самопротиворечивое значение (3). Такой подход имеет некоторые достоинства, например он способен объяснить, почему *ни... ни* лицензировано в контекстах, где отрицание располагается ниже его в синтаксической структуре [Pareto 2014]:

- (4) И это при том, что ни нефть не подешевела, ни дефолта не стряслось. [Георгий Ильичев. Президент требует найти деньги для учителей (2002) // «Известия»]²

Объяснение может состоять в том, что, хотя согласуемый с *Op* элемент *не* действительно располагается ниже *ни... ни* (это видно из того, что *ни... ни* сочиняет клаузы, уже содержащие *не*), сам *Op* в (4) единственный и расположен выше *ни... ни*. Действительно, возможны, хотя и нечасты, случаи, где выше *ни... ни*, сочиняющего клаузы с *не*, располагается ещё один элемент с *ни-*:

- (5) И вообще, почему никто ни писем не шлет, ни в гостевую книгу ничего не пишет? [Araneum]³

² Пример из Национального корпуса русского языка, <http://ruscorpora.ru>.

³ Пример из корпуса Araneum Russicum Maximum, <http://unesco.uniba.sk>.

2. Ни- vs. ни... ни?

Несмотря на то что с интуитивной точки зрения в случае префикса *ни-* и союза *ни... ни* мы в каком-то смысле имеем дело с одной и той же морфемой, известен ряд различий в их синтаксическом поведении. Так, в [Былинина 2003] отмечается контраст в (6).

- (6) а. *Я не просил, чтобы он никуда ехал.
б. Я не просил, чтобы он ехал ни в Москву, ни в Петербург.

Возможно, природа этого контраста в том, что сочинённая структура в (6б) претерпевает передвижение («подъём правого узла») в позицию, более локальную по отношению к отрицанию (и, что более существенно, по отношению к *Op*, расположенному в главной клаузе выше отрицания). На наш взгляд, с аналогичным улучшением после передвижения мы имеем дело в (7), где возможное в разговорной речи (7б) более приемлемо, чем (7а).

- (7) а. ?*Я не видел, чтобы ни Маша, ни Саша приходила <приходили>.
б. ?Я не видел / ни Маша ни Саша чтобы приходила.

Кроме того, в [Пазельская 2006] отмечено существование примеров типа (8), где поверхностная структура предложения не содержит отрицания, что на первый взгляд противоречит тезису о необходимости лицензора для *ни... ни*:

- (8) Лаврик знал, что — всё, что — конец, и это ни удручало, ни вдохновляло, ни забавляло его. [Андрей Битов. Вкус (1960–1999)]

Я. Г. Тестелец [Тестелец 2008] рассматривает такие примеры как особый случай, требующий заранее данного множества альтернатив (т. е. чтобы ‘удручать’, ‘вдохновлять’ и ‘забавлять’ составляли заранее ясный список возможных чувств, противопоставленных друг другу и исчерпывающих пространство возможностей); ниже мы предложим трактовку, объединяющую такие примеры с общим массивом случаев лицензирования *ни... ни*.

В дальнейшем в центре нашего внимания будут союзные употребления *ни-*. Мы покажем, что для некоторых употреблений *ни... ни* предпочтительной выглядит трактовка, при которой союз рассматривается не как дизъюнкция — отрицательно поляризованный эквивалент *или*, лицензируемый под отрицанием, а как конъюнкция — требующий особого лицензирования эквивалент *и*, на некотором этапе деривации передвигающийся за пределы сферы действия отрицания.

3. Проблема сферы действия

Для предложений типа *Не пришёл ни Вася, ни Петя* можно представить себе как минимум две альтернативные трактовки: либо *ни... ни* означает то же, что и *или*, и имеет сферу действия под отрицанием, так что значением предложения в целом оказывается ‘Неверно, что пришёл Вася или пришёл Петя’, либо значение *ни... ни*

то же, что у *и*, но его сфера действия шире, чем у отрицания, так что предложение в целом получает интерпретацию ‘И для Васи неверно, что он пришёл, и для Пети неверно, что он пришёл’. В данном случае две интерпретации эквивалентны; как мы видели, анализ Й. Гайич для сербохорватского следует экзистенциальной стратегии для *ни*-, которой для *ни... ни* соответствовала бы дизъюнктивная.

В русском языке, однако, имеются случаи, в которых преимущества дизъюнктивного анализа неочевидны. Таковы примеры, где в составе одного из членов, сочиняемых *ни... ни*, есть кванторная группа: если окажется, что такая кванторная группа имеет сферу действия над отрицанием, то придётся признать, что и сам *ни... ни* имеет сферу действия над отрицанием, иначе пришлось бы признать, что кванторная группа может выдвинуться из сочинённой составляющей на уровне логической формы, чтобы получить сферу действия над отрицанием. Но если *ни... ни* имеет сферу действия над отрицанием, то его приходится считать конъюнкцией, а не дизъюнкцией.

Примеры интересующего нас типа встречаются для различных кванторных слов, но многие из них, будучи взяты в отдельности, допускают альтернативный анализ. Так, в (9) интерпретация, при которой *большинство* имеет более широкую сферу действия, чем отрицание, как минимум возможна, а то и предпочтительна:

- (9) Ни мы, ни большинство других серьезных страховщиков не участвует в этом рынке. [Google]

Представим себе ситуацию, в которой существует семь «других серьёзных страховщиков», причём четыре из них не участвуют в рынке. В такой ситуации не только неверно, что большинство страховщиков участвует в рынке, но верно, что большинство страховщиков в рынке не участвует. В ситуации же, где существует только шесть «других серьёзных страховщиков» и три из них не участвуют в рынке, неверно, что большинство страховщиков участвует в рынке, но неверно и то, что большинство не участвует в рынке: участвующих и не участвующих оказывается поровну. При этом (9) вполне допустимо в первом из описанных сценариев, а значит *большинство* имеет сферу действия над отрицанием.

Аналогично, (10) имеет интерпретацию, при которой говорящий не успевает отвечать никому из адресатов, а не только не успевает делать так, чтобы все его адресаты получали ответы вовремя:

- (10) Она пишет сейчас часто, но мне не удается своевременно отвечать ни ей, ни всем другим адресатам. [В. Н. Гельфанд. Дневники 1944–1946 гг. (1944–1946)]

Это означает, что и для (10) оказывается возможной интерпретация, при которой квантор *всем* имеет более широкую сферу действия, чем отрицание. Таким же образом можно подходить к (11), где предпочтительна интерпретация ‘Найдутся такие три четверти населения, которые не понимают’ в отличие от интерпретации ‘Неверно, что найдутся такие три четверти населения, которые понимают’ (последнее было бы истинно, например, если бы понимала ровно половина населения).

- (11) И зачем вы все туда полезли, кроме как для личного благополучия, ни я не пойму, ни три четверти населения страны. [Agameum]

Ко всем до сих пор приведённым примерам применимо возражение (сформулированное, в частности, Д. М. Зеленским в устном сообщении) о том, что для них возможен альтернативный анализ: вместо полноценной сферы действия кванторных групп в них можно говорить о референциальной или специфической интерпретации этих кванторных групп, при которой они либо вовсе теряют квантификативный характер и обозначают конкретное множество индивидов (какое-то конкретное большинство, определённым образом выбранные три четверти населения или всех адресатов как нечленимую совокупность), либо должны описываться с использованием квантификации неиндивидуального типа, для которой принципы определения сферы действия иные. Мы допускаем такую возможность, однако существуют и такие примеры, где в роли кванторного слова выступает *каждый*, не допускающее коллективной интерпретации в противоположность *все*:

- (12) Их накопление превращает окружающую среду в натуральный мусорник, чего ни Англия, ни правительство, ни каждый англичанин не хотят. [Agameum]
- (13) Ни ты, ни почти каждый другой зритель на это не способен часто от слова совсем... [Google; единичный]

Таким образом, не претендуя на то, что наш вывод касается всех употреблений кванторных слов внутри составляющих, сочиняемых *ни... ни*, мы всё же полагаем, что как минимум для некоторых говорящих возможно приписывание кванторным группам широкой сферы действия относительно отрицания, что, в свою очередь, означает, что *ни... ни* в их идиолектах переосмыслен как конъюнкция вне сферы действия отрицания. Это не означает, что у тех же говорящих *ни-* обязательно переосмыслен как универсальная квантификация над отрицанием.

4. Анализ конъюнктивного *ни... ни*

Поскольку возможность получать сферу действия над отрицанием не означает возможности лицензирования в отсутствие отрицания, мы предлагаем комбинированный анализ, при котором необходимость в отрицании объясняется требованием проверки формального признака в духе Х. Зейлстры, а последующее передвижение за пределы сферы действия отрицания (не показателя *не*, а нулевого оператора *Op*) связано с необходимостью избежать противоречивой семантики в духе Дж. Кьеркья.

Мы предполагаем, что *ни X, ни Y* порождается в позиции, расположенной ниже *Op*, и благодаря этому неинтерпретируемый признак [*uNEG*], который он несёт, может быть проверен *Op*. Однако, помимо [*uNEG*], *ни... ни* несёт ещё признак [*uD*], который должен быть проверен другим оператором на левой периферии, E_D , расположенным выше *Op*. Хотя эта проверка возможна и на расстоянии, *ни X, ни Y* всё равно передвигается в позицию между E_D и *Op*. Это происходит по следующей

причине. Семантика *ни... ни* конъюнктивная, т. е. *ни... ни* — требующий особого лицензирования эквивалент *и*. Семантика же E_D — аналог семантики *даже*, в котором пресуппозиция *даже* превращена в часть ассерции, т. е. ‘клауза, к которой присоединён оператор, является истинным высказыванием, а все её доменные альтернативы следуют из неё’. При этом в [Nicolae 2012], где предлагается аналогичный оператор, под доменными альтернативами имеются в виду наддоменные (какими являются x, y и z и x, y, z и k по отношению к x и y), а у нас поддоменные, как выше (такими альтернативами для x и y являются сами x и y). Поэтому если логическая форма предложения *Я не встретил ни Колю, ни Толю* имеет вид (14), то её интерпретацией будет (15).

(14) E_D [ни Колю, ни Толю]₁ [λ_1 [*Ор* я (не) встретил t_1]]

(15) ‘(а) И Колю я не встретил, и Толю я не встретил; (б) для Коли в отдельности и для Толи в отдельности то, что я его не встретил, следует из того, что я не встретил Колю и Толю’

В этом случае часть (б) не добавляет ничего нового к части (а), поскольку если я не встретил Колю и не встретил Толю, то автоматически верно, что кого-то одного из них я тоже не встретил. Если бы *ни Колю, ни Толю* не претерпела передвижения, то мы имели бы дело с логической формой в (16) и интерпретацией в (17):

(16) E_D [*Ор* я (не) встретил [ни Колю, ни Толю]]

(17) ‘(а) Неверно, что я встретил как Колю, так и Толю; (б) для Коли в отдельности и для Толи в отдельности то, что я его не встретил, следует из того, что я не встретил как Колю, так и Толю’

В этом случае (б) выполняет блокирующую функцию, знакомую нам по (3): из того, что я не встретил как Колю, так и Толю, \neg (встретил Колю & встретил Толю), не следует ни что я не встретил Колю, ни что я не встретил Толю. Поэтому часть (б) ложна, а значит, ложно и (17) в целом. Поэтому без передвижения *ни Колю, ни Толю* предложение в целом было бы всегда ложно; передвижение есть способ избежать этого. Тем не менее, сами X и Y в составе *ни X, ни Y* могут как интерпретировать в итоговой позиции, куда передвинулась вся составляющая *ни X, ни Y*, так и реконструироваться в исходную позицию; этим могут объясняться неоднозначности в примерах (9)–(13) для тех носителей, которые ощущают их там. Ср. ещё вариативность выбора местоимения в (18)–(19), которая может указывать на опциональность реконструкции: если реконструкция происходит, местоимение оказывается внутри сферы действия *Ор*, так что оказываются доступны и местоимения на *ни-*, и местоимения на *-либо*, как и вообще в контекстах отрицания [Падучева 2013].

(18) В это время рядом не было ни тёщи — она не могла улететь из Австралии, — ни никого из родных. [Вячеслав Фетисов. Овертайм (1997)]

(19) У ханского шатра не было ни самого хана, ни кого-либо из его семьи или знатных вельмож. [Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002)]

5. Трактовка случаев без *не*

Вернёмся с учётом сказанного к примерам типа (8). Как мы помним, частица *не* в предлагаемой модели не несёт значения отрицания, и выражение этого значения, вообще говоря, не зависит от присутствия *не*; другое дело, что при наличии в клаузе фонологически выраженной глагольной группы оказывается необходимо выразить согласование с отрицанием, за счёт чего и возникает обязательность *не*. На первый взгляд, в (8) глагольная группа присутствует, а значит должно быть и согласование с отрицанием, а его отсутствие должно вынуждать нас рассматривать такие примеры отдельно от основной массы случаев. С другой стороны, опираясь, в частности, на упомянутое выше замечание Я. Г. Тестельца о семантических особенностях таких употреблений, можно предположить, что одиночные глаголы, сочинённые *ни... ни*, в таких случаях располагаются не в пределах глагольной группы, а в более высокой, возможно фокусной, проекции:

(20) [_{Топик} это [_{Фокус?} [ни удручало, ни забавляло]₁ [_{НегP} Op ... [_{VP} t₁ ...]]]]

Поскольку глагол претерпел передвижение, *не* уже не может появиться, даже несмотря на присутствие *его*. В подтверждение этой гипотезы приведём случаи, где нераспространённой слева является только одна из сочиняемых глагольных групп (Тискин 2018):

(21) Ни пообщались, ни адреса не объявили, ничего. [Нина Чугунова, Марк Штейнбок. Ангел мой // «Огонек». № 12, 1991]

В таких случаях *не* появляется только в распространённой ГГ — по-видимому, в фокусную проекцию перемещается не глагол, а предглагольное зависимое, тогда как глагол остаётся в сфере действия отрицания и потому несёт согласовательное *не*.

Литература

Былинина Е. Г. О синтаксисе отрицания в русском языке: отрицательные местоимения и конструкция «ни X, ни Y» // Труды международной конференции «Диалог — 2003» / под ред. А. С. Нариньяни. М.: Наука, 2003.

Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. 304 с.

Пазельская А. Г. Наследование глагольных категорий именами ситуаций. Дисс. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. 2006. 216 с.

Тестелец Я. Г. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой / под ред. Р. И. Розиной, Г. И. Кустовой. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 773–789.

Тискин Д. Б. К обобщению семантики русского *ни... ни* // Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов

(Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.) / отв. ред. Д. Ф. Мищенко. СПб: ИЛИ РАН, 2018. С. 167–170.

Tiskin D. B. Ни- и ни... ни: к вопросу о сфере действия // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума / науч. ред. В. Н. Степанов. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 212–220.

Chierchia G. Logic in grammar: Polarity, free choice, and intervention. Oxford: OUP, 2013. 481 p.

Gajič J. Ni-disjunction as a coordination marker and focus particle // Proceedings of the ESSLI 2016 Student Session / ed. by M. Köllner, R. Ziai. Bolzano: Free University of Bozen-Bolzano, 2016. P. 155–167.

Gajič J. Niti—real negative coordination inside a strict Negative Concord language? // Proceedings of ConSOLE XXVI / ed. by A. van Alem, A. Ionova, C. Pots. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2018. P. 1–21.

Nicolae A. C. Negation-resistant polarity items // Empirical Issues in Syntax and Semantics. 2012. Vol. 9. P. 225–242.

Paperno D. An Alternative Semantics for Negative Conjunction in Russian [Электронный ресурс]. 2014. URL: https://www.dropbox.com/s/9xj57m5z9it15i7/ni_ni_paper.pdf.

Zeijlstra H. Sentential Negation and Negative Concord: PhD thesis / University of Amsterdam, Amsterdam. Utrecht: LOT, 2004. 315 p.

Daniil B. Tiskin

Saint Petersburg State University

(Saint Petersburg, Russia)

daniel.tiskin@gmail.com

NI- AND NI... NI IN RUSSIAN: DISTRIBUTION AND LICENSING CONDITIONS

The paper deals with the distribution of the Russian NPI coordinator *ni... ni* ‘(n)either... (n)or’ insofar as some intricacies of its distribution and interpretation have escaped the attention of previous researchers. Its various uses suggest different conclusions as regards its force and licensing conditions, the prominent options being that it is a conjunction licensed above negation and that it is a disjunction licensed under negation. Similar items in other languages, such as English and SerBo-Croatian, have been recently analysed as disjunctive, but the evidence presented here suggests that at least for some speakers, *ni... ni* has a conjunctive effect and therefore should be assumed to scope over negation at LF. We develop an analysis under which *ni... ni* is doubly licensed, first as a Negative Concord item [Zeijlstra 2004] under negation and then as an item triggering domain alternatives [Chierchia 2013] which has to move above negation lest the truth conditions of the sentence be self-contradictory. Our analysis is then shown to have the potential to assimilate the seemingly

exceptional cases where *ni... ni* is licensed in the absence of the negative particle *ne* to more regular cases.

Keywords: negation, negative polarity, negative concord, coordination, scope.

References

Bylinina E. G. [On the Syntax of Negation in Russian: Negative Pronouns and the Construction *ni X, ni Y*]. *Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog — 2003"* [Proc. of Dialogue 2003]. Moscow, «Nauka» Publ., 2003. (In Russ.)

Chierchia G. *Logic in grammar: Polarity, free choice, and intervention*. Oxford, OUP, 2013. 481 p.

Gajič J. Ni-disjunction as a coordination marker and focus particle. *Proceedings of the ESSLLI 2016 Student Session*. Bolzano: Free University of Bozen-Bolzano, 2016, pp. 155–167.

Gajič J. Niti—real negative coordination inside a strict Negative Concord language? *Proceedings of ConSOLE XXVI*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2018, pp. 1–21.

Nicolae A. C. Negation-resistant polarity items. *Empirical Issues in Syntax and Semantics*, 2012, vol. 9, pp. 225–242.

Paducheva E. V. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [The Russian Negative Sentence].

Moscow, «Yazyki Slavyanskoi Kul'tury» Publ., 2013. 304 p. (In Russ.)

Paperno D. *An Alternative Semantics for Negative Conjunction in Russian*. 2014. Available at: https://www.dropbox.com/s/9xj57m5z9it15i7/ni_ni_paper.pdf (accessed 15.11.2019).

Pazel'skaya A. G. *Nasledovanie glagol'nykh kategorii imenami situatsii*. Diss. kand. filol. nauk [The Inheritance of Verbal Categories by Situation Nouns. Cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 2006. 216 p. (In Russ.)

Testelets Ya. G. [The Structure of Sentences with Zero Copula in Russian]. *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statei v chest' E. V. Paduchevoi* [Dynamic Models: Word. Sentence. Text. A Festschrift for E. V. Paducheva]. Moscow, «Yazyki Slavyanskoi Kul'tury» Publ., 2008, pp. 773–789. (In Russ.)

Tiskin D. B. [Towards a Unification of the Semantics of *ni... ni* in Russian]. *Pyatnadsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov* [Proceedings of the Fifteenth Conference on Typology and Grammar for Young Scholars]. St. Petersburg: ILS RAS, 2018, pp. 167–170. (In Russ.)

Tiskin D. B. [*Ni-* and *ni... ni*: The Problem of Scope]. *Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi* [Russian Grammar: Active Processes in Language and Speech]. In press.

Zeijlstra H. *Sentential Negation and Negative Concord*. PhD thesis, University of Amsterdam. Utrecht: LOT, 2004. 315 p.

Е. В. Урысон

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

uryson@gmail.com

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ВИДОВОЙ ПАРЫ: ГЛАГОЛЫ НСВ В СЦЕНИЧЕСКИХ РЕМАРКАХ*

Объект предлагаемой работы — глаголы НСВ в сценических ремарках. Хорошо известно, что в сценическом настоящем действии, обозначаемое глаголом НСВ (как парным, так и непарным), часто и начинается в описываемый момент, т. е. глагол НСВ в таком контексте обозначает не только действие (или процесс) как таковое, но и его начало. Так, ремарка *Читает газету* может значить ‘начинает читать газету’. Глагол НСВ и в других случаях может «высвечивать» начало длящегося действия или процесса [Падучева 1996: 68 сл.]. Неясно, то ли это указание является частью значения видовой граммы, то ли специфическим «контекстным наращением», то ли оно предопределено лексическим значением глагола. В предлагаемой работе, в рамках концепции [Урысон 2019], сделана попытка дать системное описание данного явления. Демонстрируется, что компонент ‘начать’ входит в лексическое значение глагола, указывающего на начало действия (процесса) в сценической ремарке. Специфика этого компонента состоит в том, что он попадает в фокус внимания (акцентируется) лишь в некоторых масловских контекстах. На основе предложенного анализа предлагается уточнение критерия Маслова.

Ключевые слова: Глагольный вид, парные глаголы, глагол НСВ, граммема вида, лексическое значение, семантический акцент, настоящее сценических ремарок.

0. Введение

Объект предлагаемой работы — парные глаголы НСВ в сценических ремарках; ср. *Падают и умирает; Садится и читает газету; (Дети) останавливаются и поют песню*. Хорошо известно, что в таких ремарках действие, обозначаемое глаголом НСВ (неважно — парным или непарным), часто и начинается в описываемый момент, т. е. глагол НСВ в таком контексте обозначает не только процесс как таковой,

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект 19-02-00291А).

но и его начало. Так, в примерах выше *читает* значит ‘начинает читать’, а *поют* — ‘начинают петь’. Требуется уяснить природу этого смыслового компонента.

В настоящей работе поставленная задача решается в рамках подхода, предложенного в [Урысон 2019]. Этот подход кратко излагается в разделе 1. Затем (раздел 2) описываются частные значения НСВ в контексте настоящих сценических ремарок. Этот раздел содержит собственно решение поставленной задачи. В последнем разделе рассматриваются некоторые теоретические проблемы определения видовой парности и уточняется критерий Маслова.

Для дальнейшего понадобится следующее терминологическое уточнение. Глагол, как правило, многозначен, т. е. представляет собой совокупность лексико-семантических вариантов (по Смирницкому) или лексем (в терминологии московской семантической школы). Хорошо известно, что в видовую пару объединяются не два многозначных глагола (один — СВ, а другой НСВ), а две лексемы СВ и НСВ. В дальнейшем, говоря о глаголе, мы будем иметь в виду его какую-либо конкретную лексему (обычно — это первая лексема данного глагола), представление о которой дается в примерах.

1. Семантическая интерпретация критерия Маслова

По определению, глаголы СВ и НСВ внутри видовой пары имеют тождественное лексическое значение и различаются только видовой семантикой ([Маслов 2004/1948; Виноградов 1947; Кузнецов 1952; Мучник 1956; Бондарко, Буланин 1967; Грамматика 1970; Грамматика 1980] и многие другие работы). Очевидно, что корпусные и статистические методы не позволяют установить тождество лексического значения глаголов СВ и НСВ (как и других языковых единиц).

Казалось бы, идеальным инструментом для определения видовой парности должен быть семантический критерий, т. е. такой критерий, который оперирует с лексическим и грамматическим значением глагола. Однако подобный критерий предполагает полное и точное описание семантики достаточного представительного массива глаголов. В настоящее время такие описания отсутствуют¹.

Надежным критерием установления видовой парности является дистрибутивный критерий Маслова [Маслов 2004]. Он опирается на дистрибуцию парных глаголов СВ и НСВ в некоторых, т. н. масловских, контекстах: в этих контекстах для обозначения реального события используется не глагол СВ, а его видовой коррелят НСВ. Одним из масловских контекстов является настоящее историческое. Ср.

- (1) *Он переехал [СВ] в деревню и вскоре умер. — Он переезжает [НСВ] в деревню и вскоре умирает [НСВ].*
- (2) *В Москве он построил [СВ] себе дом. — В Москве он строит [НСВ] себе дом.*

¹ Подробная содержательная критика семантического критерия для определения парности глаголов содержится в работе [Зализняк, Шмелев 2015].

Грубо говоря, если в одних контекстах для указания на некоторое событие употребляется глагол СВ, а в масловском контексте для указания на то же событие употребляется глагол НСВ, то два эти глагола образуют видовую пару. Ср. видовые пары в приведенных примерах: *переехать* — *переезжать*, *умереть* — *умирать*, *построить* — *строить*.

В [Урысон 2019] предложена семантическая интерпретация дистрибутивного критерия Маслова: указание на событие входит в лексическое значение обоих глаголов внутри пары, т. е. и СВ, и НСВ. Глаголы в паре различаются модальной или темпоральной характеристикой этого события, причем эта характеристика входит уже не в лексическое значение глагола, а в семантику видовой граммы. В масловских контекстах видовая граммема НСВ, сближаясь с граммемой СВ, указывает на реальность события, и благодаря этому парный глагол НСВ в этих контекстах обозначает реальное событие.

Действительно, возьмем классический пример А. Вежбицкой с предложенным ею толкованием НСВ [Wierzbicka 1967]:

- (3) *Ян умирает* [актуально-длительное] ‘Ян последовательно проходит состояния такого ряда состояний, что если он пройдет все состояния этого ряда, то наступит событие: Ян умер’.

Вслед за Е. В. Падучевой [Падучева 1996: 18], попытаемся представить толкование (3) в обобщенном виде:

- (4) ‘Имеет место процесс Р; если процесс будет развиваться естественно, то в какой-то момент будет иметь место событие Q — результат данного процесса’.

Как видим, глагол НСВ в актуально-длительном значении содержит в своем значении указание на результирующее событие ‘Ян умер’, а это — часть семантики парного глагола СВ. При этом глагол НСВ указывает на то, что это результирующее событие потенциально — для того чтобы оно имело место, требуются определенные условия. Что касается глагола СВ *умереть*, то он указывает на реальное событие.

Аналогичным образом можно толковать и парные глаголы НСВ, обозначающие действия, ср. *рисовать*. Ср.

- (5) *Ян рисует дерево*.
(6) ‘Субъект действует Р; если он будет продолжать действовать, то в какой-то момент будет иметь место событие Q — результат данного действия’.

Очевидно, что указание на событие — результат данного действия содержат и глаголы «моментального достижение цели», ср. *ловить* — *поймать*, *решать* — *решишь* и т. п.

Итак, указание на результирующее событие входит в семантику как глагола СВ, так и его парного коррелята НСВ и, следовательно, является частью лексического значения парного глагола. На долю видовой семантики остается указание

на реальность / гипотетичность события, указание на сохранение результата к моменту речи, равно как и указание на однократность / многократность / узуальность события и т. п.

Более точно, в актуально-длительном значении указание на событие участвует в следующем компоненте значения (импликация А. Вежбицкой):

- (7а) ‘Если процесс Р будет развиваться естественно, то в какой-то момент будет иметь место событие Q — результат данного процесса’.
- (7б) ‘Если субъект будет продолжать действовать Р, то в какой-то момент будет иметь место событие Q — результат данного действия’.

В многократном значении (ср. *Осирис оживал каждую весну; Он трижды делал ей предложение*) указание на событие входит в компонент (8а) или (8б) значения глагола²:

- (8а) ‘Неоднократно имел место процесс Р, который развивался естественно, и каждый раз в какой-то момент имело место событие Q — результат данного процесса’.
- (8б) ‘Субъект неоднократно действовал Р, и каждый раз в какой-то момент имело место событие Q — результат данного действия’.

Аналогичным образом обстоит дело с другими значениями НСВ — точнее, с другими значениями граммы НСВ (подробнее см. [Урысон 2019]).

Поскольку указание на событие входит в лексическое значение парного глагола НСВ, а характеристика этого события входит в значение видовой граммы, то в глагольной словоформе значение вида и лексическое значение глагола (основы глагола) всегда слиты — подобно тому, как слиты лексическое значение основы и грамматическое значение числа в словоформе существительного. В результате «нельзя естественным образом истолковать значение глагольной словоформы как лексическое значение глагольной основы, очищенное от значения вида, плюс значение видового показателя» [Гловинская 2001: 56]. Тем не менее, мы можем делать выводы о том, какие отдельные компоненты значения глагола относятся к лексическому значению, а какие — к видовой семантике.

Приведем возможное обобщенное представление лексического значения парного предельного глагола, т. е. как СВ, так и НСВ:

- (9) ‘Процесс / действие Р; естественный результат Р — событие Q’.

Подчеркнем, что выражение (9) не является толкованием в смысле московской семантической школы: это лишь схематическое представление лексического значения глагола.

Обратимся теперь к возможной структуре нашего общего знания о мире. Известно, что это знание неоднородно: оно закреплено как минимум в двух «системах».

² Компонент (8а) входит в значение глагола, обозначающего процесс, компонент (8б) — в значение глагола, обозначающего действие.

Одна из этих систем — конкретный естественный язык, в частности — его лексическая семантика; аналогом этой системы может служить толковый словарь данного языка. Другая система — это «база знаний», известных, вообще говоря, всем говорящим, однако не зафиксированных в значении языковых единиц. Аналогом ее может служить энциклопедический словарь. Заметим, что это знание, скорее всего, не привязано к какому-либо конкретному естественному языку.

Информация о том, что процесс или действие имеют «естественный результат», является частью нашего общего знания о мире. В частности, все люди знают, что (в общем случае) целенаправленное действие приводит к успеху: *Кто хочет, тот добьется*, <...> *Кто ищет, тот всегда найдет* (В. Лебедев-Кумач). Оказывается, что в большинстве случаев данная информация закреплена еще и в лексическом значении парного предельного глагола (в компоненте (9)); ср. видовые пары *делать — сделать*, *рисовать — нарисовать*, *ловить — поймать* и т. п. Однако в других случаях та же информация не входит в лексическое значение глагола, оставаясь частью нашего общего знания о мире. Классический пример — глаголы *искать* и *найти*, не образующие видовой пары по Маслову. Действительно, высказывание типа *Он ищет потерянную монету* ни в каком контексте не может обозначать события ‘Он нашел потерянную монету’. Следовательно, в лексическое значение глагола *искать* не входит указания на событие ‘найти’, из-за чего этот глагол в масловском контексте указывает не на событие, а на длежащее действие.

Указание на результирующее событие содержится в семантике парных предельных глаголов. Но видовые пары образуют и неопредельные глаголы. Перейдем теперь к ним.

Исходя из общих представлений о системе языка, естественно предположить, что указание на событие содержится в лексическом значении всех парных глаголов — как предельных, так и неопредельных. Проблема состоит в том, что парные неопредельные глаголы, в отличие от глаголов предельных, не предполагают никакого результата. На какое же событие они указывают?

На основе имеющихся знаний о видовом противопоставлении (см. в особенности [Гловинская 1982; 2001; Татевосов 2005]) и видовой семантике, естественно предположить, что указанием на событие в лексическом значении такого глагола (как СВ, так и НСВ), является указание на начало или конец ситуации. Для нашей темы важен первый случай, и мы им сейчас ограничимся.

Пример: *обижаться — обидеться*.

В первом приближении, *обижаться* ‘быть в эмоциональном и ментальном состоянии Р’. Ср. *Она долго на него обижалась*. Здесь глагол *обижаться* сближается с выражением *быть в обиде*. Толкование глагола СВ *обидеться* тоже не вызывает затруднений: *обидеться* ‘начать быть в состоянии Р’. При этом, в соответствии с постулатом информативности Грайса, высказывание *Он обиделся* предполагает, что субъект некоторое время находится (или находился) в данном состоянии.

Глаголы *обижаться* — *обидеться* образуют видовую пару по Маслову. Действительно, в масловских контекстах НСВ *обижаться* обозначает событие. Ср.

- (10) *Он внезапно обиделся и ушел — Он внезапно обижается и уходит* [настоящее историческое].
- (11) *Она много раз на него обижалась* [многократное значение НСВ].

Отметим, что глагол НСВ *обижается* в настоящем историческом может иметь и стативное значение, ср. *После этого он три дня на нее обижается*. Однако в (10) наречие *внезапно* указывает на то, что данный глагол обозначает событие, а именно начало состояния, или переход в новое состояние. Действительно, «сочетаемость со словом *внезапно* может рассматриваться как своего рода дополнение к тесту Маслова, поскольку внезапными могут быть только события (ср. *Он внезапно уезжает*), но не процессы и состояния (см. [Булыгина, Шмелев 1998])» [Зализняк Анна, Шмелев 2015г: 287].

Итак, в толковании СВ *обидеться* содержится указание на начало состояния. На начало состояния указывает и НСВ *обижаться* в масловских контекстах. По определению лексическое значение глагола НСВ и СВ в видовой паре тождественно — следовательно, указание на начало состояния входит в лексическое значение и НСВ *обижаться*, и СВ *обидеться*. В первом приближении: *A1 обижается (на A2)* ‘A1 находится в эмоциональном и ментальном состоянии P; это состояние начало иметь место в какой-то предшествующий момент времени’. В обобщенном виде:

- (12) ‘Состояние / процесс P; P начало иметь место в какой-то момент времени’.

Аналогичным образом устроены и многие другие парные неопредельные глаголы. Примеры: *раздразниться — раздразниться* (ср. *Он внезапно раздразняется*); *радоваться — обрадоваться* (ср. *Он внезапно чему-то радуется и начинает смеяться*); *заразиться — заразиться* (ср. *Он вдруг заражается тифом и умирает*); *понимать — понять* (ср. *Он вдруг понимает, в чем дело*); *смотреть — посмотреть* (ср. *Она вдруг смотрит ему прямо в глаза*), *чувствовать — почувствовать* (ср. *Он внезапно чувствует боль в сердце*) и т. п.; более подробно см. [Урысон 2019].

С логической точки зрения практически любой процесс и любое состояние имеют начало. В некоторых случаях эта информация является компонентом лексического значения парного глагола, т. е. как глагола СВ, так и глагола НСВ, ср. *обижаться — обидеться*.

Но в других случаях эта же информация представляет собой просто фрагмент нашего общего знания об устройстве мира и не входит в лексическое значение глагола НСВ, ср. *тосковать — затосковать*, *болеть — заболеть*. Эти (и подобные) пары не удовлетворяют критерию Маслова. Действительно, возьмем высказывания:

- (13) *Осенью она внезапно затосковала и уехала в Москву.*
- (14) *В дороге он вдруг заболел.*

При трансформации этих примеров в настоящее историческое получают грамматичные высказывания. Ср.

(13а) *Осенью она внезапно тоскует и уезжает в Москву.

(14а) *В дороге он вдруг болеет.

Следовательно, глаголы *тосковать* — *затосковать*, *болеть* — *заболеть* не являются парными (по Маслову). Значит, информация о том, что эти состояния имеют начало, не зафиксирована в их лексическом значении — она является только частью нашего знания о мире.

Аналогичным образом не являются видовыми парами по Маслову глаголы *интересоваться* — *заинтересоваться*, *любить* — *полюбить*, *слушать* — *послушать* и т. п. Эти глаголы НСВ ни в каком контексте не обозначают начало ситуации, ср. *Он вдруг интересуется ее прошлым, *Она внезапно любит его, *Он вдруг слушает их и т. п. Таким образом, эти глаголы НСВ не содержат в своем значении указания на начало ситуации.

Перейдем теперь к нашей основной теме — значению НСВ в контексте сценических ремарок.

2. Частные значения НСВ в контексте настоящего сценических ремарок

Прежде всего, будем различать два случая употребления глагола НСВ в настоящем сценическом. Первый случай иллюстрируется примерами типа

(15) *Сидит за роялем и играет вальс* [сценическая ремарка].

Здесь значение глаголов НСВ *сидит* и *играет* аналогично актуально-длительному значению. Ср.

(16) *Ты видишь, что он сейчас делает? — Да, он сидит за роялем и играет вальс* [настоящее время, актуально-длительное значение НСВ].

В (16) действие ‘сидит за роялем и играет’ имеет место в момент речи. Что касается сценической ремарки (15), то здесь «читатель представляет себе названное действие как бы происходящим в момент чтения» [Гловинская 2001: 223 сл.].

Значение НСВ в сценическом настоящем, близкое актуально-длительному, ср. (15), можно назвать «процессным сценическим», или «актуально-длительным сценическим».

Для аспектологии более интересен второй случай, ср.

(17) *Падает и умирает* [сценическая ремарка].

В (17) действия ‘падает и умирает’ представляются как бы происходящими в момент чтения — и это сближает данный случай с предыдущим. Однако в данном случае глагол НСВ указывает и на начало действия, и на его протекание, и на завершающее его событие, которое в обычном повествовании обозначается глаголом СВ. Перед нами «своеобразная комбинация противоположных значений обоих видов» [Маслов 2004/1974: 110], т. е. особое частное видовое значение НСВ. (См. об этом также работы [Кошмидер 1962 / 1934; Бондарко 1971: 226 сл.]). Назовем это видовое значение «процессно-событийным».

Приведем упрощенное толкование глагола *умирать* в процессно-событийном значении НСВ:

- (18) *Умирает* [процессно-событийное, в сценической ремарке]
'(i) субъект начинает последовательно проходить состояния такого ряда состояний, что если он пройдет все состояния этого ряда, то наступит событие: он умер;
(ii) субъект последовательно проходит все состояния этого ряда состояний;
(iii) имеет место событие: субъект умер'.
Обобщенная схема толкования имеет следующий вид:

- (19) 'Процесс Р начинает иметь место, естественно развивается, и в какой-то момент имеет место событие Q — результат данного процесса'.

Аналогичным образом толкуется процессно-событийное значение НСВ глаголов, обозначающих действия; ср.

- (20) *Заклеивает конверт и надписывает его* [сценическая ремарка].

Приведем обобщенную схему толкования таких глаголов:

- (21) 'Субъект начинает действовать Р, действует, и в какой-то момент имеет место событие Q — результат данного действия'.

Применительно к примеру *Заклеивает конверт и надписывает его*, результирующие события Q — 'заклеить конверт' и 'надписать конверт'³.

Обратим внимание на то, что парный глагол НСВ в процессно-событийном значении, наряду с «комбинацией противоположных значений обоих видов» [Маслов 2004/1974: 110], содержит еще один — «лишний» компонент: это указание на начало действия или процесса. Этот «лишний» компонент появляется в контексте сценического настоящего и у непарных глаголов НСВ. Ср.

- (22а) *Иван нервно забегал по комнате*. VS.
(22б) *Иван нервно бежит по комнате* [сценическая ремарка].
(23а) *В ответ дети дружно запели песню*. VS.
(23б) *В ответ дети дружно поют песню* [сценическая ремарка].

В данных сценических ремарках: *бегать* 'начать бегать', *петь* 'начать петь'.

Аналогичным образом ведут себя в контексте настоящего сценического и многие другие глаголы, причем как парные, так и непарные. Ср. *Снимает пиджак; Пьет кофе; Читает газету; Звонит по телефону; Ищет под столом монету; Играл с кошкой; Гладит собаку; Качается на турнике* и т. п. Пока нам известны лишь немногие глаголы, в значении которых в контексте сценической ремарки нет компонента 'начать'. Это стативы *сидеть, лежать, стоять, висеть*. Ср.

³ Два выделенных частных значения НСВ в контексте настоящего сценических ремарок описаны в [Урысон 2019]; в этой работе отмечено также, что значения, аналогичные данным, может выражать глагол НСВ и в контексте настоящего исторического.

- (24а) *Иван садится за стол и засыпает* [‘начинает спать’] *сидя* [сценическая ремарка].
(24б) ^{??}*Иван садится за стол и спит* *сидя* [сценическая ремарка].
(25а) *Подходит к дивану и ложится* [‘начинает лежать’] [сценическая ремарка].
(25б) **Подходит к дивану и лежит* [сценическая ремарка].

Сценические ремарки типа *Стоит посреди комнаты* или *Висит на турнике* также не могут значить ‘начинает стоять посреди комнаты’ или ‘начинает висеть на турнике’. Можно было бы думать, что подобным образом ведут себя стативные глаголы вообще. Однако это не так. Например, стативы *видеть*, *слышать*, *злиться* могут обозначать начало состояния, ср. сценические ремарки *Неожиданно видит записку на столе*; *Слышит шарманку и подбегает к окну*; *Злится и выбегает из комнаты*.

Требуется объяснить две вещи. Во-первых, за счет чего в контексте сценического настоящего у глагола НСВ возникает значение начинательности. Во-вторых, почему оно возникает у одних глаголов (ср. *бегать*, *петь*, *слышать*, *злиться* и т. п.) и не возникает у других, ср. *спать*, *сидеть*, *лежать*.

В принципе, возможны три ответа на этот вопрос: (I) компонент ‘начать’ является специфическим контекстным наращением глагола НСВ в настоящем сценическом; (II) данный компонент входит в видовую граммему НСВ; (III) этот компонент входит в лексическое значение глагола.

По логике нашего подхода (см. р. 1), следует выбрать вариант (III). Действительно, возьмем неопределенные парные видовые глаголы типа *обижаться* — *обидеться*. Как было показано в р. 2, такой неопределенный парный глагол НСВ указывает на начало процесса (состояния) в контексте настоящего исторического и в контексте многократности, ср. примеры (16)–(17). Выяснилось, что такой глагол указывает на начало процесса и в еще одном масловском контексте — в сценических ремарках; ср. *Обижается и отворачивается*; *Раздражается и кричит*; *Внезапно радуется*; *Смотрит в окно* и т. п. Следовательно, в лексическое значение такого неопределенного парного глагола НСВ входит указание на начало процесса.

По аналогии с этим, вполне очевидным случаем, описываются парные предельные глаголы, которые в контексте сценических ремарок тоже указывают на начало процесса (действия или состояния). Ср. *умирать* — *умереть*, *падать* — *упасть*, *читать* — *прочитать* и т. п. Естественно считать, что указание на начало ситуации входит и в их лексическое значение.

Проблема в том, что этот компонент безусловно проявляется лишь в одном масловском контексте — в настоящем сценическом. В других масловских контекстах эти глаголы не выражают значения начинательности. Ср. *Потом он умирает, и она остается одна*; *Он падает с крыши и ломает ногу*; *Она читает записку, и ей все становится ясно*; *Они поют песню, и им аплодируют* [настоящее историческое]; *Было скользко, и она несколько раз падала*; *Он три раза читал «Войну и мир»*, *Девочка два раза пела эту песенку* [контекст многократности]. На первый взгляд, такое поведение компонента «начинательность» совершенно непонятно.

Обратим, однако, внимание на то, что во всех масловских контекстах, кроме контекста сценических ремарок, в фокусе внимания находится результирующее событие — именно на этот компонент значения падает семантический акцент. Указание на начало ситуации попадает в фокус внимания, акцентируется, лишь в контексте сценических ремарок. По этой причине обсуждаемый компонент значения «наблюдается» только в этом масловском контексте.

Осталось рассмотреть неопредельные (и непарные) глаголы, представленные в ремарках типа *Бегают по комнате* (ср. пример (226)), а также в ремарках *Ищут под столом монету; Играет с кошкой; Гладит собаку; Качается на турнике* и т. п.

По логике нашего рассуждения, компонент ‘начать’ входит и в их лексическое значение, причем «высвечивается», акцентируется только в контексте сценических ремарок. В частности, этот компонент не попадает в фокус внимания в контексте многократности, почему невозможно **Иван часто вдруг бежал по комнате, *Петр часто внезапно искал на полу монету, *Девочка несколько раз вдруг играла с кошкой <гладила собаку>* при нормальности *Иван часто вдруг начинал бегать по комнате, Петр часто внезапно начинал искать на полу монету, Девочка несколько раз вдруг начинала играть с кошкой <гладить собаку>*. Этим глаголы данного типа, как и предельные парные глаголы типа *умирать — умереть, петь — спеть*, отличаются от глаголов типа *обижаться*, в которых указание на начало состояния является «полноправным» компонентом лексического значения, ср. *Иван часто вдруг на нее обижался*.

Итак, семантика начинательности, выражаемая в сценической ремарке, это компонент лексического значения глагола НСВ. Специфика данного компонента лексического значения обсуждаемых глаголов состоит в том, что он взаимодействует только с процессно-событийным значением видовой граммы НСВ, т. е. только с одним частным значением данной граммы. В обобщенном виде:

(26) ‘Процесс / действие Р начинает иметь место и продолжает иметь место’.

Вернемся к ремаркам (24б), (25б). Она невозможна (или по крайней мере очень сомнительна) потому, что в значение глаголов *спать* и *висеть* не входит указание на начало процесса (состояния). Поэтому и глаголы *спит, висит* в ремарке не имеют значения начинательности.

Как видим, масловские контексты позволяют уточнить лексическое значение даже некоторых непарных глаголов НСВ. Дальнейшая работа состоит в том, чтобы определить, какие глаголы содержат в своем лексическом значении указание на начало ситуации, а какие — нет, и выделить в этой группе те глаголы, в которых это указание акцентируется только в контексте сценических ремарок. Обсуждение этого вопроса выходит за рамки предлагаемой статьи.

3. Некоторые теоретические проблемы и уточнение критерия Маслова

Рассмотрим подробнее соотношение глаголов в парах *петь — запеть, бегать — забегать* и т. п., где глагол СВ обозначает начало действия. В контексте настоящего сценических ремарок такой глагол СВ заменяется на глагол НСВ.

Данный контекст относится к масловским контекстам. Следует ли из этого, что *петь* и *запеть*, *бегать* и *забегать* и подобные глаголы образуют видовую пару? Положительный ответ на этот вопрос приводит к результатам, которые противоречат общепринятым представлениям.

Действительно, возьмем пару *петь* — *запеть*. Во-первых, СВ *запеть* образует видовую пару с НСВ *запевать*. Во-вторых, НСВ *петь* входит в видовую пару с СВ *спеть*. Тем не менее, исходя из критерия Маслова, мы вынуждены констатировать конкуренцию двух глаголов СВ (*спеть* и *запеть*) на роль видового коррелята глагола НСВ *петь*.

Обратим, однако, внимание на то, что во всех масловских контекстах СВ *спеть* заменяется на НСВ *петь*, причем НСВ *петь* обозначает в этих контекстах результирующее событие. Ср.

- (27) *Он спел романс, и занавес упал* — *Он поет романс, и занавес падает* [настоящее историческое].
(28) *Он много раз пел эту песню* [контекст многократности].
(29) *Он пел эту песню на конкурсе* [общезначимое значение НСВ].
(30) *Он поет песню и падает* [‘спел песню и упал’, сценическая ремарка].

Что касается *запеть*, то этот глагол заменяется на *петь* лишь в одном масловском контексте — в контексте сценических ремарок. Ср.

- (31) *Останавливается под балконом и поет серенаду* [сценическая ремарка].

Отчасти похожим образом ведет себя пара *бегать* — *забегать*: глагол СВ *забегать* заменяется на соответствующий глагол НСВ *бегать* лишь в одном масловском контексте — в настоящем сценических ремарок.

Мы видим, что критерий Маслова оперирует с, вообще говоря, неоднородными случаями. С одной стороны, существуют такие глагольные пары, в которых глагол СВ заменяется на свой коррелят НСВ во всех масловских контекстах, ср. *умирать* — *умереть*. С другой стороны, некоторые глаголы СВ в контексте настоящего сценического заменяются на какой-то другой глагол НСВ, при том что в других масловских контекстах они заменяются на свой обычный коррелят. Противоречит ли этот материал критерию Маслова? На наш взгляд — нет. Рассматриваемые случаи свидетельствуют лишь о том, что критерий Маслова нуждается в некотором уточнении: требуется учесть, что глагол СВ может заменяться данным глаголом НСВ лишь в некоторых масловских контекстах [Урысон 2016; 2015].

Предлагаем следующие два уточнения критерия Маслова.

Во-первых, глагол НСВ объединяется в видовую пару с тем глаголом СВ, который заменяется данным глаголом НСВ в большем числе масловских контекстов. Тем самым, видовую пару образуют глаголы *петь* — *спеть*, но не *петь* — *запеть*.

Во-вторых, видовые пары ранжируются по «силе корреляции». Самыми сильными являются те пары, в которых глагол СВ заменяется на соответствующий глагол НСВ во всех масловских контекстах, ср. пары типа *съесть* — *съесть* (с вторично имперфективированным глаголом НСВ). Самыми слабыми являются те

пары, в которых такая замена возможна лишь в одном масловском контексте. Между этими двумя полюсами располагается основная масса русских глаголов, которая, по-видимому, тоже не является однородной с рассматриваемой точки зрения. Более подробное описание русских глаголов в рамках предлагаемого подхода требует отдельного исследования.

Литература

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Высшая школа, 1971.

Булдыгина Т. В., Шмелев А. Д. Неожиданности в русской языковой картине мира // Полутропов. М, 1998. С. 306–324.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию // Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: ЯСК, 2015.

Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 159–161 [Koschmieder E. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zagysie. Wilno, 1934. S. 97–102].

Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК, 2004. С. 71–90 [впервые напечатано в: Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1948. Т. 7. Вып. 4. С. 303–316].

Маслов Ю. С. Система частных видовых значений и типы противопоставлений совершенного и несовершенного вида // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК, 2004. С. 96–110 [первый вариант: Zur Semantik der Perfektivitaetsopposition // Wiener Slawistischer Jahrbuch. 1974. Bd. 20. S. 107–122].

Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

Урысон Е. В. Критерий Маслова и семантическая теория // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13–15 ноября 2015 г. / Составитель Мицуси Китадзё. Киото. 2015. С. 307–313.

Урысон Е. В. Видовые пары, семантическая теория и критерий Маслова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2016). Вып. 15. М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 704–717.

Урысон Е. В. Лексическое значение глагола в видовой паре: семантическая теория и критерий Маслова // Вопросы языкознания. 2019. № 3.

Wierzbicka A. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish // To Honor Roman Jakobson. The Hague — Paris, Mouton, 1967. P. 2231–2243.

Elena V. Uryson

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
uryson@gmail.com*

TOWARDS A DEFINITION OF THE VERBAL ASPECTUAL PAIR: IMPERFECTIVE VERBS IN STAGE DIRECTIONS

The paper deals with Russian imperfective verbs in stage directions. It is common knowledge that in stage directions verbs in present tense are able to denote not only a lasting action (process), but also its beginning, e.g. «*chitaet gazetu*» [‘reading a newspaper’; lit. ‘reads a newspaper’] can denote ‘beginning to read a newspaper’ [lit. ‘begins to read a newspaper’]. The problem is determining whether the component ‘begin’ is a part of the grammatical meaning of an imperfective verb, or a part of its lexical meaning, or perhaps a peculiar semantic accretion. I solve the problem in the framework of my approach [Uryson 2019]. In [Uryson 2019] I have suggested a semantic interpretation of Maslov's criterion: since, in Maslov's contexts, imperfective verbs denote events but not lasting processes, and since verbs in an aspectual pair have the same lexical meaning, we can consider that the semantic component ‘event’ (or the “resulting event”, completing the process/action) is a part of the lexical meaning of both verbs in an aspectual pair. Two verbs in a given aspectual pair differ only in the modal or temporal characteristics of the “resulting event”, and this characteristic is a part of the aspectual meaning of a verb. In this paper, I demonstrate that if a verb is able to denote the beginning of an action (a process) in a stage direction, then the component ‘begin’ is a part of its lexical meaning. A special feature of this component is that it is semantically accentuated only in some Maslovian contexts. I refine Maslov's criterion on the basis of the suggested analysis.

Keywords: verbal aspect, aspectual pair, imperfective verb, aspectual grammeme, lexical meaning, semantic accent, tense, present, stage directions.

References

- Bondarko A. V. *Vid i Vremia Russkogo Glagola* [Aspect and tense of Russian verb]. Moscow, «Vysshaya shkola» Publ., 1971. (in Russ.)
- Bulygina T. V. Shmeliev A. D. [*Surprises* in Russian picture of the world]. *Πολιτροπον*. Moscow, 1998, pp. 306–324. (in Russ.)
- Koschmieder E. [Outline of the science about Polish verb aspect]. *Voprosy glagolnogo vida* [Problems of verb aspect]. Moscow, 1962, pp. 159–161. (in Russ.)
- Maslov Yu. S. [Aspect and lexical meaning of a verb in modern literary Russian language]. *Izbrannye Trudy* [Selected Writings]. Moscow, «YaSK» Publ., 2004, pp. 71–90. (in Russ.)

Maslov Yu. S. [System of special aspectual meanings and types of oppositions of perfective and imperfective aspects]. *Izbrannye Trudy* [Selected Writings]. Moscow, «YaSK» Publ., 2004, pp. 96–110. (in Russ.)

Paducheva. E. V. *Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vida i vremeni v russkom yazyke; Semantika narrative)* [Researches in semantics: Semantics of aspect and tense in the Russian language; Semantics of narrative]. Moscow, «YaSK» Publ., 1996. (in Russ.)

Uryson E. V. [Maslov's criterion and semantic theory]. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologii sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sb. statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov.* [Proceedings of V international conference of aspectology commission of international Slavist Committee]. Kyoto, Kyoto Sangyo Univ., 2015, pp. 307–313.] (in Russ.)

Uryson E. V. [Aspectual pairs, semantic theory and Maslov criterion.] *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog".* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of international conference "DIALOG" (2016).] Issue 15. Moscow, RHSU, 2016, pp. 704–717. (in Russ.)

Uryson E. V. [Lexical meaning of verbs in aspectual pairs: semantic theory and Maslov criterion]. *Voprosy jazykoznanija*, 2019, no. 3, pp. 45–70. (in Russ.)

Wierzbicka A. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish. *To Honor Roman Jakobson.* The Hague — Paris, Mouton, 1967, pp. 2231–2243.

Zalizniak Anna A., Shmeliev A. D. *Vvedeniye v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. *Zalizniak Anna A., Mikaelian I. L., Shmeliev A. D. Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoj pary* [Russian Aspectology: defending aspectual pair]. Moscow, «YaSK» Publ., 2015. (in Russ.)

И. А. Шаронов

Российский государственный гуманитарный Университет (РГГУ).

(Москва, Россия)

Igor_sharonov@mail.ru

**ВОТ ВЕДЬ и НАДО ЖЕ!
ПУТЬ ОТ КОНСТРУКЦИИ КО ВТОРИЧНОМУ МЕЖДОМЕТИЮ**

Статья посвящена выяснению происхождения вторичных междометий *вот ведь* и *надо же*. Данные междометия предположительно происходят из стандартных синтаксических конструкций, подвергшихся в дискурсе эллиптированию ряда компонентов, передающих конкретную коммуникативную ситуацию. Переход синтаксических конструкций во вторичные междометия происходит в два этапа. На первом этапе конструкции перестраиваются для более обобщенного описания и начинают использоваться в дискурсе в качестве метатекстовых единиц для подготовки собеседника к восприятию необычной информации. Стереотипное использование в данной позиции приводит конструкции к потере нескольких компонентов и их идиоматизации, то есть превращает их в коммуникативные формулы. Данные формулы служат для введения необычной информации и передают отношение к ней говорящего лица. На втором этапе коммуникативные формулы используются в диалоге как реакции субъекта на полученную информацию. В этой позиции конструкция теряет еще некоторые компоненты и служит только для выражения удивления субъекта на воспринятую информацию, то есть превращается из коммуникативной формулы во вторичное междометие.

Ключевые слова: грамматикализация, дискурс, диалог, метатекст, эллипсис, десемантизация, вторичные междометия.

Самостоятельные реплики *Вот ведь* и *Надо же* используются в речи как звуковые эмоциональные симптомы неподготовленности человека к воспринимаемой в данный момент информации. Они относятся ко вторичным междометиям со значением удивления. Иорданская дает следующее толкование глагола *удивиться*: А удивляется В = 'А испытывает «возбужденное» эмоциональное состояние', А или уверен в осуществлении события В или считает, что осуществление В высоковероятно, до t_0 А считал, что осуществление события В маловероятно' [Иорданская 1970, с. 24]. Этологи относят удивление к базовым и универсальным эмоциям,

поскольку симптоматика удивления имеет характерные мимические признаки, отмечаемые во всех исследованных культурах: приоткрытый рот, округленные глаза, приподнятые брови и т. д. [Бутовская 2004]. Такое паралингвистическое сопровождение при самостоятельных репликах *Вот ведь* и *Надо же* вполне обычно.

Непроизвольная эмоциональная реакция удивления выражается главным образом вокальными жестами, неязыковыми звуками: *О-о!*, *Ой!*, *Ба!*, *Вау!*, которые в лингвистике относят к первичным междометиям. Вторичные же междометия построены с помощью стандартных единиц языка при грамматической аморфности и десемантизованности всей конструкции. Кроме двух названных междометий удивление может быть передано целым рядом других вторичных единиц: *О Боже*, *Батюшки*, *Вот так так*, *Вот это да*, *Вот те и на*, *Вот черт*, *Блин* и т. п. Все эти языковые единицы, будучи вторичными, являют собой переход от стандартных языковых употреблений слов и конструкций в междометные. Источники и пути перехода во вторичные междометия не всегда очевидны. Их анализ может позволить уточнить особенности употребления и выбора говорящим той или иной единицы при выражении удивления.

Согласно теории грамматикализации [Lehmann 2004] между высказываниями, имеющими общие компоненты, можно выстроить систему связей с наследованием признаков, представить высказывания как некоторую последовательность формальных и семантических модификаций, идущих от «источника», то есть от наиболее полной и неидеоматизированной формы или конструкции к более идиоматичным и грамматикализированным. Вторичные междометия — это результат грамматикализации языковых форм и конструкций, в процессе которой они получают новый грамматический статус. Грамматикализация переводит семантику языковых форм на более абстрактный уровень [Traugott 1995], позволяя им, в частности, передавать сообщения об эмоциях говорящего лица. Модификации происходят в дискурсивных контекстах — монологических и диалогических, где конструкции способны приобретать прагматические свойства и подвергаться опрошению, сближаясь либо с дискурсивными маркерами (вводными словами, коннекторами, релятивами), либо с грамматически аморфными реактивными репликами (коммуникативами, вторичными междометиями). В последнее время исследователи, занимающиеся междометиями, все чаще начинают интересоваться путями перехода словоформы в междометие. Например, в работе [Gehweiler's 2008] проводится анализ междометия 'gee!' этимологически связанный с 'Jesus'. В работе [Cruz 2017] описываются переход некоторых групп знаменательных слов во вторичные междометия, главным образом за счет расширения их значения. Однако кроме вторичных междометий, построенных на одиночных словоформах, существует большой класс грамматических идиом — вторичных междометий и коммуникативов, построенных на основе сочетаний служебных слов. Такого рода единицы ведут свое происхождение из свободных конструкций и фразеосхем (см. [Шаронов 2008; 2009]).

Настоящая статья посвящена попытке построения последовательности трансформаций, которую претерпевает синтаксически свободная «конструкция-источ-

ник» по пути к вторичному междометию. Переход синтаксических конструкций во вторичные междометия происходит в два этапа. На первом этапе конструкции перестраиваются для более обобщенного описания и начинают использоваться в дискурсе в качестве метатекстовых единиц для подготовки собеседника к восприятию необычной информации. Стереотипное использование в данной позиции приводит конструкции к потере нескольких компонентов и их идиоматизации, то есть превращает их в коммуникативные формулы. Данные формулы служат для введения необычной информации и передают отношение к ней говорящего лица. На втором этапе коммуникативные формулы используются в диалоге как реакции субъекта на полученную информацию. В этой позиции конструкция теряет еще некоторые компоненты и служит только для выражения удивления субъекта на воспринятую информацию, то есть превращается из коммуникативной формулы во вторичное междометие. В качестве примера описания этапов трансформации и его результата рассматриваются междометия *Вот ведь (как)! и Надо же!*

Вот ведь (как)

Гипотетическим источником, обратным концом цепочки модификаций к вторичному междометию *Вот ведь (как)* является стандартная финитная конструкция: *Они ходят / здороваются / спят*. Добавление в такие предложения частиц *вот как* привносит указание (*вот*) на способ совершения действия (*как*): *Вот как они ходят / здороваются / спят* и т. д. Идиоматизированное сочетание частиц *вот ведь как* с фразовым ударением на частицу *вот* и обобщающим глаголом *бывает* приводит к формированию модализованной дискурсивной единицы *вот ведь как бывает (в жизни)*. Данный дискурсив используется говорящим / пишущим лицом, чтобы ввести или завершить им сообщение о необычном или странном событии, поделиться своим удивлением перед непредсказуемостью жизни. Ср.:

*Язычник и огнепоклонник стал набожным православным; мексиканец-добный анархист и панк склоняется к тоталитаризму; внук антифашиста пишет совершенно нацистские песни. **Вот ведь как бывает в жизни, э?** (М. Свириный. Байда: музыка).*

*Удачно получилось у меня с тещей, как говорят — осенило. Потом я её даже полюбил, и она меня, хотя ругались по-прежнему. Умерла она года через два, — я о ней очень жалел, **вот ведь как бывает** (И. Грекова. Хозяйка жизни).*

***Вот ведь как бывает, оказывается.** ЛЮ и Роман Якобсон знали друг друга с далекого детства, дружили еще их матери. (В. Катанян. Прикосновение к идолам).*

Данной дискурсивной единице близка аналогичная конструкция с глаголом *получается*, которая в социальных контекстах часто получает негативную коннотацию, связанную с идеей о несправедливости жизни («комплекс Сальери»).

Вот ведь как получается — люди трудятся, в результате их работы меняется мир. Но чем больше они старались, тем меньше в старости такого дела, к которому они привыкли, которое умели. (С. Гансовский. Млечный путь).

— Ну, голубчик, рассказывай: где, как, когда, почему и откуда? — Родион Иванович дотронулся до локтя Гурова и легонько подтолкнул его к выходу из зала. — **Вот ведь как получается...** Раньше в отряде я бы вас так спросил. А нынче вы командуете (Г. Семак. Снежка — речка чистая).

Регулярность использования в речи обеих дискурсивных конструкций приводит под воздействием принципа экономии усилий к эллипсису глаголов без изменения дискурсивных характеристик этих конструкций.

Вот ведь как бывает/получается; Вот ведь как!

Переводил я очень хорошо, это быстро поняли, — и в итоге образовалась почему-то целая очередь поэтов, <...> жаждущих, чтобы книги их перевел именно я, только я, непременно — я, и никто другой, **вот ведь как** (В. Д. Алейников. Тадзимас).

Геройское участие в защите Отечества не считалось стоящим внимания доводом против обвинения в безродном космополитизме. **Вот ведь как!** (К. Ваниенкин. Писательский клуб).

Дополнительная потеря частицы *как* также не приводит к изменению семантики конструкции, хотя появляется тенденция к дискурсивному ограничению: *Вот ведь* имеет тенденцию к использованию только в инициальной позиции.

— Я вас забинтую, — сказал Вадим Петрович. — Я этому обучился на сборах. **Вот ведь!** Считал дурным делом, а могу вам помочь (Г. Щербакова. Актриса и милиционер).

Я к Веселому — он то же самое: «Не знаю никакого Тихона». Тогда разыскал самого себя. Но и я его не помнил. **Вот ведь!** В четверг Тихона помню, а во вторник — нет. (Е. Прошкин. Механика вечности).

Сопоставление вариантов конструкции позволяет подтвердить тенденцию, отмеченную в свое время Ш. Балли. Автор «Французской стилистики» пишет об обратном пропорциональных отношениях между эмоциональной составляющей и полнотой выражения мысли в предложении. В качестве иллюстрации исследователь приводит ряд возможных высказываний человека при неожиданной встрече — от максимально полного высказывания: «Я удивлен тем, что встретил вас здесь» до междометного выкрика «О!» [Балли 2011: 51]. В рассматриваемом нами случае потеря компонентов конструкции, не приводя к семантическим сдвигам, также усиливает эмоциональную составляющую: удивление, недопонимание говорящим возможности того, о чем он рассказывает. Ср.:

*Вот ведь как бывает в жизни;
Вот ведь как бывает;
Вот ведь как;
Вот ведь.*

В диалогической речи, в реагирующих реакциях говорящего на сообщение собеседника два наиболее кратких варианта конструкции: *Вот ведь как* и *Вот ведь* претерпевают окончательную трансформацию. Они переходят из ранга дискурсива, метатекстовой единицы, передающей отношение говорящего к своему сообщению, в ранг самостоятельной реплики. Конструкция передает удивление, растерянность или легкую досаду, имеет регулярное жестово-мимическое сопровождение: говорящий может слегка склонить голову, покачать ей слева направо, присвистнуть. Происходит переход конструкции во вторичное междометие со значением удивления, растерянности как реакции на сообщения об имевшем место странном, чаще негативно оцениваемом событии.

*Молодая женщина вдруг плачет — рассказывает, что недавно она сбилась с дороги и её изнасиловали. Вовка-стрелок, удивлённый, присвистывает: **вот ведь как!** Посочувствовав, он спрашивает (с любопытством), сколько же их было? (В. Маканин. Кавказский пленный).*

*Мы с братом очень похожи, только я без усов. Он попросил меня подежурить, пока он свою девушку свозит к морю. Это сразу можно было бы заметить — на мне фуражка не в размер. — **Вот ведь как,** — сказал К. М., — а я подумал, это у вас голова в рост пошла. (И. Адамацкий. Утешитель).*

*— А мать его как зовут? Гурский широко раскрыл глаза: — **Вот ведь!** Из головы вон... Маша... Варя... (С. Д. Мстиславский. Грач — птица весенняя).*

Вторичное междометие *Надо же!*

В словаре под редакцией В. В. Морковкина [ССРЯ 1998] есть статья *Надо же*: *Надо же, надо ж, это же надо, это ж надо, междометие, разговорное.*

1.0. Восклицание, которое употребляется для выражения удивления, изумления. *Аня, надо же, успела-таки на поезд. Вы Леонид Павлович Мухин? — Надо же, узнали!*

1.1. *в составе сказуемого.* Употребляется для выражения возмущения или досады. *Зимой ходить без шапки — надо же такое придумать! Надо же мне было именно сегодня забыть записную книжку! Надо же так испачкаться!*

Источником для формирования вторичного междометия предположительно являются конструкции: ‘Х-у надо + инфинитив’ и ‘Надо, чтобы Р’. Центральный компонент конструкции, на который падает фразовое ударение — модальное слово *надо*, связанное с социальной необходимостью и целеполаганием. Природе, как кажется, ничего не надо, надо человеку, обществу. Под *Х-ом* подразумевается лицо, одушевленный субъект.

В настоящем времени конструкция описывает нефактивную пропозицию: *Николаю надо войти; Начальству надо, чтобы мы сдали работу в срок*. В прошедшем времени конструкция может передавать фактивное значение описываемого действия в полемическом контексте, мотивирующем совершение действия. Добавление частицы *же* усиливает мотивацию, акцентируя внимание на *надо* в качестве носителя фразового ударения:

В Париже принудительный выбор был куда уже, да и материальные возможности дающего стали уже не те. Однако **надо же было кому-нибудь давать** и здесь (Д. Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля).

Эти жалобы звучали довольно глупо в письме исключенного гимназиста. <...> Ведь я и месяца еще не прослужил на позициях. **Надо же было мне свалить** на кого-то свою непригодность к новым условиям жизни и вечное ощущение беспричинной грусти (В. П. Катаев. Юношеский роман).

Конструкция ‘X-у же надо было + инфинитив’ имеет субъективно-модальную модификацию с фиксированным порядком слов: ‘(И / Ну) Надо же было X-у + инфинитив’. Агент действия, намеренного или ненамеренного, в модализованной конструкции может быть как одушевленным, так и неодушевленным. Целеполагание, передаваемое словом *надо* метафорически приписывается судьбе, игре случая. Конструкция выражает удивление, а в ряде примеров досаду говорящего по поводу описываемого им события.

Жизнь иногда устраивает также пируэты... **Надо же было Никите Михалкову**, подбирая музыку к титрам в фильме «Пять вечеров», **напасть** в архивах радио именно на эти «Бульвары» (Л. Гурченко. Аплодисменты)

Блин, **надо же было этому розовому свечению так нам подгадить!** (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона).

Конструкция используется в монологическом дискурсе при описании никак не контролируемых совпадений, странных случайностей, вторгающихся в судьбу человека. При замене инфинитива с дательным субъекта обобщенным оборотом со значением события *такому случиться*: ‘(И) Надо же было такому случиться!’ происходит дискурсивная модификация конструкции, переход ее в интродуктивную формулу описания действия, приводящего или связанного с непредвиденной ситуацией, в которую попал герой повествования.

И надо же было такому случиться, что, когда он нажимал на кнопку звонка, появилась Нина Софьяна. (А. Слаповский. Любовь по-нашему).

Стереотипность употребления приводит в действие закон экономии языковых средств. Не меняя своего значения, дискурсивная конструкция теряет значимые компоненты: *было и такому случиться*, дрейфуя в сторону вводных оборотов: *и надо же было такому случиться* → *и надо же такому случиться* → *и надо же*. Ср.:

И надо же было такому случиться, что, когда он нажимал на кнопку звонка, появилась Нина Софьяна. (А. Славовский. *Любовь по-нашему*).

И надо же такому случиться — за несколько мгновений до того Лена хладнокровно пригнула голову, как если бы знала наперед о грозящей опасности. (Д. Емец. *Таня Гроттер и колодец Посейдона*).

И надо же — плохое настроение само собой куда-то улетучилось! (Т. Рик. *Лекарство от плохого настроения*).

В диалогических контекстах конструкция *И надо же* претерпевает окончательную трансформацию. Она используется в качестве самостоятельной ответной реплики, вторичного междометия, выражающего оценку воспринятого как неожиданного, вызывающего сильное удивление, чаще связанную с положительными коннотациями, которые могут определять предпочтение данного междометия его близкому синониму *Вот ведь как*.

Конструкция «обрастает экспрессивными частицами и возможностью инверсии компонентов, в результате чего получается набор синонимичных вариантов:

Надо же!; Ну надо же!; Это надо же!; Это ж(е) надо!.

— *Это стоматолог из поликлиники, — прошептала я ему. — Они со Струминым вместе учились. — Ну надо же, как тесен мир! — поразился Лешка.* (Е. Топильская. *Помни о смерти (memento mori)*).

— *Они зеленые? — насторожилась Ольга. Я кивнула. — Надо же! — восхитилась она. — А пару секунд назад были терракотовые.* (Д. Донцова. *Доллары царя Гороха*);

Тетка Наталья, накинув ей под утро на плечи платок, отошла на два шага в сторону, оценила свою работу и даже как будто слегка всплакнула. — Ну, надо же, Нюра... Какая красавица... (А. Геласимов. *Степные боги*).

Два рассмотренных междометия: *Вот ведь как* и *Надо же* относятся к группе удивления и в принципе могут быть взаимозаменяемы. Однако «коннотативный шлейф» позволяет несколько развести эти единицы для рекомендации по их использованию в речи. Если для первой из них более характерны контексты негативного характера, то для второй — положительные. Жестово-мимическое сопровождение *Надо же* несколько отличается от эмоции удивления, передаваемой через *Вот ведь как*. Произнося *Надо же!* говорящий может чуть приподнять голову, широко раскрыть глаза, улыбнуться. При жестово-мимическом сопровождении междометия *Вот ведь как* улыбка не представляется возможной.

Литература

Балли Ш. Французская стилистика. М., 2011.

Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура. М., 2004.

Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970. С. 3–26.

ССРЯ 1997 — Словарь структурных слов русского языка. Под. ред. В. В. Морковкина. 1997.

Шаронов И. А. О скрытых признаках производных междометий // Скрытые смыслы в языке и коммуникации. М., 2008. С. 223–237.

Шаронов И. А. Коммуникативы и методы их описания // Материалы международной конференции Диалог 2009, вып. 8 (15). М., 2009. С. 543–548

Cruz M. P. Applications of Relevance Theory: From Discourse to Morphemes. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 299–326.

Gehweiler E. From proper name to primary interjection. The case of *gee!* // Journal of Historical Pragmatics 9, no. 1, 2008. P. 71–93.

Lehmann C. Theory and method in grammaticalization / Zeitschrift für germanistische Linguistik, 32 (22), 2004. P. 152–187.

Traugott E. C. Subjectification in grammaticalisation // Subjectivity and subjectivisation. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Igor A. Sharonov

Russian State University for the Humanities (RSUH)

(Moscow, Russia)

igor_sharonov@mail.ru

VOT VED' AND NADO ZHE! THE TRANSITION PATH FROM SYNTACTIC CONSTRUCTION TO SECONDARY INTERJECTION

The object of the article is the elucidation of the origins of secondary interjections. These interjections presumably originate from standard syntactic constructions that have been subjected in discourse to the elliptization of a number of components that convey a specific communicative situation. The transition of syntactic constructions to secondary interjections occurs in two stages. In the first stage, constructions are reconstructed for the purposes of more generalized description and begin to be used in discourse as metatextual units to prepare the interlocutor for the perception of unusual information. Stereotypical use in this position leads the construction to lose several components and to these being idiomatized, that is, they turn into communicative formulas. These formulas serve to introduce unusual information and convey the attitude of the speaker to the same. At the second stage, communicative formulas are used in dialogue as a reaction of the interlocutor to the received information. In this position, the construction loses some further components and serves only to express the surprise of the subject at the perceived information — that is, it is transformed from a communicative formula into a secondary interjection.

Keywords: grammaticalization, discourse, dialogue, metatext, ellipsis, desemantization, secondary interjections.

References

- Balli S.H. *Francuzskaya stilistika* [French Stylistics]. Moscow, 2011. (In Russ.).
- Butovskaya M.L. *Yazyk tela: priroda i kul'tura* [Body Language. Nature and Culture]. Moscow, 2004. (In Russ.).
- Cruz M.P. *Applications of Relevance Theory: From Discourse to Morphemes*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017, p. 299–326.
- Gehweiler E. From proper name to primary interjection. The case of *gee!* *Journal of Historical Pragmatics* 9, no. 1, 2008, p. 71–93.
- Iordanskaya L.N. Popytka leksikograficheskogo tolkovaniya gruppy russkih slov so znacheniem chuvstva [The attempt of Russian emotion words group lexicographic description]. *Mashinnyj perevod i prikladnaya lingvistika*, vyp. 13, Moscow, 1970, pp. 3–26. (In Russ.).
- Lehmann C. Theory and method in grammaticalization. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, no. 32 (22), 2004, p. 152–187.
- Slovar' strukturnyh slov russkogo yazyka*. [Russian language dictionary of structural words] V. V. Morkovkin (ed). Moscow. 1997. (In Russ.).
- Sharonov I.A. O skrytyh priznakah proizvodnyh mezhdometiy [About hidden characteristics of secondary interjections]. *Skrytye smysly v yazyke i kommunikacii*. Moscow, 2008, pp. 223–237. (In Russ.).
- Sharonov I.A. Kommunikativy i metody ih opisaniya. *Materialy mezhdunarodnoj konferencii Dialog 2009*, vyp. 8 (15). Moscow, 2009, pp. 543–548. (In Russ.).
- Traugott E.C. Subjectification in grammaticalisation. *Subjectivity and subjectivisation*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995.

А. Д. Шмелев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

shmelev.alexei@gmail.com

КОГДА И КАК МОЖНО ИСПРАВЛЯТЬ ОШИБКИ В ГРАММАТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ?*

Ошибки и противоречия в существующих грамматических описаниях разнообразны, и в зависимости от того, с каким типом ошибки мы имеем дело, можно предложить разные способы их исправления. В некоторых случаях речь идет об очевидном недосмотре авторов описания, когда исправление ошибки не связано ни с каким новым лингвистическим знанием. Такие ошибки легко могут быть исправлены; они не представляют особого интереса. С противоположной ситуацией мы имеем дело, когда неточность в грамматическом описании вызвана тем, что какие-то языковые факты не попали в поле зрения автора. Здесь ошибку можно исправить, лишь обнаружив языковой факт, ускользнувший от внимания грамматистов. В некоторых случаях мы сталкиваемся с несогласованностью разных фрагментов описания. Здесь сделать описание последовательным обычно бывает можно разными способами, но в любом случае придется отказаться от одного из противоречащих друг другу утверждений. От случаев такого рода отличаются случаи, когда описание недостаточно эксплицитно, так что при помощи специальных разъяснений можно сделать его формально верным, хотя, возможно, не оптимальным. Впрочем, важно учитывать все импликации таких разъяснений: часто они влекут за собою существенное увеличение громоздкости каких-то других фрагментов грамматического описания. Кроме того, есть еще целый ряд случаев, когда попытка посредством разъяснений сохранить имеющееся описание (которое не учитывало взаимодействия разных областей грамматики), приводит к крайней неестественности грамматических правил.

Ключевые слова: Грамматическое описание, грамматическое правило, неточность в описании, русский язык, местоимения, числительные, притяжательные прилагательные, фамилии.

* В данной статье, среди прочего, исправляются неточности и уточняются формулировки, содержащиеся в некоторых моих предшествующих публикациях. Окончательный вариант статьи написан при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18–012–00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка»).

Как известно, грамматические описания одного и того же языка и даже одного и того же языкового явления бывают весьма разнообразны, и многое в них зависит от теоретических установок их авторов. Однако, независимо от того, насколько мы согласны с общими установками, положенными в основу грамматического описания, мы можем с полным доверием опираться на его результаты, только если убедимся, что это описание не содержит логических противоречий и соответствует языковым фактам.

Ошибки и противоречия в существующих грамматических описаниях тоже довольно разнообразны, и в зависимости от того, с каким типом ошибки мы имеем дело, можно предложить разные способы их исправления.

В некоторых случаях речь идет об очевидном недосмотре авторов описания, когда исправление ошибки не связано ни с каким новым лингвистическим знанием (как, напр., утверждение «Грамматики-1970», будто у существительных с основой на [г], [к], [х] формы именительного падежа множественного числа всегда образуются от основ на мягкие согласные [г'], [к'], [х']). Говорилось буквально следующее: «Существительные 1-го субстантивного склонения, основы которых оканчиваются на твердые [г], [к], [х, помимо названных форм, образуют от основы на мягкие [г'], [к'], [х'] также и формы именит. (винит.) пад. мн. ч.; например: *пирог*, *окошки*, *мухи*» [Плотникова 1970: 386]. Ясно, что автор этого описания просто забыл о таких формах, как *рога*, *окорока*, *меха*, где никакого смягчения основы не происходит. Нелепо было бы на основании этого описания говорить, что «Грамматика-1970» предписывает употреблять формы «рогя», «окорокя», «мехя» со смягчением основы (и считает именно эти формы «правильными»). Такие ошибки легко могут быть исправлены; они не представляют особого интереса.

С противоположной ситуацией мы имеем дело, когда неточность в грамматическом описании вызвана тем, что какие-то языковые факты не попали в поле зрения автора. В таких случаях ошибку можно исправить, лишь обнаружив языковой факт, ускользнувший от внимания грамматистов. При этом чрезвычайно важно быть предельно внимательными к описываемым языковым фактам, иначе, исправляя действительные или мнимые обнаруженные ошибки, можно легко сделать новые ошибки. Проиллюстрируем сказанное на ряде примеров.

В «Грамматике-1953» говорится (автор соответствующего раздела — А. Б. Шапиро), что местоимения *несколько*, *сколько* и *столько* обнаруживают полную аналогию с числительными». При этом отмечается: «Неопределенно-количественные числительные, за исключением *несколько*, могут сочетаться не только с названиями предметов, поддающихся счету, но и с существительными вещественными и отвлеченными, напр.: *сколько муки*, *сколько сахару*, *сколько радости...*» По этому поводу мы написали (в сборнике в честь П. Гарда), что в «Грамматике-1953» не учитывается «тот факт, что подобные сочетания возможны только в именительном и винительном падеже» [Булыгина, Шмелев 1992: 432], Там же мы обратили внимание на формулировку П. Гарда: «*Les numéraux non chiffrés peuvent aussi avoir complément au génitif singulier, s'il s'agit de choses qui ne se comptent pas... Mais les syntagmes de ce genre ne peuvent s'employer qu'au nominatif et à l'accusatif*» [Garde

1980 : 241]. В связи с ней мы написали, что П. Гард «делает общее утверждение о способности неопределенно-количественных существительных в именительном и винительном падеже сочетаться с обозначениями неисчисляемых существительных (в родительном падеже единственного числа), никак не различая *сколько* и *столько*, способные к такому употреблению, и *несколько*, сочетающееся только с обозначениями дискретных множеств» [Булыгина, Шмелев 1992: 432]. Однако, как будет видно из дальнейшего: сочетания слов *сколько* и *столько* с вещественными и отвлеченными существительными возможны не только в именительном и винительном падеже, но и в других косвенных падежах.

Здесь уместно заметить, что до самого последнего времени грамматики игнорировали формы ед. ч. слов *столько* и *сколько*¹. Так, во вступительной статье к первому изданию «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка парадигма словоизменения этих слов была описана следующим образом: «Числительные **ско́лько, не́сколько, сто́лько, мно́го, немно́го** склоняются по следующему единственному образцу: И. *ско́лько*, Р., П. *ско́льких*, Д. *ско́льким*, Т. *ско́лькими*, В. неод. *ско́лько* (ср.: *ско́лько кораблѐй вы́ видите?*), В. одуш. *ско́льких* || *ско́лько* (т. е. возможно, например: *ско́льких гостѐй вы́ пригласили?* и *ско́лько гостѐй вы́ пригласи́ли?*)» [Зализняк 1977]. Словарные статьи указанных числительных в «Грамматическом словаре» соответствовали приведенному описанию, а прочие описания русского словоизменения давали ту же картину, только в большинстве случаев менее эксплицитно и корректно.

Однако несложный мысленный эксперимент показывает, что *столько* изменяется по числам и в единственном числе имеет полный набор падежных форм (*столького не хватает; столькому научился; я ему стольком обязан; о стольком надо поговорить* и т. д.). Соответствующие формы нередко встречаются в текстах на русском языке.

Эта лакуна в грамматических описаниях русского языка была отмечена в нашей статье [Булыгина, Шмелев 2000], а незадолго до ее публикации я рассказал об этом А. А. Зализняку. В настоящее время ситуация отчасти изменилась к лучшему: в новое издание «Грамматического словаря» [Зализняк 2003] была внесена уточненная информация относительно парадигм словоизменения слова *столько*. К общему описанию склонения числительных **ско́лько, не́сколько, сто́лько, мно́го, немно́го** во вступительной статье к словарю было добавлено замечание: «Отметим, что **сто́лько** может выступать также как местоимение со значением «столь многое» и тогда склоняется с окончаниями единственного числа: *я́ сто́льким Вам обяза́н, о сто́льком перегово́рили* и т. п.» [Зализняк 2003: 68]; соответственно модифицирована и словарная статья в словаре.

До сих пор большинство грамматических справочников (в том числе лучших, напр. [Еськова 2015]), по-прежнему не учитывает возможности склонения

¹ В нескольких последующих абзацах кратко пересказываются и одновременно уточняются некоторые положения моей статьи в электронном сборнике, посвященном 80-летию А. А. Зализняка.

с окончаниями единственного числа для слова *столько*. Но и в «Грамматическом словаре» уточнение не было доведено до конца: в нем (в частности, и в издании [Зализняк 2008]) пока недостает информации о возможности употреблять с окончаниями единственного числа не только слово *столько*, но и слово *сколько*.

Между тем такой же мысленный эксперимент показывает, что возможностью употреблять с окончаниями единственного числа обладает и местоимение *сколько* в «восклицательном» значении (*Скольким я ему обязан!* и т.д.), и, кстати, соответствующие формы также нередко встречаются в текстах (напр., *А сколького я еще не рассказала!* [Марина Цветаева]). В то же время необходимо подчеркнуть, что для неопределенного местоимения *несколько* склонение с окончаниями единственного числа невозможно, поэтому в «уточнении» важно не зайти слишком далеко, не попасть в плен аналогии и не приписать способность изменяться по числам слову *несколько*.

Можно заметить также, что из описания слова *столько* в словаре [Зализняк 2003; 2008] может создаться впечатление, что в присубстантивном употреблении оно склоняется с окончаниями множественного числа, а в абсолютном употреблении (без указания предмета) — с окончаниями единственного числа. Это не совсем так.

Во-первых, в абсолютном употреблении возможно не только единственное, но и множественное число, и поэтому неточны указания, которые даются в словаре в отношении обоих слов: «косв. формы употребляются только с названиями предметов...». Соответствующий пример приводился еще в словаре В. И. Даля: *Стольких перехватили, что беда!* — и давалось пояснение: «столько людей». При этом семантическое различие между абсолютными употреблениями единственного и множественного числа вполне прозрачно и системно, оно полностью аналогично различию между абсолютными *всё* и *все* или *многое* и *многие*. Единица с характеристиками единственного числа представляет собою обобщенное обозначение «вещей» или явлений, тогда как единица с характеристиками множественного числа, указывает на людей [Булыгина, Шмелев 2000: 293].

Во-вторых, слова *столько* и *сколько* могут склоняться с окончаниями единственного числа не только в абсолютном, но и в присубстантивном употреблении. Случаи такого рода относительно немногочисленны, но и не являются чем-то исключительным (впрочем, как кажется, ограничиваются средним и — реже — мужским родом)²:

- ...этой-то женщине, так величаво сидящей на ее диване, окруженной *стольким богатством*, такую изящную роскошь, говорят, что ее побьют. [Надежда Дурова]
- ...зачем оставить это дело, *стольким трудом* приобретенное?.. [Николай Гоголь]
- Сколько можешь сделать добра. *Сколькому* злу помешать... [Константин Станюкович]

² Часть примеров извлечена из «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ). Они приводятся в том виде, в каком содержатся в Корпусе.

- Ни один край прежней царской России (...) не был облеплен *стольким количеством* глупейших резолюций и высказываний, как заполярный Мурман. [Константин Паустовский]
- после *столького пережитого* [Евгений Евтушенко]
- Ты, *стольким покаяньем*, раскаяньем и мукой искупивший свои грехи! [Владлен Давыдов (2004)]

Таким образом, мы видим, что мнимое «упущение» А. Б. Шапиро в «Грамматике-1953» на проверку оказывается лишь недостаточно эксплицитным описанием соответствующего фрагмента языковой системы, тогда как описание П. Гарда отклоняется от языковых фактов в том отношении, что сочетания слов *сколько* и *столько* с вещественными и отвлеченными существительными возможны не только в именительном и винительном падеже, но и в других косвенных падежах. С другой стороны, когда мы писали, что из неопределенно-количественных числительных в именительном и винительном падеже только *сколько* и *столько* способны сочетаться с обозначениями неисчисляемых существительных, в то время как *несколько* в норме сочетается только с обозначениями дискретных множеств, мы тоже были не совсем правы. Употребление слова *несколько* в единственном числе все же возможно (в основном в сочетании с существительным *время*). Примеры, когда *несколько* стоит в именительном или винительном падеже, встречаются не так уж редко (легко обнаруживаются тысячи примеров), напр.:

- Через *несколько времени* он вернулся в Москву... [Владислав Ходасевич]
- Прошло *несколько времени*... [Василий Гроссман]
- *Несколько времени* она всматривалась во что-то вдали. [Борис Хазанов]

Примеры с творительным и предложным падежами намного более редки; хотя они тоже обнаруживаются, но находятся на грани современной нормы: *располагал несколькими временем, несколькими временем позже*. Примеры с дательным и предложным падежами, как и примеры с другими существительными практически не встречаются.

Встает вопрос, как отразить эти факты в грамматическом описании. Самое простое решение могло бы состоять в том, чтобы приписать местоимениям *столько* и *сколько* (но не *несколько*!) в присубстантивном употреблении способность изменяться по числам. Что касается до абсолютного употребления, формальное числовое различие соответствует содержательному противопоставлению «вещей» и людей; не так уж важно, считать ли это различие словоизменительным или классифицирующим. Что же касается до слова *несколько*, то можно было бы указать, что оно способно сочетаться не только с существительными во множественном числе, но и с существительным *время*, но только в именительном и винительном падежах (разумеется слово *время* при этом стоит в родительном падеже, или, если угодно, в счетной форме), тогда как чрезвычайно редкие и, возможно, ненормативные примеры сочетания *нескольким временем* целесообразно игнорировать.

Можно добавить, что есть и другие формы от рассматриваемых основ, употребительные в современном языке, но также не предусмотренные словарями

и грамматическими справочниками. Слово *сколько* в сочетании с предлогом в современной разговорной речи активно используется в значении ‘который час’ (заметьте, что аналогичного значения нет у слов *столько* и *несколько*). Первоначально использовались конструкции со словом *час*, как в следующих примерах из романа «Что делать?» Николая Чернышевского:

- *Во сколько часов* вы будете у нее?
- Это значит, ты *во сколько же часов* уснула?

Ср. также:

- *Во сколько же вы часов* трапезуете, отче? [В. И. Немирович-Данченко. Святые горы (1880)]

Однако эти конструкции издавна встречались и без слова *час*, напр.:

- Если хотите, приходите, и мы почитаем вместе. — *Во сколько?* [Иван Бунин]
- *Во сколько* едешь? — В десять тридцать. [Серафимович А. С. (Попов А. С.). Что я видел (1929–1930)]
- Капитан взглянул на часы: — *Во сколько* у нас встреча с Солнечкой, помнишь? [Сергей Розанов. Приключения Травки (1938)]
- *Во сколько* у нас стрельба? — В 6:30. [Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1932–1942)]
- *Во сколько* встаешь? — Обычно в 2–3. [Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1932–1942)]
- ...*во сколько* мы пойдем на стрельбище? [Тихий Дон]
- Скажите, пожалуйста, *во сколько* завтра начнут пускать посетителей? [Владимир Дудинцев]
- Мама встает в семь часов и тратит на одевание десять минут. Зато папа чистит зубы пять минут. Бабушка ходит в магазин столько, сколько мама одевается плюс папа чистит зубы. А дедушка читает газеты, сколько бабушка ходит в магазин минус *во сколько* встает мама. [Виктор Драгунский]
- *Во сколько же* ты легла? [Руслан Киреев. Мать и дочь (1964)]
- Так *во сколько* вас завтра разбудить по телефону? [Юрий Домбровский]

По-видимому, эти формы следует считать принадлежащими не просторечию, а разговорной речи. С грамматической точки зрения существенно, что при склонении слова *сколько* в рассматриваемом значении ударение переходит на окончание (*со сколько́их* и *до сколько́их*). Вообще говоря, ударение на окончании в формах слова *сколько* считается просторечным; в новейшем «Орфоэпическом словаре» [Еськова 2015] оно характеризуется как «неправильное», что является более решительным запретом, нежели просто «не рекомендуемое». Однако произношение формы *сколькоих* в рассматриваемом значении с ударением на основе было бы неестественно и воспринималось бы как речь иностранца, не вполне овладевшего закономерностями русской разговорной речи. Поэтому для данного значения следует считать

нормативным именно ударение на окончании. Кроме того, в устной речи широко используются формы *со сколькí* и *до сколькí*, как правило, также игнорируемые нормативными словарями; правда, здесь есть основания пока еще считать использование этих форм не вполне отвечающим литературной норме.

Приведу еще один пример неточности в формулировке грамматического правила, связанной с тем, что не были учтены некоторые языковые факты. В статье о русских «притяжательных прилагательных» мы писали: «словосочетание *слова папы* неоднозначно: оно может пониматься — в соответствии с двумя значениями слова *папа* — как ‘слова отца’ или как ‘слова папы римского’. Но сочетание *папины слова* однозначно понимается как ‘слова отца’» [Копчевская, Шмелев 1994: 218–219]. Мы связывали это с требованием «фамильярности»: посессивы рассматриваемого типа могут быть образованы только от неформальных номинаций лица, а поскольку *папа (Римский)* к неформальным номинациям не относится, посессив на *-ин* от него не может быть образован. (Эта формулировка с незначительными изменениями была повторена мною и в более поздней статье [Шмелев 2008: 930].)

Сейчас мне кажется удивительным, что в момент написания цитированной статьи мы не вспомнили хорошо известное нам стихотворение Алексея Толстого «Бунт в Ватикане», в котором в первой же строфе говорится:

- Взбунтовались кастраты,
Входят в *папины* палаты...

Посессив *папины* образован как раз от существительного *папа (Римский)*. Тем самым становится очевидным, что наша формулировка должна была бы быть менее категоричной. (Впрочем, следует иметь в виду, что шутивное стихотворение Алексея Толстого может предполагать фамильярное отношение к *папе Римскому*.)

С иной ситуацией мы сталкиваемся, когда имеем дело с несогласованностью разных фрагментов описания, напр. когда одновременно утверждается, что наречия не имеют форм словоизменения и что наречия на *-о* имеют сравнительную степень в качестве формы словоизменения. Факты прекрасно известны авторам такого описания, но очевидно, что они не позаботились о том, чтобы оно было непротиворечивым. Здесь сделать описание последовательным обычно бывает можно разными способами, но в любом случае придется отказаться от одного из противоречащих друг другу утверждений.

От случаев такого рода отличаются случаи, когда описание недостаточно эксплицитно, так что при помощи специальных разъяснений можно сделать его формально верным, хотя, возможно, не оптимальным. Так, обычно считается, что род для имен существительных — словоклассифицирующая категория и что фамилии относятся к существительным. Этому явно противоречит представление, согласно которому при заключении брака можно «взять фамилию мужа» и фамилия берется в особой, женской форме, не совпадающей с мужской, и при этом женская форма не считается «другой» фамилией. Формальный выход из этого противоречия мог бы состоять в том, чтобы выделить фамилии в особый подкласс существительных, для которого происходит изменение по родам (но при этом категория рода имеет

лишь два значения: мужской и женский род: средний род для фамилий невозможен). В этот же класс, вероятно, можно включить существительные, образованные путем субстантивации прилагательных (такие, как *больной, вожатый, русский*). Другое решение могло бы состоять в том, чтобы объявить мужские и женские фамилии разными словами, связанными словообразовательными отношениями (напр. словообразованием «по конверсии»).

Впрочем, важно учитывать все импликации таких разъяснений: часто они влекут за собою существенное увеличение громоздкости каких-то других фрагментов грамматического описания. Это касается, в частности, ряда случаев супплетивизма (выбор между словоформами *лет* и *годов* в качестве формы род. мн. слова *год*, распределение основ *люди-* и *человек-* в качестве основ форм мн. числа слова *человек* и др.; подробнее см. [Шмелев 2012]). Кроме того, есть еще целый ряд случаев, когда попытка посредством разъяснений сохранить имеющееся описание (которое не учитывало взаимодействия разных областей грамматики), приводит к крайней неестественности грамматических правил.

Литература

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Механизмы квантификации в естественном языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М.: Наука, 1988. С. 5–18.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Семантические и морфологические особенности местоимений: структура парадигм // *Linguistique et slavistique. Mélanges offerts à Paul Garde*. Paris: Université de Provence ; Institut d'études slaves, 1992. Т. 1. Р. 425–436.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Числительные в русском языке; лексикографические лакуны // Слово в тексте и в словаре. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 289–306.

Еськова Н. А., Борунова С. И., Воронцова В. Л. Орфоэпический словарь русского языка. М.: АСТ, 2015. 1008 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1977. 880 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русские словари, 2003. 800 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 800 с.

Копчевская-Тамм М., Шмелев А. Алешина с Машей статья (о некоторых свойствах русских «притяжательных прилагательных») // *Scando-Slavica*, 1994, Т. 40. Р. 209–228.

Плотникова В. А. Склонение имен // Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. С. 369–398.

Шапиро А. Б. Имя числительное // Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. С. 368–386.

Шмелев А. Д. Сколько форм словоизменения у слов типа *сколько*? 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Shmelev.pdf> (дата обращения: 23.07.2019).

Шмелев А. Д. Поссесивы в русской грамматике // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 927–942.

Шмелев А. Д. Супплетивизм или синонимия? // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., 2012. С. 573–576.

Шмелев А. Д. Числительные и числовые конструкции в русском языке; лакуны в словарях и грамматических описаниях // Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 57–67.

Bulygina T. V., Shmelev A. D. Quantifiers in the Dictionary // EURALEX'90: Proceedings of the IV International Congress. Malaga, 1990. P. 257–263.

Garde P. Grammaire russe. Paris: Institut d'études slaves, 1980. Vol. 1. 486 p.

Alexey D. Shmelev

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

shmelev.alexei@gmail.com

INACCURATE GRAMMATICAL DESCRIPTIONS: CAN ONE CORRECT THEM?

This paper studies various types of inaccuracies in the existing descriptions of the Russian grammar. These inaccuracies derive from different sources. In some cases, we deal with an oversight in the description, and a correction of the inaccuracy does not generate new linguistic knowledge. Such inaccuracies are of little interest. We deal with the contrary situation if the inaccuracy in the grammatical description stems from the fact that some phenomena have not come into the view of the grammarian. Here, one can correct the inaccuracy only if the linguist uncovers the phenomenon that other grammarians have overlooked. In other cases, we come up against the inconsistency between different parts of the description. Here, there may be various ways to make the description consistent, but in any case, we must abandon some of the contradictory statements. One should distinguish such cases from the cases when the description is not explicit enough, and one might make it technically correct (perhaps not the best one though) by means of special clarifications. It is important to keep in mind the consequences of such clarifications: every so often they result in an increasingly large and overly complex grammatical description (or some of its parts). Moreover, in some cases, an attempt to save the existing description by means of clarification causes the grammatical rules to be unnatural.

Keywords: grammatical description, grammatical rule, inaccurate descriptions, Russian language, pronouns, numerals, possessive adjectives, family names.

References

Bulygina T. V., Shmelev A. D. [Natural linguistic mechanisms of quantification and parameters of quantitative assessment]. *Referentsiya i problemy tekstoobrazovaniya* [Reference and problems of text formation]. Moscow, 1988, pp. 5–18. (In Russ.)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. Quantifiers in the Dictionary. *EURALEX'90: Proceedings of the IV International Congress*. Malaga, 1990, pp. 257–263.

Bulygina T. V., Shmelev A. D. [Semantic and morphological peculiarities of pronouns: the structure of paradigms]. *Linguistique et slavistique. Mélanges offerts à Paul Garde* [Linguistics and Slavic studies. Miscellanea to honor Paul Garde]. Paris, 1992, vol. 1, pp. 425–436. (In Russ.)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. [Numerals in Russian]. *Slovo v tekste i v slovare: Sb. st. k 70-letiyu akad. Yu. D. Apresyana* [Word in text and dictionary: a Festschrift to commemorate the 70th anniversary of acad. Yu. D. Apresjan]. Moscow, 2000, pp. 289–306. (In Russ.)

Es'kova N. A., Borunova S. I., Vorontsova V. L. *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka* [Orthoepic Dictionary of Russian]. Moscow, AST Publ., 2015. 1008 p. (In Russ.)

Garde P. *Grammaire russe* [Russian Grammar]. Paris, Institut d'études slaves, 1980, vol. 1. 486 p. (in French)

Kopchevskaya-Tamm M., Shmelev A. [Properties of the so-called Russian “possessive adjectives”]. *Scando-Slavica*, 1994, vol. 40, pp. 209–228. (In Russ.)

Plotnikova V. A. [Nominal inflection] *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Standard Modern Russian Grammar]. Moscow, 1970, pp. 369–398. (In Russ.)

Shapiro A. B. [Numeral]. *Grammatika russkogo yazyka* [Russian Grammar]. Moscow, 1953, vol. 1, pp. 368–386. (In Russ.)

Shmelev A. D. [Possessive Forms in Russian Grammar]. *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statei v chest' E. V. Paduchevoi* [Dynamic Models: Word. Sentence. Text. A Collection of Articles in Honor of E. V. Paducheva]. Moscow, 2008, p. 927–942. (In Russ.)

Shmelev A. D. [Suppletion or synonymy?]. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety. Sbornik statei v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka* [Meanings, Texts, and Other Exciting Things. A Festschrift to Commemorate the 80th Anniversary of Professor Igor Alexandrovič Mel'čuk]. Moscow, 2012, pp. 573–576.

Shmelev A. D. [Numerals and numeral constructions in Russian: gaps in dictionaries and grammatical descriptions]. *Logicheskii analiz yazyka: Chislovoi kod v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Logical Analysis of Language: Numeric Code in Various Languages and Cultures]. Moscow, 2014, p. 57–67. (In Russ.)

Shmelev A. D. Shmelev A. D. Skol'ko form slovoizmeneniya u slov tipa skol'ko? [Russian pronominal numerals: how many inflectional forms do they have?] 2005. Available at: <https://inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Shmelev.pdf> (accessed 23.07.2019). (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical Dictionary of Russian: Inflection]. Moscow, «Russkii Yazyk» Publ., 1977. 880 p. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical Dictionary of Russian: Inflection]. Moscow, «Russkie slovari» Publ., 2003. 800 p. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical Dictionary of Russian: Inflection]. Moscow, «AST-PRESS KNIGA» Publ., 2008. 800 p. (In Russ.)

Научный журнал

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

№ 4. 2019

Грамматические процессы и системы в синхронии
Памяти Андрея Анатольевича Зализняка

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 30.07.2020. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 28. Заказ № 1984
Тираж 300 экз.

Адрес редакции: г. Москва, 119019, Волхонка 18/2

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86